Х О Л О К О С Т
(Ш О А)

УБИЙСТВО ЕВРЕЕВ В 1933-1945 гг.

Документы, свидетельства, литература

АНТОЛОГИЯ

Том 1. УНИЧТОЖЕНИЕ

Составитель и редактор

Анатолий КАРДАШ
(АБ МИШЕ)

Издатель

Иосиф БЕГУН

Научные консультанты

д-р **Ицхак АРАД** (Яд ва-Шем)

д-р **Леон ВОЛОВИЧ** и д-р **Людмила ДЫМЕРСКАЯ-ЦИГЕЛЬМАН**

(Еврейский университет в Иерусалиме)

О Г Л А В Л Е Н И Е

К читателям..... 7

Предисловие. ЕВРОПЕЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ШОА 9

1.1. Шоа глазами историков.....31

1.1.1. И. БАУЕР. ПРОШЛОЕ, КОТОРОЕ НЕ УЙДЕТ ПРОЧЬ..... ..31
1.1.2. Я. ТАЛЬМОН. ИСТОКИ КАТАСТРОФЫ И ВОЗРОЖДЕНИЯ.....40

1.2. «Окончательное решение».....60
Организация и выполнение
1.2.1. АБ МИШЕ. Из книги «**Посреди войны. Посвящения**».....60
1.2.2. И.К. ФЕСТ. Из книги «**Гитлер. Биография**».....77

1.3. Начало Шоа (Германия).....80
Лишение евреев гражданских прав
1.3.1. *Из* **Программы НСДРП - Национал-социалистической рабочей партии Германии**..... 80
1.3.2 Указ от 11 апреля 1933 г. (*дополнение к* **Закону от 7 апреля 1933 г**.*, запрещающему общественную деятельность неарийцам*)..... 81
1.3.3. *Из речи* **Гитлера в Рейхстаге 15 сентября 1935 г.** *при принятии Нюрнбергских законов*..... 82
Нюрнбергские законы (15 сентября 1935 г.)
1.3.4 Закон о защите германской крови и чести..... 83
Закон об имперском гражданстве.....83
1.3.5 Указ о гражданстве в Рейхе от 14 ноября 1935 г. (*на основании* **Закона об имперском гражданстве)**.....84
1.3.6 *Из* **Отчёта Гестапо** *(сентябрь 1935 г.) о реакции населения Германии на Нюрнбергские законы*.....84
Антиеврейский бойкот 1 апреля 1933 г.
1.3.7 Указания членам НСДРП *[национал-социалистической партии] по организации бойкота*..... 85
1.3.8 *Из дневника* **Геббельса.....** 88
Реакция евреев Германии
1.3.9 Л. ФЕЙХТВАНГЕР. Из романа «**Семья Опперман**».....89
1.3.10 Обращение общенемецкой организации ортодоксальных религиозных общин к канцлеру Германии.....101
1.3.11 Прошение Общегерманского Союза евреев-ветеранов.....105

«Хрустальная ночь" и принуждение к эмиграции

1.3.12 «**Акция против евреев**» (*предварительный секретный отчёт тайной политической полиции и СД председателю правительства Г. Герингу*).....106

1.3.13 «Операция против евреев 9-10 ноября 1938 г.» (*из отчёта Службы безопасности за 1938 г.*) 106

1.3.14 Указ об исключении евреев из германской экономики.....107

1.3.15 Распоряжение рейхсминистра по делам науки, образования и культуры *от 16 ноября 1938 г*.....108

Мытарства евреев-беженцев

1.3.16 Г. ГАБЕ. *Из романа* «Миссия».....108

1.3.17 *Из газеты* «**Нью-Йорк Таймс»,** 07.06.1939 *и 08.06.1939*…… ……112

1.3.18 А. ГИТЛЕР. Выступление в Рейхстаге 30.01.1939…….. .. .114

Принятие окончательного решения

1.3.19 *Из показаний свидетеля* **Д. Вислицени** *на Нюрнбергском процессе 1946 г.*…… 115

1.4. Подготовка к истреблению …….120

Планирование нацистами гетто и массовых убийств.

1.4.1. Директивные указания полиции безопасности по решению «еврейского вопроса» на оккупированных территориях *(телеграмма от 21.09.1939 г)*……120

1.4.2 Приказ Г. Геринга *от 31.07. 1941 г.* …… 124

1.4.3 *Из* **Протокола конференции в Ванзее…….** 125

Соблюдение секретности

1.4.4 Приказ Гейдриха *от 16.04.1942*…… 131

1.4.5 Распоряжение штаба Гиммлера *(1943 г.)*…….. 132

1.5. Оккупация. Еврейские гетто……….133

Начало оккупации

1.5.1 Я. ХОНИГСМАН. *Из книги* **«Катастрофа еврейства Западной Украины»**…….133

Гетто: «еврейское самоуправление»

1.5.2 И. ТРУНК. *Из статьи* «**Типология Юденратов в Восточной Европе»**.....138

1.5.3 Л. ГАРФУНКЕЛЬ. *Из книги* **«Разрушение еврейского Каунаса»…. .** 144

1.5.4 А. ВАЙС. *Из статьи* **«Взаимоотношения между Юденратами и еврейской полицией»**……..145

1.5.5 АБ МИШЕ. *Из книги* **«Посреди войны. Посвящения»……..152**

1.5.6 Э. ЙОНАС. *Из книги* «**Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства 1939-1944**»……156

Быт

1.5.7 В. ГРОССМАН. *Из романа* «**Жизнь и судьба**»…… ……161

1.5.8 *Из выступления Председателя Юденрата Вильнюсского гетто* **Я. Генса**.....159

1.5.9 АБ МИШЕ. *Из книги* «**Черновой вариант**»……..172

1.5.10 Э. РИНГЕЛЬБЛЮМ. О. Ш. [«Онег Шабат»]……..183

ДЕТИ

1.5.11 *Из рассказов очевидцев (оккупированный Минск, Белоруссия)*……..195

1.5.12 Я. КОРЧАК. Дневник ……..…195

1.5.13 П. ФРИДМАН. Я никогда не увидел еще одной бабочки……..199

1.5.14 А. ГАЛИЧ. *Из поэмы* **«Кадиш»**……..200

1.5.15 *Из свидетельских показаний* **А. Ковнера** *на процессе Эйхмана……..*203

1.6. Массовые убийства на оккупированных территориях СССР.

Общий обзор

1.6.1 *Из обращения* **Гитлера** *к германскому народу в связи с нападением на СССР 22 июня 1941 г……....208*

1.6.2 И. АРАД. Катастрофа советского еврейства……209

Директивные указания

1.6.3 Об обращении с евреями на территории рейхскомиссариата Остланд……219

1.6.4 *Из приказа начальника штаба верховного командования вермахта* **Кейтеля** *от 12.09.1941 г***……..**222

1.6.5 *Из приказа командующего 11 армией вермахта на Восточном фронте* (*1941 г.*)……223

Уничтожение

1.6.6 *Из дневника* **Е. Бувидайте- Куторгене** ……224

1.6.7 *Из показаний* **М. Дворжецкого**, *бывшего узника Вильнюсского гетто, на судебном процессе Эйхмана (Иерусалим, 1961 г.)*……...227

1.6.8 *Из показаний* **А. Переца**, *бывшего узника Каунасского гетто, на судебном процессе Эйхмана (Иерусалим, 1961 г.)*……229

1.6.9 В. ГРОССМАН. *Из рассказа* «**Старый учитель**»

1.6.10 *Из завещания* **Э. Элькеса**, *руководителя Юденрата Каунасского гетто*……..232

1.6.11 *Из свидетельства* **М. Бурштейн** *об уничтожении евреев посёлка Лениндорф (Украина, 1941 г)*……..235

1.6.12 *Из рапорта гебитскомиссара г. Слуцка* **Карля** *генерал-комиссару Белоруссии Кубе от 30 октября 1941 г*……236

1.6.13 *Из свидетельских показаний* **К. Новаковской** *об уничтожении евреев г. Ровно (Украина) в ноябре 1941г*……...238

1.6.14 *Из свидетельских показаний* **В. Бурносовой** *об уничтожении евреев г. Себежа (Псковская область,1942 г.)*……240

1.6.15 *Из приказа командира карательного отряда от 11 сентября 1942г. (Брянская область, Россия)*……241

1.6.16 *Из оперативного рапорта айнзацкоманды 10-а (Бельцы, Бессарабия)*….241

1.6.17 Л. ГИНЗБУРГ.*Из книги* **«Бездна»**…….242

1.6.18 *Из показаний немецкого военнослужащего об уничтожении евреев Винницы и Браилова)*…… 244

1.6.19 *Из приказа* **Гиммлера** *2-му кавалерийскому полку СС от 01.08.1941 г.* …246

1.6.20 *Из рапорта 2-го кавалерийского полка СС об исполнении указаний Гиммлера в ходе акции в районе Припятских болот (Украина, август 1942)*…… 246

1.6.21 А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ. Зов озера……247

1.6.22 *Из оперативной сводки о действиях айнзацгрупп с 15 по 30 сентября 1941 г*……..248

1.6.23 *Из итогового отчёта айнзатцгруппы-А о действиях в Прибалтике с начала оккупации до середины октября 1941 г*……...249

1.6.24 *Из отчёта начальника СС и полиции Галицийского округа*……..250

1.6.25 Е. ГЕХТМАН. «**Рига**»……...254

1.6.26 С. БОРОВОЙ. *Из книги* «**Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации**» ……..262

1.6.27 *Из* **Акта**, *составленного специальной комиссией 02.05.1944 г., сразу*

после освобождения Богдановки (материалы ЧГК)…….264

1.6.28 В. ГРОССМАН. *Из очерка* «**История Минского гетто**»…….265

1.6.29 С. ГЛЕЙХ. **Дневник** *(отрывки)*……...280

1.6.30 *Из Актов* **ЧГК** *об уничтожении еврейских колоний в Крыму*……...284

1.6.31 *Из отчёта о судебном процессе по делу о зверствах в оккупированном Харькове*……285

1.6.32 *Из переписки создателей немецких «душегубок» об их применении*……..287

1.6.33 *Письмо 9-летнего* **Бори Гершензона** *из Умани в Еврейский Антифашистский Комитет (1944г.)*……288

1.6.34 Б. СЛУЦКИЙ. *Из стихов о войне*……289

1.6.35 Ш. СПЕКТОР. Из статьи «**Трагедия в Бабьем Яру**»…….....290

1.6.36 Л. ОЗЕРОВ. Бабий Яр……..291

1.6.37 АБ МИШЕ. Из книги «**Посреди войны. Посвящения**»……..293

1.6.38 И. ЭРЕНБУРГ. Бабий Яр…….296

Заметание следов

1.6.39 *Из показаний свидетеля П. Блобеля на судебном процессе в Нюрнберге*……..297

1.7. Фабрики смерти евреев Европы……....299

Концентрационные лагеря - история и функции

1.7.1 А. ВАЙС. Категории лагерей – их характер и роль в осуществлении «окончательного решения еврейского вопроса»……...…299

Конвейер смерти

1.7.2 В. ГРОССМАН. Треблинский ад…….....306

1.7.3 В. ГРОССМАН. *Из романа* **«Жизнь и судьба»**……..317

1.7.4 Э. ВИЗЕЛЬ. Из автобиографической повести «**Ночь**» ……..……332

1.7.5 П. ЛЕВИ. *Из книги* **«Выживание в Аушвице»**……345

1.7.6 АБ МИШЕ. *Из книги* «**Черновой вариант**»……356

1.7.7 Т. БОРОВСКИЙ. «Пожалуйте в газовую камеру» ……365

1.7.8 *Из свидетельских показаний* **И. Клаймана** *на судебном процессе Эйхмана в Иерусалиме в 1961 г*..……376

1.7.9 Р. Д. ЛИФТОН. Медицинские убийства в Аушвице.....378

1.7.10 В. ФРАНКЛЬ. *Из книги* **«Поиски человеком его значимости: введение в терапию словом»**.....390

Завершение Шоа – «Марши смерти»

1.7.11 Ш. КРАКОВСКИЙ. Марши смерти в период эвакуации лагерей....393

1.8. «После всего этого».....399

1.8.1 И. КАЦЕНЕЛЬСОН. *Из поэмы* **«Песнь об убиенном еврейском народе»**.....399

1.8.2 *Из выступления* **Гиммлера** *перед командирами СС в Познани (Польша) 4 октября 1943 г.*.....403

1.8.3 А. ГИТЛЕР. «Моё политическое завещание».....404

АВТОРЫ.....405

Указатель основных имён, мест, терминов.....406

Звания СС и их соответствие воинским званиям немецкой и советской армий времени 2 мировой войны.....412

К ЧИТАТЕЛЯМ

В 1933-45 гг. германские нацисты истребили миллионы евреев.

Евреев убивали, **как многих других** в человеческой истории: индейцев при покорении Америки, религиозных противников в войнах средневековья, турецких армян в начале двадцатого века, крестьян при сталинской коллективизации или интеллигентов в маоцзедуновском Китае… Евреев убивали **не как других**: евреев убивали поголовно, организованно и практически беспричинно, на одном мифическом основании – расовой «теории» нацизма. Уничтожение евреев одновременно универсально и уникально (Иехуда **Бауэр**).

Поэтому пришлось выделить истребление евреев из всех разновидностей массового уничтожения – геноцида особым названием. В английском языке принято слово *Holocaust* – «всесожжение», позаимствованное из греческого перевода еврейской Торы (Библии), где словом *Холокостос* обозначается сожжение жертвы, приносимой Богу. В русском языке прижилось слово *Катастрофа*. Представляется более точным, свободным и от теологической окраски и от намёка на непредсказуемость или стихийность события, термин из иврита – *Шоа* («несчастье», «бедствие»), который в книгах древнееврейских пророков обозначает всеобъемлющее разрушение и разорение, «мрак пустоты».

Шоа – исключительное историческое явление, развернувшее перед человечеством широкий спектр проблем: политических, социальных, философских, религиозных, психологических, юридических, культурных. Дело не только в евреях, Шоа имеет огромное общечеловеческое значение: хладнокровное организованное уничтожение миллионов жизней явилось отрицанием предыдущей многовековой европейской цивилизации с провозглашёнными ею гуманистическими и либеральными ценностями.

Если во всей человеческой истории Вторая мировая война самое грандиозное убийственное событие, то «внутри» неё самое грандиозное событие – Шоа. Неслучайно именно это уничтожение евреев вызвало к жизни новую юридическую формулировку – «преступление против человечества».

Соответственно историческим масштабам явления Шоа велико число опубликованных в связи с ним документов, свидетельств, исследований и художественных произведений, отражающих факты и личные судьбы, анализ и оценку событий со многих сторон и в то же время ставящих новые и новые вопросы в этой неисчерпаемой теме. Библиография работ по Шоа насчитывает 120000 наименований, не считая статей в периодической печати. Шоа изучают учёные и студенты в университетах, в некоторых странах история Шоа введена в курс школьного обучения. Культура послевоенного мира, особенно европейская и американская, испытала на себе шокирующее воздействие Шоа и отразила его в бесчисленных произведениях литературы и искусства.

К сожалению, вышесказанное лишь в небольшой степени касается русскоязычного культурного пространства. Известная замкнутость бывшего Советского Союза и неофициальный, но действенный антисемитизм его властей привели к многолетнему утаиванию уничтожения евреев, «отрицанию Катастрофы», как принято теперь говорить. Многочисленные печатные материалы, имевшие широкое хождение в западном мире, до сих пор зачастую неизвестны для русскоязычного читателя. Собственных публикаций на русском языке до последних лет выходило ничтожно мало.

Авторы настоящей Антологии хотели бы восполнить этот пробел и дать возможность широкой русскоязычной аудитории от школьника до учёного ознакомиться с основными фрагментами трагической картины Шоа. Забвение этого недавнего прошлого таит в себе одну из главных опасностей для будущего. Путь ненависти, по которому нацисты и их пособники прогнали европейских евреев, повторясь, может привести всё человечество в тупик самоубийства. Нам хотелось бы, чтобы Антология хоть в какой-то степени высветила эту гибельную дорогу.

И. Бегун

А. Кардаш (АБ МИШЕ)

Предисловие

Европейская цивилизация и Шоа

Если верно говорят, что юдофобия – постоянная тень еврея, то придётся начать от дальнего далека… Кочевое племя осело на землю, стало строить государство. Тёплый плодородный край, стык морей и гор, торговый перекрёсток мира – завидное место. И когда то государство естественно созрело для величия и развала надвое (север – Израиль, юг – Иудея), соседи стали из рук в руки рвать лакомый кусок. Ассирийцы (8 век до н.э.), вавилоняне и персы (6 век), греки (322 г.), римляне (63 г.) – восемь столетий бушевали захватчики, выжимая из цветущей земли живое её население – пленных или беглых евреев. Их разбрасывало в Аравию, Вавилонию, Персию, Армению, по средиземноморским берегам, в Азию вплоть до Бухары, Индии, Китая – и они оседали везде, где способней прижиться. Так, с 8-6 веков до нашей эры началось то состояние евреев, которое обозначается изящным греческим словом диаспора («рассеяние») или мрачно по-еврейски галут («изгнание») – жизнь в чужой земле.

Евреи с гордостью подчёркивают свою выделенность среди народов античного мира: те, язычники, поклонялись множеству богов, у каждого своя правда, страсти, интриги, скверна, базар по человечьему подобию; а евреи служат одной Верховной Силе, Творцу Вселенной и Высшей Правды, Он избрал евреев на это Святое служение и оно - их главная забота на суетной земле. Основополагающая Книга евреев Тора (Библия) определяет всю жизнь избранного народа от религиозного ритуала до обыденного поведения. По Торе вожди народа не столько цари, сколько пророки-носители Божественной истины с её моральными и социальными установками: поклоняйся одному лишь единому Богу, «не убий» и «не укради», освободи раба на седьмой год, «возлюби пришельца», храни семью, бойся кровосмешения, не мужеложествуй… С этими правилами явились евреи в мир язычников: суматошный мир богов-божков-идолов-кумиров, весёлой свободы гульбы, убийства, совокуплений, предательств… «Не убий» посреди весёлых гладиаторских боёв, за 7 веков до Христа…

Евреи в галуте оказались не чужими, а *супер*чужими. На языческом пиру страстей еврейский Бог гляделся угрюмым трезвенником, его не то, что привечать – терпеть было невмоготу.

В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Евреи – пришли.

Более того, посчитали свой устав лучшим, справедливейшим. И себя избранными тот устав внедрять: «спасти» мир. Галут – *галуй* (открытый) – открыть свет иудаизма тёмному человечеству. «Не для чего иного Всевышний рассеял Израиль среди народов, но лишь для того, чтобы приумножать среди них обращённых в иудаизм» – говорится в Вавилонском Талмуде (трактат *Псахим*, цит. по [**1**, 12]). Еврейскому духу, утомлённому потерей страны, было тут самоуспокоение и утешение; высокое оправдание жизни в галуте.

Но спасаемые вовсе не рвались из «тёмного» своего угла, где, например, среди греков маячили Сократ и Аристотель, Демокрит и Гиппократ, Пифагор и Перикл, Фидий и Гомер – великая красота и великая мысль, плоды языческой вольности, столь презираемой евреями.

Ицхак Бер, современный историк, пишет о временах после 6 века до н.э.: «Антисемитизм возник как неизбежная реакция окружающих народов на экзальтированное ощущение евреями своего религиозного превосходства и своей миссии… такое «высокомерие» особенно раздражало по контрасту с реальным бессилием еврейского народа» [**1**, 7-8]. М. Горький, темпераментный юдофил, назвал то же чувство «высокомерия» «религиозным аристократизмом всего народа» [**2**, 36].

Идея Миссии и Избранности легко трансформируется в гордость, а гордость, умножась на национализм, ущемлённый чужеземными поработителями, и на пламенный пафос духовных вождей, – в гордыню. Массовое сознание древних евреев пропитывается ощущением собственного превосходства, настолько сильным, что они, храня свою чистоту, в 6 веке до н.э. отказываются даже от браков с инородцами – носителями идолопоклонческой «скверны».

Определилось евреям с одной стороны стремиться к изоляции от окружения, с другой стороны – к единению с ним. В первом случае Бог говорит евреям: «Будете Моим дражайшим уделом из всех народов» [**Исход**, 19:5] и «Вот устав Пасхи: никакой иноплеменник не должен есть от неё» [**Исход**, 12:3]; во втором случае тот же Бог: «Мой дом назовётся домом молитвы для всех народов» [**Ишаяху**, 56:7]. Еврейская диалектика могла сочетать разнополюсные эти утверждения, но в психологическом силовом поле, созданном неприятием галутного еврея как чужака,

оба противоположных вектора парадоксально повернулись в одну сторону, в сторону юдофобии.

Евреи выковывают себе местное счастье среди других народов, часто преуспевают. Они свободны от хлопот созидания собственного государства; они много образованнее остальных, у евреев трезвый образ жизни, строгий традиционный быт; их крепкая семья – основа наследственного профессионализма. А сверх всего – у них взаимовыручка, та самая солидарность, знамя которой Иерусалим, зыбкое марево истории и религии, и они раздваиваются между соблазном принадлежать к древней корпорации и жаждой сохранить уже теплое место.

То, что галутный еврей – не житель иерусалимской земли – его лично-еврейская забота, а то, что он приживала в пространстве диаспоры - уже дело не только его, но и народа – хозяина. Здоровый же народный инстинкт говорит: чужак плох, убрать его, устранить!..

Историк древнего мира Солоьон Лурье заметил: носителем антисемитизма является именно толпа, а не власть, которая лишь следует за народным чувством.

Чтобы располыхаться пожарами погромов, народному чувству надо разогреться. Это забота идеологов, интеллигенции.

О говорунах известия идут прямо оттуда же, из 6 века до н.э. Пророк Второисайя наставляет евреев: «Не бойтесь поношения от людей и злословия их не страшитесь. Опадут они, как одежда, траченная молью» [**Ишаяху**, 51:7-8]. Красиво сказано, но насчёт моли, т.е. последствий, пророк промахнулся. Впрочем, важно другое: было уже тогда «поношение» и «злословие». Пусть и в общих чертах…

Уточнение начинается с 3 века до н.э. Египетский жрец и историк грек Манефон описал историю Исхода из Египта по еврейским преданиям, но творчески. Он объяснил: евреи не ушли из Египта, они – изгнанные Богом за грехи египтяне, отмеченные Божьей карой – язвами, проказой, паршой - знаком «подлого сословия», коему присущи лживость, неблагодарность, уродство, лицемерие, нечистоплотность…

Манефон жил в 283-246 гг. до н.э, в самые те времена, когда еврейская Тора явилась народам Библией – на греческом языке. Знак эпохи, когда образованные греки тянулись к иудаизму, а еврейские юноши – на греческие ристалища, когда сорок процентов жителей крупнейшего средиземноморского города Александрии составила процветавшая еврейская община, а греческая чернь завидовала еврейской

зажиточности, когда стыковались две великие культуры, а в хитросплетениях политики и экономики, симпатии и вражды – вызревала своим чередом юдофобия.

Философ Посидоний (135-50 гг. до н.э.), тоскливо наблюдая, как рассеянные по всему свету евреи помогают друг другу выжить, а то и обрасти богатством, высказал идею о всесилии мирового еврейства – впоследствии она оформится в теорию «мирового еврейского кагала» или, по-нынешнему, «мирового жидомасонского заговора».

Другой грек Аполлоний Молон обвинил евреев в фанатизме, творческой бездарности и даже – трусости. По тем временам такое не лезло ни в какие ворота: евреи славились как воины. Аполлоний к тому же высказался довольно туманно: «Евреи в бою подменяют храбрость безумной и дерзкой отвагой». Но – прижилось: евреи – тру́сы.

Особое место среди древних юдофобов занимает александрийский грек Апион (30 г. до н.э. – 47 г) – популяризатор малоизвестного до него древнегреческого обвинения евреев в ритуальном убийстве. В одной из своих многочисленных книг Апион рассказал, что греческий царь Антиох Епифан видел в иерусалимском храме грека, специально откармливаемого иудеями, чтобы потом убить его, отведать внутренностей и принести над трупом клятву вечно ненавидеть греков. Байка была нелепой: не говоря об отсутствии человеческих жертвоприношений у евреев, в указанной Апионом части храма невозможно даже появление язычника-грека. Но что с того? Мысль Апиона оказалась потрясающе живучей. Обвинение евреев в ритуальном убийстве – ни разу не подтверждённое фактами! – прокатывалось из века в век кровавыми волнами погромов вплоть до 1913 года (дело Бейлиса в Киеве).

Идеи Апиона со-товарищи (а их хватало) не раз становились материальной силой: её вершиный взлёт – погром в Александрии в 38 году. Толпы греков громили еврейские лавки, дома и синагоги, евреев били, волокли по улицам, жгли, распинали - так звучали финальные аккорды древней юдофобии, возросшей из естественного неприятия чужака, из стихийной ксенофобии.

Время было судьбоносное. Закатные судороги Римской империи, психопаты на троне, интриганы в сенате, яростная чернь, оргии столицы и распятые окраины, кровь, меч, огонь. И муки рождения новой религии.

Тут в сюжет врезается невзрачная личность, колченогий и лысый, маленький такой еврейчик, который оказывается исполинской фигурой апостола Павла. И тема

делает крутой поворот, толкаемая двумя обстоятельствами: 1) неприятие ортодоксальным иудаизмом Иисуса как Мессии и Бога; 2) личность Павла и паулинизм – его учение, универсальное, отличное от узконациональной иисусовой проповеди – но именно оно и стало христианством.

Гениальный прагматик, неукротимый проповедник, Павел сделал всё, чтобы христианство охватило мир от лачуг до дворцов. «Веруй и спасёшься», «Повинуйтесь господам своим» - призывы Павла соблазняли и раба, и владыку. Угождая всесильному Риму, Павел перебросил вину за смерть Христа с римлян на евреев, отвергших христианство – его, Павла, учение. Он назвал евреев «сосудами гнева, которые надо уничтожить».

Американский писатель Говард Фаст говорил о Павле и христианстве: «Впервые в истории человечества религия была построена на фундаменте ненависти, на освящённом подстрекательстве к убийству и разрушению… Антисемитизм Павла… был идеологическим и религиозным, он был вплетён в метафизическую ткань, которую соткал Павел. … Павел заложил основы того, что обрекло его собственный народ, народ Иисуса, на кошмар… Конечно, Павел не знал этого. Он только знал, что те, кого он более всего любил и ценил, отвергли его, и поскольку они отвергли его, он в свою очередь отвергал и ненавидел их» [**3**, 150].

Жан-Поль Сартр когда-то ехидно и яростно спросил соплеменников-французов: «Задумывались ли вы над чудовищным положением людей, приговорённых находиться в лоне общества, которое почитает убитого ими Бога?». Именно так и рассматривали европейские христианские народы евреев: убийцы Христа, Каиново племя грешников, воплощение Зла, отродья Сатаны.

В церквях всего мира Христос на еврея не похож, зато Сатана – непременно по-еврейски крючконос и вислогуб.

Таков видео-ряд, наглядность… И назидательное слово тут как тут. «Богоубийцы… заступники дьявола, змеи, клеветники, богохульники… сборище демонов, грешников, порочных и ненавидящих праведность» – это святой Григорий, епископ Ниссы (Византия) в конце 4 века [**4**, 52].

Самый знаменитый проповедник 4 века – святой Иоанн Златоуст. Им единодушно восхищаются и православные христиане, и протестанты, и католики: «Он нёс людям откровение Божественной истины и любви». Вот парочка «откровений истины и любви»: «Разврат и пьянство уподобили их [евреев]

похотливым козлам и свиньям. Они думают лишь об одном: как бы набить брюхо, напиться, убить кого-нибудь или причинить вред…»; «Синагога – это место преступного сборища убийц Христа… воровской притон, дом позора… укрытие дьяволов, логово предательства» [**4**, 54-55]. Шотландский католик Малкольм Хэй, из книги которого взяты эти цитаты, замечает: «Святой Иоанн Златоуст мог бы произнести впечатляющую проповедь у массовой могилы в Дубно». М. Хэй имеет в виду нацистские расстрелы евреев.

Не в одночасье возник образ гнусного еврея. Немало труда и таланта приложилось.

Первоисточники христианства – Евангелия неоднократно удостоверяют доброе отношение еврейского народа к Иисусу: «весь народ радовался о всех славных делах Его [Иисуса]» [**Лука**, 13:17]. Не народ, а первосвященники и старейшины евреев «положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе». И римскому наместнику, судившему Иисуса, евреи кричали “Распни его!” только по наущению “священников и книжников”. [**Матфей**, 27:20; **Марк**, 15:11-13].. Сама же казнь у всех евангелистов производится римскими воинами, никак не евреями. Но именно евреи – злодеи мифа, сперва главные, потом вовсе единственные.

Все апостолы Иисуса, как и он сам, естественно, были евреями. Но творцами Евангелий именно тот из них, кто предал, назван Иудой – имя совпадает с самоназванием народа.

Более того, у Матфея в азарте убийства Бога евреи кричат: «Кровь его на нас и на детях наших» [**Матфей**, 27-25] намёком будущему Гитлеру на вечную неизбывность еврейской вины. А евангелист Иоанн заложил ещё одну славную традицию: его Иисус говорит евреям: «Ваш отец диавол» [**Иоанн**, 8:44] – и стали евреи навсегда «дети дьявола», «слуги дьявола», «дьявольское отродье» – сакральное Зло.

Едва лишь окрепла христианская церковь, ставши государственной религией Византии (312 г.), как начались еврейские погромы (Византия, 5 век), юридическое стеснение евреев церковью и монархами (Юстинианов кодекс, Византия, 6 век), изгнания (империя вестготов, 7 век), насильственное крещение. Взрывались первые мины, заложенные апостолом Павлом.

Расхлестнулся же народный гнев в крестоносную пору, когда по зову церкви двинулись христолюбцы во славу Господа Бога своего отнять у нечестивых мусульман Гроб Его и Место Его, Святую землю.

Со всем её, думалось, богатством.

С 1096 г. и до конца 13 века восемь раз поднимались толпы крестоносцев, всякий раз вздымая волны еврейских погромов по Европе. В самом деле, к чему искать «врагов Христовых» за морем, когда вот они рядом, со всем своим добром, неправедно нажитым, просящимся под руку? Тысячи евреев были изрублены крестоносными мечами, растерзаны толпой, сожжены, утоплены. Ограблены. Когда евреям предлагали креститься, многие предпочитали смерть.

Эти двести лет для евреев многое наперёд определили.

Впрочем, их положение было задано куда раньше церковными правилами, настолько дальновидными и действенными, что и спустя полторы тысячи лет немецким нацистам многого изобретать уже не пришлось. Например: браки евреев с христианами запрещены синодом в Толедо в 582-м г., а в гитлеровской Германии в 1935-м, евреи не должны держать христианскую прислугу (решено церковью в 538 году, нацистами – в 1935 году), нести общественную службу (306 и 1933), лечить христиан (692 и 1938), жить с христианами в одних домах (1050 и 1938)... И гетто, отдельное место жительства евреев – не нацисты первыми учредили (1939 г.), даже не венецианцы, одарившие этим названием еврейский квартал в 1516 году, - так постановили церковные синоды в 1267 и 1388 годах.

Четвёртый Латеранский собор 1215 года подтвердил предыдущие антиеврейские меры, добавил новые. Собор ограничил размеры ростовщичества, подчеркнув отрицательное своё отношение к кредиторам-евреям, запретил евреям взыскивать с крестоносцев проценты на долги, удалил евреев со всех государственных должностей, обязав передать христианам заработанные на этой службе деньги, потребовал от евреев особой скромности в одежде «дабы не унижать христиан своим щегольством». Позорящие евреев постановления собора венчались введением особого знака на одежде еврея – как у прокажённого. (Опять опередили нацистов; на семьсот лет).

Мусульмане с 7 века метили унизительно и евреев, и христиан – теперь церковь перенимала опыт, заодно как бы отыгрываясь за прежнее отношение к христианам. То же с ритуальным убийством: немало первых христиан язычники-римляне растерзали по обвинению в человеческих жертвоприношениях ради религиозного обряда. Войдя в силу, христиане припомнили трогательный рассказ Апиона об убийстве грека на еврейский Песах. Привычное дело: Пасха, убийство и воскресение, злодейство евреев, еврейский жертвенный агнец, человеческие жертвоприношения

язычников, Бог-жертва. Сплелись сюжеты: таинственная *маца* – хлебцы, употребляемые евреями на Пасху, выпекалась якобы с добавкой христианской крови (младенческой, безгрешной). Отвратительная представлялась оргия: поедание, пожирание частицы плоти христианской, смакование Богоубийства. Как и в поругании евреями икон – изображений Бога, и в осквернении *гостии* – облатки, символа плоти Христа: её злоумышленники-евреи кололи иглой, облатка краснела, кровь, говорили, проступала (сейчас выяснили: то бактерии красного цвета).

Мифы круче всего замешиваются на крови.

Самые проницательные немедленно уяснили, что гнусности евреев планируются международными тайными сборищами их главарей, которые назначают, кому и где совершать злодеяния. «Мудрецы Сиона», - скажут о них позже.

Наработались идеи. Заработали.

В 1144 году в Англии в лесу возле Норвича нашли труп мальчика. Назавтра была Страстная Пятница. Не иначе евреи убили, дабы насмеяться над муками Христовыми. Так велели еврейские раввины, они на своём съезде в этом году выбрали местом изуверства Норвич - о том кричали в народе, громче других монах Теобальд, выкрест из евреев. Доказательств не было, городские власти пытались защитить евреев, но погром всё же состоялся, хотя и скромный: грабёж, избиения, одного еврея убил его должник. Погибший мальчик причислен церковью к святым мученикам.

Тут зачинаются сразу несколько традиций. Во-первых, бездоказательность обвинений: с 12 по 20 век, в 150 с лишним ритуальных судебных процессах одни домыслы да самооговор из-под пытки, ни единого фактического подтверждения. Во-вторых, погром и преследование евреев в ответ на кровавое обвинение. В-третьих, рождение культа, веками подогревающего веру в еврейское злодейство; в такой, например, современной Бельгии важнейший праздник – годовщина дела об осквернении евреями гостии в 1370 году; тогда сожгли 20 евреев и соорудили на память две часовни. В-четвёртых, особая активность разоблачителей-выкрестов – то ли от еврейской пылкости, то ли очень хочется свою преданность выказать. И, наконец, в-пятых, извлечение материальной выгоды из преследования евреев.

Гонения на евреев всегда прибыльны. При погроме сброду достаются еврейские пожитки, дворянину – долговые расписки. Участники крестовых походов не столько воспетые поэтами религиозные романтики, бросившие дома и семьи ради святого дела, сколько охотники избавиться от долгов евреям – так разрешила церковь.

Тулузские графы ввели обычай давать на Пасху пощёчину (иногда от рыцарской десницы смертельную) старейшине евреев и позволили за взятку освобождаться от неё (12 век). Так же, взяткой средневековые евреи должны были откупаться от шантажистов, грозивших осквернить могилы близких или, того страшнее, прятавших христианские детские трупы с угрозой предъявить их толпе как жертвы ритуального убийства. Интересные промыслы возникали в народе…

У государей размах посерьёзней. Английский король Иоанн Безземельный в 1210 г. потребовал от одного богатого еврея 10000 марок, тот пытался увильнуть – король велел выдёргивать у еврея по зубу ежедневно пока не уплатит. А в 1290 году король Эдуард VI просто изгнал евреев, 16 тысяч, при этом всё нажитое ими за двести лет пребывания в Англии осталось на месте. Во Франции евреи, живя больше тысячи лет, намного превзошли английских собратьев богатством, да и количеством: их было 100 тысяч. Соответственно увеличивался соблазн лёгкой добычи, и король Филипп Красивый в 1306 г. повелел евреям убраться вон. В один месяц. Некоторые ушли в чём были, а «телеги, полные еврейским добром, серебром, золотом и драгоценными камнями, были отправлены королю; менее ценные вещи были распроданы по смехотворно низким ценам» [**Г. Гретц**, цит. по **4**, 191].

Изгнания не давали евреям обрасти недвижимостью – опорой благосостояния. Земледелие не выручало: евреям не везде дозволяли владеть землёй, зато везде запрещали пользоваться христианской рабочей силой – от такого хозяйства прибыли кот наплакал.

Что оставалось еврею? Торговля? Опасные, хотя и завидные должности придворных врачей и советников?

Оказалось, финансы. Ещё с 11 века – со времени смены натурального хозяйства товарным, хилой поначалу торговли, когда товар менялся на товар, деньги были редки и их владелец легко становился заимодавцем. Рождалось ростовщичество – церковь не запрещала его, но осуждала у христиан, так что это занятие само просилось в еврейские руки.

Еврей-ростовщик. Околоеврейская мифология, как всегда, не преминула устрашающе раздуть его образ до жирующего кровососа на благородном христианском теле. Особенно усердствовали конкуренты – христианские финансисты, те, о ком писал современник-англичанин: «У евреев можно получить ссуду под 10 процентов, а иногда даже и под 6, а английские ростовщики не знают

Божьего милосердия и им главное – побольше содрать с вас» [**Т. Вильсон**, цит. по **4**, 136].

Не одним ростовщичеством оказались евреи полезны. Их приспособляемость, солидарность и международные связи, их образованность (поголовно грамотный народ в эпоху, когда и государи, бывало, крестом расписывались), их деловитость и сметка требовались феодальным монархам и городам и для посредничества между ними, и как первоначальный толчок при зарождении новых общественных ячеек: цехов и гильдий. В эту пору они были желанны, вернее, терпимы, поскольку оставались «врагами Христовыми» - пропаганда не прекращалась и притеснения тоже, разве что волны их были реже и ниже. А как только государства, или города, или профессиональные объединения становились на ноги, они тут же изгоняли или избивали конкурентов-евреев.

Но пока евреи – удобный инструмент, их необходимо сохранять. К тому влекла христианскую церковь не одна лишь корысть, наличествовала и идея. Без живых евреев лишается наглядности легенда о вечном наказании за Богоубийство, а без наказания нет и собственно Богоубийства, значит, нет воскресения, нет и Бога Христа – опасно тянется цепочка! В 1120 году римский папа Каликст II писал: «Хотя еврейское вероломство достойно безоговорочного осуждения, тем не менее благочестивым христианам не следует жестоко угнетать их, ибо через них доказывается истинность нашей собственной веры». В 1205 г. папа Иннокентий III, считающийся покровителем евреев, запретил их убийство и насильственное крещение, но велел всем монархам Европы «порабощать их и держать в качестве бесправного и низшего сословия» [цит. по **5**, 71].

Рабский статус евреев научно проработал самый авторитетный христианский богослов Фома Аквинский (1226-1274 гг.). Фома объявил владельцами евреев и светскую власть, и духовную. Им, следовательно, принадлежит еврейское имущество. Кроме того, оно, заявил справедливый Фома, должно возвращаться тем, кого евреи обобрали ростовщичеством. Но Фома забыл уточнить, кто над евреями главнее, поэтому церковь, монархи и должники неперестанно дрались между собой. Церковь тягалась с монархами за «своих» евреев и их деньги; города изгоняли евреев, чтобы избавиться от долгов, короли считали своими долги горожан евреям и требовали уплаты. Мало того, увидев, что за счёт изгнанных евреев обогащаются принявшие их соседи, короли отменяли декрет об изгнании и требовали возвращения своих евреев, а к соседям предъявляли иск за то, что те получали доход от

временного пребывания евреев у них. Как пишет С. Г. Лозинский, евреи играли роль чего-то даже ниже раба. Раба отпускали на свободу раз и навсегда, «выпущенный» же из какого-либо владения еврей мог быть вытребован обратно [**5**, 75].

Так и жили евреи на христианских пространствах, и на всех ухабах и поворотах европейской Истории её телега тряслась на еврейских костях.

Крестовые походы с их погромами кончились в 13 веке. Эстафету перехватил четырнадцатый – кошмар Европы: войны, восстания, эпидемии, бедствия. Для евреев он открылся «крестовым походом пастушков». Одурев от засух, наводнений и беспримерного четырёхлетнего голода в 1315-1318 гг., банды французских крестьян покатились искать пропитания по стране, самоснабжаясь грабежами. Наученные монахами-проповедниками и прошлой привычкой они по дороге избивали евреев – сто сорок общин исчезли к концу 1320 года.

Толпе естественно было предположить, что евреи ответят местью. У страха глаза велики: в 1321 году возник слух, будто евреи, наняв прокажённых, поручили им отравить всех христиан, подсыпав яд в колодцы. Слухи и обвинения породили во Франции несколько народных самосудов и множество судилищ, организованных королём Филиппом V: десятки евреев погибли в разных городах, 160 сожжены в Шиноне, королю досталось 150 тысяч ливров – штраф, который уплатили скопом все евреи.

А затем настали чумные годы, 1347 – 1350-й. «Чёрная смерть» унесла больше трети европейского населения. Учёные люди объясняли христианскому народу: звёзды плохо расположились, воздух заразный, воды отравлены, Бог карает, Сатана вредит… Последнее явно вело к евреям: известно, что слуги дьявола, известно, что отравители. Евреев хватали, они под пыткой признавались, следовали казни и погромы в невиданных до того размерах: Франция, Швейцария, Германия. Ватикан по традиции пытался сдержать убийство. Не помогло. Евреев били тысячами, сжигали, изгоняли. Воля народа! В Страсбурге городской совет объявил местных евреев невиновными в чуме – возмущённый народ сменил власти и новые отцы города сожгли все две тысячи страсбургских евреев, а имущество их раздали горожанам.

В трагедиях Европы 14 века евреи играли роль козлов отпущения. В 15 веке потрясённые бедствиями европейцы ударились в мистику и обнаружили себя опутанными колдовскими чарами. Все несчастья от слуг Сатаны - колдунов, ведьм и,

конечно же, евреев, их связь с дьяволом общеизвестна. Борьбу с ведьмами повела инквизиция.

Она была создана доминиканцами в начале 14 века для борьбы с ересью, с отступниками в своих христианских рядах. На инквизиционном следствии под пытками жертва (как правило, ведьма: женщина слабее, удобнее и для дьявольского соблазна, и для инквизиторского допроса) признавалась в любых грехах, описывая дьявола по подсказке следователя. А он, образованный инквизитор, изучал трактаты теоретиков с подробным описанием демонов: рога, когти, копыта, хвост, козлиная борода, зловоние, похоть, ехидство, ложь –точь-в-точь слепленный прежней пропагандой еврей.

Ведьма-дьявол-еврей... Ведьм и колдунов сожгли тридцать тысяч к началу 15 века, в ходе его ещё размашистей повели охоту. Но что с ведьм инквизиторам? То ли дело еретики со всем их имуществом, которое так и просится под руку церкви.

Сворачиваем к Испании, к поучительному опыту еврейского приспособленчества.

В 6 веке вестготский король Рекаред, правивший Испанией, загнал в крестительную купель тысячи местных евреев. Так начались *марраны* – крещёные евреи (испанское *marrano* - «свинья»).

В 8 веке Испанию захватили арабы, евреи успешно прижились при них. С 11-го по 15-й века христиане, отвоёвывая у арабов страну и завлекая евреев в союзники, попустительствовали им настолько, что они, почти не ограниченные в правах, со своей учёностью и активностью быстро прорвались к власти и богатству, в королевские советники и министры, придворные врачи и учёные, купцы, воины, земледельцы.

В 13 веке католическая церковь нацелилась на еврейские деньги: духовенство понесло в народ ненависть к иноверцам. 14 век – погромы. Только в Севилье в 1391 г. убито больше 4 тысяч евреев из 20-30 тысяч.

Чтобы не уплывали еврейские деньги, их владельцам запретили выезд за границу. Капкан захлопнулся, но церковь подсказала всегдашний выход – креститься. Миллион евреев стали «новыми христианами», марранами. Это вынесло их снова вверх, к министерским портфелям, к дворянским титулам и епископским мантиям.

Немало марранов соблазнилось невинность соблюсти и капитал приобрести: они замаливали отступничество тайным соблюдением иудейских обрядов. И угодили в еретики – удобно для властей и церкви, чья алчность с годами не утихала. В 1478 г. в

Испании вводится Инквизиция для борьбы с ересью иудействующих новых христиан. Вопли пыточных подвалов, гарь костров…

За годы инквизиторства Томаса Торквемады (1481-1498) 114511 еретиков пошло под суд, из них 11272 – на костёр. Папа Сикст IY писал Торквемаде: «Мы в восторге, что Вы, обогащённый познаниями и облечённый властью, направили своё усердие на предметы, возвеличивающие имя Господне и полезные истинной вере. Мы ниспрашиваем на Вас Божье благословение и побуждаем Вас, дорогой сын, продолжать с прежней энергией и неутомимостью».

Оказалось: принять христианство – сунуть голову в петлю. Евреи перестали креститься. Дойное стадо короны и церкви – марраны – истощилось.

Евреи стали балластом, пришла пора его сбросить. В 1492 г. грянул королевский эдикт: «Всем евреям и еврейкам покинуть наше королевство… И мы приказываем, чтобы ни один человек в нашем королевстве… не смел принимать, скрывать и защищать еврея или еврейку под страхом потери всего своего имущества…»

Испанские уроки могли бы многому научить. Здесь евреям так хорошо жилось, так богато и почётно, так ласково… Они даже скрестили свой язык с испанским, смесь – *ладино* звучала прекрасно. Подобное слияние с коренным народом продемонстрировали потом ещё только немецкие евреи с *идиш* – дело кончилось похлеще испанского.

Другое поучение - «иберийский расизм» по выражению историка Леона Полякова. Испанские власти, стараясь отделить марранов и *морисков* (крещёных арабов) от чистокровных испанцев, ввели удостоверения «чистоты крови», которые предъявлялись при продвижении на государственной, военной и церковной службе, при выезде за границу и других случаях. Современники-испанцы свидетельствовали: «В Испании существует два вида знатности: старшая, определяемая дворянским происхождением, и младшая, зависящая от чистоты крови»; «В Испании не так позорно быть богохульником, вором, бродягой.., как иметь еврейское происхождение, даже если предки обратились в святую католическую веру двести или триста лет назад» [**6**, 161-162].

Веротерпимые когда-то испанцы, распалясь антиеврейской агитацией церкви и инквизиционными ауто-да-фе, бросились делиться на «чистых» и «нечистых». Выслеживание еврейской наследственности и сортировка сограждан по степени их еврейства (давности крещения еврейских предков или их числу) оказались делом

благочестивым и, благодаря взяткам преследуемых, прибыльным. Толпы увлеклись охотой.

Ненависть, раскручиваясь, всасывает в свою воронку и жертв, и палачей. Испания изгнала вслед за евреями мавров и морисков – «освободилась» от самого деятельного своего населения. Историкам вопрос: какую роль сыграли эти чистки в исчезновении величия Испанской державы?..

И ещё одно обстоятельство, почему-то малозамечаемое. Инквизиция и её страсти, строго говоря, не имели отношения к евреям. Церковь преследовала именно марранов – христиан, еретиков. Евреи, не соблазнившиеся благами ассимиляции, оставались в покое. Но - и это тоже знаменательно – не миновала их чаша: изгнали.

16 век, а за ним и 17-й – время кризиса в Европе. Развратившаяся католическая церковь, изживающий себя феодализм… Против них поднялось протестантское движение в христианстве – Реформация. Вызревала новая Европа, протестантская, буржуазная, капиталистическая.

О евреях, конечно, не забывали: не бывает на европейской сцене исторических драм без еврейских ролей. Юдофобия масс, как всегда, подхватывалась и подстёгивалась вождями. Вождь Реформации Мартин Лютер с любезным народному сердцу изяществом стиля втолковывал: «Дьявол помочился и опорожнил желудок – эти вещи и есть подлинная святыня для евреев… - целовать, пожирать, лакать и поклоняться; в свою очередь и Дьявол жрёт и лакает то, что эти его добрые ученики выплёвывают и извергают сверху и снизу» [**4**, 222].

В результате евреев где громили, где изгоняли, где закупоривали в гетто – и почти повсеместно угнетали неравноправием. «Почти», потому что Польша – пример другого рода.

Здесь с 13 века евреи потребовались для развития отсталого государства, и короли соблазняли их правом землевладения и другими льготами, вплоть до того, что убийство еврея каралось, как убийство знатного поляка. Польша потянула на себя еврейское одеяло. К 1648 году еврейское население Польши достигло 300 тысяч человек – вероятно, четверть евреев Европы. В 1565 г. папский легат в Польше писал о здешних евреях: «Они не живут в унижении… Они владеют землёй, занимаются коммерцией, изучают медицину и астрономию. Они владеют большими богатствами... Они не носят никаких отличительных знаков, и им даже разрешается

иметь при себе оружие» [**6**, 337]. А польские священники жаловались: «В королевских городах синагоги каменные и обширные, красивее костёлов».

Масса европейского еврейства, сместившаяся в Польшу, отыграла свою «моторную» роль в становлении польской экономики, пока по мере «возмужания» поляков в ремёслах, торговле и финансах они не стали вытеснять евреев-конкурентов. С 16 века интересы соперничающих ремесленников и купцов вместе с непрекращающейся антиеврейской пропагандой церкви приводили к правовому притеснению евреев Польши, включая подвластную ей Украину, где жило множество евреев: запрету на жительство в отдельных городах Украины (Каменец-Подольск, 1598 г.; Киев, 1619 г.), а то и погромным вспышкам в конце 16 века (Львов, Браслав). Но, в общем, жизнь евреев в украинских местностях до 17 века можно считать относительно спокойной. Они успешно занимаются доходными промыслами, имеют свои ремесленные цехи, развивают еврейское образование, даже несут воинскую службу. В 1551 г. евреи Браслава участвовали в обороне города от татар. В 1606-1613 гг. 11 евреев в рядах запорожских казаков воевали вместе с поляками против Московской Руси.

Польские магнаты поручали свои огромные украинские владения евреям-арендаторам, возлагая на них обязанности по управлению и предоставляя им почти неограниченную власть над крестьянами вплоть до наказания смертью. Арендаторы собирали подати, скупали задёшево плоды крестьянского труда, бывало, что и слуг приобретали, иногда обращали их в иудаизм (для религиозного, например, комфорта, чтобы не потреблять еду из некошерных рук) – всё это пища для исконной юдофобии.

Обиды на евреев всплыли привычным образом. В 1621 году на верховном сборе (Раде) украинских казаков их руководитель гетман Бородавка сообщает, что некий еврей надругался над христианской иконой. Возмущённая Рада решает «грабить евреев по всей Украине». Начинаются погромы. А спустя двадцать семь лет вздымается освободительное восстание Хмельницкого: биться с Польшей и бить евреев.

Иллюстрации из книги Н.И. Костомарова, украинского историка: «Казаки овладели Заславлем.., перебили католиков, а над жидами потешались несколько времени: они их запихали в топлёные печи и медленно мучили жаром. …взяли Канев: со всех иудеев посдирали с живых кожи. «Таков был их козацкий обычай», говорит летописец» [**7**, т.1, 321; т.2, 183].

Другой украинский историк М. Владимирский-Буданов подвёл итоги шести лет антипольского восстания: «Ни одного поляка, ни одного еврея нет в целой огромной стране [**8**, 113]. Украина – пионер геноцида евреев.

17-18 века – эпоха Просвещения, пора рационалистической критики и науки, торжество разума, требующего логики и удостоверения истины фактами. Религии такой подход противопоказан. Авторитет церкви закачался, вместе с ним рушились и антиеврейские установки христианства, сникала религиозная юдофобия.

На смену ей тут же выступила юдофобия светская. Отметая христианство, просветители крушили и его иудейские основы. Они восславили «чистые» нравы язычников, чей прекрасный мир мудрости и благоденствия разрушили злокозненные единобожники – евреи. «Выйдя из Египта как банда разбойников, они [евреи] приносили в жертву мужчин, женщин и детей на алтарь своих суеверий на всём протяжении истории. Они ненавидели все другие народы, зарились на чужое имущество, раболепствовали в час беды и наглели в час успеха» [**9**, с. 25]. Так писал величайший из просветителей, Вольтер – главный авторитет 18 века, наставник европейских монархов, предтеча Великой Французской революции. Образ еврея-человеконенавистника, взлелеянный христианской церковью, понесло на своём знамени антихристианское вольнодумство. Новое вино в старых мехах, а точнее: и мех старый, и вино всё то же.

Исторические новые времена начались с 1789 года, с Великой Французской революции, повернувшей Европу к «Свободе, Равенству, Братству». Евреи получили, наконец, равные права с коренным населением и рванулись на ведущие позиции в обществе, и ассимиляция опять соблазнила их надеждой сменить приют пришельца на тепло родины. Но, как и встарь, оказалось, что чем выше поднимается-выделяется еврей, тем сильнее ненависть к нему. С Равенством порядок - с Братством не получается.

А Свобода только усугубляет положение. Выяснилось, что чем свободнее и увереннее общество, всё общество вкупе с евреями, тем активнее это общество выталкивает их из себя. Становление капиталистического строя (многие считают евреев его творцами) и реализация гражданских свобод – это непременное сплочение общества как национального объединения. А нация, народ хотят быть монолитными, однородными и евреи здесь, как говорится, «ни при чём», разве что в роли цементирующего нацию её врага. Кто тут привычнее всех? Чужак, завидно-

богатый или презренно-нищий, грязный, жадный, подло-удачливый или про́клятый несчастливец, коварный заговорщик, наглый бунтарь, жидомасон, христопродавец, вор, уродец, лгун и мошенник – **еврей**.

Неслучайно, должно быть, само слово «антисемитизм» изобретено именно в 19 веке, в 1879 году. Автор его Вильгельм Марр, германский журналист; его книга об удушающем еврейском засилье только за один год переиздавалась 12 раз.

Компанию Марру в антисемитских высказываниях составляли крупнейшие «властители дум» просвещённой Европы 19 века: Бальзак, Золя, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Франс, Вагнер, Лист – великие питомцы и творцы христианской цивилизации. От деятелей культуры не отставали передовые борцы за общечеловеческое счастье – социалисты Маркс, Прудон, Лассаль, клеймившие «омерзительнейшую еврейскую расу», и антисоциалист Дюринг, требовавший уничтожить эту «врождённо и бесповоротно испорченную расу».

Расизм как раздел антропологии начался с 18 века, с великого классификатора Карла Линнея, разделившего людей на расы, определяемые биологическими и интеллектуальными признаками. До поры, до времени дело выглядело невинным, наука и наука. А в 1853 году французский граф Артур де Гобино, не слишком удачливый дипломат, написал книгу «О неравенстве человеческих рас». Гобино заботило появление неполноценных рас из-за смешения нечистой крови простолюдинов с арийской кровью знати, о евреях он упоминал только как о положительном примере относительно чистой расы. Но именно книга Гобино легла в основу расистского антисемитизма.

Эпохе колониализма с её проблемами «миссии белого человека» в чёрных колониях Африки и Азии пришлась впору удобная теория о природном, «врождённом» разделении человечества на расы: белую (люди) и чёрную (не совсем люди). Белые делились в свою очередь на «высших», говорящих на арийских языках (самые-самые арийцы-голубоглазые блондины – тевтоны), и «низших», говорящих на семитских языках. Сюда и были определены зловредные евреи.

Английский философ Герберт Спенсер считал, что во имя прогресса человечества передовая белая раса должна хранить себя в чистоте, не смешиваясь с другими. Понятия Спенсера о «выживании более приспособленных» в ходе «борьбы за существование» позаимствовал Чарльз Дарвин, разделявший взгляды Спенсера на различие между «низшими» и «высшими» расами.

Безоглядно применив дарвиновские рассуждения о борьбе за существование в животном мире к человеку и безграмотно назвав языковые различия расовыми, расовые теоретики провозгласили наличие неизменных расовых признаков в человеческой крови, отсутствие равенства рас и их вечную борьбу. Хьюстон Чемберлен, суперпатриот Германии в книге «Основы 19 века» (1898 г.) уточнил: самым достойным властителем мира является не человек белый, а человек немецкий, раса не просто «белая», а «нордическая».

Расизм оказался очень соблазнительным. Когда европейские страны, насытясь колониальными захватами и в жажде новой наживы, созрели до перекройки мира, грянувшую в 1914 году мировую бойню бравые интеллектуалы воюющих стран обосновывали социал-дарвинистским тезисом о жестокости природы, о необходимости истребительной конкуренции, о вечном противоборстве рас. Американский писатель Говард Фаст сказал о расовом учении: «Нет теории слишком глупой или злобной, чтобы её не проглотило общество. …поражаешься, когда видишь, сколько писателей 19 века от Джека Лондона до Киплинга впадали в ту же глупость, не замечая хотя бы такого факта, как то, что на санскрите – самом древнем арийском языке говорили миллионы темнокожих» [**3**, 306].

Определив евреев низшей и зловредной расой, антисемитизм оформился окончательно. Для расового антисемита еврей - неизменно враждебное существо с кровью, несущей в себе неистребимые гены Зла, оно уничтожается только со всеми его носителями: самим евреем и его потомством, заражённым той кровью - детьми, внуками, правнуками, полукровками, четвертькровками…

Еврейское злодейство удостоверялось веками пропаганды, но к 20 веку ещё и подоспели «Протоколы сионских мудрецов». Фальшивка русской спецслужбы в Париже, переделка французской антимасонской брошюры на антисемитский лад, она была опубликована в начале 20 века в России, затем во Франции и, наконец, из рук русских беглецов от Октябрьской революции, в Германии, в 1920 году – под самый гитлеровский старт. «Протоколы» - это 24 доклада о заседаниях мифического тайного совета сионистов, обсуждающих пути достижения главной цели еврейства: разрушить всю существующую цивилизацию и установить мировое еврейское господство. Такая борьба, оказывается, ведётся евреями со времён царя Соломона, руководит ею тайное еврейское правительство – «Сионские мудрецы», время от

времени собирающиеся где-нибудь для обсуждения хода их преступного кровавого дела.

Еврейская идея Богоизбранности, древне-юдофобские представления о международной спайке евреев, средневековая легенда о тайных встречах еврейских раввинов для планирования ритуальных убийств – многое сумбурно смешалось на неполных ста страницах – слог тёмен, нелепицы да несуразности, зато читать недолго.

К 1933 году, году прихода Гитлера к власти «Протоколы» в Германии вышли в свет сотнями тысяч экземпляров. Нацисты ввели их в школьную программу. «Протоколам» посвящались митинги, где выступали университетские профессора, издатели, юристы. Аудитория ревела в праведной ярости: евреев – под нож! «Протоколы» стали живой водой, окропившей образ еврея-заговорщика, еврея-злодея – центральный образ антисемитизма.

Немецкое сознание издавна ублажало себя представлением о древних германцах: не испорченные античной цивилизацией лесные жители, воины, арийцы, могучие и детски-прямодушные, простые, как дубина. Когда немцы одолели средневековый беспорядок удельных владений и стали, наконец, государством – романтический дух превосходства ещё более укрепился сознанием собственной силы, добротности, дисциплины, ума – всё наличествовало в Германии – великой державе Европы. Здешние толпы не надо было трудиться поворачивать к идее расового превосходства немцев, они нуждались только в напоминании.

Счесть именно евреев вражьей расой здесь напрашивалось само собой: антисемитизм в Германии конца 19 столетия бойко наращивал мускулы. В 1879 г. В. Марр основал «Антисемитскую лигу». Студенты изгоняли евреев из своих объединений. В 1880-1881 гг. в Берлине бандиты громили витрины еврейских магазинов, избивали прохожих евреев, в провинции поджигали синагоги. «Антисемитская народная партия» в 1890-е годы набрала на парламентских выборах двести шестьдесят тысяч голосов и провела в Рейхстаг шестнадцать депутатов. Юдофобы выходили и на международную арену: антиеврейский конгресс в Дрездене (1882 г.) собрал 300 делегатов из Германии, Австро-Венгрии и Прибалтики.

Переключение народного интереса на обострившееся в конце века соперничество Германии с европейскими державами несколько снизило антисемитские настроения, но общий фон исчезнуть не мог, как ни старались немецкие евреи выказать верность любимой родине. В годы Первой мировой войны в германской армии служило около

ста тысяч евреев, 12 тысяч погибло в боях – а общество упорно видело в евреях только «ловкачей» и «дезертиров». Что же говорить о Германии после унизительной капитуляции в Первой мировой войне, стране, растоптанной, обессиленной и нищей? Были: держава, мощь, почёт, богатство; ныне: бессилие, безденежье, ничтожество. Из князей в грязь, «мордой об стол». Кто в ответе? И что делать? «Сдвиг в человеке оказался достаточным для формирования новой человеческой породы, которую можно назвать условно «эсэсовской» [**М. Гефтер**, **10**, 31].

Германская почва, обильно унавоженая традиционной юдофобией, а теперь взрыхлённая плугом исторической невзгоды ждала посева. Он нашёлся – расовый антисемитизм, и нашёлся умелый садовник – Гитлер, гроссмейстер ненависти.

Он позаимствовал юдофобию у народа, культивировал, приумножил и развернул увлекательной программой борьбы за общее и личное счастье. Великий мастер охмурения, он понял, что современному безрелигиозному поколению будет чужда юдофобия христианства, и заменил прежний «эмоциональный», как он говорил, антисемитизм – «рациональным», замешанным на понятных народу и чарующих его расизме и дуализме: мы – благородные арийцы, они – подлые евреи, свет – тьма, Добро – Зло.

Гитлер был убеждён, что призван свыше для святого дела: освободить мир от евреев. «Я утверждаю, что арийцы и евреи всегда противостоят друг другу, и если первых я называю людьми, то вторых надо называть как-то иначе. Между ними разница больше, чем между человеком и зверем… Евреи – за пределами природы и и враждебны ей», - гремел Гитлер [**11**, 179]. Под грохот подобных речей немцы с восторгом вспоминали, что древние германцы куда благороднее и последующих христиан, и тем более евреев, породивших христианство. Откликались атеисты-просветители 18 века, проклинавшие евреев за порчу первобытного человека христианской моралью. Гитлер злился: «Совесть – еврейская выдумка». Он видел себя мессией древнегерманской религии, обновлённой расизмом 20 века: «Мы снесём христианскую облицовку и возродим религию, присущую нашей расе». На будущих храмах новой веры по мысли нацистского идеолога Розенберга крест заменялся свастикой.

Гитлер полностью отбросил христианство, иудео-христианскую цивилизацию. Христово «Пустите детей и не препятствуйте им приходить ко Мне, ибо таковых есть царствие небесное» [**Матфей**, 19:14] исполнилось в Катастрофе полутора миллионами детских трупов.

В книге библейского пророка Цефании (Софонии) автор предрекает день гнева Господня, день Шоа: «День скорби и тесноты, опустошения и разорения, тьмы и мрака… Разметана будет кровь их, как прах, и плоть их – как помёт». Тут об евреях в первую очередь, но вот завершение угрозы: «Пожрана будет вся эта земля, ибо истребление совершит Он над всеми жителями земли» [**Софония**, 1:18].

«Вся», «всеми»… Еврейский вопрос – всегда пророчество.

А. Кардаш (АБ МИШЕ)

ИСТОЧНИКИ

1. **И. Бер.** Галут. Иерусалим, 1991.
2. Легенда об Агасфере – Вечном Жиде. Предисл. **М. Горького.** Петроград,1919.
3. **H. Fast.** The Jews. Story of people. New York, 1968.
4. **М. Хэй.** Кровь брата твоего. Иерусалим, 1991
5. **С. Г. Лозинский.** Социальные корни антисемитизма в средние века и в новое время. Ростов-на-Дону, 1929.
6. **Л. Поляков.** История антисемитизма. Эпоха веры. Москва-Иерусалим, 1997.
7. **Н.И. Костомаров**. Богдан Хмельницкий. Том 1. СПб, 1884.
8. Киевская Старина, 1888, т. 7.
9. **Ц. Бахрах**. Антисемитизм в новое время. Бар-Илан, 1991.
10. **М. Гефтер**. Эхо Холокоста. Москва, 1995.
11. **В. Пруссаков.** Оккультный мессия и его рейх. М., 1992.

1.1 Шоа глазами историков

1.1.1
И. БАУЕР
Прошлое, которое не уйдёт прочь

Примерно два десятилетия тому назад профессор Роберт Алтер из Калифорнии опубликовал отрывок из *Комментариев*, из которого следовало, что с нас хватит Холокоста, что концентрация еврейской интеллектуальной и эмоциональной энергии

вокруг этого вопроса является контрпродуктивной, что о Холокосте нужно всегда помнить, но что есть и много новых вопросов на повестке дня, которые требуют внимания. …но память не уходит прочь; наоборот, Холокост становится культурным кодом, символом пороков западной цивилизации. Почему так происходит? Помимо всего прочего имели место и другие проявления геноцида: Хуту и Тутси в Руанде… десятки миллионов жертв маоистских чисток в Китае, Гулаг и т.д. Но убийство евреев все еще порождает постоянно расширяющуюся лавину фильмов, пьес, сочинений, стихотворений, телевизионных сериалов, скульптур, картин, исторических, социологических, психологических и прочих исследований..

Перед нами все еще стоит большая задача разобраться в том, ”как происходил” Холокост. Однако мы должны во все возрастающей степени заниматься вопросом “почему он произошел”. Разумеется, мы не можем приступать к ответу на очень трудные вопросы “почему”, не ответив на вопросы “как”, и большинство из нас все еще в значительной степени занято последним. Но изучение Германии, или в одном случае еврейской Германии, а в другом - бюрократических и социальных структур не дает ответа на вопрос, что ими двигало, за исключением, возможно, маргинальности. Бюрократия, как с такой ясностью показал нам Рауль Хилберг, должна была дождаться своего часа и организовать поезда смерти, используя принципы организации детских выездов на лето. Но здесь нет ответа на вопрос, почему они делали именно это, а не что либо иное… Я полагаю, что исследования общественного единодушия, сформированного идеологиями и мировоззрением, возникшими по прошествии соответствующего исторического времени, позволят дать ответ на вопрос “почему”. Нацистское общество, нацистское руководство и, по крайней мере, значительная часть нацистской интеллигенции исповедовали псевдорелигию, которая требовала действий. Возможно, и частично это уже сделано, проследить происхождение этой идеологии и показать, как она привела к консенсусу в вопросах убийства

В последнее время стало модным полагать, что антисемитизм не может служить объяснением Холокосту… Но отрицание связи между этими двумя явлениями порождает очень простой вопрос: если не существует взаимосвязи между антисемитизмом и Холокостом, тогда почему, спрашивается, нацисты убивали евреев, а не велосипедистов? …нацистский антисемитизм был основой мотивации, которая привела режим к массовому убийству евреев. Как объяснил несколько лет тому назад на конференции в Хайфе британский историк Ян Кершоу, это стало

возможным даже не столько из-за солидарности германского общества с программным для правящей элиты антисемитизмом, ведущим к убийствам, сколько вследствие солидарности с режимом огромной массы немецкого народа, особенно интеллигенции, которая стала приводным ремнём между элитой и остальным населением. Выступать за отсутствие какой-либо связи между антисемитизмом и Холокостом совершенно бессмысленно.

…Мы все еще воюем с проблемой определения самого предмета, которым занимаемся. Давайте внесем ясность: Холокост, Шоа, Курбан, Юдеоцид, как его ни называть, есть имя, которое мы даем спланированной попытке всеобщего физического уничтожения еврейского народа и его частичного осуществления путём убийства большей части евреев Европы… Уникальность события заключается в мотивации убийцы, в требовании уничтожения всех людей, происходящих от трех или четырех еврейских дедушек, за преступление быть рожденным, - осуждении на смерть, основанном на чисто иллюзорных, идеологических, абстрактных “вселенских” причинах, с целью устранения мифического, несуществующего всемирного еврейского заговора; но оно также уникально вследствие уникальности места евреев в истории западной цивилизации; иными словами оно явилось результатом, хотя и не неизбежным результатом, длительного исторического процесса.

Теория утверждает, что нацистская политика убийства немецких душевнобольных и других пациентов, страдающих наследственными болезнями, так называемая Программа эвтаназии, убийство многих цыган и убийство евреев - все это базируется на так называемых расовых, то есть наследственных или генетических принципах, что все это является частью Холокоста. Но нацистская политика по отношению к итальянцам, румынам и японцам также основывалась на расистских принципах, и я могу утверждать, что существует колоссальная разница между проблемами, которые нацисты решали в связи с “чистотой” своей собственной “расы”, или их социальным раздражением по отношению к цыганскому народу, который они обвиняли в наследственной предрасположенности к антиобщественным преступлениям, с одной стороны, и, с другой стороны, всеобщей угрозой нацистскому человечеству, которую они видели в евреях. Отношение к евреям было центральным стержнем нацистской идеологии, и это могло быть в конце концов разрешено лишь тотальным убийством. Отношение к цыганам не было центральным стержнем нацистской идеологии, и насколько я знаю, никогда не было

плана убийства всех цыган. Программа убийства всех, являющихся помехой, была производной от внутренних германо-нацистских задач… Страдания каждого цыгана были точно такими же, как и страдания еврея, поляка или кого-нибудь еще. Но мотивация преследований была совершенно различной, место различных жертв исторического развития так называемой западной цивилизации было различным, и, следовательно, шаги, предпринимаемые по отношению к допустимому и принципиально недопустимому злу, были различными.

Позвольте мне обратиться еще к одному вопросу, а именно к разным формам отрицания Холокоста. Помимо бульварных писаний американских, французских и прочих нацистских интеллектуалов, которые вообще отрицают Холокост… существуют возможно даже более угрожающие явления фальсификации, которые базируются на стремлении общества сделать эти ужасные деяния приемлемыми, придавая им так или иначе тривиальный характер. В Германии берлинский историк Эрнст Нольте продолжает свою необоснованную пропаганду мифа относительно нацистов, которые скопировали свои лагеря уничтожения с советского Гулага, утверждает, что поведение нацистов не отличалось от военных преступлений союзников, таких, как бомбежка зажигательными бомбами Дрездена или сталинские либо маоистские чистки. Цель ясна: освободить германское общество от особой ответственности за Вторую Мировую войну вообще, и за Холокост в частности; чтобы немцы, как сказал впоследствии немецкий консервативный политик Франц Йозеф Штраус, снова шествовали с высоко поднятой головой. Нольте нашел последователей в Германии и в других местах, включая Соединенные Штаты. А когда пережившие Холокост, такие как Арно Дж. Майер из Принстонского Университета (в своей книге *Почему потемнели небеса?*) популяризирует бессмыслицу, будто нацисты видели в марксизме и большевизме своего главного врага, а евреи, на своё несчастье, оказались замешаны в этом; когда он связывает уничтожение евреев с подъемом и спадом германской войны против Советского Союза в книге, которая настолько самоуверенна, что не испытывает нужды в соответствующем научном аппарате, он, по существу, присоединяется к наиболее изощренным формам отрицания Холокоста… Гитлер рассматривал большевизм как выражение разлагающего и разрушительного духа еврейства; его враг возымел силу, которая в его глазах создала большевизм и использовала его для достижения мирового господства. “Коммунист - говорит нацистский документ 1937г. - является

врагом народа и ничем иным как инструментом Иудаизма, который нашел в нем (в коммунизме) инструмент для достижения своей цели: мирового господства”

Та же мысль подразумевается и в еврейских… утверждениях, что жертвы Холокоста являются *кедошим*, святыми, поскольку они являются еврейскими мучениками, убитыми за свое еврейство и, следовательно, страдавшими, как страдали их предки за Святость Имени. …Тем самым скрывается тот факт, что у Холокоста не может быть никакого значения, так как единственное значение, которое он мог бы иметь, есть лишь то значение, которое ему придавали нацисты: для нацистов убийство имело цель, массовое умерщвление было преисполнено значения. Для евреев оно было абсолютно бессмысленным… Они были обычным народом, жертвами убийства; это не делает их святыми, это делает их жертвами преступления. Люди изымались из их жилищ или убежищ и истреблялись без каких-либо видимых причин, по общему согласию истребляющего их общества. Особенно трудно принять, что смерти дорогих нам людей были бессмысленны, и я должен признать, что я противился такому заключению в течение многих лет. Обычный аргумент, состоит в том, что искомое значение лежит в бесчисленных конкретных обстоятельствах жертвоприношения, например, когда дети жертвовали своими жизнями, чтобы спасти родителей, или чаще, наоборот, либо друзья жертвовали собой ради своих друзей, либо евреи ради других евреев. Мятежник выбирает тот или иной вид смерти. Но евреи вообще не имели выбора жить либо выбрать жертвоприношение для той или иной цели, священной или иной, который был у них в течение всей их истории, хотя некоторые евреи по крайней мере шли на смерть, как это делали их отцы, веря, что они умирают во имя Прославления Священного Имени.

Одним из самых ужасных деяний нацистов было лишение их жертв последнего утешения, что их смерть могла бы иметь какое-то значение...

…Я полагаю, что существует, с одной стороны, скорее инстинктивное, чем осознанное понимание того, что убийство евреев было уникальным явлением, в смысле, который я уже старался подчеркнуть: никогда перед этим в человеческой истории не было высокоорганизованного государства, достигшего общественного согласия в стремлении к всеохватному убийству каждого члена этнической или этно-религиозной группы, которую сочли преступной исключительно по идеологическим причинам, не имеющим ни малейшего отношения к реальности…

С другой стороны, это носило характер жертвоприношения, и в основе его лежали специфическая история и присутствие евреев. Евреи составляли одну из

основных опор того, что мы называем западной цивилизацией. Другие, греки, римляне, более не существовали, но нас вокруг все еще было очень много. Нацистское восстание против цивилизации, от которой они почти избавились, *должно было* сделать евреев целью для уничтожения.

В христианской мифологии истинный еврей был распят на кресте во искупление грехов человечества, и когда народ распятого на кресте Мессии подвергался убийству, образ, казалось, возвращается. Евреи должны были страдать, быть принесены в жертву - такова их роль в христианской истории. Если над ними совершаются подобные деяния, это должно рассматриваться как их особый дар христианскому и пост-христианскому обществу; это является естественным. Когда они сопротивляются этому и успешно добиваются своей собственной политической независимости на собственной исторической родине, они выпадают из своей роли. Возрастающее число убежденных христиан полностью отвергают этот традиционный антисемитский образ евреев и с ужасом видят, что их общество мало изменилось, и что Холокост есть суровое испытание, через которое должна пройти их вера. Антиеврейские взгляды, так же, как и проеврейские (которые зачастую представляют собой две стороны одной и той же медали), возникают как следствие зачарованности Холокостом.

Среди многих евреев в западных странах, особенно в Северной Америке, существуют противоположные отношения к памяти Холокоста: одно заключается в стремлении универсализировать Холокост путём включения в него преследований цыган, поляков, чехов, русских, украинцев, сербов и немцев-инвалидов. Это, конечно, приветствуется теми неевреями, которым хотелось бы отделаться от такого неприятного предмета, как евреи, и похоронить его под неопределенными и глупыми фразами типа знаменитого “бесчеловечного отношения человека к человеку”… Евреи обладали сомнительной привилегией быть единственной этнической группой, которая была обречена на полное физическое уничтожение по чисто идеологическим мотивам, как сатанинская сила в человеческом обществе, которая должна быть полностью устранена. Вот в чем состоял нацистский проект убийства евреев, и все эти попытки универсализации представляются… усилиями их авторов убежать от своего еврейства. Они являются выражениями глубинного чувства некоей небезопасности; эти люди чувствуют себя в большей безопасности, когда они могут

сказать “мы такие же, как все остальные”. Холокост доказывает им, что евреи, к несчастью, не являются такими же, как все остальные...

Другое отношение является противоположным: разочаровывающее, обращенное исключительно вовнутрь своей этнической группы отрицание того, что Холокост имел нечто общее с политикой нацистов в целом или с другими проявлениями геноцида, отрицание возможности сравнения его с геноцидом армян, цыган, поляков, камбоджийцев или с другими бедствиями нашего столетия или прошлых лет. Те, кто придерживаются такого отношения, забывают, конечно, что нельзя обосновывать уникальность Холокоста без сравнения его с другими подобными событиями. Они отказываются рассматривать озабоченных неевреев или озабоченных христиан как своих естественных союзников; они предпочитают шествовать в одиночестве. Они замыкаются в себе, в традиционном и полностью контрпродуктивном еврейском жесте противостояния всему миру… Их отношение контрпродуктивно потому, что в конце концов оно лишает Холокост всякого универсального смысла и исключает его из круга интересов не только неевреев, но и тех евреев, которые рассматривают самих себя как евреев в высшей степени, но при этом активны также и в делах всего общества, а по существу и всего большого мира.

... Позвольте мне теперь заняться рассмотрением другого, методологического аспекта: есть огромный объем доступной немецкой документации по совершенному преступлению, и некоторые люди могут счесть эту документацию достаточно надёжной... Однако при более внимательном взгляде мы обнаруживаем большое количество решений, которые проводились в жизнь, но не документировались, потому что это был принятый в Третьем Рейхе способ действовать. Позвольте мне напомнить вам дискуссию, которая произошла в офисе Геринга 12 ноября 1938г. после Хрустальной ночи. Нам повезло получить стенографический протокол… в нём Геринг упоминает о трех прямых распоряжениях Гитлера в связи с еврейским вопросом - сосредоточить все в руках Геринга, удалить евреев из германской экономики, провести переговоры с западными державами о высылке евреев на Мадагаскар. Решение принималось устно, при встрече с глазу на глаз, по телефону и по директиве Бормана от имени Гитлера... Гитлер действовал лично и напрямую, чтобы определить линию в еврейском вопросе, и не имеется сохранившихся документов, за исключением замечаний Геринга на этом собрании. Вопросы

решались устно, и только по счастливой случайности мы обнаружили отражение этой процедуры в документированной форме.

А знаменитый протокол Ваннзее? Мы знаем сегодня, что это сфальсифицированный протокол, что дискуссия была гораздо более развернутой. Документы зачастую пишутся, чтобы прятать происходящее, а не объяснять его… Мы не можем ссылаться исключительно или даже главным образом на германские документы, поскольку именно устное обсуждение дает истинную картину.

Еврейская документация, также не слишком впечатляет. Да, есть некоторые протоколы Юденратов, но они составлялись для немцев, которые читали их или могли читать. Есть дневники, но немного; есть немецкие и польские документы; есть архивы Рингельблюма и Мерсика. Однако, большая часть еврейской документации погибла, особенно в Восточной Европе, вместе с евреями. Нацисты стремились убить убийство. Поэтому, главным источником служат устные свидетельства. Есть коллеги, которые утверждают, что такие свидетельства ненадежны. Но скажите мне, пожалуйста: когда немецкие преступники проявляют себя в послевоенных судилищах или пишут мемуары, им можно полностью верить? Когда начинают публиковаться мемуары государственных деятелей и участников, могут ли они быть полностью беспристрастными? Я должен согласиться, что когда мы имеем десять независимо записанных, подтверждающих друг друга и сопоставимых свидетельств, они заслуживают доверия в большей степени, чем документ о том же событии, составленный некоторыми немецкими или еврейскими источниками или польскими свидетелями, не принадлежащими ни к одной стороне. А у большей части еврейских общин, уничтоженных нацистами, было очень мало или никакой письменной документации. Но есть подтверждающие друг друга свидетельства.

Документация жертв и их общин является важной не только для евреев, но и для каждого; существует жизненная необходимость знать, что случилось с жертвами, и как они на это реагировали. Как реагировали люди, когда они столкнулись со всеобъемлющим и ничем не вызванным убийством? Как они вели себя? Как они относились к своим врагам? Как они относились к безучастным свидетелям? Были ли Юденраты простым орудием в нацистских руках, или, как поступали многие их них, старались различными путями предотвратить и спасти то, что они могли спасти? Мы знаем результат, но это только часть всей истории. Я хочу узнать о жизни накануне смерти... Было ли сопротивление реальной альтернативой для окруженных общин, которой они пытались следовать? Каковы были действительные возможности

руководящих групп? Было ли это сопротивление, вооруженное или нет; каковы были моральные и физические условия для вооруженного сопротивления? Кто помогал, а кто - нет? Что говорили духовные руководители обреченных групп, и что это говорит нам сейчас?

Архивы Восточной Европы могут дать некоторые ответы, которых мы не знаем. Есть исключительная возможность того, что мы можем найти многое о большом количестве еврейских общин, об их жизни и смерти, об упущенной ими возможности сопротивления или о сопротивлении и об их отношениях с нееврейскими соседями. Я бы предложил эти поиски в качестве приоритетных…

…сегодняшние евреи - наследники тех, кто были убиты, и мы должны знать, кто были эти люди, как они жили и как они умерли. Это не есть только вопрос родственной жалости или этнического патриотизма. Была сделана попытка ликвидировать малый народ, занимающий самое центральное место в западной цивилизации. Эта попытка была сделана режимом, черпавшим свое вдохновение из западной цивилизации, против которой он восстал, и которую он хотел заменить глобальным, иерархически организованным расистским обществом. По историческим причинам Центральной, главной жертвой оказались евреи. Повторное открытие многих общин везде, где это окажется возможным, является, тем самым, победой над нацистским проектом культурного, как и физического уничтожения. Эта победа, если она достижима, является универсалистской, а не специфически еврейской, потому, что то, что было потеряно, является своеобразным еврейским вариантом уготованного всей цивилизации. В конечном счете Холокост - это комбинация уникальности и универсальности; уникальным является тот факт, что это случилось с определенным народом, в определенное время, и по определенным причинам, которые делают его столь реальным, столь угрожающим и столь универсальным. Отсюда следует, что факт Холокоста становится культурным кодом; отсюда следует зачарованность Холокостом; отсюда следует его универсальное значение [**1,** 12-22].

1.1.2.

Я. ТАЛЬМОН

Истоки Катастрофы и возрождения*

Никогда еще с истоков своей истории человечество не было свидетелем подобной кампании по истреблению людей… Целая нация была передана «законным» правительством в руки убийц, организованных властями и обученных охотиться и убивать с одной единственной целью: все, вся нация должна быть уничтожена — мужчины, женщины, старики, дети, здоровые, больные и парализованные - все, так что ни у кого из приговоренных к уничтожению не оставалось никаких шансов избежать своей участи.

…У осужденных не было ни судьи, к которому можно было бы воззвать о справедливости; не было правительства, у которого можно было бы просить защиты и наказания убийц; не было соседей, в чей дом можно было бы постучаться и попросить убежища; не было Бога, которого можно было бы молить о пощаде.

…Трагедия, постигшая евреев, отличается от всех предыдущих массовых убийств сознательным и подробным планированием; систематическим выполнением; отсутствием каких бы то ни было эмоций в безжалостном осуществлении решения уничтожить всех, всех без исключения, устраняя любую возможность того, что кто-то, когда придет его черед быть ликвидированным, сможет избежать своей судьбы путем капитуляции, примкнув к победителям и сотрудничая с ними, принимая вероисповедание победителей или продавая себя в рабство ради спасения жизни.

…

Отклонение от традиционных, почти инстинктивных норм, выраженных в заповеди «не убий» — не лишай жизни без справедливого суда, не убивай беззащитных, не причиняй вреда невинным — было в данном случае настолько грубым и беспрецедентным, что трудно понять, как пусть даже полубезумный или сумасшедший фанатик смог не только разработать такой план, но и провозгласить: «Убий!» — миллионы, целую нацию без того, чтобы вызвать немедленную реакцию ужаса: «Почему?! Ты, что, выжил из ума?!!»

Как — вот в чем вопрос — он получил согласие и поддержку своих ближайших «коллег», встретил угодливость масс исполнителей и покорное единодушие тех многих, которым было все равно, или тех, кто не хотел неприятностей. Все они знали — абсолютно точно, или частично, смутно — что происходит, и решили отвернуться и не задавать вопросов.

…Нельзя все объяснить только страхом. Даже самый произвольный акт разнузданного тирана в определенной степени является следствием общей атмосферы, духа времени, социальной структуры, стандарта ценностей.

Освобождение от благоговения и уважения, исчезновение традиционных законов, запрещающих насильственные действия, не происходят за одну ночь; это процесс длительный и постепенный. Однако переход от отсутствия запретов к осуществлению действий, не имеющих себе прецедента, является не только следствием социальной структуры, но зависит также от случая, от атмосферы напряженности, дающей выход буре эмоций, от ситуации, когда все запреты летят за борт, от периода, когда риск и опасность дают определенное оправдание действиям и средствам, вызванным особыми обстоятельствами, при которых другие методы не оправдали себя. Ощущение грозящей опасности освобождает инстинкты насилия и отбрасывает запреты, наложенные институтами общества, сентиментами или подсознанием.

…

...антисемитизм может быть первичным феноменом, однако так или иначе он является функцией внешних факторов. Антисемитизм является частью более широкого целого.

Весь путь отношений между христианами и евреями с самого начала был пропитан невротическими элементами, проявлявшимися с обеих сторон… Иудаизм породил христианство, но евреи в то же самое время являются убийцами Мессии, Провозвестника. Христиане — это человечество, провозвещенное Иисусом, однако, они же являются и новым Израилем, носителями избранности, отнятой у старого Израиля, так как он отверг Мессию — посланника Божьего, а тем самым и самого Бога.

…Насколько справедливо все это по отношению к истории убийства Бога! Верующие в убиенного Бога полны ненависти и жажды отмщения по отношению к богоубийцам, однако, они никогда не забывают и того, что Иисус, его мать, апостолы и апостольская община возникли из народа богоубийц. Они не могут забыть, что Ветхий Завет и все выраженное в нем, идея избранности и предсказания о приходе Спасителя, который явится на исходе дней, все это — предистория, подготовка к христианству, его исток, подготовительный этап на пути к истинной вере, который не может быть стерт. Благодарность является тормозом ненависти, но эта благодарность связана с враждой.

Мы не будем учитывать эллинистическую вражду к блуждающему чуждому народу, избегающему контактов с другими народами и возбуждающему себя верой в свою уникальность и избранность, вражду к нации «ненавистников человечества».

Мы не будем также учитывать влияние этих сентиментов на окончательный разрыв между христианами и евреями, на формирование христианского антисемитизма и принятие им философских, этических, социальных и других антиеврейских аргументов. Специфический невроз, рассмотренный выше, полностью вызван двумя половинами того целого, которое составляют христианство и иудаизм. Это целое проявляется не только в ясно выраженной вражде и в призывах к расправе, но и в проявлениях исключительных симпатий, например, к сионизму, в особенности в первые дни его зарождения, в первые годы после Катастрофы европейского еврейства и в период становления Государства Израиль. Такое отношение вызвано зачастую противоречивыми чувствами раскаяния, чести и стыда. Другими словами, чувства нееврев к евреям отмечены отсутствием равновесия, беспристрастности и непринужденности.

…Столкновение между евреями и германскими и славянскими племенами во времена, последовавшие за падением Римской империи, усложнили этот невроз. Новые правители, невежественные, нецивилизованные варвары, столкнулись с народом древней, несоизмеримо более высокой культуры, с народом чужой веры, образа мышления и обычаев, с расой, окутанной тайной, и происходящей от тех, кто убил Бога.

Эти люди были слабы и беспомощны, однако в то же самое время они были исключительно изобретательны, жизнеспособны и упорны. В глазах церкви евреи ввиду отказа признать Спасителя, согласиться, что они больше не являются избранным народом, стали воплощением упрека и вызова. Презираемые и изгоняемые, они все же не были ни язычниками, ни атеистами. Наказание этих людей было возможно и поощрялось, однако запрещалось их убивать, ибо с каиновой печатью на лбу они оставались живым доказательством справедливости учения и победы церкви и потери избранности Израиля. Изгои, они более ни к чему не принадлежат; «они не могут вступить в общину Господню»; каста воинов закрыта перед ними; их не находят среди крестьян или крепостных рабов; их дела считаются неправедными… они презираемы... Они преуспевают за счет неудач других, и даже их внешний вид вызывает в памяти образы Иуды Искариота или Шейлока.

Затем приходит XIX век, век когда падают разделяющие всех стены, и евреи неожиданно выходят на сцену истории. И вдруг, о чудо! Вчерашние парии достигают феноменальных успехов. Они карабкаются все выше и выше, их дыхание ощущается повсюду. Энергия, накапливаемая веками, вдруг прорывается наружу, отбрасывая

старое и изменяя основы, которые казались незыблемыми, как законы природы. Еврей становится тем парией, который возрос до неожиданного превосходства, слугой, который стал королем.

Образы Иуды и Шейлока, хитрого и лживого еврея, еретика, постоянного объекта вражды благочестивых — эти представления глубоко укоренились в сознании, и неевреи не в состоянии поверить, что успехи евреев достигнуты честным путем и являются действительными плодами таланта, прилежания и тяжелого труда. Либералы обеспокоены и раздосадованы очевидным несоответствием между абстрактными принципами равенства всех людей и равных возможностей, которыми они так гордятся, и своим недовольством тем, что евреи вошли в их среду. Разочарованные жертвы революционных изменений XIX века, а также те, чьи ожидания революционного возрождения оказались обманутыми, сбиваются с толку, оглянувшись вокруг и увидев, что евреи, не имевшие ранее даже места в обществе, являются главными зачинщиками модернизации. Евреи жиреют на ошибках и неудачах других народов и именно они несут за все ответственность, — так спешат заявить недовольные.

... Не следует ставить на одну ступень расистский антисемитизм и проявления вражды к евреям, имевшие место на протяжении поколений. Однако, не следует забывать, что последние имели большое значение в подготовке умов к восприятию расовой теории.

Угнетающие средневековые эдикты, ограничивающие права евреев и бунты против евреев, как богохульствующих против истинного Бога, врагов Иисуса Христа и христианских народов, эксплуататоров и даже убийц христианских детей, отравителей колодцев, носителей яда ереси даже после крещения, как это было в Испании после изгнания; отказ в начале периода Эмансипации гарантировать евреям равные права, так как они являлись народом внутри народа, чужеродным элементом, неспособным и не стремящимся воспринять свежие веяния прогресса и следующим своим путем в соответствии со своей порочной моралью; возведение обвинений в адрес евреев за их космополитизм — разлагающее и развращающее влияние на нацию, ее религию, традиции и национальный дух после того, как евреям были гарантированы равные права; пропаганда христианско-социалистической партии в Германии и Австрии, предостерегающая против допущения евреев на ключевые позиции в общественной жизни; агитация против евреев, контролирующих биржу и

подкупающих чиновников и политических деятелей, — все эти демонстрации еще можно толковать как «защитные» меры неевреев.

... Можно возразить, что представление о еврее, как олицетворенном зле, является лишь новой версией старого мотива, веры в Дьявола или в ведовство. В обоих случаях имеет место страх перед всемогущей и вездесущей силой, исключительным коварством, которые невозможно обнаружить, но присутствие которых чувствуется везде. Я, однако, склоняюсь к тому, чтобы особо подчеркнуть явно современный характер расовых идей, определяющих евреев как неисправимое зло, которое должно быть уничтожено, и приведших к внезапному исчезновению тормозов на пути к убийству.

В результате резких структурных и духовных изменений в Европе после Французской революции евреи стали мишенью и жертвой своего рода неорасизма, направлявшегося с обеих сторон, справа и слева. Несмотря на индивидуализм, плюрализм и подвижность, характерные для современного общества, оно стало, как в теории, так и на практике, единым связанным и взаимозависящим образованием, состоящим из многих элементов.

…Были такие, кто, будучи испуган головокружительными переменами и оскорблен тем, что они считали результатом гниения потребительского общества, обращали свой взор к идеализированным представлениям прошлого. Другие, несшие с собой веру в определяемые прогрессом и гуманизмом достижения свободного, гармонического и справедливого общества, испытывали нетерпимую и неистребимую вражду к силе, стоявшей на пути перехода от царства тьмы к царству света, от рабства к свободе.

Философы XVIII века, такие, как Вольтер и Дидро, возлагали ответственность за это на нетерпимость, суеверия и попов; якобинцы предупреждали об опасности, исходящей от аристократов и их последователей; социалисты разоблачали буржуазию и капитализм; для защитников же идеализируемого прошлого именно Французская якобинская революция рассеяла семена ереси, материализма, восстаний и анархии, разъедающих и развращающих общество.

Такие пути мышления характеризуют концепция абстрактных сил, идей, страстей, интересов и процессов, олицетворяемых целыми группами людей, и осуждение этих групп как виновных, вредных и заговорщических лишь потому, что они существуют. Иными словами, имеет место наличие целых классов людей, само

существование которых является объективным преступлением, и которые, вследствие этого, должны быть отрезаны от тела общества, как больной член. Вопрос индивидуальной вины или ответственности, субъективно положительных данных определенного индивидуума не играет роли — его не существует ни там, ни здесь.

Крайним проявлением такого мышления был тотальный «абсолютный террор» анархистов в конце XIX века, который считал виновными в болезнях общества не только министров и их семьи и сеял смерть в театрах, концертных залах и других общественных местах и на многолюдных улицах. Анархисты утверждали, что все общество прогнило и само несет за это ответственность; что все находятся под влиянием зла и ответственны за чрезмерную гордыню; поэтому все должны понести наказание, испытывая боль в связи со смертью своих детей, братьев и родственников.

... В течение всего XIX века мы слышали угрозы, внушавшие евреям тревогу. Они были слышны как справа, так и слева. Социалист, последователь Фурье, Туссенель пишет целую книгу под названием «Евреи, короли нашего времени». Карл Маркс описывает в двух памфлетах свое хорошо известное, но от этого не менее ужасающее определение еврея как… денежного мешка, краеугольного камня капитализма, носителя яда, характерного для помешанного на деньгах буржуазного общества, уважающего лишь цену и не считающегося с ценностями. Освобождение человечества — это освобождение от евреев.

Германская самоуверенная целостность нации все более и более разрушается под влиянием еврейских идей, импортированных из Франции, — космополитических идей о единстве человечества, о вечных законах природы, правах индивидуума, равенстве всех людей и народовластии. Это то, о чем спорили немецкие романтики в начале XIX века. В конце этого же века французский антисемит Шарль Морра будет горько сетовать на то, что вирусы протестанства и кантианской философии были внесены из Германии во Францию евреями, которые стремятся сломать инстинктивное и традиционное сопротивление католической Франции инфильтрации чужеродного еврейского элемента. Хьюстон Стюарт Чемберлен, пророк расизма и ментор Гитлера, назовет XIX век «веком евреев». Я считаю необходимым процитировать здесь захватывающие дух предсказания Фридриха Ницше, отношение которого к евреям было крайне противоречивым, но ненависть которого к вульгарности антисемитизма несомненна. Предсказания Ницше не продиктованы

антисемитизмом. Евреи Европы достигли Рубикона, и XX век определит их судьбу, «будут ли они владеть Европой или они ее потеряют», — провозглашает Ницше.

«Я до сих пор не встречал немца, который положительно отозвался бы о евреях, — писал Ницше в другом месте, — и несмотря на то, что отречение от антисемитизма является свойством всех осторожных государственно мыслящих людей, эта осторожность мышления направлена не против самой природы антисемитизма, а лишь против его опасных выражений, и в особенности, против неприятных и позорных проявлений этого чувства — в этом мы не должны обманывать сами себя. То, что Германия имеет достаточно евреев, и германские желудок и кровь с затруднениями переваривают уже это количество «еврея» — такое утверждение безошибочно. Это язык инстинкта, к которому необходимо прислушиваться и действовать в соответствии с ним. Не давайте больше въезжать евреям!.. Этого требует инстинкт народа, чья природа до сих пор слаба и неопределенна, так что он может легко быть сметен, легко уничтожен более сильной расой.

Евреи, вне всякого сомнения, сильнейшая, упрямейшая и чистейшая раса в Европе; они умеют преуспевать даже в труднейших условиях, (что кстати, им удается значительно хуже при условиях более благоприятных); они обладают религией, которой нечего стыдиться перед «современными идеями»... . Вполне очевидно, что евреи, если бы они этого захотели — или если бы их толкнули на это, как делают антисемиты, — могли бы иметь доминирующее влияние, даже более того, буквально превосходство над Европой».

В свете того, что действительно произошло потом, выраженная Ницше страсть добиться сплава евреев с прусской знатью с целью создания в Европе новой правящей касты, потрясает.

«Они [евреи] надеются и жаждут, иногда даже слишком назойливо, быть абсорбированными в Европе; они жаждут окончательно поселиться, быть признанными и уважаемыми хоть где-нибудь и надеются покончить со своей кочевой жизнью, с образом «блуждающего жида»; необходимо учесть эти импульсы и тенденции и пойти им навстречу; для этой цели может быть необходимо изгнать антисемитских крикунов из страны.

Вполне обоснованным будет вступление в связь с евреями наиболее сильных и типичных представителей и носителей нового германизма, например, знатного офицера с прусской границы: было бы со многих точек зрения интересно

понаблюдать, сможет ли гений денег и терпения /и в особенности, интеллект и интеллектуальность, так недостающие другой стороне/ быть перенесен в наследственное искусство управлять и повиноваться — оба свойства, которые составили ныне классическую репутацию страны».

... Злобным тоном, полным ненависти и патрицианского превосходства, провозглашал свои угрозы евреям старший друг и коллега Ницше, швейцарский историк Якоб Буркхардт. «Европейские нации, — утверждал он, — не будут более терпеть еврейского вмешательства в их внутренние дела, и в одну прекрасную ночь поднимется буря, которая лишит евреев всех их завоеваний: их контроля над прессой, их доминирующего положения в системе судопроизводства и так далее».

В то же самое время француз Дрюмон провозглашал решение социальных проблем Франции за счет евреев путем конфискации добра, нажитого ими в результате эксплуатации, грабежа и узурпации, которые выдвинули социальные проблемы на первый план.

…все эти разговоры — включая кровожадные проповеди таких немецких юдофобов, как Марр и Дюринг, спровоцировавший Энгельса на написание его знаменитого «Анти-Дюринга» — оставались не чем иным, как только пустой риторикой и пропагандой, хотя и грязной и язвительной. Совсем другое дело — защищать доктрину расового детерминизма, которая стремится решить судьбу народов раз и навсегда и легализирует кровопролитие и лишение жизни.

... Дарвинизм сломал один из самых сильных барьеров на пути к нарушению заповеди «не убий». Уже лишь по этой причине широкое распространение дарвинизма и его исключительное влияние являются своего рода поворотным пунктом в истории человечества. Дарвинизм лишил человека его уникальности в порядке мироздания. Человек более не был сотворен Богом… он не являлся более конечным и законченным созданием с душой, которая возвышала его над всеми другими существами, служившими ему подпоркой. Человек более не располагал прямыми и особыми отношениями со всепрощающим небесным Отцом, распростершим покрывало своего мира над человеком, видевшим творящееся в его сердце, благословлявшего за исполнение Его заповедей, наказывавшего за грехи или осенявшего жертв несправедливости.

Природа, как выяснилось, неблагожелательна, она не заботится о каждом, и самое главное, она не заботится более о самом венце творения, самом человеке. Во вселенной нет ни порядка, ни системы, ни гармонии, которые доказали бы существование Творца. Более того, она характеризуется хаосом и противоречиями, расточительством и антагонизмом, борьбой всех против всех.

Тот легко заметный порядок, вызывающий удивление и уважение, так как он указывает на возможность прогресса и гармонии, — является в действительности лишь плодом борьбы за существование, оплаченным кровью, болью и страданиями. Вся земля - поле битвы человека, усеянное телами существ, которые были отброшены, так как не смогли принять более сильные создания или защититься от них.

…если человечество не является чем-то исключительным, становится трудно говорить о единстве человечества.

Становится также невозможно определить объективную мораль, ибо единственным применением морали является самосохранение, мораль цементирует единство расы в ее борьбе против соперников и врагов. Святость жизни становится противоречием. Слабые не только обречены на смерть, прогресс вселенной объективно требует их сметения или уничтожения, так что лишь самый приспособленный сохраняется для использования силы, данной ему природой для завоевания природы, ее ресурсов, ее потенциала и возможностей…

Хотя и нельзя отождествлять дарвинизм с расизмом, однако, было бы невозможным представить расовую теорию без Дарвина. Причем я говорю здесь не о косвенном влиянии, но о прямой связи.

В своей книге «Падение человека» Дарвин пишет: «У дикарей слабый телом или умом обычно скоро уничтожается… Мы же, цивилизованные люди, делаем все, чтобы предотвратить процесс уничтожения; мы создаем убежища для слабоумных, увечных и больных; мы вводим законы для бедных; наши медики до последнего момента прилагают максимум своих знаний и умения для того, чтобы спасти жизнь каждого.

Всякий, кто занимался скотоводством и уходом за животными, не сомневается, что явления, столь хорошо знакомые ему, могут быть в большой степени применены к человеческой расе... Любой уход ведет к внутривидовой дегенерации. Однако, исключая самого человека, вряд ли кто дает возможность жить и развиваться неполноценным членам своего вида».

Дарвин более откровенно выражает свою мысль в письме от третьего июля 1881 года: «Глядя на мир в совсем недалеком будущем, можно сказать, что бесчисленное количество низших рас будет уничтожено по всему миру более высокими расами».

…в своем знаменитом «Происхождении видов» он пишет: «Я отчетливо представляю себе чистую демократию как общество одного неизменяющегося вида. Меня не интересует, хорошо это или плохо. Так должно быть, и я считаю, что власть всегда должна находиться в руках одного человека, или одной семьи, или класса — иначе естественный отбор неверен».

Доктрина расизма, в особенности ее германский вариант, представляет собой смесь немецкого романтизма и биологической науки, в основном, в ее дарвинистской форме. В период Наполеона культ исключительности Германии, отождествлявшейся с древнегерманским Арминиусом, восставшим против космополитического Рима, проник в область политических идей и отношений между народами.

Задолго до этого возникла целая школа мысли, которая отвергала идею законодательства, базировавшуюся на человеческом разуме или моральном восприятии. Эта «историческая» школа ставила законы в зависимость от географических и естественных факторов национального характера, специфических традиций, местных обычаев и древних мифов. Иными словами, мировоззрение полностью строилось на отрицании единства человечества, которое базируется на универсальной мысли, морали, законе.

Расистская доктрина состояла в научной систематизации этих теорий, которые проложили дорогу к Освенциму. Кровь стала субстанцией, которая определяет каждый аспект и проявление личности от строения черепа до научных открытий и точнейших нюансов художественного выражения, не говоря уже об эмоциональных склонностях или характере поведения.

Это приводит к тому, что общество — община, раса или племя — обладает неизмеримо большей степенью подлинности, чем индивидуум, который не существует вне всеопределяющей, всеобъемлющей реальности…

Древние легенды, мифы и символы становятся иероглифами, расшифровка которых лежит в первобытных слоях человеческой души, способа существования и характера поведения.

Эти первичные явления, которые раскрывают единство души и мгновенной интенсивности оригинального переживания, должны быть защищены от пагубного

вливания вредной чужой крови, от аналитического интеллектуализма, который разрушает, расслабляет, искажает оригинальное, интуитивное и инстинктивное восприятие справедливости.

Кто же является чужим, если не еврей, который жаждет слияния с народами Европы; одновременно посторонний и близкий, чужой и знакомый, проповедующий систему универсальных ценностей — первичности абстрактного разума, чистой, универсальной морали, единства человечества — и презирающий голос крови и первичные инстинкты.

В то же время он сам проявляет неистребимые расовые отличия. Рациональный космополит, он в то же время цепляется за свою исключительную наследственность и хранит чистоту своей собственной расы. Если он выдает своих дочерей за принцев и графов, то лишь для того, чтобы лишить их расовой чистоты, он остается отдельным народом, несмотря на разбросанность среди других народов.

…Итак, вся история, если быть точными, представляет собой непрерывный конфликт между расами, хронику взлетов и падений, расовых единений, вдохновляемых собственными идеями и принципами самосохранения. Не способ производства, а, скорее, состав человеческой крови являлся определяющей силой истории. Войны же ведутся не за универсальное понятие справедливости, равенства или другие абстрактные идеи, а за самоопределение нации путем накопления силы, демонстрации силы, использования силы.

Был ли этот культ силы и жизнеспособности революционным новшеством? В некоторой степени это был путь человечества еще с незапамятных времен.. Путь, но не убеждение, которое кто-либо был бы готов высказать публично, или признаться в нем самому себе без неприятного чувства, без угрызения совести. Ибо рядом с первичным позывом или вопреки ему стояла система иудейско-христианской этики, превозносящей смирение, любовь к человеку, уважение других, трезвость, аскетизм, необходимость правды, веру в справедливость и принцип равенства.

Затем явился Ницше, сумасшедший апостол голой и неприкрытой правды, и сумел сорвать все покровы с шизофрении, лицемерия, лжи и самобичевания, которые окружают раздел между языческим наследием и еврейской этикой.

…Все религии и движения, происходящие от иудаизма, использовали как источник вдохновения мессианские видения — видения, согласно которым произойдет повсеместное универсальное примирение, когда мир станет одной

справедливой общиной, когда народ не поднимет меча на народ, когда справедливость будет править миром.

Ницше, однако, гневно отвергает такое мировоззрение; по его мнению, оно является… вирусом дряхлости и беспомощности. Вместо этого он предлагает мировоззрение вечной войны, укрепляющей сильных, обеспечивающей естественный отбор и выдвигающей немногих избранных. Теоретики расизма поспешили воспользоваться подарком разрушающего все устои общества философа; сторонники элитического неравенства нашли в нем полное оправдание культа личности.

«Универсальное падение человечества, — пишет Ницше, — до уровня «человека будущего» — как это идеализируется социалистическими дураками и недоумками — это упадок и принижение человека до уровня стадного животного (или как они называют его, до человека «свободного общества»), это доведение человека до звероподобного состояния пигмея с одинаковыми правами и обязанностями, несомненно возможно! Тот, кто вник в эту возможность, знает и другое решение, неизвестное остальной части человечества — а быть может и новую миссию!» Иными словами войну на уничтожение против социалистического уравнивания.

[Подобные] формы мышления все вместе убрали последние барьеры вокруг заповеди «не убий». Расистская доктрина запрещала вступление в контакт с любым евреем — носителем смертного яда, дойдя до Хьюстона Стюарта Чемберлена, запрещавшего читать что-либо, написанное евреем. Это закрыло перед евреями все пути избежать коллективного детерминизма и определило космические размеры и решающее метафизическое и историческое значения столкновения — даже более того, непреодолимого антагонизма — между евреями и миром, то есть арийской расой.

Если согласиться с тем, что отличительные свойства и сплоченность расы являются определяющим фактором ее культуры, то из этого следует, что антирасовые характеристики евреев, так же, как и их ловкость и материализм, должны лишить жизненной силы первичные инстинкты расы путем абстрактного интеллектуализма, который сеет сомнения, лишен уверенности в себе и оскверняет священные символы. Это осуществляется при помощи эгоистического индивидуализма, разрушающего общественное единство, пацифизма, усыпляющего бодрствующего воина, манипуляций капитализма и социализма — двух космополитических сил, разделяющих нацию на враждующие фракции.

Антисемитизм был возведен в ранг суррогата научного социализма, или точнее, противоядия против него. Еврейский финансовый капитал стал эксплуатирующим классом; кровь заменила производственные отношения как ключ к историческому развитию; борьба за лишение евреев власти стала классовой борьбой и освобождение от еврейского ярма стало преподноситься как победа бесклассового, националистического общества — братского единства.

Когда один из последователей этой доктрины заметил, что антисемитизм не подходит как политическая программа, Шарль Морра ответил: «В один из дней будет показано, что именно вследствие политики антисемитизма все остальные националистические и монархические движения смогут перейти от концепций к действию».

Аналогично провозглашал и Гитлер: «Мы столкнулись с [еврейским] вопросом, без разрешения которого все усилия разбудить Германию и оживить ее обречены... Это является жизненной проблемой всего человечества, ибо судьба нееврейских народов зависит от ее разрешения».

Большая роль, сыгранная еврейскими марксистами… была использована Гитлером после большевистской революции и создания Коминтерна, как положительное доказательство глобального, сатанинского заговора, направленного на разрушение национальных элит и тем самым на уничтожение всех нееврейских народов. Это, по его мнению, являлось традиционной еврейской стратегией «от Моисея до Ленина»… для того, чтобы обеспечить мировое господство евреев, как это отмечено в «Протоколах Сионских мудрецов».

Космологические построения, видения ночных кошмаров, провокативная и зажигательная риторика — все это служило сметанию древних запретов, разрушению существующих барьеров, пробуждению дремлющих инстинктов... Они были превращены под могучим влиянием исторических событий — первой мировой войны, большевистской революции и последовавшей за ней гражданской войны — в силы ужасающей эффективности.

Потерпевшая поражение Германия развила психоз «нации в осаде», которой угрожает весь мир, с евреями в качестве агентов мирового заговора внутри самой Германии. Распространяя свою либерально-космополитически-пацифистскую пропаганду, работая в оппозиционных социалистических партиях, распространяя пораженчество и игнорируя символы национальных мифов, евреи вонзали нож в спину борющегося немецкого народа. Стоило только пасть Рейху, как появились

они — эти черви на теле — в роли новых правителей и главных сторонников примирения с Западом и соблюдения Версальского договора — иными словами, капитуляции и рабства.

... Нет более сильного свидетельства о заговоре молчания и индифферентности, чем готовность приветствовать клич «Убий!», когда придет время, в следующей выдержке из статьи, появившейся в 1921 году в официальном идеологическом органе социал-демократической партии Германии «Die Neue Zeit»:

«Восточногерманские евреи являются, в основном, пролетариатом, погрязшим в убожестве и жалкой нищете, на самом низком уровне деловой морали... . Большая часть из них не имеет никакого представления о порядке и чистоте; их одежда полна заплат и дыр; их дома до непредставимости грязны...».

В таком же духе социалистический депутат Рейхстага выступил по поводу попыток нелегального перехода в Германию: «Эта банда [еврейских нарушителей границы] не заслуживает права жить. Эти паразиты ... должны быть стерты с лица земли».

…отчет о еврейских трущобах Берлина, направленный в 1920-м году начальником берлинской полиции, социал-демократом, министру внутренних дел, очень смахивает на доклад нацистского гауляйтера оккупированной Польши во время Второй Мировой Войны:

«Район населен ордами наиболее отвратительных элементов, представляющих опасность не только с уголовной, но и с политической точки зрения, так как они привезли с собой с польско-российской родины свои большевистские идеи, которые они рассеивают здесь. Более того, здоровье наших людей находится в серьезной опасности из-за этих эмигрантов. Понятие чистоты для них совершенно чуждо. Их жилища невероятно перенаселены и кишат насекомыми и паразитами. В то же самое время они набиты всякого рода пищей и деликатесами, добытыми и продаваемыми незаконно...

…они не занимаются честным трудом, не платят налогов, стараются избежать любого контроля; с другой стороны, они используют каждую возможность обойти немецкие законы и нанести ущерб, или даже уничтожить немецкое имущество. Совершенно нет никакой необходимости проявить хоть какое-либо внимание к таким людям. Наоборот, настоятельно необходимо, до тех пор, пока они не будут

отправлены обратно в свои страны, сконцентрировать их в специальных лагерях, или еще лучше, обезвредить...».

И вот появляется лунатик [Гитлер], который объявляет, что он «слышит голоса свыше», которые на деле не что иное, как эхо фраз, прочитанных им в брошюрах некоторых вульгарных популяризаторов расистской теории. Однако этот лунатик не имеет никаких тормозов, препятствующих наиболее экстремистским выводам из этих теорий и осуществлению их на практике.

«Если даже и не было бы синагоги, или еврейской школы, или Библии, еврейский дух все равно бы существовал и распространял свое влияние. Он существовал с самого начала, и нет ни одного еврея, который не воплощал бы его». Следовательно, нет иной альтернативы, как физическое уничтожение этой субстанции «из мяса и крови».

Злобный, разрушительный фанатизм Гитлера распространяется среди среднего класса, обнищавшего и лишенного руководства. Опозоренный зажиточными и благовоспитанными, опасающийся быть ассимилированным в среде пролетариата, средний класс имеет лишь одну-единственную, но наиболее восхваляемую ценность — немецкую кровь. Представители этого класса жаждут сильной руки, которая вела бы их, в то же самое время они мечтают о силе и славе, о покорении других народов.

Тем временем немецкая интеллигенция глубоко разочарована, ее мозг деформирован теориями о мощных первичных силах, вырывающихся из глубин души коллектива, она растеряна перед этим проявлением элементарных сил — клокочущего вулкана, выражения их надежд и квинтэссенции нордического духа. Как таковой, он выше законов и выше всех моральных положений; такой человек не может быть привлечен к ответственности за нарушение законов и постановлений. Это нашло свое выражение в воплях радости, с которыми ведущие философы, лучшие драматурги, крупнейшие юристы и знаменитейшие композиторы приветствовали Гитлера в 1933 году. Однако задолго до Гитлера еврей стал для большинства немцев врагом, парией… даже для либералов и социалистов.

Было бы невозможно обойти молчанием вклад большевистской революции в дело разрушения моральных барьеров и в процесс ожесточения человека во всем мире. Гражданская война в России, террор ГПУ, физическое уничтожение целых социальных классов в период коллективизации и индустриализации, отвратительные

показательные процессы, массовые чистки, лагеря каторжного труда, кровавая, беззаконная диктатура — все это давало пример, являлось вызовом и поощрением…

Еврейские руководители революционного режима в России и еврейские коммунисты в их собственных странах отождествлялись жителями Восточной Европы с еврейскими массами, жившими в городах и поселках этих стран. Поэтому евреи воспринимались не как Божьи создания, люди, жившие среди них почти тысячу лет, а как чужеродный элемент, эксплуататоры, наказание с небес. Они искали различные пути, как избавиться от евреев, ждали кого-либо кто спас бы их от этой массы бродяг, блокирующих путь к национальному и социальному сплочению, к истинному самовыражению.

Польские национал-демократы считали, например, что самая опасная из четырех сил, разделивших Польшу, находится внутри. Она была самой опасной именно потому, что не была представлена оккупационной армией, как Германия, Россия или Австрия, но существовала в самой Польше и не могла быть искоренена. Так евреи стали Троянским конем мирового заговора, возглавлявшегося старым врагом Польши, который ныне пытался поглотить новорожденное государство минутой спустя после его рождения.

Поэтому неудивительно, что польский посол в Берлине Йозеф Липский мог аплодировать Гитлеру, услышав мадагаскарский план последнего, и заявить, что за такое почетное дело, как очищение Польши от евреев, польский народ воздвигнет Гитлеру памятник в Варшаве. Неудивительно также, что во время Освенцима польская подпольная печать была способна благодарить Провидение за решение столь трудной для польского народа проблемы способом, до которого никто прежде не был в состоянии додуматься.

Без такого отношения поляков — как и без помощи украинских, литовских, латышских и белорусских приспешников — нацистская кампания уничтожения не могла быть приведена в исполнение; так же, как не могло это произойти без систематической дегуманизации евреев в умах миллионов немцев.

Для них еврей стал, как писал Гитлер Эккарту, «паразитической порослью, распространяющейся по миру, иногда пресмыкающейся, иногда высокомерно выдвигающейся, сосущей вначале фантастические богатства, в конце — иссохшие корни. Ни один народ в мире, даже раса убийц Атиллы, не дал бы ему [еврею] возможности выжить, если бы неожиданно увидел его истинное обличье и понял, что он из себя представляет; крича от ужаса, он задушил бы его в тот же самый момент».

Однако нужны были еще два важных условия, без которых Окончательное Решение не могло быть никогда разработано и выполнено. Первым была война с Советским Союзом; вторым — современная техника. Только в ужасах Армагеддона, алчущего богатых украинских земель для быстро распространяющейся расы господ, лишь в духе крестового похода за уничтожение коммунистического монстра, олицетворяемого евреями и другими низшими расами, — было возможно возрождение вновь после восьми веков древнего призыва Первого Крестового Похода: так как необходимо пройти тысячи миль для того, чтобы убить неверного, можно начать исполнение этого священного долга у себя дома.

... После войны неонацисты всех родов и мастей выдвинули утверждение, будто газовые камеры явились всего лишь гильотиной XX века — более эффективным, быстродействующим и гуманным инструментом уничтожения людей. Несмотря на то, что Эйнзацгруппы осуществляли массовые убийства, используя автоматическое оружие и другие средства убийства, сомнительно, смогли бы они выполнить Окончательное Решение только такими методами. Сомнительно также, смогли бы они выдержать психологическое давление долгое время, несмотря на то, что такие архиубийцы как Гиммлер и Глобоцник, продолжали восхвалять пылкий идеализм и устойчивую лояльность своих подчиненных, которые, стоя по колено в реках крови, и взбираясь на пирамиды тел, упорно выполняли свою миссию во имя фатерлянда, нации и расы.

Историк, который, может быть, бессознательно, упрекает себя за то, что он не исчез в Освенциме, не перенес голода и пыток в бункерах, не был свидетелем смертельной агонии своих родных, не мерз в лесах Белоруссии во времена партизанщины, не принимал участия в восстании в Варшавском гетто — такой историк на годы погребает себя под горами газет и книг, которые отражают его собственное личное мнение о тени смерти, и спрашивает себя: каков смысл величайшего ужаса истории в общем историческим процессе — каково его значение, его цель, его логика?

Может ли Катастрофа европейского еврейства быть заключительным доказательством того, что история движется без каких-либо законов, не преподносит никаких уроков, не служит никаким целям? Что она является в значительной степени последовательностью иррациональных событий, пресных банальностей и

беспричинных ужасов? Склонность принять эту точку зрения означает победу образа мышления преступников — виновников Катастрофы...

Их ересь дала рождение культу силы и жизненности, заменившему собой поиски правды и справедливости. Поскольку они перестали верить в вечные истины, они попали в ловушку извращенного, убийственного идеализма, который дал им абсолютную веру в собственное превосходство и неполноценность всех других. Это тот вид идеализма, который пробуждает в человеке зверя и превращает высокие идеи в обычную рационализацию с целью убивать.

Кроме того, не забудем и современную технократическую философию, которая находит удовлетворение в хорошо выполненной работе и превозносит красоту решения сложной технической проблемы…

Аристотель писал в своем «Трактате о Правительстве»:

«В том индивидуум отличается от остальных животных, что лишь ему одному доступно понятие добра и зла, справедливости и несправедливости, и именно сочетание этих общих сентиментов формирует семью и город... Ибо именно в этом человек является наиболее исключительным из всех живых существ, ибо без законов и справедливости он был бы наихудшим из всех, ибо нет ничего труднее, чем подавить несправедливость оружием, с которым человек рождается — честью и мужеством, которые он может применить для совершенно противоположных целей, — тот, кто неверно обращается с этим оружием, становиться наиболее безнравственным, наиболее бессердечным, наиболее похотливым и наиболее прожорливым».

... Катастрофа европейского еврейства положила конец тысячелетней еврейской истории в Центральной и Восточной Европе. Она решила еврейский вопрос — следствие особых исторических условий — в этом регионе…

Некоторые люди считают, что Катастрофа явилась неизбежным этапом в еврейской истории — родовыми муками национального возрождения, или, иными словами, ценой искупления. Такие высказывания можно слышать либо от крайних националистов, либо от крайне религиозных евреев.

Я лично никогда не буду в состоянии понять этот тезис. Я никогда не смогу верить в Ангела-Хранителя Израиля, который потребовал жизни миллионов детей как цены за национальное возрождение. Нельзя смешивать метафизические и теологические вопросы с историческими и эмпирическими заявлениями о том, что

безнадежное положение евреев после Освенцима, чувство вины в христианском мире и неустойчивая ситуация после войны сыграли роль значительных факторов в деле восстановления еврейской государственности в современном Израиле. Конечно, есть беспрецедентное величие во взрыве еврейской энергии и в проявлении непобедимой воли к жизни в борьбе за еврейскую государственность непосредственно после самого ужасного кровопускания и глубочайшего упадка и отчаяния, которые когда-либо постигли какой-либо народ.

Что такое мученичество?

Умерли ли миллионы мученической смертью во имя Прославления господа? Значительная часть из них была убита, не имея никакого понятия об этом. Значит, они умерли напрасно, являясь просто бессмысленными жертвами человеческого скотства на протяжении всей истории?

Была ли Катастрофа ничем иным, как актом упадка, который может вызвать лишь притупленную боль и бесконечную скорбь? Или, может быть, за непредставимым унижением Катастрофы есть что-то от страшного величия и великолепия? Я имею в виду не только проявления героизма и стойкости в восстании в Варшавском гетто и в борьбе еврейских партизан.

Я имею в виду, в более глубокой перспективе, то, что Катастрофа является следствием столкновения в гигантских масштабах между крайне противоположными мировоззрениями, о чем говорил еще Ницше: между нравственностью и язычеством, святостью жизни и культом войны, равенством всех людей и превосходством немногих избранных, поисками правды и кичливой жизненностью, справедливостью и восхвалением инстинктивных импульсов, предвидением истинного общества равных и перспективой общества господ, правящих рабами.

В наш век демографического взрыва и расовых столкновений, когда в нашем распоряжении имеется все для обеспечения либо Золотого Века для всех, либо уничтожения всего, — будущее человечества зависит, по-видимому, от выбора между двумя возможностями: либо установление истинно справедливого общества, либо восстание Армагеддона и правление сильных. Иными словами, вопрос состоит в том, стал ли Освенцим вечным предупреждением, или лишь первой остановкой на пути к уничтожению всех рас и самоубийству человечества?

…

«Ныне начинается последняя великая революция, — писал Гитлер в «Майн Капф». - Захватывая политическую власть, еврей сбрасывает с себя последние

клочья маски. Демократический плебейский еврей превращается в кровавого еврея, тирана народов. Через несколько лет он попытается уничтожить национальные основы мысли и, лишив народов их естественного духовного руководства, подготовит их к постоянному рабскому подчинению. Самым страшным примером этому является Россия... Однако конец этого — не только освобождение народов, угнетаемых евреями, это конец самого народа-паразита. После смерти жертвы рано или поздно умирают также вампиры».

Накануне своего жалкого самоубийства в берлинском бункере этот архиубийца имел еще достаточно духа (или сумасшествия) потребовать «бесконечной благодарности» мира национал-социализму «за очистку Германии и Центральной Европы от евреев, которые хотели войну и готовили ее».

Ужасны и кровавы гримасы истории [**2**, 35-56].

* *Выступление на конференции в Яд ва-Шем в 1973 г. Пер. с иврита Л.Ценципера.*

ИСТОЧНИКИ

1. The Holocaust and History: the Known, the Unknown, the Disputed,and the Reexamined. Bloomington and Indianapolis, 1998

2. «**АМИ**», Иерусалим, 1993, №3.

1.2. «Окончательное решение»

Организация и выполнение

1.2.1

АБ МИШЕ

Из книги «**Посреди войны. Посвящения**»

Уничтожение евреев гитлеровцы окрестили «окончательным решением еврейского вопроса». В «окончательности» проглядывает и возможный **конец** мира – уж очень успешно поставили нацисты на евреях опыт уничтожения людей людьми. Выяснилось: человечество самопожирается легко и лихо. Гитлер – Сталин – Хиросима – Чернобыль – сколько ещё возможностей прикончить себя? Прикончить. Порешить. Оба глагола одного корня со словами «окончательное решение».

Семантика ухмыляется, История усмехается. И даёт показательное представление.

Театр апокалипсиса. Сценарий – Шекспирам-Кафкам не снилось.

Впрочем, писаного сценария почти нет: не отыскали историки единого руководящего документа с указанием автора, исполнителей, сроков, способов – всего, что принято намечать в преддверии серьёзного дела. А ведь куда как серьёзно: убить миллионы. Нет, не убить – у преступников своя система сигналов и на гитлеровской фене убийство звалось «переселением», «депортацией», «устранением», «эвакуацией», «специальной обработкой», «окончательным решением». Один лишь главарь, фюрер, земной бог нацизма мог позволить себе красивое словцо «депопуляция» или, в русском переводе, коряво, но ярко: «обезлюживание». Заметим, кстати, не «обезевреивание», а обобщённо до глобальности.

С него, Гитлера, начинается список ***Действующих лиц*** Трагедии.

Их – тьма. Только в Германии, только в СС - «охранных отрядах нацистской партии» служило 800 тысяч человек, в «штурмовых отрядах» СА – миллионы, а ещё был *гитлерюгенд*, охвативший почти всю германскую молодёжь, и 600 тысяч различных «политических руководителей», и рядовые немецкие граждане. Среди главных исполнителей

Специальные отряды СС – айнзацгруппы для уничтожения «комиссаров и евреев» на территориях СССР (4 группы: А – Прибалтика, В – Белоруссия, С и D – Украина; в каждой 500-900 солдат, всего 3000). Кроме того, в Европе действовала айнзацгруппа *Рейнхардт*.

Части СС, которые управляли концентрационными лагерями, и *войска СС*, помогавшие айнзацгруппам, когда те не справлялись.

Немецкая армия – вермахт, во многих местах прямой соучастник истребления.

Немецкая полиция и подчинённые ей, а иногда вермахту *местные полицейские части*.

Подсчитано, что гитлеровских преступников-немцев около пяти миллионов. А ведь на оккупированных территориях ещё местное население поучаствовало как в рядах полиции, своей и немецкой, так и самодеятельные энтузиасты: кто немцам служа и прислуживая, кто из корысти, кто личные счёты сводя, кто из идеи. Участие «своих»: земляков, друзей, соседей, сослуживцев, соучеников – заслуживает особого внимания.

К примеру, в конце 1942 года в немецкой *полиции порядка* на территории Прибалтики служили 4428 немцев и 55562 местных добровольца (соотношение 1:12); на Украине и того хлеще: 1 к 15 (около 10 тысяч немецких полицейских и 150 тысяч украинских). Кроме того германской армии и полиции подчинялись 170 подвижных полицейских отрядов из местных жителей и бывших советских военнопленных. Это всё списочный, так сказать, состав. А кто сочтёт желающих поучаствовать ради грабежа, ради «золота еврейского» или квартиры, или хаты, или одёжки? Охотники девочкой еврейской побаловаться, дети-наводчики в поисках премиальной конфетки, алкаши, которым за поимку еврея обещан самогон (Украина) или три литра водки (Польша). Они не на авансцене, они в глубине, они – хор, ведущий действие.

На чёрном их фоне ослепительно выделяются подвижники сопротивления, те, кто спасал евреев, кто воевал с нацизмом, кто оставался человеком на краю ямы и на пороге газовой камеры. Какая пьеса без положительных героев?..

А ещё в Трагедии евреи - шесть миллионов жертв, по всему пространству сцены-Европы клубятся их тени, дымно, глухо, могильно застилают

ПРОЛОГ

30 января 1933 года Гитлер стал *рейхсканцлером* Германии – главой правительства. Поджог здания Рейхстага 27 февраля 1933 года и обвинение в этом коммунистов дали нацистам на парламентских выборах 5 марта 1933 года 288 мандатов из 647. А блок с другими правыми партиями и арест 81 депутата-коммуниста позволили нацистам к маю 1933 года получить в рейхстаге 90% голосов. Германия стала их государством – государством антисемитов.

За евреев они взялись сразу же. Пока не «уничтожить», пока только «устранить». 9-10 марта волна антиеврейских выступлений штурмовиков, 1 апреля – экономический бойкот, затем изгнание евреев с государственной службы (7 апреля), из учреждений медицины (22 апреля), искусства (29 апреля), прессы (17 октября). В апреле 1933 года евреям запретили ритуальный убой животных, 10 мая ввели процентную норму студентов-евреев (менее 1 процента).

Отвлекшись от евреев в 1934 году внутренней грызнёй и резнёй (*Ночь длинных ножей* 30 июня) да в 1936-м, ещё боясь заграничного мнения и в Олимпийские Игры играя, нацисты в остальные предвоенные годы не изменяли своей ведущей теме. Под аккомпанемент юдофобской пропаганды – она всё нарастала и всё более ласкала немецкую душу. В 1935 году евреев выбросили из армии (96 тысяч их воевало за

Германию в Первую мировую войну, 12 тысяч пало) и приняли 15 сентября Нюрнбергские законы, по которым евреи оказались вне закона.

Покатилось: евреям запретили любую работу чиновниками (1937 год), врачами и юристами (1938). Евреи не могли жить в одних домах с арийцами. С октября 1938 года началась *аризация* еврейских предприятий – передача их «арийским» хозяевам с выплатой компенсации в несколько процентов от стоимости (а имущества-то было на 7 миллиардов марок). В 1938 году еврейские имена получили обязательную добавку: «Израиль» у мужчин, «Сарра» у женщин. Паспорта евреев имели пометку «J» (о том и либеральная Швейцария просила Гитлера: чтобы не пускать к себе помеченных). 15 июня 1938 года около 1,5 тысяч евреев были отправлены в концентрационные лагеря.

Всё это делалось для «добровольного» удаления евреев из Германии и присоединённой к ней с марта 1938 года Австрии. В августе в Вене открылось Управление по вопросам эмиграции евреев – руководитель Эйхман. И евреи поехали вон. Нехотя,

а нацистам не терпелось. 28 октября 1938 года жившие в Германии 17 тысяч польских евреев были высланы в Польшу, которая их не приняла. Они мыкались под открытым осенне-мокрым небом на границе у города Збашин, пока польское правительство не снизошло их впустить. Семнадцатилетний сын одного из них, Гершель Гриншпан, живший в Париже, в отместку убил там секретаря германского посольства фон Рата. Нацисты воспользовались этим для организации первого массового еврейского погрома: в *Хрустальную ночь* с 9 на 10 ноября 1938 года в Германии и Австрии был убит 91 еврей, 21 тысяча вывезена в концлагеря, разбиты и сожжены сотни еврейских синагог и домов.

Теперь евреи побежали живее. А им ещё поддали: 21 января Геринг приказал принять «все меры для ускорения эмиграции евреев». Гейдрих возглавил Центральное бюро по делам еврейской эмиграции. 4 июля было создано Объединение евреев Германии, обязанное способствовать эмиграции (прообраз будущих *Юденратов*?). Гестапо отбирало у евреев имущество, заставляя их эмигрировать. Куда? К кому??

В мае 1939 года 907 немецких евреев с кубинскими визами прибыли в Гавану на корабле «Сан Луи». Куба отказалась их принять. Корабль пошёл в Майами – госдепартамент США велел не допускать на берег даже тех, кто прыгнет за борт и попытается добраться вплавь. «Сан Луи» вернулся в Европу.

Великобритания в том же году ограничила въезд евреев в Палестину пятнадцатью тысячами в год. Что касается иных стран, то в июле 1938 года в швейцарском городе Эвиане около 200 представителей 32 стран Америки и Европы собрались на «Конференцию по делам беженцев». Обсуждалось предложение увеличить приём гонимых из Германии и Австрии евреев в другие государства. Конференция окончилась ничем. Одна Доминиканская республика согласилась на въезд ста тысяч евреев: ей требовались рабочие руки.

И тем не менее дело пошло. Накануне Второй Мировой войны на территории Германии с присоединёнными к ней Австрией и частью Чехословакии (с 1938 г.) осталась половина из 850 тысяч евреев, живших там в начале 1930-х годов.

Начало мировой войны – в Трагедии

ПЕРВЫЙ АКТ

1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу, 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии.

Вожделенная Гитлером война! Немцы летят от победы к победе! За полтора года ими заняты Польша (27.09.1939), Дания, Голландия, Бельгия, Норвегия (все в 1940), Югославия и Греция (обе в апреле 1941). Почти все остальные страны Европы примыкают к Германии. Сталин с Гитлером в союзе и дружбе с 23 августа 1939 года…

Звёздный час нацизма. У Гитлера гигантская сила, гигантская власть, миллионы безоружных евреев, и кого теперь бояться, на кого оглядываться? Творить мечту! Немедля!

В 1938 году, загодя, они создали айнзацгруппы СС для выполнения «специальных задач» по уничтожению политических противников и евреев. И не успела ещё Польша пасть, а уже 12 сентября 1939 года на совещании у Гитлера решено истребить всех польских евреев. 21 сентября Гейдрих молнирует начальникам айнзацгрупп инструкцию: **«Еврейский вопрос на оккупированных территориях».**

Это уже – программа. Предварительная, но добротной немецкой, с умом и тщанием, выделки. Гейдрих ли автор, штаб ли его, высочайшее ли совещание, на которое он здесь же ссылается, – все, должно быть, расстарались и вышло на заглядение: чётко, логично, содержательно. Красавец Гейдрих, думается, получал удовольствие, посылая свою молнию.

Прежде всего он предупредил: «Запланированные тотальные меры (т. е. конечная цель) должны держаться в строгом секрете». За каждым словом – сюжет.

«Запланированные» – значит, всё подготовлено, продумано, есть план – руководство к действию. «Тотальные» – глобального масштаба, всеохватывающие меры, вот они в скобках расшифрованы: «конечная цель» – венец наших усилий, господа эсэсовцы, осознайте свою ответственность и своё величие. «В строгом секрете» – это, прежде всего, удобство: убивать исподтишка, со спины, способнее, чем в глаза глядя. И в будущем инициативные исполнители сообразят внутри Трагедии свой спектакль, театр в театре, чтобы жертвам идти в баню, а попадать в газ, выезжать к месту работы, а выгружаться на краю могилы под ствол пулемёта. Пока опомнишься – труп. Другая выгода: психологическая: тайна красива и романтична. Как чёрный мундир СС с серебряными значками, как названия их операций вроде *Хрустальная ночь* или *Мрак и туман* (исчезновение неугодных). Секретность – это для посвящённого приобщение к элите, к избранности, к почти божественной власти распорядиться миллионами жизней, погасить их загадочно… Сверх всего, в потёмках тайны поди-ка потом высвети убийцу. Шито-крыто, наших нет… Секретность!..

Далее Гейдрих на случай возможного недопонимания и нетерпеливости эсэсовских романтиков растолковывает, что конечная цель требует много времени (вон их сколько, евреев, в одночасье не управиться), поэтому идти к ней надо стадиями, «которые будут осуществляться в коротие периоды времени». Не торопясь, но поспешать.

Гейдрих предупреждает: «Запланированные меры требуют самой тщательной подготовки в отношении их технического и экономического аспекта». Не ляп-тяп, значит, а прикиньте, господа, как побыстрее и подешевле: возить жертвы поближе, убивать без заминок, нужных евреев поначалу не трогать, отобранные вещи сберечь неразворованными – вопросы, вопросы, он, Гейдрих, в детали вдаваться не может, он побуждает «начальников айнзацгрупп выработать практические соображения». Вперёд,тевтоны, вам карты в руки!

На том кончается руководящее предисловие, и Гейдрих диктует первую стадию: **«Концентрация евреев сельской местности в больших городах».** Конкретно рекомендуется: действовать быстро, евреев собирать на железнодорожных узлах или станциях (в уме явно дальнейшая перевозка), образовать еврейские Советы (*Юденраты*) для содействия германским властям. Подробно определены функции Юденратов: регистрация евреев, их эвакуация и размещение, питание в дороге и так далее. Юденраты должны состоять из авторитетных людей (раввинов, врачей и т.п.), которые а) могут воздействовать на евреев и б) хороши в качестве заложников.

Всё предусмотрено в инструкции. И комендантский час в новых гетто, и, где нужно, временное сохранение евреев-торговцев для снабжения немецкой армии, как и евреев на военных производствах, и передача еврейских предприятий и земли немцам «или даже польским крестьянам», и периодическая отчётность, и формы её. «Начальники соседних айнзацгрупп должны немедленно установить контакт друг с другом, чтобы полностью покрыть обсуждаемый район» – это завершающая фраза, гимн немецкой обстоятельности.

Убийственные еврейские резервации очень обдуманно создавались именно в Польше, самой еврейски заселённой стране Европы (три миллиона): и ехать за смертью недалеко и поляки охотнее, чем жители Западной Европы, пособят освобождению от евреев.

Оккупированная Польша, верно, в общем не подвела. Началось по немецкой модели – с преследования евреев: отметка на одежде, запрет пользоваться общественным транспортом и зданиями, ходить по тротуару, менять место жительства (где оно, времечко эмиграции?); штрафы, налоги, конфискации, заложники-гаранты еврейской покорности… Трудовая повинность для евреев от 14 до 60 лет: проклёвывалась продуктивная идея «убийства трудом».

А европейских евреев тем временем уже повезли. Ещё до гетто и лагерей, сразу после директивы Гейдриха, 12 октября 1939 года начался вывоз евреев из Вены и Чехословакии в польский район Ниско возле Люблина. Они, а потом их германские собратья прибывали в пустынную гнилую местность, чтобы без пищи и крова погибать от болезней, издевательств и труда по строительству будущего концлагеря. Задуманная там *Люблинская резервация* для массового вымаривания голодом и трудом была похерена нацистским руководством в апреле 1940 года по экономическим соображениям: в евреях ещё нуждались.

Так же не состоялся и план создания концлагеря для 4 миллионов евреев на острове Мадагаскар, перешедшем к Германии вместе с оккупированной Францией. Здесь, в убийственном климате и голоде евреи, по мысли Гитлера, вымирали бы самостоятельно и достаточно неспешно, чтобы быть заложниками для «хорошего поведения» американского еврейства. Тонкий замысел, он уже прямой переход от изоляции к массовому уничтожению. Но везти в такую даль накладно, к тому же у Гитлера не вышло помириться с Англией, а без такого мира нечего заигрывать с Америкой – война до конца. И Мадагаскар был отставлен. Тем более, что уже

разрабатывался *Барбаросса* – план нападения на Советский Союз, а там фюрера ждали новые миллионы евреев.

Директива от 21 сентября 1939 года не ошибалась: одним махом проблему не решить, давайте по стадиям, от гетто начиная, от собирания евреев кучно.

Первое гетто возникло в польском Петркуве Трибунальском 28 ноября 1939 года. На следующий день Гиммлер приказывает карать евреев смертью за отказ переселяться. Пошло-поехало. В многочисленные гетто сгоняли евреев как местных, так и окрестных.

Не всегда и гнать приходилось. Если например, в городском доме, сплошь евреями набитом, запретить выход на улицу, а потом заколотить единственный домовой туалет во дворе, да раз-другой наведаются громилы-грабители с улицы – тут стена гетто покажется спасительной оградой. И шли туда, бывало, евреи сами, даже с охотой шли – под крыло немецкого «порядка» от буйства местной черни.

О переселении предупреждали за день или за несколько часов. С собой разрешалась только ручная кладь. Под гетто отводились самые трущобные районы, селили иногда две-три семьи в одну комнату. Питание: среднестатистический варшавский еврей ел в гетто в два раза меньше, чем узник концлагеря или ребёнок в блокадном Ленинграде; на улице лодзинского гетто можно было увидеть труп с дохлой вороной, недонесенной к раскрытому рту…

Скученность, безработица, голод, холод, болезни – люди в гетто вымирали тысячами. Юденраты лавировали под немецкой пятой в отчаянных потугах выжить. Евреи создавали тайные курсы и школы, библиотеки, бесплатные столовые, делали противотифозные прививки, отправляли религиозные обряды, ставили спектакли, где-то пел хор сирот – люди боролись за человеческий облик. Тратили себя подвижники, жировали подонки, молодёжь уходила в подполье для смертельного боя – страшная, но шла жизнь. А немцам требовалась смерть, и они гнали и гнали людей в гибельные западни. 1 мая 1940 года закупорилось гетто Лодзи (160 тысяч евреев), 15 ноября – гетто Варшавы (полмиллиона).

Одновременно создавались *трудовые лагеря*, где оторванные от семей рабочие непосильно трудились от восхода до заката. Свирепствовали надзиратели, условия здесь были ещё хуже, чем в гетто, – и смерть косила резвее.

Вдали от Польши, в покорённых странах гитлеровцы раскручивали ту же карусель. Евреев преследовали, вводили расовые законы, гнали в концлагеря, в восточные гетто, в *труд до смерти* (появился такой термин у нацистов). Местные

власти и население иногда сотрудничали с немцами, иногда протестовали, иногда самоотверженно защищали евреев. Голландцы, например, на антиеврейские мероприятия ответили 25 февраля 1941 года всеобщей забастовкой, кроваво подавленной.

Худо было евреям, очень худо, но в голову всё-таки не приходило, что они не просто притесняемы, изгоняемы из бытия Европы – они на пороге своего конца. Потому что планируя войну с Советским Союзом, Германия нацелилась приступить к «окончательному решению». 24 февраля 1941 года Гитлер поручил СС подготовиться к массовому убийству евреев после вторжения в СССР.

13 марта 1941 года командование вермахта секретной директивой № 21 намекнуло армии, что в будущей войне на русской территории надо действовать вне рамок международного права и что СС будет независимо от армии выполнять особые задачи. То есть в России «всё разрешено» армии, а СС и сверх того всё можно.

В апреле-мае комплектовались айнзацгруппы и их Управление (штаб) при рейхсфюрере СС Гиммлере.

В конце мая создатель айнзацгрупп В. Шелленберг, замещавший тогда Гейдриха, подписал циркуляр полиции безопасности о запрете еврейской эмиграции из Франции и Бельгии «ввиду ближайшего окончательного решения еврейского вопроса». (После войны Шелленберг сумел заверить, что не занимался евреями, разве что поспособствовал спасению некоторых из концлагерей; ну, не палочка ли выручалочка – секретность?).

Приказами от 13 и 19 мая 1941 г. начальник штаба вермахта Кейтель разъяснил, что в СССР надо беспощадно, «с применением крайних мер» уничтожать всех противников, включая подозреваемых, и эти действия «не обязательно» подсудны даже если они – воинское преступление. Объектами «тотального подавления» названы «большевистские агитаторы, партизаны, саботажники и евреи». 6 июня Гейдрих подписал «**Приказ о комиссарах**»: «Меры против них должны приниматься немедленно, без рассуждений и со всей строгостью». Офицерам СС он на специальном совещании в Саксонии растолковал, что это касается всех коммунистов и евреев – их надо истреблять.

Через 16 дней, 22 июня 1941 года, окрылённые этими указаниями немцы ворвались в Советский Союз, где тогда жило больше пяти миллионов евреев. Кто-то из них на фронт ушёл, кто-то эвакуировался, а почти три миллиона евреев накрыла тьма Трагедии, её

ВТОРОЙ АКТ

Вермахт попёр на восток привычно: победоносно. За передовыми частями – айнзацгруппы. Их работа начиналась без проволочек, сразу после оккупации.

Олендорф (начальник айнзацгруппы, показания на послевоенном суде):

Часть входила в деревню или город. Приказывали старостам собрать евреев в одно место. …якобы под предлогом переселения. Евреев просили оставить ценные вещи у командиров подразделения. Затем их перевозили к месту казни. … Как правило, это был противотанковый ров или просто яма… Их привозили на грузовиках… причём столько, сколько можно было казнить немедленно. Всё производилось по возможности быстро, т.е. промежуток между казнью и осознанием, что это совершится, был очень незначителен.

Олендорф, вероятно, хотел перед своими судьями подчеркнуть «гуманность» расстрела. Но главное: скорость и секретность не давали жертвам опомниться для сопротивления. Впрочем, на советской территории особенно опасаться не приходилось: боеспособные мужчины почти все были в армии. К тому же евреев перед казнью, как правило, заставляли раздеваться, а голому против автомата тем более никак. И убивали немцы обычно в удобном порядке: сперва где-нибудь поодаль от гетто мужчин, вывезя их вроде бы для работы, спустя же месяц-другой – детей и женщин, вовсе беззащитных. Отлаженная технология…

Она варьировалась: «Всех еврейских мужчин казнить [расстрелять], женщин и детей загнать в болота [утопить]» – гиммлеровский приказ в начале августа 1941 года о первом поголовном уничтожении евреев большого города (Пинск, 11 тысяч человек).

При творческом подходе осуществлялись различные идеи, иногда незаурядные: замуровывание заживо в каменоломнях (Крым) или в винных погребах (Сатанов, Украина), сбрасывание в шахты (Донбасс), сожжение за два дня в артиллерийских складах больше 20 тысяч человек (Одесса, румыны отличились)…

Анатолий О-чук (свидетель-украинец, односельчанин евреев, убитых на Волыни, Польша):

В Воротнове узники выкопали 3 траншеи шириной 10 м и длиной 100 м каждая. Детей, женщин и стариков укладывали рядами и простречивали из автоматов. Каждый ряд ложили головой в другую сторону. Убито было 28 тыс. человек. Закапывать согнали местных жителей.

Догадались: каждый для верности прострелен дважды без лишних патронов. В других местах выстраивали казнимых в затылок, одной пулей экономно пробивая несколько спин.

В Лиепае (Латвия) на склоне общей могилы устроили узкую приступочку для жертв, даже недостреленные рушились вниз сами – не надо и хоронить-маяться, время терять…

Иначе зачем человеку голова на плечах, если не для придумок толковых? Английский юрист Э. Рассел в книге «Проклятие свастики» приводит свидетельство очевидца о том, как гестаповцы заставляли евреев прыгать в яму с негашёной известью, а затем закачивали туда воду. Лорд Рассел прерывает цитирование словами: «Дальнейшая часть рассказа очевидца настолько ужасна, что её невозможно напечатать».

В 1941 году появились *душегубки* – крытые машины с красным крестом «скорой помощи» – в них евреев по дороге травили угарным газом от двигателя машин, так что ко рву или яме приезжали уже готовые трупы. Гуманнее даже, чем олендорфовский скоростной расстрел.

Олендорф вот ещё что показал: «В моей оперативной группе было примерно 500 человек, не считая тех, кто привлекался как вспомогательная сила из местных жителей».

На местных сто́ит остановиться. Их не сотни, а **сотни тысяч**: идейные юдофобы, фашисты, немецкие пособники, просто мародёры и уголовники… Они привнесли в немецкую отлаженную систему расстрелов и душегубок поразительную изобретательность. Народная смекалка, распалённая злобой, корыстью, мстительностью, алкоголем, разнообразные рождала находки, вроде (свидетельства очевидцев): «старика подвесили вниз головой и медленно обматывали верёвкой, а под головой стояло ведро с кровью» (Украина, Каменец-Подольский) или «зашили кошку в живот» (Климовичи, Белоруссия).

Погромы местное население устраивало иногда в самые первые дни оккупации – ещё и айнзацгруппы не успевали развернуться. В Каунасе уже до прихода немцев

(24 июня) литовцы начали убивать евреев – в несколько дней уничтожено 3800 человек, сожжены десятки еврейских домов и синагог; во Львове 30 июня – 3 июля убито 4000 евреев.

Немцам такая помощь была очень кстати. Они её и создавали умело. Во Львове (это снято немецкой кинохроникой) населению в первый день оккупации предъявили для опознания трупы узников, убитых советскими карательными органами перед бегством, и объяснили, что убийцы – евреи. На следующий день начался погром.

Организационные усилия оправдывались с лихвой. Во многих местечках и деревнях евреев вылавливали и истребляли земляки без всякого участия немцев.

Не оставалась в стороне и армия. До сих пор многие бывшие генералы вермахта отмывают воинскую честь: мол, они не знали об уничтожении евреев… Но именно военные власти, захватив населённый пункт, издавали приказы о регистрации евреев, о создании гетто, о принудительных работах евреев; армия обеспечивала айнзацгруппы материалами и техникой, а иногда и впрямую соучаствовала в расстрелах, как в гор. Кодыма Одесской области, где по приказу командира корпуса генерала Зальмута триста его солдат вместе с эсэсовцами перебили всех евреев.

В Сталинграде, по свидетельству очевидцев, в октябре 1942 года немцами расстреляна семья Сребник: мальчики Вова и Женя, пяти и семи лет, их мама Надежда, тётя Аля и бабушка Серафима. Это никакие не айнзацгруппы, это армия славного полководца фельдмаршала фон-Паулюса, она вошла в Сталинград 14 сентября.

Случалось, военные для своих нужд сохраняли сколько-то евреев-специалистов, но условия их содержания (часто под охраной солдат) неминуемо вели к смерти.

Совместную деятельность убийц отметили гигантские, в десятки тысяч трупов, могилы: Бабий Яр в Киеве (29-30 сентября 1941 года расстрелян по немецким подсчётам 33771 еврей, потом ещё стреляли и неизвестно, сколько всех, до 150 тысяч по советским данным), Дробицкий Яр в Харькове (26 декабря 15 тысяч), Понары близ Вильнюса (45 тысяч), Девятый форт в Каунасе (18 тысяч), Румбуле возле Риги (25-28 тысяч за две акции 30 ноября и 7-9 декабря), Тучинка около Минска (30 тысяч), Киселевичи под Бобруйском (20 тысяч), Ровно (6-8 ноября, 23 тысячи), Церковщина возле Витебска (до 20 тысяч), Богдановка Одесской области (21-31 декабря, 50 тысяч) и ещё, и ещё…

Цифры приблизительные – чтó за точность в неразберихе войны и убийства? – и почти все за 1941-й год, а могилы наполнялись и в 1942-м и кое-где в 1943-м (Ростов, 16 тысяч).

К концу осени и зимой 1941-42 года истребление приостановилось: тяжёлые осенние дороги, например, затрудняли перевозку евреев в Белоруссии (жаловался тамошний начальник айнзацгруппы Шталекер), рыть могилы в мёрзлой земле хлопотно… К тому же наступление немцев в России теряло напор и в тылу германской армии оккупационным властям требовалась рабочая сила. СС протестовала, но смирилась.

Согнанные в гетто советские евреи должны были работать на Германию и попутно вымирать от голода, холода и болезней. В несколько гетто (Минск, Рига, Каунас и др.) направляли также евреев из Германии, Австрии и Протектората Богемия-Моравия. Это было частью общей программы уничтожения, она по ходу дела уточнялась. Уже через десять дней после начала войны с СССР высшим начальникам СС на советских территориях Гейдрих снова указал евреев среди «подлежащих экзекуции» (директива от 2.07.1941). Штаб войск тыла армии 25 июля опять предостерёг командиров от «снисходительности» и «слабости» по отношению к «представителям еврейско-большевистской системы». Последовали также приказ Розенберга (рейхсминистр оккупированных Восточных территорий) о принудительном труде евреев 14-60 лет (16 августа), приказ по армии от 12 сентября о борьбе «в первую очередь против евреев как главных носителей большевизма» и другие соответствующие распоряжения.

31 июля 1941 года Геринг приказал Гейдриху подготовиться к «всеобщему решению еврейского вопроса на территории Европы» и представить план «мероприятий по осуществлению окончательного решения еврейского вопроса».

20 января 1942 года в пригороде Берлина Гросс-Ванзее Гейдрих созвал совещание высших чиновников СС и ведомств, причастных к делу. Гейдрих сообщил, что с одобрения фюрера отныне эмиграция европейских евреев заменяется эвакуацией на восток. Гейдрих ещё говорил о работе эвакуированных, но уже ясно употреблял слова «часть их будет, несомненно, уничтожена», а выжившие в принудительном труде «будут подвергнуты соответствующему обращению, поскольку вследствие естественного отбора» они особенно опасны.

Совещание, скрупулёзно подсчитав по странам, определило объём предстоящей работы: 11 миллионов евреев. Они ошиблись: в Европе жило 9 миллионов, но с

прицелом на невыявленных они, наверно, не зря подстраховывались. Обсудили и очень беспокойную проблему: кого считать евреем. После дебатов гуманно решили сохранять в отдельных случаях жизнь полукровкам, но стерилизуя их, дабы избежать распространения еврейской заразы. (Эта гуманность позднее не касалась полукровок на русской территории; славянская половина крови была, видимо, водянистее немецкой – поэтому здесь метисы уничтожались).

Итак, определились. И кстати подоспели наиболее совершенные способы убийства.

Прежние методы для вымечтанного нацистами скорого «обезлюживания» не годились: пули до́роги, душегубки не тянули убить миллионы, гетто вымирали слишком неторопливо, кустарщина сожжений и погромов не отвечала ни требованиям технической цивилизации двадцатого века, ни нетерпению гитлеровцев. К концу декабря 1942 года по отчётам СС на советской земле они убили 910091 еврея – меньше миллиона за целых полтора года. Требовался новый поиск.

В 1941 году Гиммлер вызвал в Берлин коменданта концлагеря Аушвиц (Освенцим) Р. Гесса и поручил ему превратить лагерь в промышленное предприятие смерти. Основа производства – технология. Гесс с подчинёнными мучительно искали наиболее эффективный способ убийства, пока не осенило: «Циклон-Б» – газообразное производное синильной кислоты, им травили насекомых. 3 сентября сорок первого года его опробовали на людях – полный успех.

Уничтожение евреев газом было давней, со времён Первой мировой войны, идеей Гитлера. Имелся и опыт: в 1939-41 годах нацисты ради чистоты арийской расы извели в газовых камерах десятки тысяч «неполноценных» – неизлечимо больных немцев. Теперь настало время развернуться

ТРЕТЬЕМУ АКТУ –

промышленному истреблению, конвейеру смерти, когда убийство поставлено на поток по последнему слову мировой техники.

На территории Польши создаются *лагеря уничтожения*. 8 декабря 1941 года в Хелмно около Лодзи начали убивать евреев в душегубках, перевозя якобы в баню. С 1942 года для истребления двух миллионов польских евреев (*Операция Рейнхардт*) заработали три новых лагеря: Белжец (март), Собибор (май) и Треблинка (июль) – все оборудованные камерами, в которые закачивали выхлопные газы от грузовиков;

каждый лагерь обслуживало 25-30 немцев и 90-120 украинцев-военнопленных, специально обученных в лагере СС Травники возле Люблина.

Рядом с Люблином с 1941 года существовал концлагерь Майданек; в 1942 году и его дооборудовали газовыми камерами до кондиций лагеря смерти. Ту же функцию с 1943 года исполнял концлагерь Штутгоф после ликвидации лагерей в Треблинке и Собиборе в результате восстаний их заключённых и после закрытия «отработавшего» лагеря в Белжце.

Грандиозным комбинатом смерти стала система концлагерей Освенцим во главе с лагерями Аушвиц и Биркенау (Бжезинка). С марта 1942 года запущенные в эксплуатацию пять газовых камер Освенцима по расчётам вдохновенных проектировщиков могли ежесуточно травить газом «Циклон-Б» до 60 тысяч человек (восторг германской инженерной мысли!). При камерах располагались крематории, пропускавшие 8 тысяч трупов в сутки. Некремированные *фигуры* (ещё один эсэсовский термин) сжигали на кострах в лесу.

В 1942 году все фабрики смерти начали заглот евреев. Из европейских гетто и пересыльных лагерей – накопителей еврейского люда – покатили поезда в распахнутые пасти лагерных ворот. На воротах, дуря новоприбывших, обманно писали «Труд делает свободным» (Аушвиц), а за воротами комендант говорил при встрече: «Здесь евреи не имеют права жить больше двух недель» («…ксёндзы могут жить один месяц, остальные три месяца», - добавлял он, и это снова подтверждает универсальность Катастрофы, всеобщность «окончательного решения»).

Поезда подкатывали к платформе, где прибывших, кто не умер в пути от голода, жажды, тесноты, жары или мороза, – выбрасывали на делёжку: малую толику оставляли умирать в лагере от мук и труда, большинство гнали в газ. Затем ещё живые перебрасывали уже мёртвых в крематорные печи, и евреи возвращались в мир только дымом, только пеплом и золой, только золотом зубов, вырванных из покойников, только волосами, состриженными с женщин в преддверии газовых камер.

Всё шло в дело в этой промышленности, всё на пользу СС и Великой Германии: не только отобранные у жертв драгоценности и вещи, самоё человек, Божественное создание, как выяснилось, при умелом подходе утилизируется почти стопроцентно. Золотые зубы переплавляли в слитки, в Освенциме плавка давала до 12 килограмм в сутки (те слитки не хранятся ли до сих пор в каких-нибудь надёжных банках?). Куски татуированной кожи шли на безделушки и абажуры. Из трупов вываривали

технические масла и мыло, биологи, сберегая конину, готовили питательные бульоны для бактерий. Кости размалывали на муку для технических нужд, человеческим пеплом удобряли поля и засыпали болота. Женские волосы перерабатывали в фетр и портняжный волос, а чаще использовали для набивки матрацев (не спит ли кто и сейчас на стареньком матрацике с человечиной внутри?). Сушили волосы на чердаках крематориев – использовали тепло от печей…

Чудо как всё было организовано!.. К примеру, в некоторых поездах из Венгрии евреи были заранее разделены по возрасту и полу – это облегчало селекцию прибывших.

А упомянутый уже театр в театре – как он здесь разрежиссировался, как разыгрался! Жертвы до конца не знали конца, их доверчивость избавляла палачей от хлопот гасить сопротивление. Едущих заверяли, что их ждёт новая жизнь и место работы. Иногда предупреждали, что будет холодно, просили запастись дровами, и евреи везли с собой вязанки дров, на которых затем жгли их же трупы. В Аушвице оставленных жить заставляли писать родным открытки из мифического города Вальдзе: «Нам здесь хорошо. Приезжайте» – а потом написавший с ужасом узнавал на освенцимской платформе своего отца. В Треблинке люди, прибыв на вокзал, видели мирный перрон, кассы, расписание поездов на Вену и Гродно, добродушную обслугу, приглашавшую раздеться перед душем («Аккуратно, пожалуйста, чтобы вам потом не дай Бог не перепутать детские ботиночки») – а голыми выйдя к мытью, вдруг попадали под палку, в собачий лай, в вопль «Быстро! Быстро!», и оглушённые, избиваемые – вихрем в грузовик и – в газ. Споро, чётко.

Ра-ци-о-наль-но.

На чертежах лагерей смерти – выверенная планировка, предусматривающая предельно короткий путь к смерти, парадные порядки бараков и ровные линии проходов, зелёная зона прикрывает крематории – замечательный дизайн, со вкусом вычерчивал его прилежный конструктор в светлом бюро, ненадолго отвлекаясь хлебнуть кофе с пирожным или беззлобно пошутить с коллегой. На совесть, добротно срабатывался проект и осуществлялся так же, с немецкой основательностью.

Фабрики смерти не знали заминок. И благодаря радению нацистов, и потому, что когда сионисты (**Нахум Гольдман**) просили союзников разбомбить крематории или хотя бы подъездные пути, благородные генералы (Вейвл, заместитель главнокомандующего Эйзенхауэра) отвечали, что правила галантного ведения войны

не позволяют им бомбить невоенные объекты. Хотя, между прочим, в лагерях в лад универсальности Катастрофы вместе с евреями умирали военнопленные и узники всех национальностей. Всего же в лагерях смерти было уничтожено (опять-таки примерно): Освенцим – 2 с половиной миллиона, Треблинка – 750 тысяч, Белжец – 600 тысяч, Хелмно – 300 тысяч, Собибор – 250 тысяч, Майданек – 200 тысяч. Среди этих 4,6 миллиона убитых, наверно, не меньше двух третей – евреи, три с лишним миллиона.

Но тем потери евреев не ограничиваются. Наряду с «промышленным истреблением» продолжалось истребление и в прежних «патриархальных» формах: голодная смерть в гетто, убийство работой, расстрелы, погромы… А на финише, в 1945-м, когда союзники отвоёвывали территории и концлагеря исчезали, немцы организовали *марши смерти* – пешие перегоны узников с места на место, сотни тысяч их трупов устлали тогда дороги.

«Окончательное решение» осуществлялось последовательно и неуклонно, невзирая на извороты войны и ухудшающееся положение Германии. Правда, с нарастающей очевидностью гитлеровского краха росло и сопротивление нацистским планам в подневольных странах. Оно, наряду с прежними актами помощи евреям, привело к спасению многих тысяч евреев Западной Европы. Однако гитлеровская молотилка уничтожения не сбавляла оборотов до самого конца войны.

В середине 1944 года, терпя поражения и испытывая острую нехватку транспорта для обеспечения боевых действий, немцы тем не менее нашли силы и средства организовать высылку в Освенцим 445 тысяч венгерских евреев, а также греческих евреев из Корфу, Родоса и Крита. И Освенцим перемолол их, никакие трудности снабжения топливом или техникой, уже столь чувствительные на фронтах, не касались лагерного механизма, он подпитывался исправно, работал не только бесперебойно, но и наращивал эффективность и именно в эти дни достиг пика производительности: 24 тысячи убитых в сутки.

Вторая мировая война, по определению израильского учёного И. Бауэра, – «война против евреев в самом серьёзном смысле слова». И когда Гитлер переступал тот порог, за которым хлынула вовсю еврейская кровь, 22 июня 1941 года, – что грезилось ему: только ли разборка со Сталиным, кому из двух волков пасти Европу, только ли русские пространства для нацистской империи или миллионы советских евреев, готовые к закланию впридачу к европейским? Скоростная война – *блицкриг*:

раз-два и в дамки, и все евреи-комиссары, и прочие комиссары, и тем более прочие евреи – в ногах, в грязи, в пыли, в могиле…

С могилой, в общем, получилось. Цифровой итог подводят разно: американский историк Хилбери по немецким данным определил число убитых евреев в 5,1 миллиона, Эйхман похвалялся цифрой в шесть миллионов, а есть подсчёты, дающие 6140500 человек. Как бы то ни было, европейского еврейства как национальной и культурной общности сейчас на деле нет. До Второй мировой войны две трети евреев мира жили в Европе, сегодня – едва пятая часть, да и те забиваются в щели ассимиляции. Финал Трагедии [**1**,11-40].

1.2.2
И.К. ФЕСТ
Из книги «**Гитлер. Биография**»

Что касается уничтожения, то здесь [нацистский] режим развернул невиданную динамику. …эта активность отвечала самой сути и назначению режима, ибо именовалась она «всемирно-исторической задачей», «славной страницей нашей истории», «высшим испытанием», благодаря которому исполнители воспитывались в духе нового героизма и душевной черствости: «Во многих случаях куда легче, — заявлял Гиммлер, — идти с ротой в бой, чем подавлять с той же ротой в каком-нибудь районе сопротивляющееся население с низким уровнем культуры, производить экзекуции, вывозить людей, убирать воющих и плачущих женщин... – вот это в некоторых случаях много, много трудней». Речь идет, так определял он свое задание, в первую очередь о «совершенно ясном решении» еврейского вопроса, решении о «полном исчезновении этого народа с лица Земли». Но поскольку большинство немецкого населения еще не обладало расово просвещенным сознанием, то СС «решали это за наш народ, [мы] взяли ответственность на себя ... и унесем потом тайну с собой в могилу».

До сего дня так и остается невыясненным, когда же было принято Гитлером «окончательное решение», поскольку соответствующих документов не существует. Но по всей видимости, он раньше, чем даже его ближайшее окружение, понял такие слова, как «устранение» или «искоренение» не только как метафоры, но и как акт физического уничтожения... Еще в начале тридцатых годов Гитлер в узком кругу выдвигал требование о выработке «техники депопуляции» и подчеркивал при этом,

что имеет в виду ликвидацию целых народов: «Природа жестока, поэтому мы должны быть такими же. Если я пошлю цвет немецкой нации в стальную грозу грядущей войны, не испытывая даже малейшего сожаления о проливающейся драгоценной немецкой крови, то разве не будет у меня права ликвидировать миллионы представителей неполноценной, размножающейся подобно насекомым расы». Даже примененный впервые в декабре 1941 года в старом уединенном замке в лесу под Кульмхофом метод уничтожения жертв отравляющим газом следует отнести на счет собственного опыта Гитлера в первую мировую войну; во всяком случае, в «Майн кампф» есть пассаж с его сетованиями насчет того, что хорошо было бы тогда «двенадцать или пятнадцать тысяч этих еврейских совратителей народа подержать вот так под отравляющими газами», как это испытали на фронте сотни тысяч немецких солдат... «Окончательное решение»... объяснялось неумолимой последовательностью гитлеровского мышления и было с этой точки зрения просто неизбежно. Обсуждавшийся одно время в Главном управлении СС по делам расы и переселений, а также в Министерстве иностранных дел план по превращению острова Мадагаскар в своего рода гетто для примерно пятнадцати миллионов евреев противоречил намерениям Гитлера в самом решающем пункте. Ибо коль скоро еврейство действительно, как он постоянно заявлял и писал, было главным носителем инфекции великой болезни мира, то не имело смысла создавать для него какую-то резервацию, а следовало уничтожить его как биологическую субстанцию.

Уже в конце 1939 года прошли первые депортации в гетто генерал-губернаторства, но конкретное решение Гитлера о массовых истреблениях было принято, очевидно, в период активной подготовки к походу на Россию. Речь 31 марта 1941 года, познакомившая широкий круг высших офицерских чинов со «спецзадачами» Гиммлера в прифронтовом тылу, представляет собой первое наглядное доказательство наличия плана массовых умерщвлений. Два дня спустя Альфред Розенберг после двухчасовой беседы с Гитлером не без оттенка ужаса поверяет своему дневнику: «То, что я не хочу сегодня записывать, но никогда не забуду». Наконец, 31 июля 1941 года Геринг даст шефу СД Рейнхарду Гейдриху указание о «желательно окончательном решении еврейского вопроса».

Для всех этих событий с самого начала характерно то, что их стремились засекретить. Бесконечные эшелоны, везшие с начала 1942 года систематически учитываемое и сгоняемое вместе еврейское население, шли без указания станций назначения, в сознательно распространявшихся слухах говорилось о вновь

построенных, чудесных городах на завоеванном Востоке. Самим «командам смерти» постоянно давались по поводу их действий самые разные оправдательные объяснения, и евреи изображались то инициаторами сопротивления, то носителями эпидемий — кажется, даже идеологическим гвардейцам национал-социализма были не по плечу практические выводы из их собственного мировоззрения. Бросающееся в глаза молчание самого Гитлера только подтверждает зто предположение... Можно строить какие-то предположения по поводу мотивов, которыми он тут руководствовался, — его мания засекречивания всего и вся, остатки буржуазной морали, стремление толковать события абстрактно и не ослаблять аффект наглядностью происходящего, — но все равно смущает сама картина спасителя, скрывающего свое деяние по спасению где-то глубоко в тайниках своего сердца. Из всей руководящей верхушки режима только Генрих Гиммлер присутствовал однажды в конце августа 1942 года при одной массовой экзекуции, да и то почти потерял при этом сознание, а потом бился в истерике. Бюрократия СС изобрела в конечном свой собственный эрзац-язык, где фигурировали «выселение», «спецобращение», «чистка», «перемена местожительства» и «естественное сокращение».

... По оценкам Главного управления имперской безопасности уничтожению подлежали примерно одиннадцать миллионов евреев, убиты были свыше пяти миллионов [**2**, 287-292].

ИСТОЧНИКИ

1. **Аб Мише.** Посреди войны. Посвящения. Иерусалим, 1998,11-40.
. 2. **И. К. Фест**. Гитлер. Биография. Т. 3. Пермь, 1993.

1.3. Начало Шоа (Германия)

Лишение евреев гражданских прав

1.3.1

Из Программы НСДРП - Национал-социалистической рабочей партии Германии

4. Только лицо немецкой национальности (Volksgenossen) может обладать государственным гражданством. Только лицо немецкой крови может относиться к немецкой национальности, независимо от его религиозной принадлежности. Ни один еврей, следовательно, не может быть отнесен к немецкой национальности.

...

6. Только лицо, обладающее гражданством, имеет право решать вопросы, касающиеся государственного руководства и законодательства. Мы, таким образом, требуем, чтобы только лица, обладающие гражданством, имели право общественной деятельности, независимо от того, осуществляется ли она в национальном, государственном или местном масштабе.

...

19. Мы требуем замену Римского Права, которое служит материалистическому Мировому Порядку, Немецким Правом.

...

23. Мы требуем законов, позволяющих противостоять *преднамеренной* политической лжи и ее распространению прессой. Для того, чтобы сделать возможным создание немецкой прессы, мы требуем:

а) все издатели и работники издательств газет, выходящих на немецком языке, должны принадлежать к немецкой расе;

б) ненемецкие газеты обязаны иметь специальное разрешение со стороны государства на публикацию. Они не могут выходить на немецком языке;

в) всякое финансовое участие в немецкой газете или влияние на такую газету должно быть запрещено законом для не-немцев, и наказание за любое нарушение этого закона будет применено к сомнительной газете как немедленная реакция государства на деятельность не-немцев.

Газеты, которые идут вразрез с интересами общества, подлежат запрещению. Мы требуем законодательных мер против тех течений в искусстве и литературе, которые

оказывают разрушительное влияние на нашу национальную жизнь, и подавления тенденций, которые противоречат вышеупомянутым требованиями.

24. Мы требуем свободы для всех религиозных убеждений при условии, что они не представляют угрозы существованию государства и не угрожают основам благопристойности и морали германской расы. Партия тем самым стоит на позициях позитивного христианства, не связывая себя какими-либо особыми предпочтениями. Она борется против еврейско-материалистического духа *внутри* и *вокруг* нас и исходит из того, что продолжение возрождения нашей нации может быть достигнуто только за счет внутренних усилий на основе: *примата общественного интереса перед частным.*

25. Для выполнения всего вышеуказанного мы требуем:

Создания сильной централизованной власти в Рейхе.

Безоговорочной власти центрального политического парламента над всем Рейхом и над его организациями в целом.

Организации профессиональных союзов для контроля за соблюдением законов Рейха во всех отдельных землях.

Руководство партии обещает оставаться на бескомпромиссных позициях, если понадобится, ценой собственной жизни, утверждая вышеуказанные положения.

Мюнхен, 24 февраля, 1920г. [**1**, 15-18].

1.3.2

Указ от 11 апреля 1933 г.

(*дополнение к* **Закону от 7 апреля 1933 г**.*, запрещающему общественную деятельность неарийцам**)

Личность должна рассматриваться как неарийская, если она происходит от неарийских, особенно еврейских родителей или от родителей ее родителей. Это остается верным даже если только один из родителей или родителей ее родителей является неарийцем. Указанное положение особенно существенно, если один из родителей личности или родителей ее родителей придерживался еврейского вероисповедания.

1. Государственный служащий, который еще не являлся таковым до 1 августа 1914 г., должен доказать свое арийское происхождение, либо доказать, что он сражался на фронте, либо, что он является сыном или отцом мужчины, убитого во

время Мировой Войны. Доказательство должно быть подтверждено соответствующими документами.

2. Если арийское происхождение является сомнительным, должно быть получено заключение эксперта по расовым исследованиям, назначенного Рейхсминистром внутренних дел. [**2**, 642]

* *термин* ***неариец*** *использовался в официальных документах как наименование евреев до принятия в сентябре 1935 г. Нюрнбергских законов о гражданстве и расе.*

1.3.3

Из речи **Гитлера в Рейхстаге 15 сентября 1935 г.** *при принятии Нюрнбергских законов*

…еврейские элементы продолжают проявлять себя как действующие в [международном] сообществе народов подстрекательские и разрушительные факторы.

…этот космополитический мировой фермент взрастил среди германских евреев идею, что, возможно, настало время в демонстративной форме противопоставить интересы евреев национальным интересам германцев внутри рейха. Вопиющие свидетельства, поступающие из бесчисленных мест, говорят о провокационном поведении конкретных представителей этого народа. На основании поразительного увеличения числа таких событий мы можем сделать вывод, что здесь имеет место некая разновидность планирования.

В какой бы степени эти события ни вели к вспышкам энергичных защитных действий со стороны [арийского] населения, у нас нет другого выбора, кроме решения этой проблемы исключительно законодательными мерами. …окончательное решение, ведущее к сегрегации, создаёт основу для приемлемых отношений между германским народом и евреями. Если эта надежда не будет реализована, и еврейское смутьянство внутри Германии и за пределами ее границ будет продолжаться, то ситуация будет пересмотрена.

Настоящий закон представляет собой попытку найти решение еврейской проблемы в законодательных рамках; если эта попытка не удастся, станет необходимым передать эту проблему законным путем национал-социалистической партии для окончательного решения. Национал-социалистическая партия поддерживает все три упомянутых закона, а ее, в свою очередь, поддерживает весь германский народ.

Я прошу вас принять эти законы [**2**, 645-646].

Нюрнбергские законы (15 сентября 1935 г.)

1.3.4

Закон о защите германской крови и чести

Будучи убежденными в том, что чистота германской крови является необходимым условием для будущего существования германского народа и вдохновляясь несгибаемой волей к обеспечению существования германской нации в будущем, Рейхстаг единогласно принял следующий закон, который здесь доводится до всеобщего сведения.

Параграф 1. Браки между евреями и лицами, принадлежащими к германской нации или лицами родственной крови, запрещаются. Браки, заключенные в нарушение данного закона, являются недействительными, даже если они были заключены заграницей…

Параграф 2. Внебрачные отношения между евреями и лицами, принадлежащими к германской нации, или лицами родственной крови, запрещены.

Параграф 3. Евреи не должны нанимать женскую домашнюю прислугу среди лиц, принадлежащих к германской нации или лиц родственной крови, возраст которых меньше сорока пяти лет.

Параграф 5. Вывешивание государственного и национального флага и ношение национальных цветов евреям воспрещается. [**2**, 646-647].

1.3.5

Закон об имперском гражданстве (*гражданстве германского Рейха*)

...**Параграф 2.** Гражданами Рейха могут быть только те жители государства, которые являются лицами германской или родственной крови и которые показывают своим поведением, что они желают и способны не за страх, а за совесть служить германскому народу и Рейху... Только граждане Рейха обладают всей полнотой политических прав [**2**, 647].

1.3.5

Указ о гражданстве в Рейхе от 14 ноября 1935 г. (*на основании* **Закона об имперском гражданстве)**

...**Параграф 4.** (1) Еврей не может быть гражданином Рейха. Он не может осуществлять право голосования по политическим вопросам, он не может заниматься общественной деятельностью. (2) Должностные лица еврейского происхождения должны прекратить свою деятельность до 31 декабря 1935г. В случае, если эти должностные лица служили Германии или ее союзникам на фронтах Мировой Войны, они должны получать в виде пенсии еще до достижения предельного возраста в полном объеме ту зарплату, которую они получали; они, однако, не должны продвигаться на более высокие посты… (3). Дела религиозных организаций не должны быть подвержены вмешательству.

Параграф 5. (1). Евреем является всякий, кто происходит по крайней мере от трех полностью еврейских родителей его родителей. Лицо смешанного происхождения, которое является потомком двух полностью еврейских родителей его родителей также считается евреем, если (а) он принадлежал к еврейской религиозной общине к моменту, когда вышел данный закон или если он вступил в нее впоследствии; (б) он вступил в брак с евреем к моменту, когда вышел данный закон, или если он вступил в брак с евреем впоследствии; (в) он является отпрыском брака еврея с евреем в смысле, определенном статьей 1, причем этот брак был заключен после того, как Закон о защите германской крови и чести от 15 сентября 1935г. был введен в действие; (г) он является потомком внебрачной связи с евреем в смысле, определенном статьей 1... [**2**, 649].

1.3.6

Из **Отчёта Гестапо** *(сентябрь 1935 г.) о реакции населения Германии на Нюрнбергские законы*

Кенигсберг: Необходимо констатировать, что в Алленштейне, городе с преобладающим католическим населением, многие покупки все еще делаются в еврейских магазинах. Следует упомянуть, что некоторая часть католического населения проявляет дружеское отношение к евреям и выказывает недостаточное уважение к расовым законам... Таким образом, собственно в Алленштейне не достигнуто существенного успеха в антисемитских усилиях, и не ощущается

фактического снижения числа евреев. С другой стороны в протестантских городах этого региона наблюдается совершенно иная картина.

Аахен: Новые законы, опубликованные в Нюрнберге, не встретили общественного одобрения... Церковные круги не встретили законодательство, касающееся евреев, с тем спокойствием, которого можно было бы ожидать, учитывая хорошо известную ментальность местного католического населения... Только тот факт, что законодательство, относящееся к евреям, должно было предотвращать крайнюю националистическую и антисемитскую пропаганду и беспорядки, был встречен с удовлетворением. Действительно, было бы желательным прекратить такие антисемитские эксцессы, которые осуждались бы большей частью населения [**2**, 648].

Антиеврейский бойкот 1 апреля 1933 г.

1.3.7

Указания членам НСДРП *[национал-социалистической партии] по организации бойкота*

Приказ всем членам партии!

Следующий приказ в согласованном порядке направляется по всем ячейкам партии и по всем партийным организациям.

Пункт 1:

Комитеты действия по бойкоту против евреев

В каждом местном отделении и организации НСДРП немедленно должны быть сформированы Комитеты действия для практического осуществления систематического применения бойкота еврейских магазинов, еврейских товаров, еврейских врачей и еврейских адвокатов. Комитеты действия несут ответственность за то, чтобы бойкот не касался невинных лиц, но ударил по виновным со всей жесткостью.

Пункт 2:

Максимум защиты для всех иностранцев

Комитеты действия несут ответственность за обеспечение максимума защиты для всех иностранцев, не взирая на их вероисповедание, происхождение или расу. Бойкот является исключительно защитной мерой, направленной только против немецких евреев.

Пункт 3:

Пропаганда бойкота

Комитеты действия должны немедленно приступить к пропаганде и информации с целью популяризации бойкота. Принцип должен быть таков, что ни один немец не будет больше покупать у еврея или позволять евреям или их агентам рекламировать товары. Бойкот должен быть всеобщим. Он должен осуществляться всей нацией и должен поразить евреев в их самое чувствительное место.

...

Пункт 5:

Наблюдение за газетами

Комитеты действия должны самым тщательным образом следить за газетами с целью наблюдать, в какой степени они принимают участие в информационной компании против еврейской враждебной пропаганды*, проводимой за рубежом. Если какая-либо газета не делает этого или делает это лишь в ограниченном объеме, она должна быть немедленно изъята из всякого дома, в котором живет немец. Никакой немец и никакой немецкий бизнес не может принимать участие в таких газетах...

Пункт 6:

Бойкот как мера защиты немецкого труда

Комитеты действия вместе с партийными ячейками в промышленности должны участвовать в мероприятиях разъяснительной пропаганды... и разъяснять рабочим необходимость национального бойкота как оборонительной меры, призванной защитить немецкий труд.

Пункт 7:

Комитеты действия должны быть организованы вплоть до самой маленькой деревни... чтобы в первую очередь бороться с еврейскими торговцами в сельской местности. Необходимо постоянно подчеркивать, что это является исключительно оборонительной мерой, к которой нас вынудили.

Пункт 8:

Бойкот начнется 1 апреля!

Бойкот должен начинаться не постепенно, а осуществиться сразу и полностью; все подготовительные мероприятия к такому действию должны быть произведены заранее. К СА и СС поступят приказы выставить охрану вокруг еврейских магазинов с того момента, как бойкот вступит в силу, с целью удержать публику от вхождения в помещения. О начале бойкота станет известно из почтовых открыток, через прессу, посредством выпуска листовок и т.д. Бойкот должен начаться повсеместно в полной мере точно в 10.00 в субботу, 1 апреля. Он будет продолжаться, пока партийное руководство не отдаст распоряжение о его прекращении.

Пункт 9:

Массовые митинги с требованиями пропорционального представительства

Комитеты действия должны немедленно организовать десятки тысяч массовых митингов, вплоть до самой маленькой деревни, на которых должны выдвигаться требования введения ограниченных квот для евреев во всех профессиях в соответствии с их пропорциями в немецком населении. С целью увеличить воздействие этого шага следует в настоящее время ограничивать требования квот тремя областями:

а) присутствие в немецких высших учебных заведениях и университетах;

б) медицинские профессии;

в) юридические профессии.

Пункт 10:

Необходимость разъяснения за рубежом

Перед комитетами действия ставится также задача обеспечить, чтобы каждый немец, который имеет какие-либо связи с заграницей, использовал их с помощью писем, телеграмм и телефонных звонков. Он должен распространять правду о том, что в Германии царят спокойствие и порядок, что немецкий народ не имеет более горячего желания, чем желание работать в мире и жить в мире со всеми остальными, что его борьба с враждебной еврейской пропагандой представляет собой исключительно оборонительную акцию.

Пункт 11:

Спокойствие, дисциплина и никакого насилия!

Комитеты действия ответственны за обеспечение того, чтобы эта борьба протекала в условиях полного спокойствия и абсолютной дисциплины. В будущем также ни один волос не должен упасть с головы еврея! Мы справимся с этой враждебной компанией простым беспрекословным выполнением перечисленных мер. Более чем когда-либо прежде, теперь необходимо, чтобы вся партия проявляла слепое послушание, подчиняясь руководству как один человек ...[**1**, 32-5]

* *стандартное обвинение евреев нацистами*

1.3.8

Из дневника **Геббельса**

1 апреля 1933г.

Бойкот противостоит враждебной международной пропаганде. Я проехал по Тауенцен Штрассе с целью наблюдать за ситуацией. Все еврейские предприятия были закрыты. Снаружи у их входов были расставлены люди СА. Публика всюду провозглашала свою солидарность с этими людьми. Дисциплина была образцовой. Впечатляющее зрелище! Все совершалось в полном спокойствии; и так во всем Рейхе…

В полдень 150 000 берлинских рабочих промаршировали по Люстгартену с целью присоединиться к протесту против зарубежных инсинуаций. В воздухе царило неописуемое возбуждение.

Пресса действовала уже с полным единодушием. Бойкот явился большой моральной победой Германии. Мы показали всему миру, что мы можем призвать всю нацию без каких бы то ни было волнений или эксцессов. Фюрер снова оказался прав.

В полночь бойкот прекратился в соответствии с нашим собственным решением... [**1**, 35-6].

Реакция евреев Германии

1.3.9

Л. ФЕЙХТВАНГЕР

Из романа «**Семья Опперман**»

(о судьбе еврейской буржуазной семьи, давно и успешно укоренившейся в Германии; действие происходит до и сразу после прихода к власти нацистов)

Опперманы поселились в Германии с незапамятных времён. . Предки их жили в Эльзасе. Были они там мелкими банкирами, золотых дел мастерами, купцами. Прадед нынешних Оппермановв переселился из баварского города Фюрта в Берлин. Дед - Эммануил Опперман - в 1870-1871 годах занимался крупными поставками для действовавшей во Франции германской армии. В грамоте, висящей ныне под стеклом в главной конторе Торгового дома, немногоречивый фельдмаршал Мольтке засвидетельствовал заслуги господина Оппермана перед германской армией. Несколько лет спустя Эммануил Опперман основал мебельное предприятие, рассчитанное на вкусы широкого потребителя. Путем стандартизации производства он создал для своей клиентуры доступные цены. Эммануил Опперман любил своего клиента. Он прощупывал его со всех сторон, угадывал его сокровенные желания, создавал ему новые потребности, удовлетворял их. По городу широко распространялись его добродушные остроты, в которых здравый смысл берлинца хорошо уживался с характерным для Эммануила Оппермана беззлобным скептицизмом. В Берлине, а вскоре и за его пределами Эммануил Опперман стал популярной фигурой... Прочная и многообразная связь Эммануила Оппермана с населением немало способствовала тому, чтобы равноправие немецких евреев, существовавшее только на бумаге, стало реальностью, а Германия — их подлинной родиной.

... В первые годы Эммануил Опперман не сам производил мебель для продажи, а заказывал её Генриху Вельсу-отцу, в то время молодому добросовестному ремесленнику... После смерти Эммануила Оппермана... когда дело перешло к [наследникам] Мартину и Густаву, они открыли собственную фабрику...

Генрих Вельс-сын наблюдал за этими переменами с затаенной злобой. Он был несколькими годами старше Густава, был трудолюбив, солиден, своенравен, медлителен. Он открыл при своих мастерских образцово поставленные магазины и вел дело с величайшей тщательностью, стремясь сравняться с Оппермановыми. Но это ему не удавалось. Его цены не могли конкурировать с ценами оппермановской стандартной мебели. ...большинство людей предпочитало платить дешевле, мирясь с тем, что покупаемые вещи, быть может, несколько худшего качества. Генрих Вельс

не мог понять этого... Не видят, что ли, обманутые покупатели, что над его вельсовским столом мастер работал восемнадцать часов, тогда как оппермановскос добро - фабричный хлам? Нет, они не видели этого.Они видели только, что у Вельса стол шел за пятьдесят четыре марки, а у Оппермана за сорок. И покупали у Оппермана.

Генрих Вельс перестал понимать мир. Озлобление его росло.

В последние годы, правда, стало лучше. Все громче заявляло о себе движение, которое считало, что ремесленный труд более соответствует духу немецкого народа, чем стандартизованное интернациональное фабричное производство. Движение это называло себя «национал-социализм». Оно насаждало мысль, с которой Вельс давно уже носился: что в гибели Германии виноваты евреи, с их универсальными магазинами, с их изворотливостью в торговых делах. Генрих Вельс всей душой примкнул к движению. Он стал председателем районного отдела национал-социалистической партии. С радостью наблюдал он, как крепнут национ-налисты. Правда, обыватель по-прежнему предпочитал покупать более дешевые оппермановские стулья, но при этом он хоть ругал Оппермановв. ...

Во все девять магазинов оппермановской фирмы посыпались юдофобские письма: по ночам на витрины оппермановских магазинов наклеивались антисемитские листки. Старая клиентура уходила. Чтобы удержать покупателей, приходилось не меньше чем на десять процентов снижать цены по сравнению с ценами конкурента-нееврея... Под нажимом национал-социалистской партии власти изыскивали всевозможные поводы для придирок и каверз. Генрих Вельс выиграл бой: разница в ценах на его и оппермановскис товары сокращалась все более и более.

... [Густав Опперман] задумал собрать в вечер своего пятидесятилетия всех, кто играл какую-нибудь роль в его жизни: родных, старых служащих фирмы, друзей из Общества библиофилов, из театрального клуба, из спортивного ферейна, любимых женщин. После ужина он с удовольствием отметил, что легкие вкусные блюда изысканного меню развязали языки, и прежняя натянутость исчезла.

Гости - человек двадцать - оживленно болтали, расположившись группами, но так, что ни одна из них не обособлялась от остальных. Говорили о политике, - это,

к сожалению, стало неизбежной темой. Непринуждённей всех держал себя, как всегда, Жак Лавендель. Лениво рассевшись в самом удобном кресле, полузакрыв хитрые, добродушные глаза, он с иронической терпимостью слушал Карла-Теодора Гинце,который огулом разделывал всех нацистов. По мнению Гинце, все сторонники «движения» .были либо дураками, либо жуликами. В улыбке, бродившей по широкому лицу Жака Лавенделя, сквозила раздражающая снисходительность.

- Вы несправедливы к этим людям, дорогой господин Гинце, - сказал он приветливым, хрипловатым голосом, покачивая головой. - Сила этой клики как раз в том, что она пренебрегает разумом и обращается к инстинкту. Нужна сметливость и сила воли, чтобы проводить это с такой последовательностью. Господа эти, как все хорошие дельцы, отлично знают свою клиентуру. Товар у них плохой, но ходкий. А пропаганда - первый класс, скажу я вам. Вы недооцениваете «фюрера», господин Гинце. Фирма Опперман могла бы радоваться, заполучи она такого заведующего для отдела рекламы.

Господин Жак Лавендель говорил негромко, и все же его хрипловатый голос почти без всяких усилий заставлял себя слушать. Но соглашаться с тем, что говорит этот голос, никто не хотел. Здесь, в культурной обстановке дома Густава Оппермана, никто не склонен был признать за такой нелепой штукой, как фашизм, какие-либо виды на успех. Книги Густава Оппермана стояли вдоль стен; обе комнаты - библиотека и рабочий кабинет - красиво переходили одна в другую: с портрета Эммануила Оппермана до осязаемости живо смотрели на собравшихся хитрые, добродушные глаза. Вооруженные знанием своего времени, насыщенные культурой столетий, имея за собой внушительные текущие счета в банке, люди эти крепко стояли на земле. Они улыбались при мысли, что прирученное домашнее животное - мелкий буржуа - грозит вернуться к своей волчьей природе.

Юркий Зигфрид Бригер рассказывал анекдоты о фюрере и возглавляемом им «движении». Фюрер вовсе не немец, а австриец, и вся его деятельность не что иное, как месть Австрии за поражение, нанесенное ей Германией в 1866 году. Мыслимо ли вообще юридически узаконить антисемитизм? Каким образом установить, кто еврей, а кто не еврей?

- Меня бы они, конечно, сразу узнали,— добродушно сказал Бригер, показывая на свой длинный нос.— Но разве большинство немецких евреев не ассимилировались настолько, что лишь от их доброй воли зависит признать или не признать себя евреями?

... Гости улыбались. ...фашизм представлялся им лишь грубой демагогией, поощряемой милитаристами и феодалами, спекулирующей на темных инстинктах мелкого буржуа. Так воспринимал его профессор Мюльгейм, остривший над ним умно и цинично, так при всей своей осмотрительности благоразумных дельцов воспринимали его Опперманы; так воспринимали его дамы — Каролина Тейсс и Эллен Розендорф. Беседа текла мирно, пока один из гостей не нарушил приятное настроение вечера, переведя, к общей досаде, на трезвый язык будней то, что Жак Лавендель высказывал с добродушной оглядкой, а Фридрих-Вильгельм Гутветтер—в поэтических абстракциях. Семнадцатилетнюю Рут Опперман, которая весь вечер сидела молча, теперь вдруг прорвало:

- У вас у всех замечательные теории, вы так умно всё объясняете, вы всё решительно знаете. А те не знают ничего; пусть их теории глупы и противоречивы,- им на это наплевать, зато они знают твердо, чего хотят. Они действуют. И я говорю тебе, дядя Жак, и тебе, дядя Мартин: они свое сделают, а вы останетесь на бобах. - Она стояла среди гостей, неуклюжий подросток, синее платье некрасиво висело на ней: ее мать Гина Опперман не умела ее одевать; черные волосы Рут казались растрепанными, несмотря на тщательную завивку. Небольшие глаза на смуглом лице девушки смотрели горячо, решительно, и речь ее была далеко не детской.

... Профессор Эдгар Опперман, медик, беседует с господином Франсуа, директором гимназии королевы Луизы. Темно-русый Эдгар, несколько грузный, как все Опперманы, но вместе с тем очень подвижный, высмеивает нелепую произвольность всех расовых теорий. Сколько проделано исследований крови, измерений черепа, исследований свойств волос — и все безрезультатно. Эдгар Опперман говорит живо, без тени профессорского менторства, много и быстро жестикулируя; руки у него легкие, не такие мясистые, как у других Опперманов, руки выдающегося хирурга.

- Я никогда не замечал,-заключил он, улыбаясь, - чтобы гортань так называемого арийца иначе реагировала на определенные раздражения, чем гортань семита.

Сам он не был ни евреем, ни христианином, ни семитом, ни арийцем. Он был ларингологом, ученым, настолько верящим в науку, что у него не оставалось даже презрения, гнева или сострадания к авторам и последователям расовой теории.

Директор Франсуа горячо с ним соглашался. И он в первую голову ученый, филолог. Страстный любитель немецкой литературы, давнишний член Общества библиофилов, он был в близких, приятельских отношениях с Густавом Оппermаном. Человеческая природа, утверждал он, на протяжении всей истории нисколько не изменилась. Взять, например, движение Катилины. Поразительно, до чего оно даже внешне походит на фашистское движение. Те же приёмы: хоровая декламация, подстрекательские речи, бессовестная демагогия, низкопробное невежество.

Будем надеяться, что и среди нас найдется вскоре свой Цицерон, - заключил директор Франсуа...

... Жак Лавендель продолжал... развивать свою теорию... Всякое опасное политическое движение развивается на глазах у всех годами, а бывает, что и десятилетиями, и никогда никто-вовремя не делал необходимых выводов. Изучая историю, он всегда изумлялся, как поздно люди, которых это касалось, начинали думать о спасении. Почему, черт возьми, многие французские аристократы так глупо дали революции застигнуть себя врасплох, когда каждому школьнику теперь известно, что уже по произведениям Руссо и Вольтера, за десятки лет до того, как революция разразилась, ее можно было совершенно точно предвидеть?..

...вот они сидят все вместе, все семейство Оппermанов, сидят широко, прочно. Время бурное, оно не раз уже грозило смять их, но они выдержат: у них хватит устойчивости. Они и портрет старого Эммануила - одно, им не приходится краснеть перед этим портретом, и его краски из-за них не поблекнут. Они завоевали себе в этой стране место, хорошее место, но и заплатили за него хорошо. Они сидят прочно, довольные, уверенные...

[*После прихода нацистов к власти в Германии Густав Опперман уезжает («на время», как он думает) в Швейцарию. Его посещает там приехавший из Германии немецкий юрист Бильфингер*].

…они сидят, залитые солнцем, на зеленом холмике на берегу озера, и Бильфингер рассказывает. Он жил, в Швабии, недалеко от Кюнцлингена, в поместье, которое должен со временем унаследовать у своего дяди - президента сената фон Даффнера. 25 марта Бильфингер поехал в Кюнцлинген, в банк за деньгами. Он видел, как отряды нацистов под командой штандартенфюрера Клейна из Хейльбронна заняли Кюнцлинген, окружили синагогу, прервали субботнее богослужение, мужчин выгнали на улицу, а женщин заперли, не сказав им, куда угоняют мужчин, Мужчин привели в ратушу и стали «искать у них оружие». Для чего могло понадобиться людям, идущим в синагогу, оружие, осталось невыясненным. Как водится, людей избивали стальными хлыстами и резиновыми дубинками. Страшно было глядеть на этих несчастных, когда они вышли из ратуши. Семидесятилетний старец, некто Берг, умер в тот же день от разрыва сердца, как было потом официально заявлено. Бургомистр посоветовал евреям, которые в большинстве своем пользовались в городе любовью и уважением, немедленно покинуть Кюнцлинген, так как он не может поручиться за их неприкосновенность. Но лишь немногие были в состоянии последовать его совету, большинство было приковано к постели.

Его, Бильфингера, история эта возмутила, и он в сопровождении своего дяди, вышеупомянутого господина фон Даффнера, поехал в столицу Швабии Штутгарт, где подал жалобу заместителю министра полиции. Последний, некто доктор Диль, немедленно вызвал кюнцлингенского бургомистра. Бургомистр, увиливая от прямого ответа, то подтверждал, то отрицал факт избиения. Любого, кто посмеет разгласить их «подвиги», нацисты грозили изувечить так, что он вовек не забудет. Для точного выяснения всех обстоятельств этого дела министр послал в Кюнцлинген специальную комиссию... Однако расследование повлекло за собой лишь четырёхдневное заключение в подследственную тюрьму одного из насильников… В самой влиятельной газете Штутгарта об этих событиях сообщалось так: «Вблизи Мергентейма были произведены поиски оружия среди

некоторой части населения. При обыске были допущены достойные порицания действия, вследствие чего один из обыскивавших задержан».

...он, Бильфингер, юрист, страстно преданный своему делу. Мысль, что деяния, явно преступающие.четкие параграфы имперского уголовного кодекса, не наказуются, не давала ему покоя. Он стал присматриваться к тому, что творилось в районе Мергентейма, Ротенбурга и Крайльсгейма. Собрать проверенный материал было не так легко: потерпевшие жестоко запуганы, иные чуть не до сумасшествия. Им самим, жёнам их и детям пригрозили — если они пикнут, им несдобровать. И люди никого не подпускают к себе, боятся слово проронить. Но Бильфингеру все же удалось повидать и даже допросить кое-кого из раненых, говорить с заслуживающими доверия очевидцами, чиновниками регулярной полиции, врачами, которые пользовали пострадавших; он видел фотографические снимки. Нет никакого сомнения, что в этом районе имело место нарушение общественного порядка, организованные погромы, явное нарушение гражданского мира.

В местечке Бюнцельзее, например, «коричневые» пинками и побоями заставили тринадцать евреев пройти процессией по всем улицам; передний, держа в руке знамя, должен был при этом кричать: «Мы лгали, мы обманывали, мы предавали свое отечество!» Людям вырывали волосы из бороды и на голове, нещадно били их стальными хлыстами и резиновыми дубинками.

... В Венсахе девятерых наиболее уважаемых евреев поставили в ратуше лицом к стенке. Начался «допрос». Если кто-либо, отвечая на вопрос, машинально поворачивал голову к спрашивающему, его били по щекам. Среди «допрашиваемых» таким способом находились двое бывших офицеров-фронтовиков, один из них потерял на фронте руку. Многие жители города, христиане, громко изъявили свое негодование, свое возмущение.

...Он [Бильфингер] и его дядя, президент сената, отправились в Берлин заявить протест руководящим деятелям нового режима...Но повсюду в ответ только пожимали плечами, а если они настаивали на своём, им отвечали резкостями. Вообще в Германии сейчас очень косо смотрят на частных лиц, вторгающихся в

область юстиции... Один благожелатель посоветовал Бильфингеру и его дяде ретироваться за границу: им угрожал «превентивный арест»... Арестованных заключают в концентрационные лагеря.... Концентрационные лагеря - самодержавное царство армии ландскнехтов, а они не терпят вмешательства никаких других властей. Ландскнехтов вербуют главным образом среди безработной молодежи. Они-то и призваны прививать профессорам, писателям, судьям, министрам, лидерам политических партий «качества, требуемые духом нового времени».

...Бильфингер говорил медленно, без пауз... Он настоятельно просит Густава правильно понять его. Его волнует не наличие тех или иных преступлений, а факт их безнаказанности. Он, Бильфингер, насквозь немец, но он вместе с тем и насквозь юрист. Нет ничего удивительного в том, что среди шестидесяти пяти миллионов населения есть убийцы, есть выродки, но как немцу ему стыдно, что отрицание права и нравственности, свойственное первобытному человеку, провозглашено мудростью нации и возведено в идеал и норму. Организованные еврейские погромы и расстрелы рабочих, утверждённая законодательством антропологическая и зоологическая бессмыслица, узаконенный садизм — вот что его так возмущает. Он происходит из старинной семьи юристов и считает, что жизнь без правовых норм теряет свою ценность. Ему нечего делать с правом, которое новые властители ввели вместо римского и которое основано на принципе — человек не равен человеку: «чистокровный немец» господин по рождению, он самой природой поставлен выше других и подлежит суду по иным правовым нормам, нежели «нечистокровный немец». Он, Бильфингер, при всём желании не может признать законом декреты фашистских «законодателей», ибо одну часть этих законодателей следовало бы, согласно правовым нормам, существующим решительно у всех белых народов, бросить в тюрьмы как преступников, а другую, согласно экспертизе авторитетнейших врачей, запереть в дома для умалишённых... Германия перестала быть правовым государством. Он, Бнльфингер, ни о чём другом кроме всего этого не в состоянии теперь думать. Он считает, что чистый немецкий воздух отравлен, грубо говоря, зловонием, зачумлен всеи происшедшим, а еще более тем, что все эти преступления не влекут за собой должного наказания. Жить в этой стране он больше не может. Он пренебрег всеми своими перспективами в Германии и покинул ее. С выражением

ожесточенности на квадратном лице Бельфингер смотрел сквозь большие очки в золотой оправе прямо перед собой.

- Они уничтожили меру вещей, созданную цивилизацией, - сказал он желчно, яростно, беспомощно.

...На следующий день утром Густав снова сидел один на своей излюбленной скамье в самом конце набережной... Молодой Бильфингер «документально зафиксировал события», он пришлет ему свою запись. Густав испытывает перед ней физический страх. Он испытывает страх при мысли, что рукопись эта будет в его комнате, в ящике маленького письменного стола у него в номере. Внизу, в ресторане, музыка, в зале танцуют, в баре пьют, болтают, флиртуют, а рукопись с холодным, жутким описанием ужасающих фактов лежит в ящике письменного стола...

Он так погрузился ц свои думы, что слегка вздрогнул, когда его окликнули: - Алло, Опперман!

Перед ним стоял Рудольф Вейнберг, владелец крупной фирмы предметов гигиены. Тучный, элегантно одетый фабрикант попросил у Густава разрешения подсесть к нему. Он явно был рад встрече с Опперма-ном. Вообще говоря, он не любит ходить более десяти минут, пояснил он Густаву, но от многочисленных беженцев, которые прожужжали ему уши своими жалобами, приходится спасаться на самый край бульвара. Вейнберг, кряхтя, опустился на скамью.

- Им, конечно, можно посочувствовать, но кому какая польза от того, что своими стенаниями они отравят мне несколько дней отдыха. Что говорить, в Германии сейчас несладко. Но дайте «коричневым» как следует обосноваться, и все уладится. Как только они почувствуют, что твердо стоят у власти, они переродятся, так всегда бывает. А на экономике переворот отразился неплохо. Конечно, кое-какие безобразия были. Без метлы ведь сор не выметешь. Однако, положа руку на сердце, разве все эти жуткие истории не являются исключениями? И постепенно все становится на свое место. Пройдите сейчас по улицам Берлина, и вы не заметите каких-либо перемен. Зачем же кричать караул? Ведь это черт знает что... Крикуны только раздражают людей своей трескотней. Читая газеты,

можно подумать, что в Германии нельзя пройти по улице без того, чтобы на тебя не напали.

Греясь в лучах теплого горного солнышка, пышный господин Вейнберг качал головой и сетовал на неразумность мира.

- Гм, - протянул задумчиво Густав, и на лбу у него появились вертикальные складки. - Вы считаете, значит, что с нацистами можно ужиться? Интересно. Поистине интересно. А скажите, господин Вейнберг, -продолжал он оживленно, - у вас, кажется, есть отделение в Мюнхене? Как там? Бывали вы в последнее время в Мюнхене?

- Да, - Вейнберг кивнул. - Я был там проездом сюда.

- Не скажете ли вы мне в таком случае, - продолжал Густав любезным тоном, - как поживает тамошний адвокат Михель? С него сорвали пиджак, потом ему для смеха подрезали брюки так, что из-под них торчали кальсоны, и повесили на шею плакат с надписью: «Я никогда больше не буду вести процессы против славных нацистов». В таком виде его повели по центральным улицам. Он был изрядно помят, в синяках и кровоподтеках. Я видел снимки. А не знаете ли вы, кстати, как поживает главный мюнхенский раввин? Они вывели его за город, продержали под наведенными дулами винтовок и бросили полураздетого на расстоянии более часа пути от города. Ночь была холодная. А слышали ли вы об адвокате Альфреде Вольфе? Он в чем-то уличил своего коллегу-христианина и собрал против него много порочащих данных. А теперь этот коллега министр юстиции. Адвоката Альфреда Вольфа упрятали в концентрационный лагерь. Приходилось ли вам слышать о концентрационных лагерях, Вейнберг? Да будет вам известно, что в Германии существуют сейчас концентрационные лагеря; пока их всего сорок три... Вольф богат, и у него крупнейшие связи. Связи были пущены в ход. Хлопотали много. Сам фюрер ходатайствовал о Вольфе перед министром юстиции, но министр юстиции заявил: «Человек этот принадлежит мне». Так или иначе, а через три дня к матери адвоката явился полицейский и спросил, не страдал ли ее сын болезнью сердца? Мать подумала, что Вольф сказался больным, чтобы добиться лучших условий. «Да, да, -подтвердила она, - у него всегда было слабое сердце» - «Тогда все понятно, - сказал полицейский. - Дело в том, что он

умер». Тело Вольфа выдали в запаянном гробу, взяв расписку, скрепленную присягой, что гроб вскрыт не будет. Вы ничего об этом не слышали, Вейнберг?

Фабрикант Вейнберг беспокойно ерзал. Опперман говорил довольно громко, а здесь почти все понимали по-немецки...

- Конечно, конечно,—соглашается он,—случались ужасные вещи. Никто этого не отрицает. Я сам это говорил. Но это происходило только в первые дни. А теперь правительство затормозило, уверяю вас. И антисемитское движение схлынет, как только зарубежные евреи утихомирятся. Мне это доподлинно известно. Я говорил с влиятельнейшими людьми. Нацисты с удовольствием отказались бы от этого пункта своей программы. Но заграничные евреи мешают им это сделать. Они науськивают весь мир на Германию, вместо того, чтобы перекинуть золотые мосты. Поверьте мне, Опперман: нужно избегать преувеличений, этого требуют наши общие интересы, и ваши в том числе. А все эти охи да ахи только вредят евреям, оставшимся в Германии. Вы ведь тоже захотите вернуться домой.

Густав молчал. Господин Вейнберг решил,что его доводы произвели впечатление, и попытался окончательно смягчить Густава.

- А что касается адвоката Вольфа, - продолжал он, - то это, конечно, печальный факт. Но между нами, Вольф, говорят, был преотвратительный субъект. Мне рассказывали о нем, как о несимпатичном человеке.

- Допустим, - сказал Густав. - Но знаете ли, Вейнберг, симпатии и антипатии —дело условное. Возможно, например, что и вы кому-нибудь не совсем симпатичны. Но сочли бы вы в порядке вещей, если бы я вас поэтому швырнул сейчас в озеро?

Вейнберг поднялся.

- Ваше паническое настроение до известной степени извиняет вас, - проговорил он с достоинством.— Но уверяю вас совершенно серьезно, Опперман, если человек сам себя не компрометирует, то ему мало что угрожает. Хотите — верьте, хотите — нет, но я лично антисемитизма почти не почувствовал. Поверьте,

Опперман, вы тоже очень скоро сможете вернуться в Германию. И вы увидите, что проводник спального вагона, как и прежде, будет вас благодарить за чаевые, а постовой полицейский с той же любезностью, как и год назад, ответит на вопрос вашего шофера, как ему ближе проехать.

— Вы правы,—ответил Густав,—не следует быть прихотливым. Господин Вейнберг удалился, а Густав все сидел, глядя на ясный весенний ландшафт, расстилавшийся перед ним. Вертикальные складки на лбу не разглаживались. Веко дергалось больше обычного. Он опустил голову, точно искал что-то на земле. Болтовня господина Вейнберга взволновала его сильнее, чем он сам себе признавался. Многие поступали так, как фабрикант Вейнберг. Они ездили по широким улицам западного Берлина, жили в своих роскошных квартирах и не желали знать, что делается в других районах города или даже в подвалах их собственного дома. Они считали, что в Германии царят спокойствие и порядок. Они очень сердились, когда им говорили о ста тысячах заключенных в концентрационных лагерях или о тех сорока миллионах, которых этой угрозой удерживают от проявления недовольства. Они молчали, они скрывали то, что знали, скрывали так глубоко, что почти переставали в это верить. Они сплотились все, и действующие и страдающие, с тем, чтобы глупо и нагло подделывать правду [**3**, 262, 267-9, 288-95, 494-505].

1.3.10

Обращение общенемецкой организации ортодоксальных религиозных общин к канцлеру Германии

... Положение немецкого еврейства, в той мере, в какой оно формируется немецким народом, *является в полном смысле этого слова невыносимым, как с точки зрения правового положения и экономического существования, так и с точки зрения положения в обществе и свободы отправления своих религиозных обрядов.*

... Евреи исключены из общенациональной и местной службы и удалены из сферы культуры, институтов образования и из науки. Лишь ограниченное число еврейских студентов и учащихся принимаются в университеты и высшие учебные заведения, но и даже им не позволено держать некоторые экзамены. Еврейским адвокатам запрещено представлять общественные и местные организации в судах. Еврейские врачи лишены права работать в больничных фондах. Они удалены из общественных

больниц. Исключения, которые делаются для отдельных категорий солдат, сражавшихся на фронте, и их ближайших родственников, не влияют на безнадежность положения последующего поколения врачей, евреи повсюду лишены права занимать должности в государственных учреждениях нового Рейха.

... Экономическая деятельность евреев чрезвычайно затруднена... *На практике во всей Германии действует антиеврейский бойкот*... Общенациональным, местным и общественным предприятиям запрещено покупать у евреев, те же правила нацистская партия ввела для всех своих членов. Во многих случаях из экономических предприятий удаляются еврейские служащие даже незначительного уровня, не говоря уже о евреях- членах руководства.

В результате такой законодательной и общественной ситуации десятки тысяч немецких евреев внезапно лишились всех средств к существованию... Логическим следствием ограничений на участие евреев в административной и профессиональной деятельности и бизнесе могло бы явиться расширение их занятости в ремеслах и в сельском хозяйстве, если евреям вообще будет оставлено какое-либо жизненное пространство. Но нет никаких признаков соответствующих усилий со стороны государства. Наоборот, бойкот, направленный против евреев, осуществляется в наиболее ярко выраженной форме в ремесленных организациях, и маловероятна всякая возможность участия евреев в сельском хозяйстве.

Это означает, следовательно, что немецкие евреи приговорены к медленной, но неизбежной смерти от голода.

Вдобавок к этому происходит унижение евреев, их честное имя замарывается, что настраивает народ еще более резко против евреев и лишает их самого воздуха, необходимого для дыхания. В официальных текстах законов евреи помещены на один уровень с цветными людьми. Школьные учебники представляют всех евреев без исключения как средоточие зла, так что молодые люди обучаются враждебности по отношению к евреям с самого юного возраста. В прессе, радио и выступлениях каждый плохой поступок какого-либо еврея представляется как общее правило, как типично еврейское преступление и иудаизм отождествляется с ним.

Имеют место также притеснения еврейской религиозной жизни, которая могла бы быть источником морального воспитания и облагораживания...

Религиозная воспитательная система свернута, и религиозные общины, в рамках которых только и делалось, что осуществлялось воспитание их членов в качестве благородных, глубоко богобоязненных людей, не могут более продолжать эту

деятельность вследствие отсутствия правительственной поддержки и лишения их членов средств к существованию.

В дополнение ко всему этому верующим евреям нанесен тяжелейший удар запрещением ритуального забоя животных.

Таким образом, положение немецкого еврейства должно быть признано большинством объективных наблюдателей в мире как отчаянное, и необходимо понять, что Германское национальное правительство может быть легко заподозрено в том, что оно имеет целью преднамеренное разрушение немецкого еврейства.

Это ложное предположение должно быть опровергнуто конкретными аргументами, если только информационная компания может дать какой-либо эффект.

Ортодоксальное еврейство не хочет отказываться от убеждения, что разрушение немецкого еврейства не является целью Германского правительства. Даже если некоторые отдельные личности и питают подобные намерения, мы не верим, что это одобрено Фюрером и Правительством Германии.

Но если мы ошибаемся, если Вы, господин Рейхсканцлер и Национальное правительство, которое Вы возглавляете, и руководящие члены центральной администрации НСДРП действительно поставили перед собой конечной целью устранение еврейства из народа Германии, тогда мы не должны долее предаваться иллюзиям и предпочитаем узнать горькую правду.

В Ваших интересах и в интересах всего немецкого народа открыто сказать нам всю правду. Мы предпочитаем рассматривать Ваше намерение как факт и соответственно вести себя.

Признаемся, что это было бы для нас невыразимой трагедией. Мы научились любить немецкую землю. В ней находятся могилы наших предков, многих великих и святых еврейских мужчин и женщин. Наши связи с этой землёй уходят в историю более 2000 лет; мы научились любить немецкое солнце; в течение всех этих веков под ним росли и взрослели наши дети, и оно добавляло специфические и добрые качества в их еврейские особенности. И мы научились любить германский народ. Временами нас обижали, особенно в средние века. Но мы также участвовали и в подъеме Германии. Мы чувствуем тесную связь с ее культурой. Она стала частью нашего интеллектуального бытия, и это оставляет на нас, на немецких евреях, свой особенный отпечаток.

И при всём при этом мы должны и можем быть столь храбрыми, чтобы выносить свою трагическую судьбу и сохранить свою неизменную верность Богу истории.

Но если Германское правительство *не преследует* цели разрушения сил немецкого еврейства; если оно преследует цель побудить нас отойти от влияния на общественную жизнь, оставив это влияние за представителями истинно германской расы, но хочет предоставить нам место в процессе возрождения немецкой нации, если оно хочет морально поддержать еврейство, которое является заклятым врагом материализма, тогда пусть оно об этом также скажет открыто.

Учитывая создавшуюся атмосферу, мы не просим у Германского правительства моментальной отмены всех ограничений, установленных для евреев, хотя мы считаем их огромной исторической ошибкой; мы не хотим создавать трудности для национального правительства.

Сегодня мы должны смириться с некоторыми ограничениями, хотя и с болью в сердце. Ортодоксальное еврейство никогда не стремилось к доминированию в экономической жизни, что в любом случае невозможно для тех, кто соблюдает религиозные предписания святости Субботы, которые предохраняют евреев от материализма. Еврейская ортодоксия всегда самым решительным образом выступала против крещения и смешанных браков.

Но мы претендуем на жизненное пространство внутри жизненного пространства немецкого народа, *на возможность следовать нашей религии и исполнять свои обязанности без угроз и без оскорблений.* В соответствии со своим религиозным долгом мы хотим всегда оставаться лояльными правительству Рейха. Вместе со всем немецким народом немецкий еврей с радостью примет участие в возрождении немецкой нации и сделает все, что в его силах, для того, чтобы завоевать Германии друзей за пределами её границ.

Представляя эти соображения на Ваш, господин Рейхсканцлер, справедливый суд, мы просим изыскать возможность Вашей беседы с нами как представителями нижеподписавшихся организаций, которые в течение десятилетий заботились о религиозных запросах ортодоксального немецкого еврейства. Мы убеждены в том, что такое обсуждение будет полезным, по крайней мере, для внутренних и внешнеполитических интересов Германии, которые настоятельно требуют прояснения ситуации и снижения напряжения, проистекающего из нынешнего положения.

В ожидании благосклонного рассмотрения нашей просьбы, остаемся с глубоким уважением,

Всеобщий союз общин ортодоксальной синагоги, Хальберштадт

Подписано: Рабби д-р Е. Шлезингер, Хальберштадт

Рабби д-р Е. Мунк, Берлин

Независимая ассоциация по делам ортодоксального еврейства, Франкфурт-на-Майне

Подписано: д-р С. Эрманн, д-р Дж. Брейер

Национальная организация Агуда Исроэль в Германии, Берлин.

Подписано: Рабби д-р М. Ауэрбах, Берлин

Якоб Розенхейм, Франкфурт-на-Майне.

Октябрь 1933г. [**1**, 59-63]

1.3.11

Прошение Общегерманского Союза евреев-ветеранов

19 октября 1933 г.

Д-ру Ламмерсу,

Государственному секретарю канцелярии Рейхсканцлера,

Берлин

Уважаемый г-н Государственный секретарь,

Согласно нашей беседе с Вашим Превосходительством, состоявшейся 28 апреля, я в письме от 6 мая 1933г., адресованном рейхсканцлеру, воспользовался свободой выражения желаний и мыслей, касающихся урегулирования положения немецких евреев внутри Германского государства. В этом письме я пытался описать искреннее желание нашего Союза служить немецкому народу и немецкому государству и наметить путь, который мог бы повести в этом направлении. Имея в виду внешнее положение Германского Рейха, которое возникло в связи с выходом Германии из Лиги Наций и отзывом Германской делегации с Конференции по разоружению, я хотел бы высказать полное одобрение нашим Союзом этих энергичных шагов,

которые после длительного периода открывают новые возможности для равноправия Германии. Одновременно я также заявил, что наш Союз предоставляет свои кадры в распоряжение Правительства Рейха... Члены нашего Союза сегодня, как и 19 лет тому назад, желают быть полностью мобилизованными для службы Отечеству, если настанет час, когда это потребуется.

Я прошу Ваше Превосходительство проинформировать Рейхсканцлера о нашей декларации верности и о нашей готовности.

С уверениями в моем чрезвычайном уважении
я ожидаю благосклонности Вашего Превосходительства
Ваш покорный слуга

Др Левенштейн,
Капитан кавалерии (в отставке),
Председатель Союза [**1**, 64-5].

«Хрустальная ночь" и принуждение к эмиграции

1.3.12

«Акция против евреев»

(предварительный секретный отчёт тайной политической полиции и СД председателю правительства Г. Герингу)

Доклад, полученный от отделений государственной полиции, дает следующую картину, относящуюся к 11 ноября 1938 г.

Во многих городах имело место разграбление еврейских магазинов и фирм. Чтобы предотвратить дальнейшее разграбление, повсюду были приняты жесткие меры. Сто семьдесят четыре грабителя были арестованы.

Большое число разграбленных еврейских магазинов и помещений уже не подлежат восстановлению. В докладах называются следующие цифры - 815 магазинов были разрушены, 29 товарных складов были преданы огню или были уничтожены иным образом, - что отражает лишь часть нанесенного фактического ущерба… Цифры, приведенные в докладах, должны быть значительно увеличены.

Сто девяносто одна синагога была предана огню, другие 76 полностью разрушены. Кроме того, 11 общинных домов, кладбищенских часовен и подобных заведений были сожжены, и еще 3 были полностью разрушены.

Были арестованы около 20 000 евреев, а также 7 арийцев и 3 иностранца. Последние были взяты под превентивную охрану.

Докладывалось о тридцати шести случаях смерти, и еще 36 человек были серьезно ранены. Все погибшие и серьезно раненные были евреями. Кроме того, один еврей числится пропавшим без вести [**2**, 651].

1.3.13

«Операция против евреев 9-10 ноября 1938 г.»

(из отчёта Службы безопасности за 1938 г.)

В результате операции… основы еврейской жизни и ее внутренняя организация полностью изменились.

…операция приняла формы разрушения и поджога синагог и разрушения почти всех еврейских магазинов, которые этим самым были вынуждены прервать свою деятельность. Некоторые еврейские жилища понесли ущерб. Вследствие недостатка внимания или в результате невежества со стороны участников этих инцидентов были уничтожены многие архивные материалы и ценные произведения искусства. В то же время с целью интенсифицировать давление, способствующее эмиграции, 25 000 еврейских мужчин были заключены в концентрационные лагеря, в некоторых случаях временно.

После окончания этой операции против евреев были предприняты дальнейшие шаги в виде законодательных актов и административных указов.

Так, указ от 31 декабря 1938 г. устанавливает, что владельца еврейского предприятия… можно принудить преобразовать это предприятие или закрыть его в течение оговоренного отрезка времени. В дальнейшем были изданы указы, запрещающие евреям владеть оружием, и они были решительным образом исключены из участия в германской культуре и образовании.

Кроме того, на все еврейское население был наложен коллективный штраф в один миллиард марок, чтобы компенсировать ущерб, нанесенный данной операцией.

… в заключение можно констатировать, что еврейство… окончательно исключено изо всех областей жизни германского народа, и евреям, таким образом, остаётся лишь

единственный путь обеспечить продолжение их существования, и этот путь – эмиграция. [**2**, 652-3]

1.3.14

Указ об исключении евреев из германской экономики *(12 ноября 1938 г.*)

Параграф 1. (1) С 1 января 1939 г. евреям запрещается владение предприятиями розничной торговли, конторами для заказов по почте или комиссионными учреждениями и самостоятельная торговля. (2) Начиная с этого дня им также запрещается рекламировать предложение товаров или услуг, рекомендовать их или принимать заказы на рынках всех видов, ярмарках или выставках…

Параграф 2. (1) С 1 января 1939 г. еврей более не может оставаться главой предприятия… (2) Если еврей служит на предприятии на какой-либо руководящей должности, он может быть предупреждён об увольнении в течение шести недель. По истечении этого срока никакие претензии служащего, основанные на условиях контракта, особенно те, которые относятся к выплатам и компенсациям, не будут приняты.

Параграф 3. (1) Еврей не может быть членом кооператива. (2) Членство в кооперативах прекращается с 31 декабря 1938г. [**2**, 655].

1.3.15

Распоряжение рейхсминистра по делам науки, образования и культуры *от 16 ноября 1938 г.*

После бессмысленного убийства [Г. Гриншпаном советника Э. фон Рата] в Париже нельзя было ожидать, чтобы германские учителя давали уроки еврейским ученикам. Также совершенно очевидно, что германские студенты сочтут для себя непереносимым делить аудитории с евреями.

Расовая сегрегация в школах, вообще говоря, имела место в течение последних лет, но еще остаётся небольшое число еврейских учеников, которым отныне не позволяется посещать школы вместе с германскими мальчиками и девочками. …Рейхсминистр образования Б. Руст постановил:

1. Евреям запрещается посещать германские школы. Им разрешается посещать исключительно еврейские школы. Все еврейские школьники и школьницы, посещающие германские школы, должны быть немедленно исключены...

2. Параграф 5 Первого указа об имперском гражданстве от 14 ноября 1935 г., определяет, кто является евреем [**2**, 655].

Мытарства евреев-беженцев.

Под нажимом нацистов десятки тысяч евреев бежали из Германии и захваченной ею в марте 1938 г. Австрии. Для решения вопроса о приёме беженцев по инициативе США в июле 1938 г. была созвана конференция 32 стран во французском городе Эвиане.

1.3.16

Г. ГАБЕ

Из романа «**Миссия**»

Когда Эвианская конференция собралась на заключительное заседание, зал был наполовину пуст... Многие журналисты, кое-кто из служащих и большинство толкущихся в кулуарах уже уехали, секретари и секретарши, чье присутствие в конференц-зале не было обязательным, сидели в своих номерах — приводили в порядок документы, паковали чемоданы. ...Заключительная резолюция состояла из шести пунктов и шести рекомендаций. В пункте третьем подчеркивалось, что "вынужденная эмиграция приняла размеры, которые могут неблагоприятно отразиться на международной обстановке, помешать улучшению отношений между странами, и это вызывает озабоченность во всем мире". В пункте пятом подчеркивалась важность сотрудничества со страной, откуда происходит эмиграция, для разумного решения проблемы... В пункте шестом выражалась благодарность президенту Соединенных Штатов, инициатору конференции, и Франции, оказавшей гостеприимство делегатам. В параграфе "А" рекомендаций предлагалось, чтобы конференция, которая рассматривает себя как постоянный институт и собирается продолжать свои совещания, занималась не только беженцами, которые нуждаются в помощи сегодня, но и всеми теми, кто "вынужден покинуть свою страну из-за политических убеждений, религиозных верований или расовой принадлежности". В параграфе "В" была сформулирована рекомендация "и в дальнейшем обмениваться конфиденциальной информацией, касающейся проблемы беженцев". В параграфе "Д" содержалось заявление стран-участниц, что "они не намерены брать на себя никаких обязательств по финансированию недобровольных эмигрантов". ...в параграфе "Н"

разъяснялось, как должно функционировать бюро в Лондоне: президент, четыре вице-президента и директор.

... - Благодаря духу сотрудничества, которым были воодушевлены все участники, удалось привести в действие механизм, призванный облегчить судьбу несчастных, — начал свою краткую речь американский посол. Он перечислил внушительное число "доверительных докладов", которые были представлены странами-участницами в распоряжение конференции, за что он выражает им искреннюю благодарность, они будут положены в основу более широкого эмиграционного движения в рамках законности.

... Его светлость, руководитель английской делегации, наоборот, говорил очень пространно... Англия, сказал он, всегда строго выполняла свои обязательства по отношению к подмандатной Палестине, поддерживала еврейскую эмиграцию в Палестину, заботилась о ее постоянном увеличении... Он имеет удовольствие в последний момент порадовать конференцию приятным сообщением: колония Объединенного королевства Кения объявила о своем согласии принять известное, "разумеется, ограниченное" число еврейских эмигрантов. Это заявление, как и следовало ожидать, было встречено с живейшим одобрением.

Делегаты разъехались бы в наилучшем настроении и с чувством облегчения, если бы, ко всеобщему удивлению, слова не попросил делегат Колумбии...

У республики Колумбия нет намерения в последний день исторической Эвианской конференции вносить диссонанс в общее чувство удовлетворения, — начал колумбийский министр. — ...Колумбия — маленькая страна, но, тем не менее, Колумбия может сказать о себе, что, несмотря на нестабильность политического положения, она в течение всего этого столетия не бросила за тюремную решетку по политическим соображениям ни одного человека. — Как представитель этой страны он... должен указать на то, что Институт международного права при Лиге Наций на своем единственном заседании на земле свободной Америки принял резолюцию из многих пунктов, два из которых он считает необходимым напомнить сегодня. Зал реагировал на слова колумбийца с раздражением...

Колумбиец надел очки и прочел: "Статья первая: обязанностью каждого государства является признание за любым человеком равного права на жизнь, свободу и имущество. Государство обязано гарантировать всем, кто живет на его территории, защиту со стороны закона — без различия пола, расы, языка и религии.

Статья пятая: ...Нетерпимой является всякая дискриминация в прямой или косвенной форме. ...ни одному государству не должно быть разрешено лишать гражданства кого бы то ни было по причинам расы, языка или религии". Эту декларацию приняли задолго до Эвианской конференции цивилизованные государства мира. Колумбия заинтересована в том, — посол повысил голос, — чтобы страны — участницы конференции по делам беженцев дополнили эту резолюцию, а отнюдь не отменили ее. Никогда не следует забывать, кто именно нарушил закон человеколюбия, однако безнравственность, которая диктует действия кое-каких стран, распространяется по всей земле и грозит превратить планету в место, непригодное для жизни. Это непростительно для всего остального мира, поскольку пассивность есть соучастие во Зле... Если мы забудем хоть одного, кто протянул нам руку, прося о помощи, тогда мы напрасно собирались здесь, — закончил он...

Аплодисменты были вежливыми, жидкими и нетерпеливыми. Приближался обеденный час, надо было оплатить счета, делегатов ждали автомобили, поезда и самолеты, нельзя нарушать расписание.

... Французский посол говорил кратко.

— Республика Франция, — сказал он, — останется верной исторической традиции помощи преследуемым и международному братству, но в этот час я хотел бы говорить не о своей стране; мой приятный долг — поблагодарить представителей тридцати двух стран, собравшихся на французской земле. — Языком, достойным Корнеля и Расина, он произнес слова благодарности американскому послу, Верховному комиссару по делам беженцев, председателям подкомитетов, генеральному секретарю конференции, ее сотрудникам, с особой похвалой отозвался о прессе, которая "выполнила свою трудную задачу тактично и в высшей степени сдержанно". Наконец, он предложил послать благодарственную телеграмму президенту Соединенных Штатов.

Телеграмма Белому дому была единодушно одобрена, резолюции подкомитетов единодушно одобрены, резолюция конференции единодушно одобрена. Дискуссии не было, да и что она могла изменить, когда решения были давно размножены, давно аккуратно упакованы в дипломатические чемоданы.

[*Герой книги, еврей, профессор Генрих фон Бенда, читает международную прессу после конференции*]

Сначала он взял немецкие газеты... Передовая "Фелькишер беобахтер"... выражала полное удовлетворение. "Вся конференция, — писал автор передовой, — огромный провал, чего, собственно говоря, и следовало ожидать с самого начала. Вместо того, чтобы принять у себя евреев, государства заблаговременно принимают меры к тому, чтобы защититься от притока еврейских иммигрантов, ибо ясно, какие неблагоприятные последствия будет иметь объевреивание этих стран... Оставалась лишь одна возможность: Советский Союз. Но это государство, управляемое евреями,•вообще не принимало участия в конференции. В Финляндии отношение точно такое же: пятидесяти четырем евреям, которые хотели переселиться из рейха в Финляндию, было разрешено высадиться в Финляндии только после принятия самых строгих мер предосторожности". Украшенную свастикой нюрнбергскую "Тагесцайтунг" ... профессор отложил в сторону, прочитав первую фразу: "Недолго заседала еврейская конференция. Изрыгая проклятия, еврейские делегаты покинули французский курорт на Женевском озере". Подробная статья в "Мюнхенер нойстен нахрихтен" - "Попытка подвести итоги конференции" — привлекла его внимание. "Само собой разумеется, — писала газета, — что представители Германии на этой странной конференции не присутствовали. Нас также не интересуют принятые там решения, поскольку у нас выработан свой подход к еврейскому вопросу и вопрос этот решается последовательно, шаг за шагом". Слово "решается", напечатанное в разрядку, следовало понимать как недвусмысленную угрозу, подумал профессор. Затем автор статьи делал вывод: "Если бы они так беспокоились о судьбе евреев Германии, они могли бы их получить. Мы охотно отдадим их, не требуя взамен компенсаций". Ни одна иностранная газета не писала, по существу, ничего другого, просто тон был другим: полный достоинства, сожаления и сочувствия. Поднимался вопрос о собственной вине и вине остальных: лондонская "Дейли геральд" писала: «Избежали ответственности и переложили ее на плечи Лондона»... По поводу "большого провала", "оскандалившихся лицемеров", "полного краха", как выражались немецкие газеты, вся остальная пресса, от Парижа до Лондона, от Женевы до Нью-Йорка, была согласна с немцами... [**4**, 236-251].

1.3.17

Из газеты «Нью-Йорк Таймс», 07.06.1939, с. 11

«**Немецкие евреи совершают попытку самоубийства после того, как они подверглись угрозе заключения в трех странах»** (Каир, Египет). После шестинедельного странствия из порта в порт по Средиземному морю восемь немецких евреев предприняли попытку самоубийства, приняв яд, когда их пароход бросил сегодня якорь в гавани Александрии. Это были шесть мужчин и двое женщин, которые 22 апреля покинули Гамбург на пароходе, направлявшемся в Александрию.

Им не было позволено прибыть в Египет, и они отплыли на своём пароходе в Палестину, где их усилия снова оказались безуспешными. Проследовав затем в Турцию, они опять были арестованы и возвращены в Александрию, где их вторичная просьба снова была встречена отказом, так что для них не оставалось другого выхода, кроме возвращения в Германию.

Когда стюард вошел в их каюты, чтобы позвать их к завтраку, он нашел их корчащимися в муках, повидимому, в результате принятия яда. Канцелярия Губернатора Александрии, которая была уведомлена об этом, в свою очередь запросила у Министерства внутренних дел разрешение сойти им на берег для лечения. Министерство поручило государственному врачу обследовать жертвы с целью определить, не могут ли они пройти курс лечения на борту корабля. Врач заявил, что он не может лечить их без соответствующего диагноза, поэтому беженцы были помещены в Еврейский госпиталь в Александрии…

Разумеется, Министерство внутренних дел распорядилось после выздоровления снова переправить их на борт парохода и депортировать.

*Из газеты «***Нью-Йорк Таймс***», 08.06.1939, с. 24.:*

“Корабль беженцев *Сан-Луи*”. Самый мрачный из кораблей, плавающих сегодня, лайнер компании Гамбургско-американской компании под названием *Сан-Луи*, с 900 еврейскими беженцами на борту отправился обратно в Германию после трагической недели разочарований, проведенной в Гаване и у берегов Флориды. Он отправился обратно, несмотря на сделанное вчера Гаване предложение гарантировать через Чейз Нейшнл Банк выплату 500 долларов за каждого из его пассажиров, мужчину, женщину или ребенка, который сможет там высадиться. Президент [Кубы] Ларедо Брю еще имел возможность воплотить в жизнь те гуманистические чувства, которые были столь красноречиво выражены в его запоздалом предложении убежища, каковое было сделано после того, как корабль беженцев был выведен из порта Гаваны. Его

денежные требования были удовлетворены. Но *Сан-Луи* продолжал держать курс на Гамбург.

Ни один зачумленный корабль не встречал такого достойного сожаления приема. …люди, находившиеся на его борту, отправлялись в плавание с большими надеждами. Около пятидесяти из них, согласно нашему берлинскому обозревателю, имели консульские визы. Все остальные имели разрешения на высадку, за которые они заплатили; неожиданно для них эти разрешения указом от 5 мая объявлены недействительными. Только считанным десяткам людей повезло быть принятыми. В Гаване палубы *Сан-Луи* стали ступенями человеческого несчастья. Родственники и друзья шумно требовали пропустить их на борт корабля, но были отогнаны. Рыдая, беженцы громко требовали права сойти на берег, но на сходнях были остановлены охраной. В течение многих дней… не было никаких признаков смягчения новых правил. Каждое заявление отклонялось. Один человек все-таки достиг берега. Он был извлечен из воды с перерезанными запястьями и помещен в госпиталь. Вторая попытка самоубийства заставила капитана предупредить власти, что может последовать волна самоуничтожения… Когда *Сан-Луи* уходил из Гаваны, вслед ему неслись печальные крики “До свидания”. У наших берегов его ожидало вспомогательное судно Береговой охраны, которое должно было извлекать любого пассажира, который бы прыгнул за борт, и возвращать его снова на *Сан-Луи*. Беженцы могли даже видеть сверкание небоскребов Майами, поднимающихся из моря, но для них они были всего лишь стенами еще одной неприступной крепости.

Теперь бесполезно обсуждать, что могло бы быть сделано. Дело закончено. Германия со всем гостеприимством ее концентрационных лагерей будет приветствовать этих несчастных дома. Возможно, Куба, как говорили ее представители для печати, уже приняла к тому времени слишком много германских беженцев. Но эти 900 человек просили только временного пристанища. На самом деле перед отплытием в море все они были зарегистрированы в пределах количеств эмигрантов, разрешённых для различных наций, включая нашу собственную. Через некоторое время они стали бы считаться лицами, чье прибытие оказалось бы желательным. Но сегодня, как выяснилось, никто не в состоянии им помочь. *Сан-Луи* вскоре окажется дома со своим грузом отчаяния.

Его следующее путешествие уже запланировано. Это будет веселый круиз с беззаботными туристами [**2**, 659-60].

1.3.18

А. ГИТЛЕР

Выступление в Рейхстаге 30.01.1939.

…Сегодня весь демократический мир играет позорный спектакль: выражая сочувствие бедному еврейскому народу, он продолжает быть жестокосердным и равнодушным, когда дело доходит до оказания помощи, отказываясь от исполнения очевиднейшего в этой ситуации долга.

... Когда весь остальной мир с ханжеской миной кричит о варварском изгнании из Германии такого «незаменимого» и такого в высшей степени «культурно-ценного» элемента, мы можем только удивляться его реакции на эту ситуацию. Ибо демократы должны быть благодарны, что мы отпускаем этих «прекрасных носителей» культуры и отдаём их в распоряжение остального мира. В соответствии с собственными заявлениями они не смогут найти никакого оправдания своему отказу принять эту «ценнейшую расу» в своих странах. Я также не вижу причин, по которым представители этой расы должны быть навязаны немецкой нации, тогда как государства, которые так восторгаются этими «чудесными людьми», под любым предлогом отказывают им в приёме. Я думаю, что чем раньше эта проблема будет решена, тем лучше; ибо в Европе не наступит равновесие, пока не будет решён еврейский вопрос.

…В период моей борьбы за власть я сказал, что однажды возглавлю государство и нацию и тогда, наряду с многими другими, решу и еврейскую проблему. Именно евреи встретили мои пророчества смехом. Их смех, некогда такой громкий, теперь, как я полагаю, застрял у них в горле. Сегодня я опять буду пророком: если международные еврейские финансисты в Европе и за её пределами сумеют ещё раз втянуть народы в мировую войну, то результатом войны будет не большевизация мира и, следовательно, триумф еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе [**5**, 33-4].

Принятие окончательного решения

1.3.19

Из показаний свидетеля **Д. Вислицени*** *на Нюрнбергском процессе (3 января 1946 г.)*

Вопрос: Вы были сотрудником гестапо?

Ответ: В 1934 году я вступил в СД… В 1940 году был гауптштурмфюрером СС.

Вопрос: Знаете ли вы Адольфа Эйхмана?

Ответ: Да, я знаю Эйхмана с 1934 года… Мы приблизительно в одно время, в 1934 году, вступили в СД. До 1937 года были в одном отделе.

В.: Насколько хорошо вы лично знали Эйхмана?

О.: Мы знали друг друга отлично. Мы были с ним на «ты», я также очень хорошо знал его семью.

В.: Какое положение он занимал?

О.: Эйхман был начальником отдела в IV управлении, т.е. гестапо, в главном имперском управлении безопасности (РСХА)… Он руководил отделом IV-А-4. Этот отдел охватывал два реферата. Первый реферат был рефератом по делам церкви, второй – по еврейскому вопросу…Эйхман имел особые полномочия от группенфюрера Мюллера, начальника 4-го управления, и от начальника полиции безопасности. Он был ответствен за так называемое решение еврейского вопроса в Германии и во всех занятых Германией областях…

До 1940 года общая директива реферату была – решить еврейский вопрос в Германии и занятых ею областях с помощью планового выселения. Вторая фаза началась с этого времени: концентрация всех евреев в Польше и других занятых Германией восточных областях, и причем в форме гетто. Этот период продолжался приблизительно до начала 1942 года. Третьим периодом было так называемое окончательное решение еврейского вопроса, т.е. планомерное уничтожение еврейского народа. Этот период длился до октября 1944 года, пока Гиммлер не отдал приказ прекратить это уничтожение…

Эйхман сделал мне предложение отправиться в Братиславу и занять там пост консультанта по еврейскому вопросу при словацком правительстве.

В.: В то время, когда вы официально были связаны с отделом IV-А-4, не знали ли вы о существовании какого-либо приказа об уничтожении всех евреев?

О.: Да. Я узнал о таком приказе от Эйхмана летом 1942 года.

В.: Расскажите трибуналу, при каких обстоятельствах был издан этот приказ, в чем его суть?

О.: В начале 1942 года около 17 тыс. евреев из Словакии было привезено в Польшу в качестве рабочих. Речь шла о соглашении со словацким правительством. В

дальнейшем словацкое правительство делало запросы по поводу того, нельзя ли также отправить и членов семей этих рабочих в Польшу. Вначале Эйхман отклонил это предложение. В апреле или в начале мая 1942 года он сообщил мне, что целые семьи могут теперь быть высланы в Польшу. Эйхман был сам в мае 1942 года в Братиславе…

Он тогда заверил словацкое правительство в том, что с этими евреями в польских гетто будут обращаться человечно и порядочно. Словацкое правительство особо высказало это пожелание. В результате этого заверения около 35 тыс. евреев было выслано из Словакии в Польшу. Словацкое правительство, однако, пыталось добиться того, чтобы с этими евреями в действительности обращались человечно, оно особенно старалось что-либо сделать для евреев, принявших христианское вероисповедание. Премьер-министр Тука несколько раз приглашал меня к себе и выражал пожелание, чтобы словацкая делегация могла осмотреть области, в которых по записям находились словацкие евреи. Я это желание Тука передал Эйману… Я в конце июля или в начале августа поехал к нему в Берлин и настойчиво просил его выполнить желание словацкого правительства.

…Эйхман заявил мне, что он ни при каких обстоятельствах не может разрешить посещение польских гетто. На мой вопрос «почему?» он ответил, что большей части евреев уже нет в живых. Когда я спросил его, кто отдал такой приказ, он сказал мне, что это приказ Гиммлера. После этого я просил его, чтобы он показал мне этот приказ, потому что я не мог представить себе, что действительно существует такой письменный приказ.

…Эйхман сказал мне, что он может показать мне этот письменный приказ, если это беспокоит мою совесть. Он достал из своего сейфа маленькую папку, которую он перелистал, и показал мне письмо Гиммлера начальнику полиции безопасности и СД. В этом письме было написано приблизительно следующее:

«Фюрер приказал разрешить окончательно еврейский вопрос. Разрешение этого вопроса поручается начальнику полиции безопасности и СД и инспектору по концентрационным лагерям. Это так называемое окончательное решение не распространяется пока на работоспособных евреев мужского и женского пола, которые должны использоваться для работы в концентрационных лагерях». Этот приказ был подписан самим Гиммлером. Тут не может быть ошибки, так как я точно знаю подпись Гиммлера.

В.: Кому был адресован этот приказ?

О.: Начальнику полиции безопасности и СД, это значит в аппарат начальника полиции безопасности и СД.

В.: Был ли адресован он еще кому-либо?

О.: Да, инспектору концентрационных лагерей. Этим двум учреждениям был адресован приказ.

В.: Был ли на этом приказе какой-либо гриф секретности?

Р.: Это был совершенно секретный приказ.

В.: Когда он был примерно издан?

О.: Этот приказ был издан примерно в апреле 1942 года.

В.: Кем он был подписан?

О.: Гиммлером лично…

В.: Задавали ли вы какие-нибудь вопросы относительно значения слов «окончательное решение», которые имелись в приказе?

О.: Эйхман пояснил мне смысл этого выражения. Он сказал, что за словом «окончательное решение» скрывается физическое уничтожение еврейской расы в восточных областях. И в более поздних дискуссиях на эту тему это выражение «окончательное решение» постоянно употреблялось… Эйхман сказал мне, что ему лично поручили проведение этого приказа в Главном имперском управлении безопасности…

Для меня было очевидно, что этот приказ означал смертный приговор миллионам людей. Я сказал Эйхману: «Пусть не допустит Господь Бог, чтобы наши враги когда-нибудь получили возможность причинить то же самое немецкому народу». На это Эйхман сказал мне, что я не должен быть сентиментальным, что это приказ фюрера и что его нужно выполнить.

В.: Не известно ли вам, продолжал ли оставаться в силе этот приказ и выполнялся ли он отделом Эйхмана?

О.: Да.

В.: В течение какого периода времени?

Р.: Этот приказ оставался в силе до октября 1944 года [**6**, 837-40].

** сотрудник и друг А. Эйхмана*

ИСТОЧНИКИ

1. Documents on the Holocaust. Jerusalem, 1981.

2. The Jew in the Modern World. New York, 1995.

3. Л. Фейхтвангер. Семья Опперман. Москва, 1979.

4. Г. Габе. Миссия. Иерусалим, 1984.

5. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944). Иерусалим, 1991.

6. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 1. М., 1961

1.4. Подготовка к истреблению.

Планирование нацистами гетто и массовых убийств.

1.4.1.

Директивные указания полиции безопасности по решению «еврейского вопроса» на оккупированных территориях *(телеграмма от 21.09.1939 г).*

Начальник полиции безопасности Берлин, 21 сентября 1939 г.

Молния

Начальникам айнзацгрупп полиции безопасности

Предмет: еврейский вопрос на оккупированных территориях

Я ссылаюсь на совещание, состоявшееся в Берлине сегодня, и снова указываю, что запланированные тотальные меры (т.е. конечная цель) должны держаться в строгом секрете.

Должно быть сделано различие между:

1. конечной целью, которая потребует большого периода времени,

и

2. стадиями, ведущими к достижению этой конечной цели, которые будут осуществляться в короткие периоды времени.

Запланированные меры требуют самой тщательной подготовки в отношении технического и экономического аспекта.

Очевидно, что поставленные задачи не могут быть обрисованы здесь во всех деталях. Нижеизложенные инструкции и директивы имеют также целью побудить начальников айнзацгрупп выработать практические соображения.

1

НА НАСТОЯЩИЙ МОМЕНТ ПЕРВЫМ НЕПРЕМЕННЫМ УСЛОВИЕМ ДОСТИЖЕНИЯ НАМЕЧЕННОЙ КОНЕЧНОЙ ЦЕЛИ ЯВЛЯЕТСЯ КОНЦЕНТРАЦИЯ ЕВРЕЕВ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В БОЛЬШИХ ГОРОДАХ.

...следует различать:

1) области Данцига и Западной Пруссии, Восточной Верхней Силезии

и

2) остальные оккупированные области.

Территории, перечисленные в п. 1, должны быть максимально очищены от евреев; можно оставить лишь несколько городов концентрации.

На территориях, упомянутых в п. 2, должно быть создано как можно меньше центров концентрации, чтобы облегчить последующие меры. Поэтому в качестве центров концентрации следует выбирать только города, расположенные на железнодорожных узлах или хотя бы на железных дорогах.

...еврейские общины, насчитывающие менее 500 человек, должны быть распущены и переведены в ближайший центр концентрации...

2

Советы еврейских старост

1. В каждой еврейской общине должен быть создан Юденрат - совет еврейских старост, который, насколько возможно, должен быть составлен из оставшихся авторитетных лиц и раввинов. Совет должен состоять из 24 евреев мужского пола (в зависимости от размера еврейской общины).

Совет должен быть полностью ответственен, в буквальном смысле слова, за точное и скорое исполнение уже изданных директив и директив, которые будут изданы в будущем.

2. Совет должен быть предупрежден, что случае саботажа этих директив будут приняты самые суровые меры.

3. Юденраты должны провести приблизительную перепись населения на своих территориях, разделив по возможности население на группы по полу и возрасту: а) до 16 лет; б) от 16 до 20 лет; в) старше; а также по основным занятиям. Результаты должны быть представлены в наикратчайший срок.

4. Советы старост должны ставиться в известность о дате и времени эвакуации, о средствах эвакуации, и, наконец, о путях следования. Они должны лично отвечать за эвакуацию евреев из сельской местности. При переселении евреев в города следует выдвигать то объяснение, что они принимают значительное участие в нападениях партизан и грабежах.

4. Советы старост в центрах концентрации должны отвечать за надлежащее размещение евреев, прибывающих из сельской местности.

5. По причинам общей полицейской безопасности концентрация евреев в городах, вероятно, вызовет введение в этих городах правил, которые полностью запретят евреям входить в определенные кварталы городов, а также (но с учетом требований экономики), возможно, выходить из гетто или своих домов после определенного часа вечером, и т.п.

6. Советы старост также должны будут отвечать за надлежащее снабжение продовольствием евреев во время их перевозки в города.

Нет возражений, если эвакуируемые евреи, постольку, поскольку это возможно, возьмут с собой свое движимое имущество.

7. Евреям, которые не исполнят приказа переехать в города по уважительной причине, следует дать короткую отсрочку. Их следует предупредить, что в случае непереезда после истечения отсрочки их ждут самые суровые наказания.

3

ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ МЕРЫ ДОЛЖНЫ ПРИНИМАТЬСЯ В ХОДЕ ТЕСНЕЙШИХ КОНСУЛЬТАЦИЙ И ПРИ СОТРУДНИЧЕСТВЕ С НЕМЕЦКИМИ ГРАЖДАНСКИМИ ВЛАСТЯМИ, А ТАКЖЕ С КОМПЕТЕНТНЫМИ МЕСТНЫМИ ВОЕННЫМИ ВЛАСТЯМИ.

Надо иметь в виду, что не должны терпеть ущерба экономические потребности оккупированных территорий.

Прежде всего следует учитывать нужды армии. Например, в настоящее время едва ли удастся избежать в отдельных местах сохранения еврейских торговцев, совершенно необходимых для снабжения войск продовольствием, ввиду отсутствия других возможностей. Однако в таких случаях должна планироваться, при сотрудничестве с компетентными местными немецкими властями, скорая аризация этих предприятий с последующей эвакуацией евреев.

Для сохранения германских экономических интересов на оккупированных территориях представляется очевидным, что принадлежавшие евреям военные и другие жизненно важные производства, а также предприятия, заводы и фабрики, важные для четырехлетнего плана*, должны пока получать поддержку.

В подобных случаях также необходимо иметь в виду быструю аризацию, а затем окончание перемещения евреев.

3. Наконец, необходимо учесть положение со снабжением оккупированных территорий продовольствием. В частности, там, где это возможно, земельные участки, принадлежащие еврейским поселенцам, должны передаваться под управление немецким или даже польским крестьянам с тем, чтобы последние обеспечили сбор урожая и новый посев.

В отношении этого важного вопроса следует держать связь с сельскохозяйственным экспертом при гражданской администрации.

Во всех случаях, когда невозможно координировать интересы полиции безопасности, с одной стороны, и немецкой администрации, с другой, следует немедленно информировать меня и ждать моего решения до принятия каких-либо специфических мер по данному вопросу.

4

Начальники айнзацгрупп должны представлять мне периодические доклады по следующим вопросам:

Статистические отчеты о евреях, находившихся на их территориях (по возможности, в соответствии с вышеуказанной классификацией). Количества евреев, эвакуированных из сельской местности, и евреев, уже находящихся в городах, должны указываться отдельно.

Название городов, намеченных в качестве центров концентрации.

Даты, намеченные для переезда евреев в города.

Отчеты обо всех принадлежащих евреям предприятиях военной и другой жизненно важной промышленности, а также о предприятиях отраслей, важных для выполнения четырехлетнего плана...

Желательно указывать следующее:

а) Тип предприятия (с указанием возможности превращения его в действительно жизненно важное или военное предприятие или предприятие, представляющее важность для выполнения четырехлетнего плана);

б) Какие из этих предприятий должны быть в первую очередь аризированы (с целью предупреждения возможных потерь).

Какой род аризации предполагается? Немцам или полякам? (Решение зависит от важности предприятия).

в) Количество евреев, работающих на этих предприятиях (особенно на руководящих постах).

г) Может ли деятельность предприятия продолжиться без затруднений после удаления с него евреев, и будет ли необходимо поставить на их место немецких или польских рабочих? В каких количествах?

д) Если придется использовать польских рабочих, стоит ли позаботиться об изъятии их из бывших германских областе с тем, чтобы там было сразу начато рассредоточение поляков; это может быть проведено только в сотрудничестве с Германским бюро труда...

5

Я ожидаю полнейшего сотрудничества и взаимодействия всего состава полиции безопасности и СД ради достижения запланированных целей. Начальники соседних айнзацгрупп должны немедленно установить контакт друг с другом, чтобы полностью покрыть обсуждаемый район...

Подпись: ***Гейдрих*** [**1**]

**общегерманский план развития экономики.*

1.4.2.

Приказ Г. Геринга *от 31.07. 1941 г.*

С о в е р ш е н н о с е к р е т н о 31.7.1941
Начальнику полиции безопасности и СД
Группенфюреру Гейдриху

В дополнение к поставленной перед Вами 24 января 1939 г. задаче по решению еврейского вопроса путём эмиграции или выселения, вызванных требованием времени, я поручаю Вам провести необходимую организационную, техническую и материальную подготовку для всеобщего решения еврейского вопроса на территории Европы, находящейся в сфере германского влияния.

В тех случаях, когда это входит в компетенцию других центральных органов, следует привлекать их к сотрудничеству.

Кроме того, поручаю Вам представить мне в ближайшем будущем полный план предварительных организационных, технических и материальных мероприятий по осуществлению окончательного решения еврейского вопроса.

Геринг [**2**, 45].

1.4.3

Из **Протокола конференции в Ванзее**

С е к р е т н ы й д о к у м е н т
г о с у д а р с т в е н н о й в а ж н о с т и !

I. В совещании, состоявшемся 20 января 1942 г. в Берлине, на Гроссен-Ванзее, № 56-58, по поводу окончательного решения еврейского вопроса участвовали [*перечисляются 14 высших партийных и государственных чиновников, в том числе Мюллер и Эйхман от Главного имперского управления безопасности*]…

II. Начальник полиции безопасности и СД обергруппенфюрер СС Гейдрих сообщил в начале совещания, что рейхсмаршал [Геринг] назначил его на должность уполномоченного по подготовке окончательного разрешения еврейского вопроса в Европе, и указал на то, что это совещание созвано для того, чтобы создать ясность в принципиальных вопросах. Рейхсмаршал желает, чтобы ему был направлен проект организационных, материально-технических и финансовых мероприятий в отношении окончательного разрешения еврейского вопроса в Европе, и требует, чтобы эти вопросы были предварительно совместно обсуждены всеми непосредственно заинтересованными центральными инстанциями с целью согласования единой тактики. Вся ответственность за осуществление окончательного разрешения еврейского вопроса лежит, вне зависимости от географических границ, на рейхсфюрере СС и начальнике германской полиции (начальнике полиции безопасности и СД). Начальник полиции безопасности и СД сделал затем краткий обзор борьбы, которая велась до сих пор с этими врагами. Существенными моментами здесь являются: а) вытеснение евреев из отдельных жизненно важных для германского народа районов; б) вытеснение евреев из жизненного пространства германского народа.

...с момента нашего прихода к власти до 31 октября 1941 г. были принуждены эмигрировать в общей сложности около 537000 евреев.

[...] Позднее рейхсфюрер СС и начальник германской полиции Гиммлер запретил эмиграцию, принимая во внимание опасность эмиграции во время войны и возможности, имеющиеся на Востоке.

III. С тех пор место эмиграции в качестве следующей возможности решения вопроса, после соответствующего предварительного одобрения фюрером, заняла эвакуация евреев на Восток. Эти действия следует рассматривать лишь как временные меры, но тем не менее здесь обобщается практический опыт, который имеет важное значение для предстоящего разрешения еврейского вопроса. В ходе этого окончательного разрешения еврейского вопроса в Европе принимаются во внимание около 11 миллионов евреев, которые распределяются следующим образом:

Страна Количество

А. Старый рейх	131800
Остмарк	43700
Восточные области [Западные области Польши, присоединенные к Германии в 1939 г.]	420000
Генерал-губернаторство	2284000
Белосток	400000
Протекторат Богемия и Моравия	74200
Эстония	Нет
Латвия	3500
Литва	34000
Бельгия	43000
Дания	5600
Франция:	
оккупированная часть	165000
неоккупированная часть	700000
Греция	69600
Голландия	160800
Норвегия	1300
Б. Болгария	48000
Англия	330000
Финляндия	2300
Ирландия	4000
Италия, включая Сардинию	58000
Албания	200
Хорватия	40000
Португалия	3000
Румыния, включая Бессарабию	342000
Швеция	8000
Швейцария	18000
Сербия	10000
Словакия	88000
Испания	6000
Турция (европ. часть)	55500

Венгрия	742800
СССР	5000000
Украина	2994684
Белоруссия, за исключением Белостока	446484
Всего	свыше 11000000

В приведенных цифрах по различным иностранным государствам учтены, конечно, только евреи по вероисповеданию, так как определение понятия "еврей" по расовым признакам там частично еще отсутствует. Разрешение проблемы в отдельных странах, конечно, натолкнется на известные трудности в том, что касается общего политического направления и понимания этой проблемы, особенно в Венгрии и Румынии. Так, например, еще и сейчас в Румынии еврей за деньги может достать себе документы, которые официально удостоверяют его иностранное подданство.

В европейской части СССР живет приблизительно 5 млн. евреев, в азиатской — всего лишь около 500 тысяч...

В ходе окончательного разрешения вопроса евреи на Востоке под надлежащим надзором должны быть соответствующим образом использованы в качестве рабочей силы.

Большими рабочими колоннами, отдельно мужчины и женщины, трудоспособные евреи будут переведены в эти области, где их будут использовать на строительстве дорог, причём, несомненно, большая часть их вымрет в результате естественного отбора.

С той частью евреев, которая, во всяком случае, конечно, выживет, поскольку речь идёт, несомненно, о самой жизнеспособной части, нужно будет обращаться соответствующим образом, так как, состоя из наиболее здоровых от природы людей, она, после того как будет отпущена на свободу, может явиться зародышем нового еврейского возрождения. (Следует учесть исторический опыт.)

В ходе практического осуществления окончательного разрешения еврейского вопроса Европа будет прочесана с запада на восток. Территорией рейха, включая протекторат Богемию и Моравию, следует заняться прежде всего уже только по соображениям, обусловленным жилищной проблемой и социально-политической необходимостью.

Эвакуируемых евреев прежде всего постепенно будут доставлять в так называемые транзитные гетто, чтобы оттуда перевозить дальше на восток.

Важной предпосылкой для проведения эвакуации, сказал далее обергруппенфюрер СС Гейдрих, является точное установление круга лиц, которых следует принимать во внимание.

Предполагается евреев в возрасте старше 65 лет не эвакуировать, а доставлять в гетто для престарелых — для этой цели предназначен Терезиенштадт [близ Праги, Чехословакия].

...в еврейских гетто для престарелых будут находиться также евреи, тяжело раненные на [Первой мировой] войне, и евреи, имеющие воинские отличия (Железный крест 1 степени)...

IV. В ходе подготовки к окончательному разрешению еврейского вопроса в основу до некоторой степени должны лечь нюрнбергские законы, причем предпосылкой для полного урегулирования проблемы является также решение вопросов, связанных со смешанными браками и с лицами смешанного происхождения.

Начальник полиции безопасности и СД, имея в виду письмо начальника рейхсканцелярии, разъясняет следующие теоретические вопросы:

1. Что касается окончательного разрешения еврейского вопроса, лица смешанного происхождения первой степени [те, у кого евреи оба дедушки или еврейки обе бабушки] приравниваются к евреям. Такому обращению не подлежат:

а) лица смешанного происхождения первой степени, которые состоят в браке с лицами немецкой крови и у которых в браке родились дети (лица смешанного происхождения второй степени). Эти лица смешанного происхождения второй степени в основном приравниваются к немцам.

б) лица смешанного происхождения первой степени, которым высшими партийными и государственными инстанциями были предоставлены до сих пор в каких-либо областях (жизни) специальные разрешения. В каждом случае это следует пересмотреть, причем не исключено, что решение может быть вынесено не в пользу лица смешанного происхождения.

Предварительным условием специального разрешения должны всегда являться серьёзные заслуги самого лица смешанного происхождения, о котором идёт речь (а не заслуги его родителя или супруга немецкой крови).

Не подлежащее эвакуации лицо смешанного происхождения первой степени подвергается стерилизации, чтобы не допустить потомства и с целью окончательного урегулирования проблемы лиц смешанного происхождения. Стерилизация происходит на добровольных началах.

2. Лица смешанного происхождения второй степени [те, у кого еврей один дедушка или еврейка одна бабушка] в принципе приравниваются к лицам немецкой крови, за исключением следующих случаев, когда лица смешанного происхождения второй степени приравниваются к евреям:

а) лицо смешанного происхождения второй степени от смешанного брака (оба супруга являются лицами смешанного происхождения);

б) особенно неблагоприятная с расовой точки зрения внешность лица смешанного происхождения второй степени, которая (внешность) делает его похожим на еврея;

в) особенно плохая полицейская и политическая характеристика лица смешанного происхождения, по которой видно, что оно чувствует себя евреем и ведет себя как таковой.

В этих случаях не следует делать исключений, если лицо смешанного происхождения состоит в браке с лицом немецкой крови.

3. Браки между чистокровными евреями и лицами немецкой крови. В каждом отдельном случае здесь следует решать, нужно ли эвакуировать супруга еврея или, учитывая возможное влияние такого мероприятия на родственников немецкой крови этой пары, состоящей в смешанном браке, супруга еврея следует отправить в гетто для престарелых.

4. Браки между лицами смешанного происхождения первой степени и лицами немецкой крови:

а) если брак был бездетным, то лицо смешанного происхождения эвакуируется или отправляется в гетто для престарелых (обращение такое же, как и при браках между чистокровными евреями и лицами немецкой крови, п. 3);

б) если во время брака родились дети (лица смешанного происхождения второй степени), то они, если приравниваются к евреям, вместе с лицом смешанного происхождения эвакуируются или отправляются в гетто. Если эти дети приравниваются к лицам немецкой крови (случаи, предусмотренные правилами), то они не подлежат эвакуации, а вместе с ними и лицо смешанного происхождения первой степени.

5. Браки между лицами смешанного происхождения первой степени и лицами смешанного происхождения второй степени или евреями.

В таких браках (включая детей) все стороны приравниваются к евреям и поэтому эвакуируются или отправляются в гетто для престарелых.

6. Браки между лицами смешанного происхождения первой степени и лицами смешанного происхождения второй степени. Оба супруга, невзирая на то, имеются дети или нет, эвакуируются или отправляются в гетто для престарелых, так как в возможном потомстве с точки зрения расы, как правило, еврейские черты проявляются более отчетливо, чем у лиц смешанного происхождения второй степени.

Группенфюрер СС Гофман придерживается той точки зрения, что стерилизацию следует применять в самых широких масштабах...

Статс-секретарь д-р Штуккарт констатирует, что практическое осуществление мероприятий, о которых только что было сообщено, с целью разрешить вопрос о смешанных браках и о лицах смешанного происхождения в подобной форме повлечёт за собой колоссальную работу административных органов. Но чтобы, с другой стороны, во всех случаях учитывать биологические моменты, статс-секретарь д-р Штуккарт предложил приступить к принудительной стерилизации...

Относительно последствий, которые будет иметь эвакуация евреев для экономической жизни, статс-секретарь Нейман заявил, что евреи, работающие в настоящее время на важных в военном отношении предпрятиях, не могут быть эвакуированы, пока им не будет найдена замена.

...со стороны статс-секретаря д-ра Бюлера защищалась точка зрения, что определённые подготовительные мероприятия в ходе окончательного разрешения еврейского вопроса необходимо немедленно произвести в соответствующих областях, при этом, однако, следует избегать возбуждения беспокойства у населения [**3**, 147-55].

Соблюдение секретности

1.4.4

Приказ Гейдриха *от 16.04.1942*

Начальникам и командирам полиции порядка

Рейхсфюрер СС приказом от 12 ноября 1941 г. № 1 1431/41 запретил фотографирование экзекуций и распорядился, поскольку такие снимки нужны для служебных надобностей, собирать все фотодокументы в архив.

Дополнительные распоряжения к вышеизложенному

Для служебных целей съёмки экзекуций в общем могут быть произведены только по указанию руководителя эйнзатцгруппы и зондеркоманды, командира роты войск СС, командира взвода военных корреспондентов…

Руководитель эйнзатцгруппы, зондеркоманды, командир роты войск СС, командир взвода военных корреспондентов несут ответственность за то, чтобы пластинки, фильмы и копии не оставались на руках отдельных лиц оперативной службы.

… руководитель эйнзатцгруппы и зондеркоманды, а также командир роты войск СС и командир взвода военных корреспондентов должны заснятый материал в непроявленном виде немедленно переслать в главное имперское управление безопасности как «секретные документы государственной важности».

Если снимки, заснятые фильмы и пластинки экзекуций всё ещё находятся в учреждениях или у отдельных лиц этих учреждений, они должны быть немедленно пересланы в главное имперское управление безопасности. Необходимо установить, какое количество снимков, фильмов и пластинок экзекуций служащие оперативных учреждений успели послать на родину. Нужно позаботиться о том, чтобы и эти снимки были немедленно переданы в главное имперское управление безопасности.

При всех условиях следует указывать время и место фотографирования этих снимков. Одновременно надо приложить официальное заверение служащего, что он копии с этих снимков не делал и что все имеющиеся у него пластинки, фильмы и копии сданы…

Гейдрих [**4**, 137-8].

1.4.5

Распоряжение штаба Гиммлера *(1943 г.)*

С е к р е т н ы й д о к у м е н т
государственной важности

2 копии

2-я копия

ИНСПЕКТОРУ ПО СТАТИСТИКЕ ПАРТАЙГЕНОССЕ КОРХЕРРУ

Берлин

Рейхсфюрер СС получил Ваш статистический отчёт «Об окончательном разрешении еврейского вопроса в Европе». Ему угодно, чтобы нигде не говорилось об «особом обращении с евреями». На стр. 9, п. 4, должно быть написано следующее:

«Транспортировка евреев из восточных провинций на русский Восток.

Были перевезены партиями

через лагеря генерал-губернаторства ……..

через лагеря в области Варта ……»

Другую формулировку употреблять не следует.

Я возвращаю экземпляр отчёта с пометками рейхсфюрера СС с просьбой изменить соответствующим образом эту стр. 9 и прислать его обратно.

Оберштурмбаннфюрер

Бранд [**4**, 139].

ИСТОЧНИКИ

1. Арх. Яд ва-Шем, PS-3363

2. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944). Иерусалим, 1991.

3. СС в действии. Документы о преступлениях СС. Москва, 1960.

4. Ни давности, ни забвения… По материалам Нюрнбергского процесса. М., 1985.

1.5. Оккупация. Еврейские гетто.

Начало оккупации

1.5.1
Я. ХОНИГСМАН

Из книги **«Катастрофа еврейства Западной Украины»**

В первые дни войны многие люди оказались в состоянии растерянности. Мало кто предполагал, что скоро предстоит эвакуироваться на Восток. Ведь средства массовой информации постоянно твердили о том, что «Красная Армия в состоянии защитить страну и не допустить враждебные полчища на свою священную землю» Несмотря на бодрый тон советской печати, положение на фронтах с каждым днем ухудшалось...

Еврейское население Западной Украины находилось в наиболее тяжелом положении. Отчасти причиной этого были распространившиеся во Львове слухи о том, что скоро здесь начнутся погромы, убийства евреев и поляков, В городе действительно активизировались силы, которые были заинтересованы в начале войны против Советского Союза. Тем не менее большинство евреев, особенно люди старшего поколения, разочарованные политикой советской власти, напуганные репрессиями со стороны НКВД, преследованиями религиозных и общественных организаций, предпочитали не эвакуироваться, а оставаться в родных местах.

...советская власть почти не информировала население о зверствах нацистов по отношению к евреям на оккупированной гитлеровцами территории Польши в конце 1939 — 1941 гг. Население не знало, что там стали применяться антиеврейские законы с первых дней оккупации польской территории. Поэтому большинство евреев надеялись, что оккупанты будут относиться к ним так же, как и к другим гражданам СССР, не хуже, скажем, чем к русским. Весьма широкое распространение получило мнение: «Немцы — народ с многовековой культурой — не позволят своим молодчикам убивать невинных людей». Эта мысль подтверждалась теми, кто еще помнил поведение немцев в годы Первой мировой войны. Тогда они, занимая чужую территорию, не только не допускали каких-либо бесчинств своих солдат, но и решительно пресекали проявления хулиганства со стороны местной черни. Такое мнение усиливалось и пугающей перспективой эвакуации вглубь страны, от которой, по слухам, не ожидали ничего хорошего...

... Львов был оккупирован на девятый день войны, в понедельник 30 июня.... Впереди войск вермахта шел карательный батальон «Бранденбург - 800, состоявший из бежавших из СССР врагов советского режима, ранее получивших убежище в гитлеровской Гремании, и украинский батальон «Нахтигаль» («Соловей»), созданный германской разведслужбой.... Батальоном «Нахтигаль» командовали

штандартенфюрер СС Альберт Герцнер и капитан Роман Шухевич. Среди офицеров этого батальона были деятели ОУН...

Названные батальоны были призваны помогать прибывшим вместе с армией «оперативным формированиям», так называемым «айнзацгруппам» и «зондеркомандам» (особым командам), в задачу которых входило «проводить политическую очистку занятой территории от нелояльных по отношению к Великой Германии элементов, в первую очередь коммунистов и евреев»...

В Западной Украине «оперативные формирования» начали зверствовать с первого дня оккупации…

... С самого начала войны нацисты поняли, что решить «еврейскую проблему» в Украине собственными силами не удастся, и осуществление этой задачи возложили на своих местных пособников. Ставка оказалась беспроигрышной, а почва — плодородной...

... 30 июня местная [украинская] милиция, сопровождаемая гитлеровскими военнослужащими, арестовала большое количество евреев и поляков. В городских тюрьмах их подвергали гнусным издевательствам. Многие были расстреляны на месте или... в других местах.

Сохранилось немало свидетельств очевидцев первых антиеврейских акций во Львове и других городах захваченного края. Украинская учительница Казимира Порай из Львова так описывала эти события: «То, что я видела сегодня в городе, наверное, могло случиться в древние времена. Возможно, так поступали дикие люди... Около ратуши дорога засыпана битым стеклом... Солдаты с эсэсовскими эмблемами, говорящие по-украински, мучают и издеваются над евреями. Заставляют подметать площади и улицы своей одеждой — блузками, платьями, даже шапками. Поставили две ручные тележки, одну на углу улицы Краковской, другую па улице Галицкой, и заставляют евреев собирать стекло голыми руками и нести к ручным тележкам... Избивают палками и кусками электрического провода. Путь от Галицкой до Краковской полит кровью, текущей с человеческих рук». Подобную же картину описала полька Станислава Гоголевская в книге «Школа зверства»: «...На улице Коперника попала в адскую круговерть, царил ужасный шум, крик и плач. Люди шли с выражением отчаяния и страха. Украинские полицейские стояли шеренгами вдоль тротуара и кричали «жиды, жиды»! Избивали, если кто-то пытался обороняться или кричал, что он не еврей...

[Из свидетельства очевидца]: «Второго июля во двор дома №8 по ул. Арцишевского гитлеровцы загнали 20 человек. Среди них были в основном интеллигентные люди: адвокаты, учителя, врачи, пять или шесть женщин. Гитлеровцы заставили их языком и губами очищать лестницы в подъездах четырехэтажного дома. После того, как все лестницы были буквально вылизаны, людей заставили собирать мусор во дворе... После окончания работы гитлеровцы отобрали пять человек, отвели в сторону и расстреляли».

Первые дни оккупации ознаменовались во Львове массовыми убийствами мирных жителей во дворе тюрьмы «Бригидки», в [других] тюрьмах... Более 200 человек были вывезены за город — в с. Лисиничи, в Белогорский лес и там расстреляны. Местами казней стали также песчаные карьеры за Яновским кладбищем, Куртимовские горы, Вулецкие взгорья... Жертвами этих расстрелов были главным образом представители еврейской и польской интеллигенции — адвокаты, профессора Львовского университета и политехники, учителя средних школ, врачи,писатели, артисты.

... 30 июня 1941 г. в помещении львовской «Просвиты» (пл. Рынок, 10) собрались представители украинских националистов из группы Степана Бандеры. Собрание открыл назначенный ими староста Львова доктор Ю. Полянский. Он известил собравшихся о цели собрания и представил слово заместителю С. Бандеры Ярославу Стецько, который зачитал «Акт провозглашения украинской Державы» и объявил о создании краевого правления в западных областях Украины. В состав правления были включены активисты ОУН: професор М. Панчишин, Л. Ребет, В. Петрив, Р. Шухевич... Возглавил правление Ярослав Стецько.

В тот же день, 30 июня 1941 г., раввины братья Ехексль и Аарон Левины, встретились с главой греко-католической церкви митрополитом Андреем Шептицким, сообщили ему, что евреи Львова с удовлетворением восприняли провозглашение Украинской державы и надеются, что она в какой-то степени защитит своих граждан от погромов и убийств. Глава греко-католической церкви обещал опубликовать послание к верующим с осуждением убийств и призывом соблюдать заповеди Христа. Он заверил своих собеседников в том, что «Украинская держава не допустит пролития крови невинных, антиеврейских погромов».

Митрополит Андрей Шептицкий предложил раввинам Ехескелю и Аарону Левиным остаться в его резиденцни на пл. Св. Юра. Поблагодарив за предложенный

приют, братья решили вернуться в еврейскую общину. По дороге их настигли местные погромщики, схватили и привели до двор «Бригидок», где уже находилась большая группа арестованных евреев. Во дворе тюрьмы людей избивали до смерти. Там были убиты наиболее уважаемые представители еврейской общины Львова, в том числе Ехескель и Аарон Левины...

На следующий день, 1 июля, митрополит Андрей направил главе новопровозглашённой державы пану Ярославу Стецько «Пастырское послание князя церкви в великую минуту». Митрополит требовал от греко-католиков лояльности по отношению к новой власти... Послание заканчивалось словами: «...От правительства, призванного к жизни, ожидаем мудрого, справедливого руководства и распоряжения, которые учитывали бы потребности и благо всех проживающих в нашем крае граждан, не взирая на их вероисповедание, ианиоиальность и социальное положение».

К сожалению, ни «мудрости», ни «справедливого руководства и распоряжений» от новой власти евреи не дождались. Они с тревогой восприняли третий пункт «Акта провозглашения Украинской Державы»: «Нововосстановленная Украинская Держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистской Великой Германией, которая под руководством своего вождя Адольфа Гитлера создает новый порядок в Европе и помогает украинскому народу освобождаться из-под московской оккупации».

Еврейство края было еще более встревожено заявлениями главы краевого правления Ярослава Стецько: «Политику мы будем вести без сентиментов... Мы уничтожим всех, кто станет нам на пути... Руководителями всех сфер жизни будут украинцы и только украинцы, а не чужие — москали, поляки, евреи. Наша власть будет политической диктатурой для всех наших врагов, страшной и беспощадной».

После таких заявлений неукраинцы не могли ожидать ничего хорошего от новой власти. И действительно: террор, начавшийся с приходом оккупантов, усилился и распространился, принимая все более зловещие масштабы. На стенах домов появились плакаты, подстрекавшие чернь к расправе над евреями. Им вменялось в вину участие вместе с работниками НКВД в убийствах украинских патриотов в тюрьмах Львова и других городов края.

Действительно, работники советских органов НКВД, покидая под натиском фашистов Львов и другие города, расстреляли многих арестованных людей, среди которых было немало евреев. Однако гитлеровцы и их пособники из числа местных коллаборационистов всю вину за убийства арестованных возложили именно на ев-

реев... Городская чернь охотно поддержала ложные обвинения против евреев и вместе с украинской полицией приняла активное участие в их арестах и избиениях до полусмерти.

В конце июня 1991 г. во львовской печати был опубликован ряд материалов об этих событиях... ...указывалось, что приговоры осужденным к расстрелу в последние дни июня 1941 г. выполняли бывшие сотрудники НКВД Дронников, Лимар, Воростков, Матягин, Дредитов и др... Среди палачей в этих тюрьмах не было ни одного еврея...

...эти сведения были рассекречены лишь полвека спустя, а тогда, летом 1941 г., провокационные слухи, обвинявшие евреев в участии вместе с сотрудниками НКВД в расстрелах заключенных, распространялись и в других городах оккупированного края и имели страшные последствия.

Во Львове большую группу евреев согнали в тюрьмы на улицах Казимировской («Бригидки») и Замарстыновской. Во дворе «Бригидок» арестованных заставили выкопать трупы расстрелянных энкаведистами, обмыть и уложить их в ряд. Несколько позже толпа, ворвавшаяся по двор тюрьмы с криками «Смерть жидам! Расстрелять их!», набросилась на арестованных, избивая их палками и железными прутьями до смерти. «Тюремные стены были залиты кровью избиваемых и забрызганы сгустками человеческого мозга», — вспоминал чудом уцелевший очевидец этой расправы раввин Д. Кагане* .

Присутствовавшие при этом немецкие офицеры снимали на кинопленку сцены расправ, чтобы впоследствии демонстрировать фильм о том, как местные жители «расправляются с жидами». Этот фильм был показан во многих кинотеатрах Львова, других городов Западной Украины и в самой Германии [**1,** 106-16].

** Агентура Армии Краевой по Львове следила за действиями оккупантов. В рапорте коменданта АК генерала Грот-Ровецкого № 80 от 21.IX. 1941 г. польскому правительству в Лондоне говорилось: «Преследования евреев начались с первого дня прихода немцев. Местная чернь, подстрекаемая немцами, арестовывала евреев и гнала их к тюрьмам. Там их заставили обмывать тела убитых большевиками людей. Среди гонимых в тюрьмы были женщины и дети. По пути к тюрьмам и в самой тюрьме евреев избивали немилосердно и, пока они дошли к трупам, многие из них были избиты до неузнавания. Процедура обмывания трупов выглядела так: одни евреи подымали разложившееся и зловонное тело, другие обмывали его». (Прим. автора).*

Гетто: «еврейское самоуправление»

1.5.2

И. ТРУНК

Из статьи «**Типология Юденратов в Восточной Европе»**

Формирование Юденратов

На создание Юденратов (Советов) влияли три фактора: немецкий, еврейский и фактор местного населения. Повидимому, решающим было немецкое влияние; при таком абсолютно тоталитарном режиме и не могло быть иначе. Становление Советов зачастую было результатом взаимодействия между еврейскими и немецкими элементами.

… На тех оккупированных территориях, где местное население сохраняло некоторую степень автономии в виде награды за коллаборационизм, как, например, в прибалтийских государствах, в Белоруссии и на Украине, власти местной национальной автономии в определенной степени влияли на создание Юденратов, особенно на выбор председателя. …в большинстве случаев это воздействие было для местного еврейского населения скверным, особенно на территориях, которые управлялись Советским Союзом до июня 1941 г. и на собственно советских территориях.

... Степень представительности Юденратов сильно падала вследствие постоянных изменений в их персональном составе. Основной причиной таких изменений было стремление со стороны нацистов устранить тех членов Советов, которые проявили некоторую степень независимости по отношению к немецким властям, и заменить их послушными личностями, склонными к сотрудничеству… Во многих случаях первые члены Юденратов, которых затем различными путями устранили, были довоенными общественными деятелями и этим заслужили доверие и уважение со стороны населения гетто. Они были заменены лицами второго и третьего ранга, зачастую весьма далекими от жизни общины и не обладавшими никаким опытом общественной деятельности. Они назначались председателями Совета и одновременно главами Полиции гетто по приказу местного шефа гестапо, который надеялся найти в них послушных подчиненных чиновников.

Структура Юденратов

Можно выделить два крайних типа структуры Юденратов: а) Юденрат с неограниченной властью председателя, который принимал решение единолично, тогда как другие члены играли роль только советующего персонала с минимальным влиянием на администрацию гетто. В Юденратах такого рода руководители подразделений были ответственны только перед председателем; б) Юденраты с коллективным руководством, в которых подразделения администрации находились под наблюдением отдельных членов Совета, выполняющих свои функции индивидуально либо посредством специальных комиссий, созданных для этой цели.

Ярким примером Юденрата первого типа был Совет Старейшин в Лодзи, в котором председатель Мордехай Хаим Румковский правил сильной рукой. … С другой стороны, Советы в Варшаве, Белостоке и Люблине имели в большей или меньшей степени коллективное руководство.

… В большинстве гетто структура Совета была смешанной, в которой обе формы взаимодействовали друг с другом, с преобладанием той или иной тенденции в зависимости от личных качеств председателя и от местной ситуации.

Взаимоотношения между Юденратом и другими еврейскими организациями

В намерения нацистских властей входило сконцентрировать еврейское представительство и еврейскую активность в одном единственном органе, созданном и апробированном ими, то есть в Юденрате, чтобы убрать из еврейской общественной жизни все другие факторы… Важным исключением [из нацистского правила] было существование “Еврейской Социальной Самопомощи” - ЕСС, которая подчинялась власти, отличной от власти Юденрата…

Взаимоотношения между Юденратом и ЕСС… колебались от открытого антагонизма до весьма тесной кооперации. Некоторые Советы видели в существовании ЕСС и в ее попытках сконцентрировать в собственных руках всю проблему социальной помощи покушение на свои права со стороны чужаков, тем более, что такую точку зрения Юденратов поддерживали местными нацистские официальные лица, которые со своей стороны также рассматривали ЕСС в качестве непредусмотренного элемента, способного противостоять их намерениям сконцентрировать все еврейские дела в руках Юденратов.

ЕСС и особенно ее председатели предпринимали интенсивные меры для сохранения своей автономии, и в этом их поддерживали надзиравшие за ними гражданские немецкие власти, чьё влияние было, однако, значительно слабее колоссальной власти нацистских административных и полицейских властей.

С другой стороны Юденраты были обескуражены тем фактом, что социальная помощь, представляющая собой с еврейской точки зрения в высшей степени важное дело, формально была выведена за пределы их компетенции и передана ЕСС, которая таким способом завоевала симпатии населения гетто, тогда как Юденраты обычно не достигали такой популярности. Будучи свободной от вмешательства гестапо (в течение определенного периода), ЕСС не в такой сильной степени подвергалась тяжелым испытаниям и опасностям, которые угрожали Юденратам.

Одной из основных причин взаимного антагонизма между руководством этих организаций было негативное отношение известных лидеров ЕСС (например, в Варшаве) к политике и тактике Юденратов и особенно Полиции гетто, а также к атмосфере, царившей в этих органах.

С другой стороны, обустройство еврейской жизни под властью нацистов в большей степени требовало сотрудничества между обеими организациями, поскольку они были единственными признанными законом еврейскими представительными учреждениями как в центре, так и на местах. …значительное число председателей или членов Юденратов в определенные отрезки времени состояли одновременно членами… местных комитетов ЕСС. Возникшая сразу после окончания войны тенденция проводить резкую разделительную черту между двумя организациями не выдержала проверки историей.

… В большом числе гетто в результате коллективных или индивидуальных инициатив были созданы ассоциации, цели которых были филантропическими, профессиональными или религиозными, и которые не принадлежали к структурам Юденратов, но частично субсидировались этими Советами. Они содействовали Юденратам, особенно в области социальной помощи. …

Отношения между Юденратами и Полицией гетто

…эти отношения могут быть распределены на три категории: подчинение Полиции гетто Советам, параллельная власть обеих организаций и приоритет Полиции над Советами. Формально так называемая *Ordnungdienst* [Служба Порядка] в гетто подчинялась Юденрату, что было определено уставами, принятыми

юридическим отделом Юденрата… с одобрения немецких властей. Однако, в некоторых гетто полицейские силы проявляли тенденцию освободиться от надзора со стороны Советов и стать автономными. Иногда они в этом достигали успеха(Вильнюс)...

Проблема отношений между Советами и Полицией еще более усложнялась вследствие частичного перекрытия юрисдикции и соперничества среди различных органов нацистских властей. Все стремились получить мандат на полный контроль над Полицией гетто. Дополнительным фактором был контроль, осуществляемый полицией местного населения...

Степень подчиненности Полиции гетто Советам также была различной. Существовали градации между почти полным подчинением и ограниченной независимостью. Роль и положение Полиции гетто как независимой власти возрастали во времена массовой депортации, а впоследствии в так называемых *Restghettos* (“гетто для оставшихся”), где во многих случаях в борьбе за лидерство над уменьшившимися полицейскими силами доминировали Советы… В некоторых гетто председатель Совета и руководитель Полиции часто были одним и тем же лицом. В Вильнюсе, например, после июля 1942 г. Верховный глава Полиции гетто Якоб Генс был одновременно председателем Юденрата.

В некоторых гетто появился элемент, независимый как от Юденрата, так и от Полиции гетто, который получил приоритет перед ними обоими и присвоил себе некоторые важные функции Юденрата, например, снабжение продовольствием, распределение принудительных работ и др. Фактически это были известные обществу, а также тайные агенты, которые служили властям в качестве информаторов и выполняли другие секретные задачи. Пользуясь покровительством своих немецких хозяев, они стремились стать выразителями настроений в гетто и управлять как Советами, так и Полицией. Зная, кто стоит за ними, Советы часто были беспомощны против их методов шантажа и боялись противостоять им. Чтобы замаскировать свою фактическую “грязную работу”, эти личности иногда, например, в Варшаве, официально объединялись в организацию с каким-либо невинным названием, как, например, “Общество по борьбе с ростовщичеством и спекуляцией”, которая была независимой и от Полиции гетто, и от председателя Совета.

[Например], в гетто в Белостоке, такие пользовавшиеся защитой Гестапо агенты, успешно проникли в ряды членов Полиции гетто и старались подорвать Юденрат, раскрывая немцам жизненно важную информацию, ставящую под вопрос само

существование Юденрата и всего гетто. В конце концов, вследствие соперничества между немецкой полицией и гестапо, такие агенты-шантажисты были ликвидированы вместе со своими помощниками.

Различные степени оппозиции Юденратам и Полиции гетто

Даже на этапе создания Юденратов и на первых стадиях их деятельности среди еврейского населения существовала тенденция противостоять этим организациям и не участвовать в их становлении. …такое отрицательное отношение не возымело решающего воздействия вследствие сильного давления со стороны нацистских властей.

Чувства оппозиционности к Советам выходили на поверхность и возрастали по мере развития деятельности Юденратов, когда оппозиционные круги утверждались в том, что они были правы в своих подозрениях.

…индивидуальная оппозиция Совету принимала форму двух почти стереотипных явлений: нежелания платить налоги и взносы и желания избежать принудительных работ.

Другая форма оппозиции, коллективная… нашла свое выражение в отказе присоединиться к Юденратам, в критике их деятельности, в выпуске нелегальной подпольной прессы, распространении тайных прокламаций и листовок и, наконец, в публичных демонстрациях на улицах.

… Коллективная организованная оппозиция проявила себя в самых крайних формах в лодзинском гетто, где летом 1942 г. состоялись бурные уличные демонстрации против [Председателя Юденрата] Румковского и его правления. Так же и в Люблине, в Ченстохове и в других гетто были случаи сильной коллективной оппозиции, включая публичные демонстрации против Советов…

Отношение Юденратов к проблеме сопротивления

… Большинство Юденратов заняло решительно отрицательную позицию по отношению к вооруженному сопротивлению в гетто или к бегству в леса к партизанам. Некоторые Советы симпатизировали подпольным группам сопротивления в своих гетто и пользовались как моральной, так и материальной поддержкой. Были такие члены Совета, которые не участвовали в актах сопротивления в гетто на формальной стадии. Наконец, некоторые председатели занимали нечеткую позицию по отношению к данной проблеме.

Внутри самих Советов мнения варьировались: зачастую по этому вопросу можно было услышать противоположные взгляды… Известно, например, что председатель гетто в Шавли (Шауляй) на сессии Совета 5 февраля 1943 г. предложил вооружить население гетто и приготовиться к борьбе с немецкими силами. Однако, после долгой дискуссии, характеризовавшейся как продолжительная и проникающая в душу, его предложение было отклонено. Подобная картина наблюдалась и в луцком гетто.

Румковский из лодзинского гетто является ярким примером отрицательного отношения к проблеме сопротивления в целом и вооруженного сопротивления в частности. Такое отношение поддерживалось, насколько об этом можно судить, большинством Советов.

С другой стороны, первый Юденрат в Петркове Трибунальском был - до его трагической ликвидации - ярким примером положительного подхода к подпольной антинацистской деятельности. Так же и Юденраты в Каунасе, Здершоле (Цетль), Тучине, часть членов Юденрата в Несвиже и первый Юденрат в Минске (Белоруссия) являются примерами Советов, в которых была занята позиция, характеризующаяся активно-позитивным отношением к проблеме противодействия нацистским акциям по уничтожению [**2**, 17-29].

1.5.3

Л. ГАРФУНКЕЛЬ

Из книги **«Разрушение еврейского Каунаса»**

[Евреи] должны избрать «еврейского старосту» [гетто] – таково требование гауптштурмфюрера Йордана, ответственного по еврейским делам в Каунасе...

Совещание [евреев] состоялось 5 августа в помещении совета на улице Даукшос, на нем присутствовало около 30 человек.

...Присутствующим было ясно, что предстоит сделать выбор, от которого зависит их жизнь... Кандидат должен был суметь найти общий язык с немцами, представляя перед ними интересы гетто: Все понимали, что такой человек должен обладать качествами, позволяющими ему в некоторой степени влиять на немцев. Было необходимо также, чтобы тот, кто встанет во главе гетто, был чист в глазах общества, был хорошим евреем и достойным человеком, проницательным и умным, мужественным и стойким, чтобы сохранять присутствие духа в самых тяжелых и

трагических обстоятельствах, ожидавших беспомощную еврейскую общину, окруженную зверьём.

На совещании было выдвинуто несколько кандидатур. Но ни одна из них не оказалась приемлема для всех. Более того, все кандидаты отказывались принять этот пост. Собравшихся охватило чувство полной безнадежности. После долгих дискуссий председатель совещания Цви Вольф выдвинул кандидатуру известного в Каунасе доктора Э.Элькеса, человека, преданного идеям сионизма. Это предложение было встречено всеми собравшимися с большим энтузиазмом. Однако и доктор Элькес отказался принять это назначение. Снова воцарилось уныние. Тогда со своего места поднялся рабби Шмуклер... "Как ужасно наше положение, — сказал он дрожащим голосом, — если мы предлагаем уважаемому доктору Элькесу не почетную должность главы еврейской общины Каунаса, а позорную и унизительную должность "начальника над евреями". Но, пожалуйста, поймите, дорогой и любимый доктор Элькес, что "начальником над евреями" вы будете только для нацистских убийц, а в наших глазах вы останетесь главой нашей общины, избранным в самый трагический час, когда льется наша кровь и топор палача занесен над нашими головами. Бремя непосильной тяжести ложится на ваши плечи, но в то же время это — почетный долг, требующий великого милосердия, и вы не имеете права отказаться. Возглавьте нас, защитите нас, вы будете с нами, и мы будем с вами, пока не настанет великий день избавления". Кончив речь, рабби Шмуклер заплакал, и все участники собрания горько плакали вместе с ним. Доктор Элькес стоял бледный и молчал.

Все понимали, что творится у него в душе, и все чувствовали, что в эти трагические минуты доктор Элькес понял, что его долг - принести великую жертву, которую жестокая судьба потребовала от него. Люди испытали чувство облегчения, и луч затаённой надежды засиял в разбитых сердцах [**3**, 47-48].

1.5.4
А. ВАЙС

Из статьи «**Взаимоотношения между Юденратами и еврейской полицией**»

Немцы, стремясь превратить Юденраты в инструмент проведения своей собственной политики, создали их во всех еврейских общинах. С другой стороны, евреи, стремились воспользоваться этими внедренными структурами и применять их

для расширения своих возможностей выжить. Инициативы евреев вытекали из их общего исторического опыта, который научил их успешно использовать встроенные структуры для достижения собственных целей.

Ситуация с Еврейской Полицией была совершенно иной. Еврейская Полиция явилась абсолютно новым феноменом, ранее не встречавшимся в жизни еврейских общин. В действительности в каждой из общин Еврейская полиция создавалась по специальным приказам немцев. Нельзя указать ни единой общины, где Еврейская Полиция создавалась бы по собственной еврейской инициативе.

…В различных периодах истории евреев, даже когда представительные организации, *кехилот*, получали свою власть от международных еврейских источников, существовала борьба между лидерами и рядовыми членами общины. Таким образом, применение насилия само по себе не было чем-то новым. Вследствие тяжёлых обстоятельств, в которых они функционировали, Юденраты были вынуждены разработать инструменты, используя которые они могли бы следовать как немецким требованиям, так и собственным программам, иногда полностью противоречившим этим требованиям. Параллельно с учреждениями, созданными для того, чтобы удовлетворять хотя бы частично нужды еврейского населения, действовали организации, чьей задачей было исполнение немецких указаний, предельно враждебных интересам евреев.

Были организованы учреждения, обеспечивающие проведение требуемых немцами конфискаций. Другие учреждения собирали налоги и занимались теми, кто отказывался платить. Трудовые отделы Юденратов должны были предоставлять определенное число рабочих для принудительных работ, и при них создавались группы конвоя для привода тех, кто пытался обойти распоряжения.

Вся подобная деятельность требовала принуждения и применения силы. В то же время немецкий приказ учредить полицейские силы вызвал много вопросов внутри общины и среди членов Юденратов. Можно со всей определенностью утверждать, что для Юденратов учреждение Еврейской Полиции в качестве желательного средства для узаконивания деятельности, требующей применения силы, не было неприемлемым.

... Три фактора влияли на сущность Полиции: немцы, Юденрат и собственная природа еврейских полицейских. Во многих общинах и в некоторых регионах свое влияние, хотя и в меньшей степени, оказывали еще два фактора: элементы еврейских

общин, действующие независимо от Юденратов, и вспомогательные полицейские силы, находящиеся на службе у немцев, а именно польские и украинские.

Юденраты ожидали, что Еврейская Полиция может стать центром силы, и на нее могут быть возложены некоторые очень важные задачи, хотя никто не воображал, что этого можно требовать от нее во время массового уничтожения. Так, например, в Петркове Трибунальском, когда стало ясным, что создания полицейских сил не удастся избежать, на сессии местного Совета состоялась дискуссия, в которой принял участие главный раввин города. Все присутствующие подчёркивали опасность для населения гетто облечения властью группы молодежи, лишенной необходимых социальных и моральных качеств. На практике Юденрат в этой общине избирал специальный общественный комитет, который отбирал кандидатов в полицейские силы из числа еврейской молодежи после проверки их социальных и моральных основ. Подобные процедуры были введены также и в других общинах, но в своем большинстве Юденраты были неспособны предотвратить проникновение в ряды Еврейской Полиции элементов, не заслуживающих доверия.

Еврейская Полиция официально считалась одним из органов Юденрата, и члены местного Совета пытались фактически осуществлять свою власть над ней, чтобы превратить ее в исполнительный орган собственной политики, определить ее функции и нормы ее поведения, что можно увидеть из следующих примеров.

В Скерневицах Юденрат отобрал в августе 1940г. двадцать пять честных людей для работы в Еврейской Полиции. Главой Полиции был назначен д-р Мориц Сакс, беженец из Лодзи и член Юденрата. Назначение члена Юденрата главой Полиции и отбор порядочных личностей для службы в ее рядах должны были обеспечить авторитет Полиции и проведение скоординированной политики. И действительно, еврейская Полиция в большой степени оказывала помощь членам общины. Она являлась главным звеном в контрабандной доставке продовольствия в гетто и не сотрудничала с немцами.

В Ежирзани… Председатель Юденрата Мендель Майбергер, комплектовал Еврейскую Полицию, исходя из подобных же соображений. В самом начале *Акции* как Юденрат, так и Полиция были ликвидированы.

В Коломые, когда организовывалась Полиция, члены Юденрата…старались направлять туда кандидатов, принадлежащих к еврейским общественным организациям. …были и такие члены Юденрата, которые верили, что еврейская Полиция может быть призвана защищать евреев от нападений украинцев, и на

первых порах в рядах Полиции оказывалась молодежь из большинства еврейских движений.

В Жолкеве …полиция приняла главенство Совета и составляла часть проводимой им политики… направленной на смягчение нацистского гнёта.

…В Варшаве Юденрат, возглавляемый А.Черняковым, пытался определить процедуру вербовки в Полицию и функции Полиции. Однако в действительности глава еврейской Полиции в Варшаве вскоре сумел освободить себя от контроля Юденрата, который стремился преобразовать еврейскую Полицию в организацию, действующую в интересах общины.

…вначале немцы хотели признать власть Юденрата над полицией, но очень ограниченную и управляемую. Более того, немцы направляли своих собственных агентов в управление и ряды Полиции. Многие полицейские сами по себе вследствие собственных убеждений стремились ослабить надзор со стороны Юденрата. Иногда такой надзор полностью сводился к нулю, и в Полиции развивались сепаратистские тенденции, а во многих общинах ситуация развивалась таким образом, что еврейская Полиция фактически осуществляла контроль над Юденратом. Немцы поддерживали такое развитие событий и использовали подобные ситуации с целью подорвать те Юденраты, которые противостояли их политике или были недостаточно услужливы.

Имеется много соответствующих примеров:

Отвоцк - во время *Акции* 18 августа 1942 г. Председатель Юденрата Шимон Гуревич был смещен, и ему на замену немцами был назначен глава Полиции Бернард Кронберг. …он сделался единоличным руководителем гетто; до самого конца он оставался прислужником немцев и выполнял все их директивы.

Новы Сонч - главой еврейской Полиции был назначен Т. Фолькман, фигура из криминального подполья, и во время всего срока своего пребывания на этой должности он поддерживался нацистами. Немцы передали всю власть [в гетто] Полиции... После *Акции* 23 августа 1942г. Фолькман стал председателем Юденрата также и формально.

… Необходимо также оценить отношение к Полиции еврейских общинных структур, независимых от Юденратов. …было много случаев, главным образом относящихся к массовой депортации, когда даже [противники Еврейских Советов] признавали, что некоторые из шагов, предпринятых Юденратами, были совершенно необходимы для еврейского общества.

…те люди, которые самоорганизовались независимо от Юденратов, рассматривали Еврейскую Полицию со своих особых позиций как введенное в еврейскую общину чужеродное тело, состоящее из элементов, прислуживающихся к немцам и враждебных общине. В общинах Жешува, Львова, Радома, Варшавы и др. членам молодежного движения и политических партий было запрещено вступать в Полицию. Если в рядах Полиции все же оказывались отдельные люди с политическим прошлым, это могло быть результатом действия только двух следующих факторов: а) они присоединились к персоналу Полиции по личным, а не по идеологическим мотивам; б) Юденрат сам состоял из политически ориентированных индивидуумов, которые старались привлечь тех, кто был лично известен им по прежним временам.

…Молодежное движение с самого начала держалось вдали от Полиции и, таким образом, предостерегало подполье от использования Полиции для содействия своим целям. Тем самым еврейская Полиция почти с самого своего основания оказалась открытой территорией, используемой другими, менее надежными элементами.

…Функции Еврейской Полиции делятся на три категории: а) задачи удовлетворения немецких требований; б) действия в рамках деятельности Юденрата и не имеющие прямого отношения к немецким требованиям; в) функции, вытекающие из внутренних нужд еврейского населения.

Первые две категории относились к такого рода деятельности, как: сбор штрафов и налогов, конфискация материальных ценностей, а на последней стадии - выделение евреев, которые должны были быть отправлены в трудовые лагеря или депортированы.

…дополнительно к удовлетворению немецких требований, Полиция среди прочих преследовала следующие цели: поддержание чистоты, арбитраж конфликтов между индивидуумами, вопросы благополучия и криминальные явления. …

Эти две тенденции - попытка смягчить бедственное положение общины и одновременно служба немцам и удовлетворение их требований - сосуществовали внутри структуры Полиции. Те Юденраты, которых волновало отношение к образу Полиции внутри еврейской общины, также боролись против коррупции в ее рядах и использования ее в личных целях.

…Во время начального периода существования Юденратов, когда немецкие требования еще ограничивались исключительно экономической сферой или даже

поставкой людей для принудительных работ, члены Юденратов верили, что, соглашаясь на немецкие требования, они могли бы противостоять вреду, причиняемому их общинам, и повысить степень своей необходимости нацистам, - таким образом они надеялись поддержать способность общин к выживанию, считая, что прежде всего надо выиграть время.

Однако, когда началась волна массовых депортаций, и возросли страхи за судьбу депортированных - даже если ужасная правда оставалась во всех случаях и во всех местах неизвестной - при таких условиях продолжать выполнять немецкие требования, которые влекли за собой капитуляцию евреев, было равносильно добровольному содействию вредоносным мерам, направленным против общины. Это стало центральной точкой, вокруг которой вращались модели поведения различных Юденратов - одни безоговорочно отказывались сдавать евреев врагу, тогда как другие усвоили тот подход, что жертвуя частью общины, можно спасти остальных. Имелись также члены Юденратов, чьи действия не несли какой бы то ни было заботы об общем благе и которые были движимы исключительно желанием обеспечить собственные интересы.

Сложность ситуации в том, что по существу этот выбор основывался не на реальных вариантах, но скорее на моральных принципах - принципах, которые непосредственно влияли на отношения между Юденратами и еврейской Полицией в каждой общине. Такие решения, как выбор поведения и позиции по отношению к общине и Юденрату, были подвержены влиянию личных воззрений полицейского, так же, как и немецкому вмешательству.

Изучение отношений между Юденратом и Еврейской Полицией в более чем сотне общин генерал-губернаторства приводит к выделению четырех типичных ситуаций, которые могут быть сведены к следующему: а) в четырнадцати общинах и Юденрат, и еврейская Полиция противостояли немецкой политике и демонстрировали свою преданность всеобщему благу общины; б) в двадцати семи общинах и Юденрат, и Полиция были немецкими прислужниками в течении всего времени их существования; в) в двадцати двух общинах как Юденрат, так и Полиция первоначально противостояли немцам, но на более поздней стадии после персональных изменений, которые были в них произведены, полностью подчинились; г) в тридцати семи общинах Юденрат был отделен от Полиции, и Полиция наращивала свою власть, пока не стала доминировать над Юденратом или же фактически не заменила его.

Приведем примеры с целью конкретизировать реальность, скрывающуюся за этой общей классификацией.

…в Варшаве летом 1942 г. общая численность Полиции приближалась к двум тысячам человек, на финальной стадии в ее рядах еще оставалось около трех сотен, и эти оставшиеся активно участвовали в массовых депортациях.

…В Вадовице Юденрат и еврейская Полиция предупреждали членов общины о транспортировке в лагеря принудительных работ – немцы и центральный Юденрат Верхнесилезского региона были вынуждены для выполнения своих приказов послать туда еврейских полицейских из других мест. …В большинстве общин региона комиссары, которые служили главами местных Юденратов, назначались центральным Юденратом. …Еврейская Полиция функционировала как лояльное подразделение центрального Юденрата, проводящее его политику исполнения немецких директив.

В Опочно немцы потребовали от председателя Юденрата Мордехая Вольфридловского выдать нескольких еврейских молодых людей, которые бежали из трудового лагеря. Вольфридловский решительно ответил: “Я не принесу их вам; вы можете пойти и поискать их, но я ничего для этого не сделаю”. Немцы тогда подключили еврейскую Полицию, чтобы начать поиски беглецов, и последняя не последовала примеру, показанному Юденратом.

В Бильгорае первый Юденрат преданно защищал интересы общины и за это председатель Юденрата Гиллель Яновер заплатил своей жизнью. На его место был назначен Гирш Зильберг, и он “никогда не делал предварительных предупреждений о том, что должно было произойти, в отличие от своего предшественника, который всегда передавал информацию членам общины, чтобы они могли скрыться в убежище”. Еврейская Полиция так же поддалась немецкому давлению и участвовала в арестах для последующей депортации.

…При общем количестве в генерал-губернаторстве около сотни общин в восьмидесяти шести из них на определенных стадиях деятельности еврейская Полиция соглашалась на немецкие требования, включая участие в арестах для массовых акций. …большое число эпизодов, в которых еврейская Полиция уступала немецким требованиям, приходится совершенно очевидно на последнюю стадию существования гетто, то есть на то время, когда в рядах Полиции произошли персональные изменения. Элементы, чувствительные к общественным нуждам, либо оставили Полицию, либо пали жертвой немцев. К самому концу стали преобладать

раболепствующие полицейские и их командиры, хотя в большинстве случаев и они нашли свою смерть от руки нацистов.

…подобные ситуации преобладали и в других областях оккупированной нацистами Европы.

Статистические сведения, относящиеся к еврейской Полиции, которые обнажают ту жалкую роль, которую ей приходилось играть, дают нам также картину положения Юденратов и предпочтения немцами еврейской Полиции как структуры, наиболее раболепной по отношению к ним.

Из сотни общин почти в семидесяти Юденраты полностью или частично не поддались немецкому давлению и не прикладывали руку к нанесению ущерба своим общинам, даже если за это приходилось расплачиваться своими жизнями. Их поведение включало в себя отказы выполнять экономические требования, предупреждение населения о предстоящих акциях и отказ выдавать евреев для депортации и смерти.

…многие Юденраты выдержали испытания еврейского достоинства - возможно таких Юденратов на самом деле было больше, чем это обычно предполагают. Это не должно рассматриваться как апологетический комментарий: такое утверждение базируется на фактах и сохраняет свою ценность даже когда мы применяем самые строгие моральные критерии.

Нельзя сказать то же самое об Еврейской Полиции, даже если иметь в виду, что еврейские полицейские тоже пали жертвами нацистской системы [**2**, 201-17].

1.5.5

АБ МИШЕ

Из книги «**Посреди войны. Посвящения**»

(*Отрывок из интервью автора с Б. Клебански (Б. К.) – участницей восстания в Белостокском гетто*)

Б.К. У [руководителя юденрата в гетто Белостока] Бараша была концепция, что работай, будь полезный для немцев и будешь жить. Это мысль немецкая: *арбайт махт фрай* [труд делает свободным]. А евреи... Хотя они столько веков жили под гнётом, не было такого опыта, который бы их насторожил. Знали, что всегда можно как-то выжить: давать взятки, откупиться чем-то... Ведь ни у кого во все века не было программы физически уничтожить всех евреев. Тот опыт совсем не подходил к

новым условиям, в которых евреи нашлись. Главы Юденратов – и Бараш, и Генс в Вильно, даже Черняков в Варшаве, – они не понимали ситуацию, они были слишком мелкие...

Бараш организовал фабрики, работали для немецкой армии. Он верил, что эти интересы будут иметь для немцев большое влияние. Приезжали комиссии, даже из Берлина, смотрели эти фабрики; Бараш и выставку сделал на арийской стороне, чтобы показать, как гетто способствует военным усилиям Германии.

Получилось как будто правда: в ноябре сорок второго немцы ликвидировали окрестные гетто, а Белосток не тронули. Гетто было убаюкано: «Мы остались, потому что мы работали». А я считаю, просто Треблинка* не могла двести-триста тысяч евреев со всего округа перемолотить, не справлялась. Там иногда ждали в вагонах...

Люди, если они вступили на дорогу сотрудничества с немцами, то они уже попали в *пулапку* [ловушку]. Бараш вначале содействовал Сопротивлению, после приезда Тененбаума**. У Мордхая был уже огромнейший опыт: депортация [вывоз на уничтожение] евреев Вильнюса, Гродно, Краковского гетто, Варшавского гетто. Во многих геттах он имел счастье быть как раз во время акций. И у него имелись очень точные сведения о Треблинке и других местах, и он эти сведения передал Барашу. Потом он очень сильная фигура, и он повлиял на Бараша.

Бараш – сионист, он встречался на собраниях с сионистами из Сопротивления, он хотел держать связь и знать, что делается в гетто, он даже дал Мордхаю деньги для передачи варшавскому подполью. Но всё кончилось после первой акции [в феврале 1942 года немцы вывезли и уничтожили больше 10 тысяч евреев белостокского гетто]. У немцев были в гетто свои шпионы, и Бараш это знал. Немцы, наверно, имели сведения о поведении Бараша, и они хотели посадить вместо него своего человека, еврейского гестаповца. Бараш оказался умней, он сумел того скомпрометировать, что он брал взятки, и немцы его расстреляли.

После первой акции Тененбаум предложил Барашу минировать вход в гетто, чтобы немцы не могли войти, а Бараш ему говорит: «Знаешь, успеем. У меня между немцами такие хорошие приятели, они меня предупредят, если что»… Это были немецкие хозяева фабрик в гетто, они зарабатывали на рабочей силе евреев бешеные деньги и хотели сохранить свой бизнес. И ещё Бараш держал их взятками. И он им верил.

У евреев такое до сегодняшнего дня. Будто всё, чего нехватает евреям – это есть у немцев: порядок, честность... Наивность, понимаете, какая-то, что немцы – высшая порода. И когда Бараш взвешивал, с кем ему идти – он решал верить немцам. Хотя он знал, что последнее слово всегда за СС, и Тененбаум его убеждал, что немцы врут, но Бараш верил. И боялся за себя. За себя! Он постепенно порвал все отношения с Тененбаумом из боязни перед немцами. Дошло, что Мордхая хотели арестовать и он ушёл в подполье.

Это путь Юденратов, обычный путь, ужасный. Даже если у Юденратов были вначале другие намерения, они в конце сошли на дорогу содействия немцам. Потому что гетто – не продолжение еврейской общины, не еврейское государство, нельзя было идти на удочку этой немецкой пропаганды. Немцы создали Юденраты, чтобы они служили им. Для истребления евреев, больше ничего. Юденрат во Львове не хотел идти по этой программе немецкой, так его весь немцы уничтожили.

Иногда говорят: «Вот такой-то глава Юденрата считал, что он помогает людям своими уступками немцам. И если он, например, не погонит на смерть своих стариков или маленьких детей, то немцы сделают это сами и убьют ещё больше. Лучше кого-то спасти, чем никого». Но какое они имели право решать, кто должен умереть? Здесь, знаете, шло об очень существенном... И кто ему даёт право как еврею пойти и делать работу немцев? Это демагогия самая дешёвая... Вот вы тоже спрашиваете: может быть, они могли отказаться или убежать из гетто, а они оставались, как Черняков, чтобы спасать других, самопожертвование такое, и вот будто бы Черняков думал, что у него особая миссия, долг...

Я не психолóг. Я прямо считаю, что эти люди были слишком маленькими для таких задач, которые они себе как будто поставили. Слишком маленькими, чтобы в такое ненормальное время стоять во главе какой-то общины людей. Кто-то из них потом сообразил, к чему идёт, и ушёл, чтобы не сотрудничать с немцами, а кто остался, ушёл на дорогу колаборации. Ведь из правильного пути на неправильный только один шаг. С той скользкой дороги нет возврата. Мы знаем в Варшавском гетто евреев-полицейских, которым обещали, что если ты приведёшь на депортацию стольких и стольких, то мы сохраним твою семью. И он искал евреев и приводил, а его обманули: потом немцы взяли его семью. И он не перестал немцам служить. Казалось бы, он должен быть готов тоже погибнуть. Но он упал так низко, что он уже не может выйти из этого всего. Вот ужас! Так что вся эта рационализация, будто они

думали, что если не я, то будет кто-то хуже меня – это всё чушь. И никто нигде не спас никого! Они и сами тоже погибли.

Я пытаюсь снизить накал: – Вы говорите, что эти люди были мелкие. Но они умели организовать работу и жизнь в гетто в жутких условиях: общественные столовые, места работы, медицинское обслуживание, снабжение, даже учёба, даже театры... Всё же незаурядные люди, разве не так?

Я неудачно пытаюсь...

Б. К. Слушайте, они ведь не сами это делали! В геттах были умелые специалисты, организаторы. Они сами приходили в Юденраты, потому что работать там значило выжить. Театры... В Варшавском гетто было кабаре, но кто ходил туда? *Проминенция* [верхушка], немцы... Кто-то исполнял, скажем, песни [поэта] Гебиртига, а он умирал с голода. Он просил, сохранились его письма: "Я умираю с голода, нельзя ли мне прислать что-нибудь за исполнение песен моих".

Мы теперь разложили всё по коробочкам и на одной надписали "Пассивное сопротивление". Театры, общественные кухни, детские приюты и так дальше... Но надо же взять во внимание, что пока одни шли смотреть спектакль, в тот же день в Лодзи или Варшаве умирали сотни людей. И кто организовывал кухни? Те же люди из Сопротивления. Потом они взялись за оружие, а вначале они просто хотели спасать других. Это не были люди из Юденрата, это люди из организаций Сопротивления.

Смотрю на голубые сполохи её глаз, но вспоминается мне: Черняков покончил с собой при начале депортации варшавских евреев и на похоронах поминание ему произносил не кто иной, как Януш Корчак. Вспоминаются евреи-полицейские и евреи-члены Юденратов, убитые за неповиновение немцам... Или просто убитые... Черняков, расстрелянный Генс, Бараш, отправленный в Майданек – можем ли мы их судить? Спрашиваю уже вслух.

Б. К. Надо судить. Не перед су́дом, но есть у каждого право по-человечески судить.. Это не подход, по-моему, что если я там не был, то не имею права судить. Болтовня. Не судить значит избегать ответственности. Есть в конце концов правила поведения человека в любой ситуации. Даже в лагерях смерти не все упали, были

люди, которых немцы при всей их бесчеловечности не смогли растоптать, люди, которые вели себя как люди. Есть, понимаете, какие-то этические нормы... [**4**, 153-7].

**Лагерь уничтожения, в который вывозили евреев на смерть из Варшавы и других мест.*

******Мордехай (Мордхай) Тененбаум-Тамаров*** *– организатор и руководитель еврейского сопротивления в гетто Белостока.*

1.5.6
Э. ЙОНАС
Из книги «**Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства 1939-1944**»

…22 июля 1941 года глава львовского муниципалитета украинец д-р Полянский приказал воздать в городе Еврейский совет.

...состоялись встречи между украинцами во главе с д-ром Полянским и представителями евреев. Немцы в эти переговоры не вмешивались, ограничиваясь ролью советников,

...Все получившие предложение войти в Еврейский совет города отказались. Тогда, увидев, что евреи не желают добровольно создавать задуманный ими совет, немцы сами назначили его членов...

На должность главы общины немцы назначили известного деятеля, лидера умеренных ассимиляторов д-ра Йосефа Парнеса. В приказе перечислялись возложенные на общину обязанности: 1) выполнять все приказы и распоряжения немецких властей в том, что касается еврейского населения; 2) регулировать внутренние отношения евреев путем создания социальных служб, полиции порядка и т.п.

Для немецких властей единственно важным являлся первый пункт приказа, в сущности, они даже не пытались этого скрывать. Достаточно быстро и евреи поняли, что юденрат — это не что иное, как исполнительный орган гестапо. Второй пункт немцев вообще не интересовал, во всем, что касалось "внутренних отношений", они готовы были предоставить евреям полную свободу действий. Таким образом открывалась возможность для неограниченных злоупотреблений не только со стороны членов юденрата, но и со стороны его служащих .

Вскоре выяснилось, что немцы не зря торопились с созданием юденрата: еще до того, как этот орган успел полностью сложиться, в начале августа был обнародован указ за подписью командующего сухопутными войсками генерала фон Раша о "контрибуции" в размере 20 миллионов рублей. В указе говорилось, что поскольку город потерпел немалый ущерб в результате военных действий, виновниками которых являются евреи, именно они обязаны пожертвовать средства на восстановление разрушенных районов. Наряду с этим и другие жители призывались вносить пожертвования на ту же цель. Немцы требовали, чтобы вся указанная сумма была передана в их руки двумя взносами: первая половина до 2 августа и вторая - не позднее 6 августа. Многие уважаемые в городе евреи были взяты в качестве заложников: если "контрибуция" не будет внесена в срок, заложники будут убиты. Юденрат поспешил назначить несколько человек, считавшихся "специалистами" в данном вопросе, для ведения переговоров с немцами... И действительно, с помощью взятки делегация сумела добиться отсрочки уплаты "контрибуции" на несколько дней. Чтобы собрать необходимую сумму, юденрат создал еврейскую полицию.

За две недели евреи сумели продать большую часть того имущества, которое еще находилось в их владении. Главная тяжесть поборов легла на представителей среднего класса и бедняков. Богатых среди львовских евреев в это время уже не оставалось, они были лишены основной части своего имущества еще в советский период. Христианское население Львова и прилегающих деревень устремилось скупать по дешевке мебель, драгоценности, одежду. Бедные семьи продавали субботние серебряные подсвечники и обручальные кольца, чтобы собрать причитающуюся с них сумму. Львовские евреи в этот период еще верили, что"контрибуция" спасет их от дальнейших бедствий, подобных тем, что им пришлось пережить в минувшем месяце. Поэтому они буквально из кожи вон лезли, лишь бы уплатить требуемое. Было несколько случаев, когда христианки приходили на пункты сбора и демонстративно участвовали в пожертвованиях. Два немецких офицера внесли некую сумму из собственных денег, выразив таким образом свое возмущение поступками соотечественников .

Нужно заметить, что и течение тех двух недель, пока продолжался сбор денег, в городе было тихо. Но тотчас по окончании этого непродолжительного срока немцы набросились на евреев с еще большим рвением.

Д-р Иосеф Парнес, первый председатель львовского юденрата, как уже говорилось, приступил к своей должности в июле 1941 года. По образованию он был юрист, многие годы работал адвокатом, по политическим взглядам принадлежал к ассимиляторам. Семья его владела целым рядом поместий и была известна своим богатством. Во время первой мировой войны он служил ротмистром в австрийской коннице. В момент назначения на пост главы юденрата ему было почти 70 лет. Человек исключительно принципиальный, с сильным характером, он не выказывал никакого подобострастия или страха перед германскими властями. Не раз он мужественно отказывался выполнять их требования. Он не мог и не желал свыкнуться с немецкими "методами работы".

В октябре 1941 года гестапо потребовало, чтобы еврейская община передала 500 молодых здоровых мужчин для отправки в трудовые лагеря, уже созданные тогда во Львове и других местах области. Д-р Парнес, понимая, что влечет за собой такая отправка, решительно отказался участвовать в "призыве". Община и ее органы были созданы, сказал он, не для того, чтобы отправлять евреев на смерть. Он был намерен всеми средствами помешать выдаче евреев немецким властям. Его невозмутимый ответ: "Людей не отдам!" - решил его участь.

В тот же день (в октябре 1941 года) гестаповцы окружили здание Еврейского совета на Старотандетной улице и арестовали почти всех находившихся в нём служащих во главе с д-ром Парнесом. Арестованных загнали в небольшой грузовик, д-ра Парнеса повалили наземь и принялись бить и топтать ногами. После того, как 500 молодых мужчин были отправлены в трудовые лагеря, всех служащих, кроме д-ра Парнеса, отпустили. Он оставался в заключении до конца октября 1941 года, после чего был убит в тюрьме на улице Лоницкого.

В ноябре 1941 года его преемником, был официально назначен его же заместитель, д-р Адольф Ротфельд. Ротфельд, по профессии журналист, являлся до войны одним из руководителей общих сионистов в Галиции. ...к тому времени, о котором идет речь, он был безнадёжно болен, страдал лейкемией .

На первом же заседании под председательством Ротфельда юденрат принял решение не сопротивляться решениям немецких властей. С этого момента еврейские полицейские, патрулировавшие по улицам, арестовывали любого трудоспособного еврея, у которого на руках не оказывалось рабочего удостоверения. Чтобы как можно быстрее набрать необходимое для отправки в трудовые лагеря количество людей, руководители общины потребовали от служащих юденрата лично участвовать в

облавах. "Отряды", в которые входили два служащих юденрата и один полицейский, по ночам выходили на охоту: они стучали в двери домов и вытаскивали мужчин из постелей. Отловленные таким образом доставлялись в здание еврейской полиции.

... Д-р Ротфельд постоянно ощущал на себе давление немецких властей, не упускавших при любой возможности напомнить: "Не делай тех глупостей, которые совершил Парнес". Несмотря на свой энергичный характер и умение выполнять возложенные на него задачи, Ротфельд не выдержал беспрерывного напряжения - болезнь начала быстро прогрессировать и в феврале 1942 года он скончался. Он был единственным из всех членов львовского юденрата, которому посчастливилось умереть естественной смертью.

После смерти д-ра Ротфельда комендант города в марте 1942 года назначил на пост главы юденрата его заместителя, д-ра Хенрика Ландсберга. Д-р Ландсберг, как и д-р Парнес, до войны был известным адвокатом и общественным деятелем. Он являлся активистом Бней-брита. В среде еврейской интеллигенции он пользовался большим уважением. Многие надеялись, что он сумеет положить конец хотя бы вымогательству и взяточничеству, распространившимся среди служащих юденрата. Однако и в этом плане ему не удалось сделать многого. Беспрерывные акции, проводившиеся во Львове немецкими властями, не позволяли наладить упорядоченную работу в общинных учреждениях.

... В первые дни марта 1942 года заведующему социальным отделом юденрата доктору Кону было отдано распоряжение передать немцам адреса всех евреев, получающих от общины социальную помощь. Поползли слухи, что в данном случае речь идет не о вывозе людей в трудовые лагеря, а об уничтожении. Раввины, служившие в религиозном отделе юденрата, пришли к заключению, что они обязаны что-то предпринять. Часть из них считала, что юденрат обязан посоветоваться с раввинами, прежде чем он вынесет столь роковое решение. Двое суток раввины спорили по поводу галахических постановлений, касающихся подобных случаев, чтобы найти законное основание отказаться от исполнения ужасного требования властей. Их смятение возросло еще больше, когда их ушей достигли слухи, что в среде евреев растет убеждение, будто разумным будет смириться и передать немцам некоторое число евреев, чтобы таким способом спасти остальных. Нашлись утверждавшие, что удовлетворяя требование немцев, юденрат поступит согласно "мере милосердия" - ведь это будет сделано ради спасения, а не ради убийства, которое замыслили немцы.

Под конец решено было назначить официальное заседание, призванное обсудить проблему в присутствии всех раввинов. Заседание вел рав Исраэль Лейб Вольфсберг, старейший из львовских раввинов. Заседание было непродолжительным и проходило в атмосфере полной подавленности и отчаяния. Все сознавали, что на религиозных руководителей общины возложена непосильная ответственность.

В конечном счете раввины отвергли предложение спасти многих путем принесения в жертву некоторых и постановили направить делегацию к главе юденрата д-ру Ландсбергу. В составе делегации были раввиины: Вольфсберг, Альтер, Калман Хамайлес, Давид Кахане . Рассказывает рав Кахане:

«По улице Старотандетная, 2а, многие сидели в зале перед дверями правления, дожидаясь встречи с д-ром Ландсбергом, председателем Еврейского совета. Немецкие офицеры входили и выходили, телефон звонил без остановки, напряжение и отчаяние стояли в воздухе. После получасового ожидания Ландсберг пригласил делегацию зайти. Он был бледен и утомлен, на лице его отчетливо читались следы тяжелой внутренней борьбы. Человек, всегда прекрасно владевший собой, сейчас он проявлял раздражительность и рассеянность. Мы сразу приступили к делу. В столь тяжкий час наш долг обратить его внимание - главы такой большой еврейской общины, как львовская, - какую непосильную ответственность взваливает он на свою душу, соглашаясь выполнить приказ немцев. По еврейскому обычаю и по велению своей совести он обязан изыскать другие пути. Когда придут к нам наши ненавистники и скажут: "Выведите одного из вас и убьем его, а иначе убьем всех - лучше всем умереть, но не предать одной души из числа сынов Израиля в руки врагов". Так постановляет Галаха. Эти слова весьма задели его, он взорвался: "Господа раввины, видно, полагают, что мы живем в довоенное время, и они пришли к председателю религиозной общины? Мы живем сегодня в совершенно иное время и наша община вовсе не является религиозной, она исполнительный орган гестапо, а всякий, возражающий гестапо..." Председатель не окончил фразы. Мы все поняли; у него нет ни малейшего намерения вступать в пререкания с гестапо и рисковать своей жизнью. Перед нами был человек сломленный и раздавленный, принявший свое решение после долгой и тяжкой внутренней борьбы, но у него не достало сил подняться на ту нравственную высоту, которой достиг его предшественник д-р Иосеф Парнес».

В период председательства д-ра Ландсберга остатки общины стали иидетелями еще одного ужасного эпизода: немцы приговорили к повешенью двенадцать еврейских полицейских и вместе с ними председателя юденрата.

О причинах ареста д-ра Ландсберга и вынесения ему смертного приговора в гетто существовали различные догадки: некоторые полагали, что немцы убили его просто в порядке мести - за то, что какой-то еврей, возможно, даже еврейский полицейский, убил немца. Другие считали, что немцы расправились с ним, поскольку обнаружили на складах юденрата большое количество различных товаров, предназначавшихся для черного рынка. Говорили также, что арест Ландсберга был вызван его связями с польским подпольем. Но самым распространенным мнением в еврейской среде было, что убийство председателя Еврейского совета явилось как бы завершающим торжественным аккордом в августовской акции.

В сентябре 1942 года председателем львовского юденрата был назначен д-р Эдуард Эберзон. По свидетельствам немногих уцелевших, это был порядочный человек, но слабовольный и не пользовавшийся никаким влиянием ни в Еврейском совете, ни среди немцев. До войны он не занимался никакой сколько-нибудь заметной общественной деятельностью . В период председательствования д-ра Эберзона юденрат уступил требованиям немцев ввести в состав совета преданных им людей. Среди них были командиры еврейской полиции и агенты гестапо, весь авторитет которых в еврейской среде базировался на их близости с немцами...

Д-р Эберзон оставался на своей должности до 30 февраля 1943 года, когда немцы убили его вместе со всеми остальными членами юденрата [**5**, 112-9].

Быт

1.5.7

В. ГРОССМАН

Из романа «**Жизнь и судьба**»

(письмо матери)

"Витя, я уверена, мое письмо дойдет до тебя, хотя я за линией фронта и за колючей проволокой еврейского гетто. Твой ответ я никогда не получу, меня не будет. Я хочу, чтобы ты знал о моих последних днях, с этой мыслью мне легче уйти из жизни.

...Седьмого июля немцы ворвались в город. Немцы ехали на грузовике и кричали: “Juden kaputt!”

А затем мне напомнили об этом некоторые мои соседи. Жена дворника стояла под моим окном и говорила соседке: "Слава богу, жидам конец". Откуда это? Сын её женат на еврейке, и старуха ездила к сыну в гости, рассказывала мне о внуках.

Соседка моя, вдова, у нее девочка 6 лет, Аленушка, синие, чудные глаза, я тебе писала о ней когда-то зашла ко мне и сказала: "Анна Семеновна, попрошу вас к вечеру убрать вещи, я переберусь в вашу комнату . - Хорошо, я тогда перееду в вашу". - "Нет, вы переберетесь в каморку за кухней".

Я отказалась, там ни окна, ни печки.

Я пошла в поликлинику, а когда вернулась, оказалось: дверь в мою комнату взломали, мои вещи свалили в каморке. Соседка мне сказала: "Я оставила у себя диван, он всё равно не влезет в вашу новую комнатку».

Удивительно, она кончила техникум, и покойный муж её был славный и тихий человек, бухгалтер в Укопспилке. «Вы вне закона», - сказала она таким тоном, словно ей это очень выгодно. А ее Аленушка сидела у меня весь вечер, и я ей рассказывала сказки. Это было мое новоселье, и она не хотела идти спать, мать ее унесла на руках...

... объявили о переселении евреев, разрешили взять с собой 15 килограммов вещей. На стенах домов висели желтенькие объявленьица: "Всем жильцам предлагается переселиться в район Старого города не позднее шести часов вечера 15 июля 1941 года". Не переселившимся — расстрел.

Ну вот, Витенька, собралась и я. Взяла с собой подушку, немного белья, чашечку, которую ты мне когда-то подарил, ложку, нож, две тарелки. Много ли человеку нужно? Взяла несколько медицинских инструментов. Взяла твои письма, фотографии покойной мамы и дяди Давида, и ту, где ты с папой снят, томик Пушкина...

...Простилась с домом, с садиком, посидела несколько минут под деревом, простилась с соседями. Странно устроены некоторые .люди. Две соседки при мне стали спорить о том, кто возьмет себе стулья, кто письменный столик, а стала с ними прощаться, обе заплакали. Попросила соседей Басанько, если после войны ты приедешь узнать обо мне, пусть расскажут поподробней - и мне обещали. Тронула меня собачонка, дворняжка Тобик, - последний вечер как-то особенно ласкалась ко мне.

Если приедешь, ты ее покорми за хорошее отношение к старой жидовке...

Как печален был мой путь, сыночек, в средневековое гетто. Я шла по городу, в котором проработала 20 лет. Сперва мы шли по пустынной Свечной улице. Но когда

мы вышли на Никольскую, я увидела сотни людей, шедших в это проклятое гетто. Улица стала белой от узлов, от подушек. Больных вели под руки. Парализованного отца доктора Маргулиса несли на одеяле. Один молодой человек нес на руках старуху, а за ним шли жена и дети, нагруженные узлами. Заведующий магазином бакалеи Гордон, толстый, с одышкой, шел в пальто с меховым воротником, а по лицу его тек пот. Поразил меня один молодой человек; он шел без вещей, подняв голову, держа перед собой раскрытую книгу, с надменным и спокойным лицом. Но сколько рядом было безумных, полных ужаса.

Шли мы по мостовой, а на тротуаре стояли люди и смотрели.

Одно время я шла с Маргулисами и слышала сочувственные вздохи женщин. А над Гордоном в зимнем пальто смеялись, хотя, поверь, он был ужасен, не смешон. Видела много знакомых лиц. Одни слегка кивали мне, прощаясь, дпугие отворачивались. Мне кажется, в этой толпе равнодушных глаз не было; были любопытные, были безжалостные, несколько раз я видела заплаканные глаза.

Я посмотрела — две толпы, евреи в пальто, шапках, женщины — в теплых платках, а вторая толпа на тротуаре одета по-летнему. Светлые кофточки, мужчины без пиджаков, некоторые в вышитых украинских рубахах...

Знаешь, Витенька, что я испытала, попав за проволоку? Я думала, что почувствую ужас. Но, представь, в этом загоне для скота мне стало легче на душе. Не думай, не потому, что у меня рабская душа. Нет. Нет. Вокруг меня были люди одной судьбы, и в гетто я не должна, как лошадь, ходить по мостовой, и нет взоров злобы, и знакомые люди смотрят мне в глаза и не избегают со мной встречи. В этом загоне все носят печать, поставленную на нас фашистами, поэтому здесь не так жжет мою душу эта печать. Здесь я себя почувствовала не бесправным скотом, а несчастным человеком. От этого мне стало легче.

Я поселилась вместе со своим коллегой, доктором-терапевтом Шперлингом, в мазаном домике из двух комнатушек. У Шперлингов две взрослые дочери и сын, мальчик лет двенадцати...

Как различны характеры людей! Шперлинг в свои пятьдесят восемь лет полон энергии. Он раздобыл матрацы, керосин, подводу дров. Ночью внесли в домик мешок муки и полмешка фасоли. Он радуется всякому своему успеху, как молодожен. Вчера развешивал коврики. "Ничего, ничего, все переживём, — повторяет он. — Главное, запастись продуктами и дровами».

Он сказал мне, что в гетто следует устроить школу. Он даже предложил мне давать Юре уроки французского языка и платить за урок тарелкой супа. Я согласилась.

Жена Шперлинга, толстая Фанни Борисовна, вздыхает: "Все погибло, мы погибли", — но при этом следит, чтобы старшая дочь Люба, доброе и милое существо, не дала кому-нибудь горсть фасоли или ломтик хлеба. А младшая, любимица матери, Аля — истинное исчадие ада: властная, подозрительная, скупая; она кричит на отца, на сестру. Перед войной она приехала погостить из Москвы и застряла.

... Витенька, здесь я вижу много плохих людей - жадных, хитрых, даже готовых на предательство. Есть тут один страшный человек, Эпштейн, попавший к нам из какого-то польского городка, — он носит повязку на рукаве и ходит с немцами на обыски, участвует в допросах, пьянствует с украинскими полицаями, и они посылают его по домам вымогать водку, деньги, продукты. Я раза два видела его — рослый, красивый, в франтовском кремовом костюме, и даже желтая звезда, пришитая к его пиджаку, выглядит, как желтая хризантема.

Но я хочу тебе сказать и о другом. Я никогда не чувствовала себя еврейкой, с детских лет я росла в среде русских подруг, я любила больше всех поэтов Пушкина, Некрасова, и пьеса, на которой я плакала вместе со всем зрительным залом, съездом русских земских врачей, была "Дядя Ваня" со Станиславским. А когда-то, Витенька, когда я была четырнадцатилетней девочкой, наша семья собралась эмигрировать в Южную Америку. И я сказала папе: "Не поеду никуда из России, лучше утоплюсь". И не уехала.

А вот в эти ужасные дни мое сердце наполнилось материнской нежностью к еврейскому народу. Раньше я не знала этой любви. Она напоминает мне мою любовь к тебе, дорогой сынок.

...

Я хожу к больным на дом. В крошечные комнатки втиснуты десятки людей: полуслепые старики, грудные дети, беременные. Я привыкла в человеческих глазах искать симптомы болезней — глаукомы, катаракты. Я теперь не могу так смотреть в глаза людям — в глазах я вижу лишь отражение души. Хорошей души, Витенька! Печальной и доброй, усмехающейся и обреченной, побежденной насилием и в то же время торжествующей над насилием. Сильной, Витя, души!

Если бы ты видел, с каким вниманием старики и старухи расспрашивают меня о тебе. Как сердечно утешают меня люди, которым я ни на что не жалуюсь, люди, чье положение ужасней моего.

...Люди поражают меня хорошим и плохим. Они необычайно разные, хотя все переживают одну судьбу...

Доктор Шперлинг уверен, что преследования евреев временные, пока война. Таких, как он, немало, и я вижу, чем больше в людях оптимизма, тем они мелочней, тем эгоистичней. Если во время обеда приходит кто-нибудь, Аля и Фанни Борисовна немедленно прячут еду.

Ко мне Шперлинги относятся хорошо, тем более, что я ем мало и приношу продуктов больше, чем потребляю. Но я решила уйти от них, они мне неприятны. Подыскиваю себе уголок. Чем больше печали в человеке, чем меньше он надеется выжить, тем он шире, добрее, лучше.

...Здесь я вижу, что надежда почти никогда не связана с разумом, она бессмысленна, я думаю, ее родил инстинкт.

Люди, Витя, живут так, как будто впереди долгие годы. Нельзя понять, глупо это или умно, просто так оно есть. И я подчинилась этому закону. Здесь пришли две женщины из местечка и рассказывают то же, что рассказывал мне мой друг. Немцы в округе уничтожают всех евреев, не щадя детей, стариков.

...для меня стало совершенно ясно, что нас здесь собрали не для того, чтобы сохранить, как зубров в Беловежской Пуще, а для убоя. По плану дойдет и до нас очередь через неделю, две. Но, представь, понимая это, я продолжаю лечить больных и говорю: "Если будете систематически промывать лекарством глаза, то через 2-3 недели выздоровеете". Я наблюдаю старика, которому можно будет через полгода-год снять катаракту.

Я задаю Юре уроки французского языка, огорчаюсь его неправильному произношению.

А тут же немцы, врываясь в гетто, грабят, часовые, развлекаясь, стреляют из-за проволоки в детей, и все новые, новые люди подтверждают, что наша судьба может решиться в любой день.

Вот так оно происходит — люди продолжают жить. У нас тут даже недавно была свадьба.

...Старик Шпильберг отдал в переплет несколько книг. Аля Шперлинг занимается по утрам физкультурой, а перед сном наворачивает волосы на папильотки, ссорится с отцом, требуя себе какие-то два летних отреза.

И я с утра до ночи занята — хожу к больным, даю уроки, штопаю, стираю, готовлюсь к зиме, подшиваю вату под осеннее пальто. Я слушаю рассказы о карах,

обрушившихся на евреев, — знакомую, жену юрисконсульта, избили до потери сознания за покупку утиного яйца для ребенка; мальчику, сыну провизора Сироты, прострелили плечо, когда он пробовал пролезть под проволокой и достать закатившийся мяч. А потом снова слухи, слухи, слухи.

Вот и не слухи. Сегодня немцы угнали восемьдесят молодых мужчин на работы, якобы копать картошку, и некоторые люди радовались — сумеют принести немного картошки для родных. Но я поняла, о какой картошке идёт речь.

Ночь в гетто особое время, Витя. Знаешь, друг мой, я всегда приучала тебя говорить мне правду, сын должен всегда говорить матери правду. Но ведь и мать должна говорить сыну правду. Не думай, Витенька, что твоя мама сильный человек. Я — слабая. Я боюсь боли и трушу, садясь в зубоврачебное кресло. В детстве я боялась грома, боялась темноты. Старухой я боялась болезней, одиночества, боялась, что , заболев, я не смогу работать, сделаюсь обузой для тебя, и ты мне дашь это почувствовать. Я боялась войны. Теперь по ночам, Витя, меня охватывает ужас, от которого леденеет сердце. Меня ждет гибель. Мне хочется звать тебя на помощь.

Когда-то ты ребенком прибегал ко мне, ища защиты. И теперь в минуты слабости мне хочется спрятать свою голову на твоих коленях, чтобы ты, умный, сильный, прикрыл меня, защитил. Я не только сильна духом, Витя, я и слаба. Часто думаю о самоубийстве, но я не знаю, слабость, или сила, или бессмысленная надежда удерживают меня.

Но хватит. Я засыпаю и вижу сны. Часто вижу покойную маму, разговариваю с ней. Сегодня ночью видела во сне Сашеньку Шапошникову, когда вместе жили в Париже. Но тебя ни разу не видела во сне, хотя всегда думаю о тебе, даже в минуты ужасного волнения. Просыпаюсь, и вдруг этот потолок, и я вспоминаю, что на нашей земле немцы, я прокаженная, и мне кажется, что я не проснулась, а, наоборот, заснула и вижу сон.

Но проходит несколько минут, я слышу, как Аля спорит с Любой, чья очередь отправиться к колодцу, слышу разговоры о том, что ночью на соседней улице немцы проломили голову старику.

Ко мне пришла знакомая, студентка педтехникума, и позвала к больному. Оказалось, она скрывает лейтенанта, раненного в плечо, с обожженным глазом. Милый, измученный юноша с волжской, окающей речью. Он ночью пробрался за проволоку и нашел приют в гетто... Я так радовалась, оказывая помощь этому парню, мне казалось, вот и я участвую в войне с фашизмом.

Ему принесли картошки, хлеба, фасоли, а какая-то бабушка связала ему шерстяные носки.

Сегодня день наполнен драматизмом. Накануне Аля через свою русскую знакомую достала паспорт умершей в больнице молодой русской девушки. Ночью Аля уйдет. И сегодня мы узнали от знакомого крестьянина, проезжавшего мимо ограды гетто, что евреи, посланные копать картошку, роют глубокие рвы в четырех верстах от города, возле аэродрома, по дороге на Романовку. Запомни, Витя, это название, там ты найдешь братскую могилу, где будет лежать твоя мать.

Даже Шперлинг понял все, весь день бледен, губы дрожат, растерянно спрашивает меня: "Есть ли надежда, что специалистов оставят в живых?" Действительно, рассказывают, в некоторых местечках лучших портных, сапожников и врачей не подвергли казни.

И все же вечером Шперлинг позвал старика-печника, и тот сделал тайник в стене для муки и соли. И я вечером с Юрой читала “Letters de mon Moulin”. Помнишь, мы читали вслух мой любимый рассказ "Les vieux" и переглянулись с тобой, рассмеялись, и у обоих слезы были на глазах. Потом я задала Юре уроки на послезавтра. Так нужно. Но какое щемящее чувство у меня было, когда я смотрела на печальное личико моего ученика, на его пальцы, записывающие в тетрадку номера заданных ему параграфов грамматики.

И сколько этих детей: чудные глаза, темные кудрявые волосы, среди них есть, наверное, будущие ученые, физики, медицинские профессора, музыканты, может быть, поэты.

Я смотрю, как они бегут по утрам в школу, не по-детски серьезные, с расширенными трагическими глазами. А иногда они начинают возиться, дерутся, хохочут, и от этого на душе не веселей, а ужас охватывает.

Говорят, что дети наше будущее, но что скажешь об этих детях? Им не стать музыкантами, сапожниками, закройщиками. И я ясно сегодня ночью представила себе, как весь этот шумный мир бородатых, озабоченных папаш, ворчливых бабушек, создательниц медовых пряников, гусиных шеек, мир свадебных обычаев, поговорок, субботних праздников уйдет навек в землю, и после войны жизнь снова зашумит, а нас не будет, мы исчезнем, как исчезли ацтеки.

Крестьянин, который привез весть о подготовке могил, рассказывает, что его жена ночью плакала, причитала: "Они и шьют, и сапожники, и кожу выделывают, и часы чинят, и лекарства в аптеке продают... Что ж это будет, когда их всех поубивают?"

И так ясно я увидела, как проходя мимо развалин, кто-нибудь скажет: "Помнишь, тут жили когда-то евреи, печник Борух; в субботний вечер его старуха сидела на скамейке, а возле нее играли дети". А второй собеседник скажет: "А вон под той старой грушей-кислицей обычно сидела докторша, забыл ее фамилию, я у нее когда-то лечил глаза, после работы . она всегда выносила плетеный стул и сидела с книжкой". Так оно будет, Витя.

Как будто страшное дуновение прошло по лицам, все почувствовали, что приближается срок. Витенька, я хочу сказать тебе... нет, не то, не то. Витенька, я заканчиваю свое письмо и отнесу его к ограде гетто и передам своему другу. Это письмо нелегко оборвать, оно — мой последний разговор с тобой, и, переправив письмо, я окончательно ухожу от тебя, ты уже никогда не узнаешь о последних моих часах. Это наше самое последнее расставание. Что скажу я тебе, прощаясь, перед вечной разлукой? В эти дни, как и всю жизнь, ты был моей радостью. По ночам я вспоминала тебя, твою детскую одежду, твои первые книжки, вспоминала твое первое письмо, первый школьный день, всё, всё вспоминала от первых дней твоей жизни до последней весточки от тебя, телеграммы, полученной 30 июня. Я закрывала глаза, и мне казалось — ты заслонил меня от надвигающегося ужаса, мой друг. А когда я вспоминала, что происходит вокруг, я радовалась, что ты не возле меня — пусть ужасная судьба минет тебя.

Витя, я всегда была одинока. В бессонные ночи я плакала от тоски. Ведь никто не знал этого. Моим утешением была мысль о том, что я расскажу тебе о своей жизни. Расскажу, почему мы разошлись с твоим папой, почему такие долгие годы я жила одна. И я часто думала, как Витя удивится, узнав, что мама его делала ошибки, безумствовала, ревновала, что ее ревновали, была такой, как все молодые. Но моя судьба закончить жизнь одиноко, не поделившись с тобой. Иногда мне казалось, что я не должна жить вдали от тебя, слишком я тебя любила, думала, что любовь дает мне право быть с тобой на старости. Иногда мне казалось, что я не должна жить вместе с тобой, слишком я тебя любила.

Ну, enfin... Будь всегда счастлив с теми, кого ты любишь, кто окружает тебя, кто стал тебе ближе матери. Прости меня.

С улицы слышен плач женщин, ругань полицейских, а я смотрю на эти страницы и мне кажется, что я защищена от страшного мира, полного страдания.

Как закончить мне письмо? Где взять силы, сынок? Есть ли человеческие слова, способные выразить мою любовь к тебе? Целую тебя, твои глаза, твой лоб, волосы.

Помни, что всегда в дни счастья и в день горя материнская любовь с тобой, ее никто не в силах убить.

Витенька... Вот и последняя строка последнего маминого письма к тебе. Живи, живи, живи вечно... Мама» [**6**, 191-205].

1.5.8

Из выступления Председателя Юденрата Вильнюсского гетто **Я. Генса**

Господа, я просил вас собраться сегодня, чтобы рассказать вам об одном из самых страшных моментов в трагической еврейской жизни — когда евреи ведут на смерть евреев. Мне хочется на этот раз говорить с вами откровенно.

Неделю тому назад пришел к нам Вайс* из СД с приказом от имени СД поехать в Ошмяны. В Ошмянском гетто насчитывалось около 4000 евреев, и [по мнению СД] невозможно было держать там так много людей... Надо было отобрать тех, кто был бесполезен для немцев, надо было увести их и расстрелять. Первыми должны были пойти дети и женщины, мужей которых в прошлом году забрали "хапуны"**. Вслед за ними надо было забрать женщин и многодетные семьи. Получив этот приказ, мы ответили: "Слушаемся!".

Еврейская полиция во главе с С.Десслером поехала в Ошмяны. Через 2—3 дня она...доложила в гебитскомиссариат, что, во-первых, женщины, у которых в прошлом году забрали мужей, теперь работают, а во-вторых, что в гетто нет семей с 4—5 детьми. В самых больших семьях — двое детей и всего в нескольких — трое. (Я забыл сказать, что послать на смерть нужно было не менее 1500 человек.) Мы сказали, что не можем обеспечить такого количества, и начали торговаться. Когда г-н Десслер прибыл с этим донесением из Ошмян, число приговоренных снизили до 800. Когда в Ошмяны поехал я с Вайсом, число еще раз снизили, теперь до 600. В действительности положение было иным. Мы боролись за 600, а тем временем вопрос о женщинах и детях отпал. Остался вопрос о стариках. Действительно, в Ошмянах было собрано 406 стариков. Эти старые люди были принесены в жертву.

Когда Вайс пришел в первый раз и заговорил о женщинах и детях, я сказал ему, что прежде всего следует отдать стариков. Он ответил: "Старики так или иначе умрут этой зимой, а количество людей в гетто надо сократить сейчас".

Еврейская полиция спасла тех, кто должен был остаться живых. Тех, кому жить оставалось недолго, мы отобрали, и пусть пожилые евреи простят нас... Они стали жертвами ради других евреев и ради нашего будущего.

Я не хочу говорить о том, что пережили в Ошмянах вильнюсские евреи [еврейские полицейские]. Я только сожалею сегодня, что не было евреев [еврейской полиции], когда проводилась акция в Кемелишках и Быстрице. На прошлой неделе там были расстреляны все евреи без разбора. Сегодня ко мне пришли два еврея из Швенчёниса и попросили меня спасти их. Там были [собраны] евреи из Швенчёниса, Видзы и из других соседних местечек. И сегодня я спрашиваю себя, что будет, если нам придется еще раз проводить селекцию. Я должен был сказать им: "Почтенные евреи, уходите; я не хочу пачкать свои руки и посылать мою полицию делать грязную работу. Но я говорю сегодня, что мой долг — пачкать свои руки, потому что для еврейского народа настали страшные времена. Если уже погибло 5 миллионов человек, наш долг — спасти сильных и молодых, молодых не только годами, но и духом, и не поддаваться сентиментальности. Когда ошмянскому ребе сообщили, что необходимое число людей не набрано и что пять престарелых евреев прячутся в тайнике, он сказал, что они должны будут выйти оттуда. Вот человек с молодым и непоколебимым духом.

Я не знаю, все ли поймут и оправдают наши действия, оправдают, когда мы уже покинем гетто, — но позиция полиции такова: спаси все, что можешь, не считайся с тем, что твое доброе имя будет запятнано, или с тем, что тебе придётся пережить.

Все, что я вам рассказал, звучит жестоко для наших душ и для наших жизней. Это вещи, которых человеку не следует знать. Я открыл вам тайну, которая должна остаться в ваших сердцах. Я хочу рассказать вам, что должны были делать еврейские полицейские, которые, выполняя это страшное задание, отдавали команду: "направо!" или "налево!"... Это был не суд. Я хочу, чтобы общественные деятели, знатоки Талмуда знали, что такое гетто и что такое [еврейская] полиция, через что пришлось пройти другим евреям.

У вас, господа, я прошу моральной поддержки. Мы все *хотим* дожить до освобождения из гетто. Сегодня, может быть все евреи понимают, в какой опасности нам приходится действовать. Никто не знает, сколько раз в день каждый из нас рискует попасть в Понары...*** Мне самому случалось быть на поле боя. Мне не было страшно тогда — было страшно позже, когда я вспоминал об этом. Так и теперь. Мы будем думать обо всем этом потом, после гетто. Сегодня же мы должны

быть сильными. Те, у кого есть вера, скажут: "Всемогущий поможет нам". Те, у кого нет веры, должны искать моральную поддержку в еврейском патриотизме и национальном чувстве, чтобы пережить все это и остаться человеком во имя великого еврейского будущего. [Немецкий министр] Розенберг недавно сказал, что задача немцев — истребить еврейский народ в Европе. Я не знаю, что он имел в виду. Если бы ему довелось попасть сюда, к нам в гетто, он, вероятно, испугался бы нас. Люди, которые забились в тайники, которых загнали в Понары, оторвали от своих семей, — мы в течение года отстроили жизнь, мы сделали гораздо больше, чем арийцы, ибо таков еврейский народ — сильный духом и верой в то, что он будет жить. Чтобы слова Розенберга не воплотились в жизнь, мы должны бороться сегодня. Во всякой борьбе цель оправдывает средства, и иногда эти средства ужасны. К несчастью, мы должны использовать все средства, чтобы бороться с нашим врагом.

Последние 2000 лет еврейский народ не видел крови. Он видел огонь, но не видел крови. Сегодня гетто увидело ее. Евреи, спасшиеся в Понарах, вернулись с пулевыми ранами на ногах и руках. На этот раз еврейский народ увидел кровь и утратил свою сентиментальность.

Я хочу раскрыть вам глаза на нашу сегодняшнюю жизнь, сообщить вам о ней неприкрашенные факты, показать нашу борьбу в ее неприглядной наготе [**7**, 253-5].

* ***Мартин Вайс*** *— служащий СС, был уполномоченным по еврейским делам в Вильнюсском СД.*

** ***Хапуны*** *— местные жители и полицейские, которые во время акций уничтожения хватали евреев.*

*** *Место расстрела вильнюсских евреев.*

1.5.9

АБ МИШЕ

Из книги «**Черновой вариант**»

Когда кошмар шести миллионов убийств погонит тебя по перекресткам Истории, смердящие дороги Зла неуклонно приведут сюда, в середину двадцатого века, в середину Европы, в Варшаву, к евреям.

... Прикинь: 4,5 процента площади города и 37 процентов его населения - более 500 тысяч человек с еврейской кровью. 1100 человек на 1 гектар, 16 километров кирпичной стены высотой 3 метра с битым стеклом и колючей проволокой наверху,

чтобы ни шагу на "арийскую" сторону*,к полякам.... Лихорадка бесчисленных распоряжений: о принудительном труде, о ношении отличительных повязок, о запрете езды в трамвае, о конфискации имущества, о вселении, выселении, переселении - людей гнали сюда из других городов, а территорию сокращали, так что в 1942 году в среднем на одну комнату в гетто приходилось 13 человек. Капитально организованный грабеж: немцы вывезли из гетто еврейского имущества в январе 1942 года на 3,7 миллиона злотых, в феврале -на 4,7 миллиона, в марте - на 6 миллионов, в апреле - почти на 7 миллионов.

Я знаю, вид одного тела, корежимого жаром крематория, бьет по нервам сильнее, чем статистика миллионов смертей: цифры безлики, бесстрастны - скучны. Но вот: 4800,1750,1000,634,515,184.

Бессмысленный, кажется, ряд. А если это - дневные количества калорий и если

4800 - необходимы человеку при тяжелой работе, иначе - истощение и смерть;

1750 - то же при полном покое;

1000- рацион узника концлагеря Майданек;

634 - немецкая норма питания поляков в оккупированной Варшаве в 1941 году;

515 - рацион советского военнопленного в Освенциме;

184 - немецкая норма для варшавского еврея в 1941 году, - если цифры выстраиваются в такой столбец - он ошеломляет. И ты, кто слушает меня через годы, уже прочтя про апокалиптические картины Майданека, живые скелеты лагерников, людоедствующих военнопленных, уже о ленинградской блокаде зная, ты спросишь: неужели возможно, чтобы еще жутче ?

Да, нам выдавали в день около 70 граммов мокрого, с опилками хлеба. В блокадном Ленинграде рабочий получал в 3,6 раза больше, ребенок почти в два раза больше, а в дневнике ленинградской девочки Тани Савичевой: "Все умерли", а на одном только Пискаревс-ком кладбище Ленинграда - 800 тысяч трупов блокадников. Как же было в гетто ?

И ответит тебе книга Бернарда Марка**:

"Полное вымаривание гетто голодом было одной из основных задач немецких оккупационных властей... Эта тактика имела две формы: косвенно - путем лишения подавляющего большинства жителей гетто способов заработка, и прямо - лишением их продовольствия. 30 июня 1941 года в гетто было "профессионально занятых" 27 тысяч человек... на 550 тысяч жителей гетто.

...За десяти- или одиннадцатичасовой день тяжелого труда высококвалифицированный рабочий получал от 4 до 7 злотых, а фактически, после вычета из этой суммы стоимости двух порций водянистого супа (питание на работе), оставалось ему от 2,5 до 5 злотых. Работникам низшей категории доставалось от 1,5 до 2 злотых. О реальной стоимости этого заработка свидетельствуют цены "свободного" рынка гетто: 1 килограмм ржаного хлеба стоил 8-12 злотых, 1 килограмм жира - 250 злотых.

...Условия работы по свидетельству очевидца: "В страшнейших условиях, в темных комнатах, в тесных погребах они сидят, скорчившись, на табуретках, на скамьях, над столами, машинами, станками. Они шьют одежду и белье, кофты и шапки, матрацы, делают обувь, игрушки, щетки... Щеточные станки: вручную режется щетина, натягивается острая, колющая, как спицы, проволока. Израненные до крови, всегда гноящиеся пальцы женщин и детей, налитые от напряжения глаза, сгорбленные спины... Вот современная колония рабов..."

...Нужда в гетто была неописуемая. На каждом шагу встречались люди без одежды, в рваных пальто или плащах, наглухо застегнутых булавками, чтобы скрыть отсутствие на теле рубахи. ... Люди ходили почти голыми.

...Последствия голода были страшными. Зафиксирован случай людоедства - сошедшая с ума от голода женщина съела часть тела умершего ребенка.

По данным, подпольной прессы гетто от апреля 1942 года 50 % жителей гетто умирают от голода, 30 % голодают "нормально", 15% недоедают и только 10 тысяч избранных живут в достатке, некоторые даже лучше, чем до войны.

...Враг атаковал гетто не только голодом, но и эпидемиями, главным образом, брюшного и сыпного тифа и паратифа.

Улицы гетто представляли страшную картину. Перед воротами домов валялись трупы, накрытые газетами... По свидетельствам очевидцев: "На улицах - опухшие бедняки, дети, выглядящие, как скелеты, лежащие без сил... Наиболее смелые, в основном, женщины и дети, пробираются на "арийскую" сторону и просят милостыню или получают помощь от поляков, ищут случайной работы и заработка. На улицах Варшавы полно нищенствующих еврейских детей, их вылавливает польская полиция... В комиссариатах еврейских беглецов, не исключая детей, зачастую избивают до потери сознания". Так наказывали в середине 1941 года. 8

октября 1941 года за самовольный выход из гетто приговорены к смертной казни первые два еврея. 10 октября губернатор Фишер опубликовал объявление, что "еврей, который покинет без разрешения указанное ему место жительства, будет покаран смертью... такому же наказанию подлежит поляк, который укрывает еврея или другим способом помогает ему". 17 октября повешено за выход из гетто 8 человек, среди них несколько матерей и одна беременная.... В конце 1941 года за нелегальный выход из гетто в заключении ожидали специального суда 1300 человек.

...В июле 1941 года умерло в гетто 5500 человек. В августе "рекорд" - 5560... До лета 1942 года, т.е. за 2,5 года существования гетто, в нем умерло более 100 тысяч человек.

Голодом враг добивался намеченной цели: устрашающего роста смертности евреев. Но что еще хуже, он при этом... ослаблял или полностью уничтожал у определенной части людей волю к жизни... "Жизнь без хлеба, без ложки еды в течение долгих лет, - пишет один из летописцев гетто, - потрясающе действовала на психику. Множество людей погрузилось в крайнюю апатию. Они лежали на своих подстилках так долго, что уже нехватало сил встать. ... Были семьи из 10-12 человек, лежавшие вповалку, без движения, с бледными лицами и полыхающими глазами. Они сглатывали слюну. Равнодушные ко всему. Мучило их постоянно одно желание: найти крошку хлеба!"

В описании умирающего гетто тебя, наверно, заинтригует упоминание о 10 тысячах "избранных", которым сытно среди трупов: кто?

Руководители немецких фабрик в гетто, спекулянты и шантажисты вроде бывшего доносчика Кона и Геллера, которые создали "трест" из 30 предприятий, работавших на немецкие госпитали. Другие сколачивали огромные состояния на контрабанде, на крови и труде подчиненных агентов, одолевающих стену в погоне за едой или медикаментами на "арийской" стороне. Война и смерть оказались подходящей возможностью всплыть на поверхность жизни. Пена штормового моря...

[Председатель Юденрата] Черняков – белка в колесе компромисса. "Недочеловек" у немцев - хозяин в гетто. Еда - от него, от Юденрата, работа - от него, жизнь и смерть - от него. И не сметь немцам перечить, не злить зверя. Пересидим...

А гетто рвалось из-под контроля. Дух судейского бунта в климате польской непокорности. Резонанс традиций двух народов. Просверки жизни в могиле гетто.

Полулегальное Общество еврейской взаимопомощи подкармливало нищих, опекало сирот и бездомных, боролось с эпидемиями. Сотни нелегальных пекарен и тайных мастерских вырабатывали продукцию, бесстрашные дети гетто несли ее через стену под пулями охранников, меняли на "арийской" стороне на продукты, одежду, лекарства. Контрабанда стала оружием сопротивления.

Таким же оружием было тайное обучение - курсы разного уровня вплоть до высшего образования. Истрепанные учебники, шаткие от голода учителя, заморенные ученики, но учеба живила миражами прежней воли, гимназических звонков, шума аудиторий, и свидетельство об окончании обучения становилось знаком человеческого бытия в нечеловеческих условиях.

Это Чернякова не слишком беспокоило. Немцы запрещали учебу, но если педагога Розу Симхович, или поэта Ицхака Каценельсона, или прославленных медиков Людвика Гиршфельда и Юлиана Цвейбаума, или других преподавателей устраивал такой гонорар, как смертная казнь - что ж, пускай учат... Евреи - народ книжный. Учеба- форма жизни, и довольно безобидная. Когда интеллигент Самуэль Винтер провозглашал: "Культура важнее борьбы", - Черняков соглашался. Лишь бы не совались евреи под немецкий огонь.

Промахнулся Адам Черняков! В болоте гетто трудность всякого движения часто оборачивалась выплеском неожиданного итога. Среда школы на месте отчаяния и депрессии растила самосознание и мужество. Чего стоили одни только уроки истории! Не случайно позднее многие ученики подпольных школ взялись за оружие. Миролюбивый Винтер, и тот влез в борьбу. Подпольная система образования стала системой образования Человека.

Может быть, умному Чернякову просто некогда было об этом подумать. Его тогда, в сороковом-сорок первом годах, занимало другое. Немцы победно шагали по Европе, капитулировала Франция. Гетто теряло надежды на помощь извне, многие ломались. Волна самоубийств страшила Чернякова: евреям не хотелось жить.

Но еще ужаснее казались ему бунтари. Тоже самоубийцы, только хуже: они тащили в могилу все гетто, они одним махом рушили его кропотливую работу: добывание пищи, распределение жилья, уборку улиц, борьбу с болезнями, устройство столовых, организацию рабочих мест... Все было зыбким, зависящим от каприза оккупантов, ненадежным: улицы оставались грязными, работало пять

процентов населения, эпидемии косили людей, бездомные шатались по мостовым... Но он же ухитрялся выдавать по продовольственным карточкам 229 калорий на душу вместо положенных немцами ста восьмидесяти четырех, но кто-то все же выздоравливал от тифа!

Он был сильным человеком, он мог вынести пресмыкательство перед немцами, судороги унижения, плевки и мордобой до крови, он мог хитрить, лгать, он был готов лизать гестаповский сапог, лишь бы не дать этому сапогу растоптать гетто. Десять тысяч своих "избранных", конечно, сволочи, но их деньги - залог спасения гетто, за деньги можно выторговать толику милости у оккупантов, и он поддерживал богачей: ему нужны живые люди в гетто, а не мертвые герои.

... Ему доносили: активизировался Бунд, еврейская социалистическая партия, у них подпольная организация, военные инструкторы, нелегальная пресса, у них свои люди в полиции. Он знал: уже не раз боевые группы бундовцев отбивали атаки варшавской шпаны, охочей до налетов на безоружное гетто. Впрочем, драки с погромщиками - в русле давних традиций. Куда серьезнее известия о левых сионистских группах, особенно среди молодежи. Воспитанные на принципах бой-скаутизма, закаленные еще довоенными потасовками с польскими антисемитами, они берегли и в гетто свои коллективистские привычки: жили в общих комнатах, одной семьей, спорили о способах борьбы, дружно не сомневаясь в ее необходимости, искали оружие...

...В марте сорок второго года возник в гетто Антифашистский Блок - 7 левосионистских групп и ПРП [коммунисты].

Покатилось. Спустя неполные два месяца (Черняков опомнится не успел) у Блока появились полтысячи бойцов, обученных стрельбе, обращению со взрывчаткой, медицинской помощи. Блок наладил контакты с еврейским подпольем в разных городах, с русскими военнопленными в гестаповской тюрьме Павьяк на территории гетто, с польским сопротивлением на "арийской" стороне.

Связи с поляками отыскивал не только Блок, но и отдельные группы - сионисты, коммунисты, бундовцы - по своим каналам. Сложное дело в стране многовекового антисемитизма. По Варшаве шныряли охотники за евреями, выскользнувшими из-за стены гетто, грабили их, сдавали на смерть гестаповцам. Остряки складывали антиеврейские песенки с хвалой Гитлеру. Разномастное польское подполье издавало прессу на все вкусы - бюллетень правого Антикоммунистического Агентства жаловался: "Немцы обходятся с евреями слишком мягко". Но подпольщики гетто

упорно нащупывали другую Польшу... Еврейские ветераны Войска Польского отыскали бывших товарищей по оружию в Армии Крайовой (АК - подпольные вооруженные силы, подчиненные польскому правительству, эмигрировашему в Лондон) - в результате возникла польская группа капитана Генрика Иванского ("Быстрого"), которая помогала гетто.

Подпитываясь из разных источников, разгорался огонь, и Черняков даже не зная подробностей и имен, все сильнее ощущал жар. Подпольщики уже успели попробовать свои силы: дважды организовали побеги польских и советских офицеров из тюрьмы Павьяк.

Чернякову - только руками разводить. 15 мая сорок второго года из недр подполья Блок выплеснул свою газету "Призыв". Черняков читал: "Еврейские массы должны занять почетное место в антифашистской борьбе... Есть такие, которые ждут чуда. Они не отдают себе отчета в том, что только путь борьбы ведет к освобождению".

...Он вспомнил, как пыталась расшевелить гетто "Молодая гвардия"-организация левых сионистов: то уличная демонстрация с лозунгами борьбы, то тайный смотр боевиков, собрания, речи... Провокации, конечно, но - терпимо: дешевые спектакли, почти без публики... Другое дело - газета. Газету читают все. Газета- мина... Нашему стаду да таких умников в пастухи!..

Он их ненавидел. Не только за то, что они увлекали в пропасть все гетто. Он их ненавидел еще и за чистоту их непримиримости, за безоглядность юной лихости; их боеспособность была высшей формой жизнеспособности, и кому как не им следовало сохранить, пронести в себе сквозь погибель гетто живую силу народа,

Они были такими же, как его сын, который сначала счастливо оказался вдали отсюда, в Советском Союзе, а теперь затерялся в невообразимой какой-то Киргизии, со всеми своими талантами затерялся, может быть, навсегда,- думая о своем мальчике, Председатель Юденрата сразу становился просто несчастным стариком, но он был Председатель, на нем лежала Ответственность, и он не позволял своему лицу смягчиться слезой; он управлял тоской о сыне, разворачивая ее в мысли о молодежи, об евреях, о мифической их судьбе, и любовь к сыну распространялась на умирающий и нетленный его народ, он любил его и спасал, как любил и спасал этих дураков, слепо прущих под колеса гитлеровской машины; и любя и спасая, он надрывался: -0ни погубят всех! Наша сила - в терпении! Немцы передавят нас, как блох! Одумайтесь, евреи, оглянитесь: покака эти ослы не злили немцев, в гетто еще можно было дышать. А сейчас?

Разве он не был прав? Террор свирепел - немцы душили сопротивление. Их агенты легко прорвали слабую завесу конспирации, и в ночь на 18 апреля гестапо сокрушительно ударило по Антифашистскому Блоку - утром потрясенное гетто увидело на улицах пятьдесят два трупа с черепами, развороченными выстрелами в затылок. Погибли активисты подполья и для дезориентации уцелевших несколько незначительных немецких шпиков.

Дальше - больше. Репрессии косят почти без разбора. В мае осуждены на смерть 187 евреев. Казнят и без суда. Стариков сбрасывают с верхних атажей на мостовую. У ворот гетто под видом борьбы с контрабандой убивают безоружных людей. Жандармские посты на крышах, в подъездах... Управляющие домами под угрозой расстрела их семей обязаны выслеживать деятелей сопротивления. Облавы. Служба Порядка помогает гестаповцам и польской полиции. Ночами повторяется апрельская резня - "усмирение" идет круглосуточно. Ширится и сопротивление. Толпа женщин вырвала во время облавы из рук Службы Порядка нескольких молодых людей... Убит жандарм у ворот гетто... Третьего июня сто десять евреев, среди них женщины и полицейские, уничтожены "за неповиновение властям". В мае и июне полиция гетто регистрирует ежедневно в среднем 142 случая сопротивления - такое раньше и не снилось...

В разгар террора евреи гетто дарят польским коммунистам типографское оборудование. 30 мая "Шмидт", "Меретик" (Самуэль Циммерман) и Давид Влоско при передаче подарка на "арийскую" сторону схвачены немцами с помощью провокатора Киселева, бывшего белогвардейца. "Шмидт" зверски замучен в Павьяке, "Меретик" и Влоско расстреляны. Киселева казнила Гвардия Людова. Война как война, только пули все больше в одну сторону... Прав был Черняков.

Он не был прав. Заманчивый обман - увидеть в действиях оккупантов месть за сопротивление, привычную массовую экзекуцию. Гитлеровцы замахнулись много шире. Здесь, в Варшаве, окончательное решение еврейского вопроса сулило им походя выгадать и освобождение от хлопот с полумиллионным гетто, и усмирение города, чреватого бунтом в тылу Восточного фронта, и воздание почести Рейнхардту Гейдриху, только что убитому чешскими патриотами. В июне рейхсфюрер СС Гиммлер отдал приказ провести "операцию Рейнхардт": выселить евреев из Варшавы. "Выселить" означало: перевезти в Треблинку и умертвить. Их язык...

Готовились по-немецки обстоятельно: довели треблинский концлагерь до совершенства лагеря смерти; похлопотали насчет транспорта; отработали маршруты

выселяемых по улицам Варшавы; сформировали "группы уничтожения" из эсэсовцев, польских уголовников, украинских, латвийских и литовских карателей. Назначили в Варшаву нового начальника СС и полиции СС-оберфюрера (командир бригады) и доктора права (!) фон Саммерн-Франкенегга и передали в его подчинение гетто. По приказу командующего операцией СС-группенфюрера (генерал-лейтенант) Глобоцника из Люблина прибыли "специалисты по ликвидации" во главе. с СС-штурмбанфюрером (майор) Гефле. Позаботились, как обычно, о маскировке: в гетто вдруг разрешили открыть Школы, стали публично хвалить еврейских рабочих. Предусмотрели даже выдавать евреям на дорогу хлеб и мармелад - успокоительная забота и для голодных приманка.

Мог ли Черняков догадываться об истинных намерениях немцев? Вряд ли. Слухи о полном уничтожении евреев ползли по Варшаве и достигали гетто, но поверить в это не решались даже такие люди, как Левартовский и Саган.

Немецкий комиссар гетто Ауэрсвальд на тревожные вопросы Чернякова отвечал благодушием и торжественными заверениями в безопасности евреев. "Заметьте, Черняков, - говорил Ауэрсвальд, -мы даже перестали казнить приговоренных". Чернякову сообразить бы, что немцы просто решили не возиться со смертниками, - они получат свое в Треблинке. Но это значило принять невероятную правду о гибели сотен тысяч людей не за вину какую-нибудь - только за не те глаза, не те волосы, не тот нос, - а он не мог и не хотел верить, что в центре цивилизованной Европы, в гуманном двадцатом веке можно организованно и хладнокровно, без всякой видимой нужды, истреблять целый народ. Не психопаты же они в конце концов, эти немцы?

Так думал не он один. При первом известии о выселении евреев руководство Антифашистского Блока собрало представителей всех действующих в гетто политических и общественных групп и предложило: организовать отпор, напасть на полицию гетто, штурмовать ворота и пробиваться на "арийскую" сторону. "Нет! - сказало большинство. - Народ переживет (Фридман, делегат правых). Активное выступление даст немцам повод уничтожить всех (Шипер, сионист)". Наверно, каждый из них был готов рискнуть собой, но другими? всеми?.. .

18 июля с "арийской" стороны дошло: готовится катастрофа, обещанное переселение станет смертью по крайней мере трехсот тысяч евреев. Чернякова накрыла тьма сомнения, но он не дал себе расслабиться: "Провокация! Не паниковать!" Так и сказал. И сослался на слова Ауэрсвальда, зная: верить немцам нельзя.

Они начали через четыре дня, двадцать второго. "Группы уничтожения" вошли в гетто и погнали евреев, по 6000 ежедневно. Они начали с заключенных в тюрьме, нищих, бездомных, за ними последовали дети-сироты, потом переселенцы из Германии, потом все, не занятые на фабриках...

О чем Черняков мог думать, глядя, как послушная немцам его Служба Порядка выгоняет людей из квартир во дворы и на улицы, отбирает обреченных и теснит их в строй, в поход к товарным вагонам у Гданьского вокзала?

О чем он мог думать, видя колонны скрученных страхом стариков, истерзанных женщин, позорно покорных мужчин и безжизненных детей на спичечных ножках?

О чем он мог думать, когда толпа евреев шалела под выстрелами развлекающихся немцев?

Он видел, как еврей-полицейский настигает сбежавшего пятилетнего ребенка и тащит его, визжащего, нелепо дергающегося, к телеге, где истошно вопит женщина, и зло швыряет ребенка в кучу людей на телеге и страшной руганью кроет и мать, и дитя, и телегу, и бога, и слезы текут по зверскому лицу полицейского, - о чем тогда думал Черняков?

О чем он мог думать, когда гетто выворачивалось наизнанку и к вечеру являло на опустошенных улицах жалкие потроха нищенского быта: узлы, кружки, миски, чемоданы, костыль, драный тапок, куклу с размозженной головой, пустую оправу очков, отрепья книги, ржавый детский горшок?..

Прошли сутки в безбрежии ужаса. На мостовых кровь застаивалась в лужах - ее сток тормозили трупы. О .чем он мог думать? Вспоминать еврейские погромы доброго старого времени? Их страсти - игрушки рядом с этим избиением.

Он подписал первый список на выселение шести тысяч. Тогда в нем все тряслось, но он удерживал свою совесть в шорах немецкой лжи: это только переселение, на новом месте евреев ждет работа и пища, - и он поставил свою подпись.

... Их ждет одна работа - умереть. Их всех: отцов, матерей, детей, старых и молодых, слесарей и профессоров, врачей и музыкантов, и портных, и раввинов, и христиан с еврейской кровью, и чиновников, и нищих - всех! - немцы не остановятся на калеках и безработных... Он, Черняков, начал этот поток. Он собственной рукой убил первых шесть тысяч...

До последнего дыхания он дрался за свой народ. До последнего человека он их всех отдал на заклание. До последнего мгновения он надеялся. До последнего дня не оставлял своего поста. До последнего предела напрягался против судьбы. До

последнего края дошла беда. И дело его дошло до последнего письма, до клочка, на котором он хотел все объяснить, но вывел только два слова: "До последнего..."

И Председатель Юденрата инженер Адам Черняков присоединился к восьмерым евреям из Службы Порядка, догадавшимся еще при начале "выселения" покончить с собой, чтобы не помогать немцам.

Не всякому Председателю еврейского самоуправления везло самому распорядиться своей смертью.

Но большей удачей Чернякова можно считать то, что ему не пришлось видеть всей "операции Рейнхардт", ее почти двухмесячного разворота. Она, конечно же, промолотила гетто всеохватно, не забыв благодарно включить в конце часть Службы Порядка: двести старательных евреев-полицейских со своими семьями дополнили итоговую цифру уничтоженных людей до 300000. ТРИСТА ТЫСЯЧ...

Повезло Чернякову не узнать про триста тысяч, не увидеть гетто в сентябре сорок второго года: выморенные дома, забитые колючей проволокой улицы, пустые, как не бывало и в чумные годы. Кое-где под стенами движутся живые лохмотья, краснеют кровью камни мостовых, дымят, догорая, костры на улицах, остро воняет паленым и воют в глухое пространство бродячие псы - миновало их еврейское счастье, выжили...

ОСОБАЯ СПРАВКА***

ЧЕРНЯКОВ Адам (1880-1942) - инженер, педагог, публицист. Окончил политехнические институты в Варшаве (1908) и Дрездене (1912). В 1909 г. был арестован царскими властями за нелегальную деятельность. Начальник отдела Министерства общественных работ (1919-21), руководитель Комиссии по послевоенному восстановлению польских городов (1922-28). Депутат Городского управления Варшавы (1927-34), сенатор Польши (1931), многолетний советник и вице-председатель Еврейской религиозной общины в Варшаве. Автор многочисленных публикаций на темы науки, техники, культуры, образования.

С 1939 г. Председатель Совета Еврейской Общины Варшавского гетто (Юденрата). На этом посту до самой своей смерти действовал целеустремленно и самоотверженно, спасая почти полмиллиона человек от голода, холода, болезней, немецкого террора и польской юдофобии. Особые усилия прилагал для облегчения участи детей.

Будучи патриотом Польши, сторонником Пилсудского, представителем ассимилированного буржуазного еврейства, А. Черняков не мог пользоваться расположением ни левых, ни крайне правых еврейских кругов. Принятие им на себя руководства гетто, необходимость выполнения бесчеловечных приказов оккупационных властей только усиливали враждебное отношение к Чернякову и ортодоксально-религиозных евреев, и сионистов, и коммунистов, и социалистов. Лишенный широкой поддержки, почти без единомышленников, А. Черняков тем не менее с предельной честностью, отвагой и самопожертвованием исполнял свою (историческую, как он сам считал) роль, используя любую возможность отдалить гибель смертников гетто.

Находясь сам в положении смертника и заложника и дважды получив предложение бежать - в Палестину, а по некоторым данным, и в Италию, где его ждало почетное гражданство, Черняков, однако, посчитал это дезертирством и продолжал волочить глыбу Ответственности и Отверженности до 23 июля 1942 года, когда немцы потребовали подготовить к следующему дню отправку на уничтожение транспорта детей. Он написал сотрудникам: «Я бессилен, сердце мое рвется от скорби, и жалости, больше вынести этого не могу». И жене: «От меня требуют, чтобы я собственными руками убивал детей своего народа. Мне остается только умереть». И принял яд.

На похоронах А. Чернякова траурную хвалу ему произнес Януш Корчак. [**8**, 263-78, 439-40]

* ***арийская сторона*** *– запретная для евреев территория Варшавы вне стен гетто*

** **B. Mark.** Walka i zagłada warszawskiego getta. Warszawa, 1959.

****Справка, уточняющая облик А. Чернякова, написана после опубликования в Польше «Дневника Адама Чернякова» и является дополнением к основному тексту книги «Черновой вариант»*

1.5.10
Э. РИНГЕЛЬБЛЮМ

О. Ш. [«Онег Шабат»]

(описание работы подпольного архива Варшавского гетто; написано руководителем архива в конце декабря 1942 г. в тайном убежище на арийской стороне Варшавы)

За прошедшие 3,5 года войны в гетто образовался архив группы “Онег Шаббат” [«празднование субботы» - традиционные еврейские субботние беседы]. Это забавное наименование возникло вследствие того, что эта группа образовалась в субботу; из соображений секретности вся организация стала называться “Онег Шаббат”. Я заложил первый кирпич в основание архива в октябре 1939 г. В то время общее настроение было наиболее подавленным. Каждый день приносил новые указы, направленные против евреев, которые подвергались угрозам политических репрессий и политических преследований, состороны как властей комиссариата, так и местной службы безопасности... Немцы не были заинтересованы в поисках индивидуальных “преступников”... Во время первых месяцев немецкой оккупации производились массовые аресты и, вероятно, массовые казни интеллигенции. Эти аресты производились на основе списков некоторых профессиональных объединений (союз медиков, союз инженеров и др.) и не были сопряжены с всеобщими обысками и облавами. Допросов вообще не было; немцы попросту ставили короткую роспись, расстреливая всякого, кто попадал в их лапы.

Частые и всеохватывающие обыски и облавы имели место по следующим причинам: поиски иностранной валюты, золота, бриллиантов, различных изделий и товаров и т. д. Эти обыски длились в течение всех 3,5 лет войны...

Мы подробно останавливаемся на вопросе об обысках, потому что они оказали большое влияние на сохранность письменной документации периода Войны. В течение первых нескольких месяцев общество было терроризировано обысками. За это время все было сожжено дотла, включая безобидные книги, в которых Гитлер даже не упоминался. Большая часть социалистической литературы в библиотеках и частных домах за это время была уничтожена... Многие боялись писать в течение этого периода из-за обысков. Со временем, однако, люди успокоились. Террор ужесточался, но - как уже говорилось - он был направлен против целых групп, целых классов. Что евреи делали в своих собственных домах, немцев не интересовало. И евреи начали писать. Этим занимались журналисты, писатели, учителя, общественные работники, молодежь, даже дети. Большинство из них вело дневники, в которых повседневные события преломлялись сквозь призму личного опыта. Писания были величайшей самоцелью, но их преобладающее большинство было уничтожено вместе с варшавским еврейством во время депортации. Все, что сохранилось, является материалами архивов гетто.

Я начал собирать материалы, относящиеся к текущим событиям в конце октября 1939 г., когда в качестве главы Еврейского Общества Самопомощи* (впоследствии Координационная Комиссия Организации Взаимопомощи) я находился непосредственно в гуще жизни. Я получал известия о том, что происходило с евреями в Варшаве и ее пригородах с того момента, как Координационная Комиссия стала подразделением “Джойнта”, куда делегации из провинции прибывали почти каждый день с целью рассказать о тяжких событиях, происходивших с еврейским населением. По вечерам я записывал все, что я слышал в течение дня, и добавлял свои собственные комментарии. С течением времени эти ежедневные записки составили солидный том из сотен тесно исписанных страниц, отражающих тот период. Спустя некоторое время, я начал перерабатывать эти записи в еженедельные, а позднее в - ежемесячные отчеты. Это я стал делать после того, как персонал Онег Шаббат стал уже достаточно значительным.

В течение первых месяцев моей работы над материалом Онег Шаббат я привлек для этой цели нескольких помощников... Когда к работе был привлечен молодой историк рабби Шимон Хубербанд, Онег Шаббат получил одного из лучших своих сотрудников. К несчастью, однако, рабби Хубербанд набрасывал свои заметки под видом комментариев в различных книгах, чтобы они могли выглядеть как аннотации к тексту. Прошло некоторое время прежде чем он позволил себе предположить, что никакой опасности в ведении записей нет, и нет необходимости писать украдкой, как он делал вначале.

В мае 1940 г. я задумался над тем, что было бы целесообразным организовать эту весьма важную работу на коллективных началах. Я отобрал способных людей, и в результате работа двинулась в правильном направлении и приобрела необходимые масштабы.

...Организация гетто и тот факт, что евреи оказались за стенами, создал даже бóльшие возможности для работы над архивами. Стало ясно, что немцы очень мало беспокоятся о том, что евреи делают между собой. Лекции читались по таким вопросам и с таким направлением, какие были бы невозможными перед войной. Ничем не стесняемые, люди могли в каждом домовом комитете, в каждой общественной столовой в каждой общественной организации открыто говорить о том, что приходило в голову. Люди гестапо, занимающиеся еврейскими делами, были озабочены поиском работоспособных евреев, складов товаров, контрабандными товарами и т.п. Политика привлекала их внимание лишь в

ограниченной степени. Они были столь далеки от всего этого, что даже нелегальные публикации различного толка издавались почти свободно и прочитывались почти открыто в кафе; собирались деньги на издания, обсуждались оппозиционные мнения - короче говоря, люди вели себя почти так же, как и до войны. В условиях такой "свободы" заключенных гетто вряд ли следует удивляться развитию и разветвлению работы О.Ш. Десятки людей пополняли штат О.Ш., некоторые на постоянной основе, некоторые - на временной. Горы материалов сваливались в кучу. Работа расширялась, но оставалась тайной. Изыскивались пути придания этой работе легального статуса. Десятки писателей, учителей и интеллектуалов участвовали в конкурсах с небольшими денежными премиями. Премии, которые в определённой степени субсидировались Джойнтом, обогатили архивы рядом достойных работ, таких, как пьеса для еврейского театра военного времени, написанная Йонасом Турковым, монография о еврейской жизни в Лемберге при русских, написанная Эстер Мангель и ее мужем, повидимому, носившим фамилию Швигер, история еврейской семьи во время войны, написанная поэтессой Хенрикой Лазаверт, монография о трудовом лагере в Кампинос, написанная рабби Хубербандом (это произведение не было завершено). Таким образом О.Ш. рос. Собралось так много материала, что, казалось, подошло время - если не для составления сводного альманаха, - то, по крайней мере, для систематизации материала по различным проблемам и выдающимся явлениям еврейской жизни. Это имело бы весьма важное значение для истории евреев во времена Гитлера... К нашему большому сожалению, однако, лишь часть этого проекта была выполнена. Отсутствовало спокойствие, необходимое для проекта такого масштаба... Авторы, которые пытались изложить его отдельные главы, не имели условий, необходимых для завершения работы. Некоторые были схвачены и депортированы. Многие погибли под пулями. Некоторые перебрались на «арийскую» сторону.

Мы по общему согласию назвали этот проект "Два с половиной года", потому что он должен был предоставить обзор и итоги еврейской жизни в Варшаве в течение 2,5 военных лет... Работа носила полулегальный характер, и к решению задач привлекались новые таланты, специалисты по различным аспектам жизни. Имелось в виду заполнить свыше 100 печатных листов, и это был бы один из наиболее важных документов военного времени. Основные положения каждой статьи часами обсуждались на собраниях редколлегии... Мы обращали особое внимание на Ordnungsdienst (еврейскую полицию), на коррупцию, на деморализацию в гетто, на

образование, на течения в еврейской культурной жизни, на творчество и искусство во время Войны, на еврейско-польские отношения, на контрабанду, на отличия в положении различных ветвей экономики и на молодежь, женщин и т.д.

...Многие авторы находились уже на завершающих стадиях своей работы или на полпути, когда на варшавское еврейство обрушилось новое несчастье - несчастье, которое стоило нам 300 000 жертв: депортации.

Как и вся община, как и экономическая жизнь в целом, работа О.Ш. была разрушена. Только считанные единицы авторов продолжали свою работу в эти гибельные дни и продолжали писать обо всем, что случалось в Варшаве... Потребовались определенные усилия, чтобы реконструировать период депортации, собрать материалы о бойне для еврейского еврейства - Треблинке. ...если бы нам было гарантировано больше спокойствия, мы могли бы утверждать, что ни одного важного факта еврейской жизни во время войны не было бы потеряно для всего мира.

... Наши постоянные сотрудники, несколько десятков человек, представляли собой, в целом, коренных интеллигентов, в большинстве своем принадлежащих к пролетарским партиям. Мы намеренно избегали профессиональных журналистов, потому что мы не хотели, чтобы наши записи приобретали банальный характер. Мы прилагали сознательные усилия к тому, чтобы течение событий в каждом городе, чтобы опыт каждого еврея - а каждый еврей во время этой Войны представлял собой самостоятельный мир - отражались прямо и добросовестно. Каждое лишнее слово, каждый литературный оборот или украшение резали слух и безусловно отвергались. Жизнь евреев во время Войны была так богата трагедиями, что не было необходимости добавлять к ней излишние подробности. Другим соображением была необходимость соблюдения секретности, а главным недостатком литературности является, как это хорошо известно, неспособность соблюдения секретности...

Наши разовые сотрудники были обычными людьми, которые возглавляли общины в своих родных городах. Прибыв в Варшаву как часть более чем 150 тысяч беженцев, они продолжали управлять делами своих земляков в так называемых Землячествах... После тяжелой повседневной работы по распределению хлеба и по оказанию другой помощи эти деятели проводили вечера за написанием историй своих городов в соответствии с запланированными нами статьями или рассказывали их нашим сотрудникам, которые за ними записывали. Работа была весьма утомительной и трудной. В результате ужасного переполнения гетто, беженцы жили в неописуемых

жилищных условиях. Сохранение секретности работы в таких условиях было одной из величайших трудностей. Зимой было очень холодно. В большинстве еврейских домов прошлой зимой отсутствовало электричества. Пишущие постоянно рисковали и подвергались огромным лишениям. Мне часто приходилось подбадривать своих сотрудников и убеждать их не бояться всех этих препятствий и не отвлекаться от своей работы. Для полноты картины надо добавить изначальный страх быть раскрытыми гестаповцами... Многие рукописи, подготовленные для О.Ш., были уничтожены вследствие домашних обысков.

Как уже говорилось, наши сотрудники, в целом, были обычными людьми. Среди них были талантливые люди, которые с нашей помощью проявляли творческую активность. Если бы эти люди не страдали от голода, болезней или депортации, мы были бы обогащены новыми писательскими талантами... О.Ш. старался уберечь этих людей от голодной смерти, распределяя между ними продуктовые пакеты, получаемые от общественных организаций.

Тиф, который поглотил тысячи жертв среди еврейского населения Варшавы, быстро распространился среди наших сотрудников. Ничего удивительного. Наши люди работали среди тысяч беженцев, которые в своей массе были больными. Наши люди контактировали с теми, кто возвращался из трудовых лагерей, основными носителями тифа, распространяющими его. Ни у кого не было 500-600 злотых, чтобы заплатить за прививку. Тиф поглотил рабби Хубербанда, Гирша В., Перетца О. Другие сотрудники переболели им. Тиф, а затем депортации были смертельными врагами О.Ш. Они забрали у нас массу жертв.

Ужасные преступления, совершаемые немцами против еврейского населения, занимали первое место в нашей работе. Тем не менее, имеются также многозначительные свидетельства гуманности со стороны немцев. В завершенных работах, так же, как и в устных сообщениях, особое внимание уделялось тому, чтобы всегда придерживаться строгой объективности, даже по отношению к нашим смертельным врагам...

То же относится к поведению поляков по отношению к евреям. У нас преобладает мнение, что антисемитизм во время войны значительно возрос; что в целом поляки были рады несчастью, которое обрушилось на евреев в городах и деревнях Польши. Внимательный читатель наших записей, однако, найдет сотни документов, которые указывают на противоположное. Во многих сообщениях из деревень он прочтет о теплом отношении польского населения к еврейским беженцам. Он узнает о сотнях

случаев, когда польские крестьяне прятали и кормили еврейских беженцев из окрестных деревень иногда в течение месяцев.

Наши сотрудники писали правду: мы гарантировали, что поскольку материал относится к живущим людям, он не будет использоваться для текущих нужд; он предназначается в первую очередь для исторических целей. Каждый должен был, следовательно, сейчас писать так, как если бы война уже окончилась. Он не должен бояться ни немцев, ни лидеров еврейской общины, которые могли бы быть упомянуты и подвергнуты нападкам в данном городе. По этой причине материалы О.Ш. имеют большое значение для послевоенного трибунала, который будет определять ответственность и евреев, и поляков или немцев.

... Некоторые часто удивляются эпическому спокойствию, с которым авторы относятся к трагическим фактам, имевшим место в их городе. Это спокойствие могилы, спокойствие, порожденное ужасающими страданиями и последующей безропотностью. Только люди, которые знают, что немцы способны на все, что нет причин удивляться описанным ужасным преступлениям, могут писать так спокойно.

Одним из наиболее важных объектов для работы О.Ш. были трудовые лагеря, в которых были заключены тысячи евреев. Помимо гетто трудовые лагеря были одним из наиболее эффективных средств разрушения еврейского населения путем насильственного изъятия из него лучших элементов, молодых людей и мужчин работоспособного возраста. За очень малыми исключениями трудовые лагеря были предназначены не для работы, а для уничтожения своих узников... Те, кто не погибал от ужасных условий труда, от крайнего недоедания, те, кто не был убит или доведен до смерти печально известными, бесчеловечными, пресловутыми лагерными охранниками, в большинстве своем умирали вскоре после возвращения домой. Большая часть вины в этом остается на Юденратах, которые слишком мало заботились о жертвах в лагерях и делали слишком мало, чтобы поддержать и спасти тех, кто вернулся. О.Ш. руководил сбором материала почти по всем трудовым лагерям... Одним из наиболее важных и нерассмотренных [докладов] является расписанное по минутам рассмотрение отчета трудового лагеря в Кампиносе, где свыше 50 молодых евреев были захоронены на пресловутом “Холме трупов” в результате того, что они были застрелены или замучены до смерти лагерной охраной...

Кампинос был частью так называемого “Водяного Управления”, которое выполняло работы на нескольких реках... Работы, выполняемые более, чем по колено в воде, без соответствующей одежды и при ужасно скудном голодном рационе питания приводили к различным болезням , особенно к тифу и к внезапной массовой смертности. Гибель также имела место при массовых казнях...

Во время и после депортации, трудовые лагеря стали даже хуже. Стоит упомянуть два факта, характеризующие эти лагеря: замуровывание заживо 2-х ослабевших евреев в Рембартове, и зверское убийство 32 рабочих лагеря (чьи тела были разбросаны по “полю сражения”!). Казнь совершили не патентованные эсэсовские убийцы евреев - а Вермахт, который якобы лучше обращался с евреями, чем СС и Гестапо.

Раздел, касающийся сведений о тюрьмах и концентрационных лагерях является более скудным не потому, что мало евреев были туда заключены, но по той простой причине, что с самого начала главенствующим принципом был тот, что ни один еврей не должен выйти оттуда живым. Тысячи польских евреев были отправлены в Аушвиц (Освенцим), но ни один не вернулся. Единственным документом об этих жертвах являлась телеграмма, посланная родственникам со стереотипной информацией, что заключенный умер, а его вещи отправлены в некоторое специальное хранилище. Мне известно о двух возвратившихся из Дахау. Один из них боялся рассказать что-либо о том, что он пережил, а второй умер от голода.

Те, кто вернулся из тюрем, были так терроризированы, что боялись давать какую бы то ни было информацию.

...О.Ш. также уделял внимание сбору материала о польско-германской войне 1939 г. Еврейское население очень хорошо помнило о страданиях евреев в Германии и других оккупированных странах, и, таким образом, хорошо сознавало, что Гитлер уготовил для польского еврейства. Соответственно, еврейский солдат проявлял исключительную храбрость в сражениях - факт, известный многим военным руководителям польской армии. Для будущей истории, для будущих польско-еврейских отношений, было очень важно собрать свидетельства о том, что испытали еврейские солдаты во время польско-германской войны. Собранный материал дает картину кризиса в настроениях польского населения, которое в течение короткого периода освободилось от антисемитского направления. Однако, поражения на полях сражений и необходимость найти козла отпущения оживили антисемитизм...

Антисемитское настроение, которое уже чувствовалось в последние годы Польского государства, вспыхнуло с новой силой и расцвело в лагерях военнопленных, где еврейские солдаты гораздо больше страдали от рук своих польских братьев по оружию, чем от рук немецких надсмотрщиков. Большое количество таких фактов описано в отчетах о том, что испытали еврейские военнопленные в Германии...

Эти описания выявили общеизвестный в настоящее время факт, что еврейские военнопленные в Германии пользовались репутацией квалифицированных работников и являлись желательным элементом. “Вы прибываете в Германию как проклятые евреи, а возвращаетесь домой как благословенные дети Израиля” - так один из видных представителей Германии суммировал изменение отношения к еврейским военнопленным. Весьма вероятно, здесь крылась причина того, что немцы выпускали еврейских солдат из тюрем, когда поляки еще там оставались.

Невозможно перечислить все аспекты работы О.Ш. Они были так же разнообразны и многочисленны, как и реальные события нашей жизни. Были запланированы многие темы, хотя не всегда подбирался подходящий персонал. Однако ни одна важная особенность еврейской жизни во время войны не оказалась не отраженной в материалах О.Ш. Такое явление, как контрабандная торговля, например, весьма существенное во всех войнах, представлено в О.Ш. работой Т-на [Тительмана]. Он отображает необычайное значение контрабандной торговли, которая, пока существовало гетто, спасала 400-тысячную варшавскую общину от голодной смерти. Если бы варшавское еврейство было вынуждено жить только за счет официального ежедневного пайка в 180 граммов хлеба на человека, всякие следы еврейской Варшавы давно бы уже стерлись. Контрабандная торговля стоила ежедневных еврейских жертв, число которых перед самой депортацией исчислялось десятками. В освобождённой Польше ещё воздвигнут монумент контрабандисту, который по существу также спас от голодной смерти и польское население во многих городах. Т-н описывает фольклор контрабанды, ее жаргон, обычаи и так далее в большей степени, чем ее экономическую сторону...

Существенной проработке подвергались различные экономические темы, но были достигнуты лишь очень незначительные результаты вследствие нехватки подходящих людей... Не имелось ни времени, ни подходящих рабочих условий. Разумеется, и по этому вопросу имеются ценные работы, одна принадлежит перу В-ра [Винклера]: «Приспособление к изменившимся экономическим условиям

военного времени». Автор показывает, как в невыносимых условиях гетто евреи сумели создать целый комплекс производственных предприятий, обслуживающих так называемую “арийскую” зону. Изобретательность, проявленная евреями в добывании сырья или заменяющих его материалов, является свидетельством безмерного таланта евреев находить решения в самых трудных ситуациях. Это является свидетельством инстинкта выживания еврейского населения, которое не только создавало продукты, но также организовало сеть для контрабанды, эффективную настолько, что основная масса производимых продуктов могла быть “экспортирована заграницу”.

Из работ Г-го [Гутковского] мы узнали о следующем “секрете”: на улице Павья существовала чеканка монет, где подделывалось некоторое количество “наличных” (золотых долларов) и “поросят” (золотых рублей). После войны национальным банкам разных стран, вероятно, ещё придётся иметь хлопоты с валютой, “изготовленной в гетто”.

К отдельным направлениям деятельности общинной администрации относится еврейская почтовая служба, возрожденная после нескольких столетий срячки. Один из почтовых работников журналист Перетц О-й [Опочинский], описывает обременительную работу еврейских почтовиков и отношение еврейского населения к почтовикам, которые зачастую были обязаны брать с собратьев дополнительную плату за превышение обязательных норм, установленных общиной для корреспонденции и посылок.

...Тот же журналист Перетц О-й обсуждает «Дезинфекционные колонны», одно из “Десяти Бедствий» гетто. Автор описывает “паровку” [паровую баню] в бедных еврейских дворах по улице Волынской. Заслуживает внимания работа другого сотрудника дезинфекционной колонны. Автор приводит факты в доказательство того, что дезинфекционные колонны служили разносчиками тифа вследствие царящих там продажности и низкого морального уровня. Перетц О-й приходит к таким же выводам.

... «История домового комитета Налевки, дом № 23», (между прочим, одного из старейших и наиболее хорошо организованных домовых комитетов) описывает возникновение, статус и деятельность одной из наиболее интересных организаций Варшавы военного времени. Из маленькой благотворительной ячейки домовые комитеты развились в общественные организации, выполняющие множество административных функций. Вдобавок, они также участвовали в культурной жизни

общины путем организации различных культурных предприятий. Ни одна сторона еврейской жизни военного времени не оставалась вне внимания домовых комитетов. Они заботились о беженцах и о лицах, возвращающихся из трудовых лагерей, поддерживали детские организации, следили за чистотой дворов, оказывали спасительную помощь жителям, улаживали конфликты между соседями и, сверх всего этого, несли ответственность за самых нуждающихся обитателей, которые при необходимости обращались в домовой комитет как в общепризнанное учреждение помощи. Д-р Селина Левин представляет картину другого, давно и наиболее хорошо организованного домового комитета, который ряд месяцев управлял своей собственной кухней и даже купил для удовлетворения своих нужд мотор-насос за сумму 7 000 злотых...

Что касается благотворительности, работа, написанная Рахиль Ауэрбах, касающаяся домовой кухни по адресу Лешно 24, не оставляет желать ничего лучшего. Описывая эту кухню и ее клиентуру, автор приходит к обескураживающему выводу, что еврейские общественные кухни, которые временами обслуживали такую массу, как 100 000 человек , то есть четверть всех евреев Варшавы - никогда не спасла кого-либо от голодной смерти. Это объясняет частую смену клиентуры. Когда одна группа находила свое место в массовых захоронениях варшавского кладбища, на кухню прибывала новая волна пользующихся ею, среди которых были новые беженцы или обнищавшие люди, чьим единственным средством поддержания жизни становился отныне жидкий суп, предоставляемый общественной кухней. Среди различных типов посетителей кухни на Лечно 24 наиболее глубокое впечатление производили немецкие беженцы, здоровье которых было разрушено в небезызвестном Дахау. 5-6 порций супа, выдаваемого распорядителем кухни, автором Рахилью А-х [Ауэрбах], могли только ненадолго продлить их существование. Лишенный подкожного жира и других жизненно необходимых компонентов, организм отказывался от дальнейшей службы. Е. умер от голода, несмотря на все усилия Рахили. Его смерть показала со всей ясностью, что общественная помощь имеет право на существование, только если она располагает значительными финансами и может фактически помочь в том, в чем испытывается действительная нужда. Благотворительность в малых масштабах представляет собой напрасные усилия.

Богатым дополнением к О.Ш. явились дневники. Многие из дневников были уничтожены при депортации или погибли вместе со всем прочим имуществом,

оставленным депортированными. Вследствие постоянной блокады и постоянного перемещения с улицы на улицу, оставшиеся в живых авторы часто лишались своих писаний. Число погибших дневников следует исчислять дюжинами или даже сотнями, поскольку нужно иметь в виду, что только малая часть авторов допускала, что им удастся сохранить дневники. Большинство людей хранило факт ведения дневника в секрете.

Депортация, которая началась 22 июля 1942 г., означала новый период в истории варшавского еврейства, оказав свое воздействие также и на природу работы О.Ш. Это означало перерыв на несколько месяцев в нашей деятельности. В то время, когда каждый второй был схвачен и транспортирован в Треблинку, было не до систематического собирательства. Только горстка людей продолжала вести дневники и записывать свои ежедневные впечатления даже в условиях депортации. Когда ситуация несколько успокоилась, люди снова вернулись к этой деятельности. Но больше не было каких бы то ни было разговоров о больших монографиях...

Сотрудники О.Ш. образовали коллектив, движимый единым духом, руководимый единой идеей. О.Ш. не представлял собой ассоциацию ученых, соперничающих между собой, но являлся единой общностью, братским целым, в котором все друг другу помогали и стремились к одной и той же цели. В течение многих месяцев благочестивый рабби Хубербанд, член левого крыла Поалей Цион Гирш В. и сионист общего толка Аврахам Л. - все сидели за одним столом и работали совместно. О.Ш. проявлял заботу о своих работниках. Менахем К., обладавший слабым, но горячим сердцем, был преданным отцом и снабженцем. Это он спасал и Гирша В., и рабби Хубербанда от тифа, добывал провизию для больных детей Е. Г-го, оказывал жизненно необходимую помощь жертве голода писателю и журналисту Перетцу О-скому. Даниель Флигельман, это бессловесный голубь, давно бы умер, если бы не непрерывная горячая поддержка нашего дорогого Менахема [М.М.Кона].

После кровавой апрельской ночи 1942 г. он несчетное число раз в резкой форме требовал, чтобы я оставил Варшаву. Каждый работник О.Ш. знал, что его рабский труд и страдания, его неблагодарная работа и нагрузка, риск, которому он подвергался 24 часа в сутки, будучи связанным с нелегальной работой по переносу материала с места на место - все это делается ради высоких идеалов, и что во время грядущей свободы общество достойным образом оценит его роль и освобожденная Европа воздаст ему высочайшие почести. О.Ш. был товариществом, монашеским

орденом братьев, чьим знаменем являлись: готовность к жертвам, преданность друг другу и служение обществу.[**9**, 2-21]

* ***Еврейское Общество Самопомощи*** *– самодеятельная благотворительная организация взаимопомощи евреев.*

Дети

1.5.11

Из рассказов очевидцев (оккупированный Минск, Белоруссия)

[Оккупанты] в одном из совхозов, неподалеку от города, обнаружили целый барак с детьми [из детских учреждений, выехавших сюда на летний отдых]. Они были предоставлены самим себе. Крестьяне приносили им подаяние… многие из них погибли от голода и холода.

…гестаповцы решили умертвить детей. Их отправили на Минский вокзал. Здесь дети без еды и питья промучились двое суток. Трое из них пытались бежать в город, но немцы их пристрелили…

Они решили извлечь пользу из этой плачущей детворы и открыли распродажу. Весть о том, что немцы продают на вокзале детей, облетела город… Немцы сбывали младенцев по 25-30 марок… Белорусские женщины стремились спасти безвинных детей…

Вот, что рассказала нам Мария Готовцева:

- Немцы зазывали прохожих, оценивали детей, торговались… Когда большинство детей было распродано, немцы стали продавать сирот по 10 марок. Дети плакали, протягивали ручонки, как бы говоря: «Купите нас, иначе нас убьют» [**10**, 244-5].

1.5.12

Я. КОРЧАК

Дневник

(Записки руководителя Дома Сирот в Варшавском гетто, май-август 1942 г.)

Часто моей мечтой и проектом бывала поездка в Китай....

Достоевский говорит, что все наши мечты сбываются с течением времени, но в такой искаженной форме, что мы их не узнаем. мою мечту довоенных лет.

Не я в Китай, а Китай приехал ко мне. Китайский голод, китайское пренебрежение сиротами, китайский мор детей.

Не хочу задерживаться на этой теме. Кто описывает чужую боль словно бы ворует, наживается на несчастье...

...Кашель. Это тяжелый труд. Сойти с тротуара на мостовую, подняться с мостовой на тротуар. Толкнул меня прохожий; я пошатнулся и прислонился к стене.

И это не слабость. Я довольно легко нес школьника, тридцать килограммов живого веса - сопротивляющегося веса. Не сил нет - воли нет. Как наркоман. ... Не только у меня так. Лунатики-морфинисты.

То же самое с памятью.

Бывает, идешь к кому-то по важному делу. Останавливаешься на лестнице:

«Собственно, зачем я к нему иду?»...

Хватит уже!

Вот оно: хватит! Этого чувства не знает фронт. Фронт – это приказы. Их надо исполнять без раздумий. ... Здесь не так, здесь иначе:

«Прошу вас, будьте добры...»

Можешь не сделать, сделать по-другому, поторговаться.

...Рядом с тротуаром лежит подросток, еще живой, а может, умер. В этом же месте у трех ребят, которые играли в лошадей, спутались веревки, вожжи. Они совещаются, пробуют распутать, сердятся - задевают ногами лежащего. Тогда один из них говорит:

- Отойдем, он тут мешает.

Отходят на несколько шагов и продолжают бороться с вожжами.

Или: проверяю просьбу о приеме мальчика-полусироты, Смочья 57, квартира 57. Две добросовестно вымирающие семьи.

Не знаю, захочет ли он теперь пойти в приют. Хороший сын.

Пока мать не умрет, ему будет жаль оставить ее.

Мальчика нет: вышел «раздобыть что-нибудь».

Мать, лежа на топчане:

- Я не могу умереть, пока его не пристрою. Такое доброе дитя: днем говорит, чтобы я не спала, тогда буду ночью спать. А ночью спрашивает: зачем стонешь, зачем это тебе, лучше спи.

...Торговка, которой покупательница заявила претензию, сказала: - Моя пани, и то - не товар, и это - не магазин, и вы-не клиентка, и я не продавщица, и ни я вам не продаю, ни вы не платите, потому что те бумажки - разве это деньги? Вы не тратите, я не зарабатываю. Кто сегодня обжуливает, и зачем мне это? Просто надо же что-то делать. Что, не так?..

[1.08.42] Изо дня в день изменяется вид района.

1. Тюрьма.
2. Зачумленные.
3. Токовище.
4. Сумасшедший дом.
5. Игорный дом. Монако. Ставка - голова.

...Дети снуют. Только кожица нормальна. А под ней таятся измученность. нежелание, гнев, бунт, недоверие, жалость, тоска.

Мучительна значимость их дневников. В ответ на их признания делюсь с ними как равный с равным. Общи наши переживания - их и мое.

Разве что более водянистое, разбавленное, а в общем - то же самое.

...Пасмурное утро. Половина шестого.

Как будто, нормальное начало дня. Говорю Ганне:

С добрым утром.

Отвечает удивленным взглядом. Прошу:

- Улыбнись.

Бывают чахлые, бледные, чахоточные улыбки.

Отче наш, иже еси на небеси.

Эту молитву вылепили голод и неволя.

Хлеба насущного...

Хлеба.

Время ежесубботнего взвешивания детей - это время сильных эмоций.

Надо заполнить время, надо дать им [детям] занятие, надо дать жизни цель...

Вот две большие группы детей отказываются от игр, легких книжек, болтовни с ровесниками. Добровольное изучение древнееврейского языка. Когда младшая группа окончила свой часовой урок, один громко удивился:

-Уже? Уже час?

По-русски «да», по-немецки «йя», по-французски «уи», по-английски «йес», по-древпееврейски «кен». Не одну, а три жизни заполнишь.

Сегодня понедельник. С восьми до девяти беседы с учениками. Кто хочет, может отсутствовать. Лишь бы не мешал.

Мне заказали темы:

1. Эмансипация женщин
2. Древность
3. Одиночество
4. Наполеон ...

Когда я редактировал «Малый Пшёгленд»*, только две темы увлекали молодежь: коммунизм (политика) и сексуальные вопросы.

Подлые, позорные годы - годы разложения, никчемности. Предвоенные, лживые, завравшиеся. Проклятые.

Не хотелось жить.

Болото. Вонючее болото.

Пришла буря. Воздух очистился. Вдох стал глубже. Прибавилось кислорода.

Из воспоминаний, которые мне дают прочесть. ... Шлема: «В доме сидит вдова и плачет. Авось старший сын принесет что-нибудь из контрабанды [добытое за стенами гетто]. Не знает она, что жандарм застрелил сына... А вы знаете, что скоро станет хорошо?»

Я установил таксу за пользование уборной:

1. За удовлетворение малой нужды надо заплатить пятью мухами.
2. За большую - вторым классом (параша-табурет с вырезанным отверстием) - десять мух.
3. Первым классом - унитаз - пятнадцать мух.

Один спрашивает:

Можно потом заплатить мухами, а то очень хочется?

Другой:

Делай, делай... Я за тебя наловлю.

Одна муха, пойманная в изоляторе, считается за две.

А считается, если пойманная муха сбежит?

...Как есть. так есть. Но мух мало. ... Добрая воля общества -это сила [**8**, 393-7].

**еженедельная детская газета, основанная Я. Корчаком, которую он редактировал в 1926-1930 гг.*

1.5.13

П. ФРИДМАН*

Я никогда не увидел еще одной бабочки

Последняя, самая последняя
так обильно, ярко, ослепительно желтая.
Возможно, если слезы солнца запоют
на белизне камней...

Такая, такая желтая
Легко уносится ввысь,
Уносится прочь, я уверен, потому, что желает
послать миру прощальный поцелуй.

Семь недель я жил здесь,
Загнанный внутрь этого гетто,
Но я здесь нашел свой народ,
Одуванчики воззвали ко мне
И белые свечи каштанов во дворе,
Но только я никогда не увидел еще одну бабочку.

Эта бабочка была последней.
Бабочки не живут здесь,
В гетто [**11**, 45].

***Павел Фридман –** *узник гетто в Терезиншадте*

1.5.14

А. ГАЛИЧ

Из поэмы «**Кадиш**»

(*Посвящёно памяти Януша Корчака. Ему неоднократно предлагали спастись в укрытии на «арийской стороне» Варшавы, но Я. Корчак отказался оставить детей и вместе с ними 5 августа 1942 г. пошёл в потоке жителей гетто, вывозимых на уничтожение в Треблинку*).

Эшелон уходит ровно в полночь…
Паровоз-дурак пыхтит: — Шолом!
Вдоль перрона строем встала сволочь,
Сволочь провожает эшелон.
Эшелон уходит ровно в полночь,
Эшелон уходит прямо в рай...
Как мечтает поскорее сволочь
Донести, что Польша — юденфрай*!
Юденфрай Варшава, Познань, Краков,
Весь протекторат, из края в край
В черной чертовне паучьих знаков
Ныне и вовеки — юденфрай!

...А на Умшлягплатце у вокзала
Гетто ждет устало — чей черед?
И гремит последняя Осанна
Лаем полицая: —«Дом сирот»!

Шевелит губами переводчик,
Глотка пересохла, грудь в тисках...
Но уже поднялся старый Корчак
С девочкою Натей на руках!
Знаменосец — козырек с заломом,
Чубчик вьется, словно завитой.
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой!
Два горниста вытянули трубы,
Знаменосец выпрямил древко,
Детские обветренные губы
Запевают грозно и легко:

Наш славный поход начинается просто —
От Старого Мяста до Гданьского моста.
И дальше, и с песней, построясь по росту —
К Варшавским предместьям по Гданьскому мосту!
По Гданьскому мосту!

По улицам Гданьска, по улицам Гданьска
Шагают девчонки Марыся и Даська.
А маленький Боля, а рыженький Боля
Застыл, потрясенный, у края прибоя!
У края прибоя!..

...Пахнет морем теплым и соленым,
Вечным морем и людской тщетой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой!

Мы проходим по трое, рядами,
Сквозь кордон эсэсовских ворон...
Дальше начинается преданье,
Дальше — мы выходим на перрон
И бежит за мною переводчик,
Робко прикасается к плечу:
- Вам разрешено остаться, Корчак!
- Если верить сказке,— я молчу.

К поезду, к чугунному парому
Я веду детей как на урок.
Надо вдоль вагонов по перрону,
Вдоль, а мы шагаем поперек!

Рваными ботинками бряцая,
Мы идем не вдоль, а поперек...
И берут, смешавшись, полицаи
Кожаной рукой под козырек!

И стихает плач в аду вагонном,
И над всей прощальной маятой —
Пламенем на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой

Может, в жизни было по-другому,
Только эта сказка вам не врет:
К пахнущему хлоркою вагону,
К своему, последнему, вагону,
К своему — чистилищу — вагону
С песнею подходит «Дом сирот»:

По улицам Лодзи, по улицам Лодзи
Шагают вприпрыжку почетные гости!
Шагают мальчишки, шагают девчонки,—
И дуют в дуделки, и крутят трещотки!
И крутят трещотки!

Ведут нас дороги, и шляхты, и тракты

В снега Закопане, где синие Татры!
На белой вершине зеленое знамя
И вся наша медная Польша под нами!
Вся Польша...

Дорога

Вот и кончена песня!
Вот и смолкли трещотки.
Вот и скорчено небо
В переплете решетки!

И державе своей под вагонную тряску
Сочиняет король угомонную сказку:

- Итак, начнем, благословясь!
Лет сто тому назад
В своем дворце неряха-князь
Развел везде такую грязь,
Что был и сам не рад.
И как-то, очень рассердясь,
Призвал он маляра.
А не пора ли,— молвил князь,—
Закрасить краской эту грязь?!
Маляр сказал: — Пора!
Давно пора, вельможный князь,
Давным-давно пора!
И стала грязно-синей грязь,
И стала грязно-белой грязь,
И стала грязно-желтой грязь
Под кистью маляра.
А потому, что грязь — есть грязь,
В какой ты цвет ее ни крась!..

...Нет, некстати была эта сказка, некстати!
И молчит моя милая чудо-держава.
А потом, неожиданно, голосом Нати
Невпопад говорит: — До свиданья, Варшава!

И тогда, как стучат колотушкой о шпалу,
Застучали сердца — колотушкой о шпалу,
Загудели сердца: мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!
По вагонам, подобно лесному пожару,
Из вагона в вагон, от состава к составу,
Как присяга гремит: — Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!
Пусть мы дымом истаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горячую лаву,

Но дождем, но травою, но ветром, но пеплом
Мы вернемся, вернемся,
вернемся в Варшаву!..[**12**, 533-6]

* ***юденфрай – «свободно от евреев»*** *– нацистское определение территории, очищенной от еврейского населения*

1.5.15

Из свидетельских показаний **А. Ковнера** *на процессе Эйхмана*

Председатель суда. Ваше имя?

Свидетель. Абба Ковнер.

Прокурор. Вы член киббуца Эйн-Хароеш?

Свидетель Ковнер. Именно так.

Вопрос. Вы поэт и писатель?

Ответ. Именно так.

Вопрос. 13 июля 1944г. вы вступили в Вильнюс вместе с группой партизан?

Ответ. Верно.

Вопрос. До этого Вы были командиром подполья Вильнюса?

Ответ. Верно.

Вопрос. Что Вы увидели, когда 13 июля 1944г. вошли в этот город, Вильнюс, "Литовский Иерусалим"?

Ответ. ...Я видел пустые стены и пустынные улицы, а когда я зашел на одну улицу, внезапно мы увидели бежавшую нам навстречу какую-то женщину, державшую на руках маленькую девочку. Сначала она остановилась, закричала и попыталась спрятаться. Некоторые из нас были одеты в немецкую униформу, которую мы носили еще будучи партизанами, возможно она подумала, что германская армия вернулась снова. Но когда она все поняла, она побежала обратно и стала в истерических тонах рассказывать свою историю. Мне удалось понять лишь то, что она и ребенок, который выглядел как трехлетняя девочка, но которому на самом деле было четыре года или больше, прятались в течение 11 месяцев в какой-то нише. Как они могли существовать в этой нише и прожить там 11 месяцев, я не мог понять. Она изливала свою историю. Она разражалась внезапными криками. В этот момент ребенок у нее на руках, который казался немым, открыл ротик и произнес: "Mama, men darf shein weinen? (Мама, мы уже можем кричать?)". Мы поняли из

этого, что она приучила ее, маленькую девочку к тому, что в течение 11 месяцев ей нельзя было кричать, когда она была голодна, потому, что кто-нибудь снаружи мог бы услышать и обнаружить их. Теперь, когда она услышала, как ее мать кричит, она и задала свой вопрос. Я мог бы рассказать и о других вещах, которые я видел, Но этот вопрос маленькой девочки сказал мне больше всего. Однако, я не знаю, могут ли слова невинного ребенка служить свидетельством обвинения.

Вопрос Вернемся снова к тем дням, когда Вы были в Вильнюсе. Вы вспоминаете документ, фотокопия которого Вам предъявляется?

Ответ. Да.

Вопрос. Что это такое? Прочтите его.

Ответ. Поскольку для того, чтобы прочесть его требуется увеличительная лупа, я захватил с собой его перевод на иврит. ... Я прочту отрывок из него. Документ был опубликован на трех языках. ...на немецком, литовском и польском. ... Вот что содержалось в этом документе:

“Вчера в первый день недели, в полдень, в городе Вильнюсе из засады были обстреляны немецкие солдаты. Двое из трусливых разбойников были опознаны. Они были евреями. Нападавшие поплатились своими жизнями. Они были застрелены на месте. Чтобы в будущем избежать таких проявлений враждебности, издан приказ, предусматривающий новые, более строгие меры наказания. Ответственность должна быть возложена на всех евреев, обоих полов, и этот приказ вступает в силу немедленно. В соответствии с ним всем евреям, мужчинам и женщинам, в первую очередь запрещается, начиная с сегодняшнего дня, покидать свои дома с трех часов пополудни и до 10 часов утра...

Вильнюс, 1 сентября 1941 г.

Уполномоченный по городскому району Вильнюса Хингст.”

...Это распоряжение было расклеено в указанном виде на стенах домов в городе 1 сентября.

Прокурор. Это распоряжение касается того, что произошло в предшествовавший день - то есть 31 августа 1941г?

Ответ. Да, я был свидетелем того, что произошло.

Вопрос. Что же произошло?

Ответ. 31 августа в полдень я вышел из своего дома, чтобы направиться в то место на улице Страшуна, которое тогда занимал Совет Еврейской общины, и разузнать что-либо о судьбе своих товарищей, которые были задержаны за неделю до

этого при облаве на трудовую повинность и не возвратились, а мы еще предполагали, что некоторые или даже большинство из них еще вернутся. Я вошел в учреждение, и туда, спустя полчаса или час вошел один из служащих во встревоженном состоянии и сообщил нам, что правительственное радио объявило, что немецкие солдаты были обстреляны на улице Шкляна, и в отместку расстреляны три сотни евреев. Это было в полдень. Шкляна располагалась по соседству. По дороге сюда [в Совет Общины] я проходил через эту улицу Шкляну, но не слышал выстрелов и ничего о том, что три сотни евреев были преданы смерти. Никто ничего об этом не слышал. В помещении [Совета], где было полно народу, воцарились смущение и паника - каждый чувствовал: что-то должно случиться, и прошло лишь несколько часов, когда стало ясно, что сообщение по радио предваряло на 5-6 часов то, что произошло в действительности. Это было 31 августа с задержкой на несколько часов. А затем до нас дошли слухи, что немцы и литовцы концентрируются вокруг этих улиц и переулков. Весь квартал был окружен немцами и "япатинги"(это были литовцы, что в переводе с их языка означает "избранные"). Это были милитаризованные вооруженные соединения литовцев, состоящих на службе у Айнзатцгрупп, под командой немецкого офицера из числа эсэсовцев Швайнбергера. Они окружили весь квартал и объявили, что они осуществляют розыск тех, кто виновен в стрельбе из засады по немецким солдатам. И каждый, кто выйдет из своего дома, будет наказан смертью; таким образом снаружи домов никого не оказалось. Улицы были окружены, и в течение нескольких часов ничего не происходило. Когда же наступили сумерки, началось нечто ужасное: людей вытаскивали из их домов, некоторых с их вещами, а других без всякого имущества, мужчин, женщин, детей, из всех дворов, из всех квартир, с жестокими побоями. Я не знаю, было ли результатом обдуманного намерения или же следствием инстинкта самосохранения то, что я оказался рядом с нишей лестничного перехода. Сначала я попытался куда-нибудь уйти, но все-таки остался стоять там и через просветы лестничного перехода я видел все, что происходило на этой узкой улице. "Акция" была в своем зените вплоть до часу после полуночи. В течение этих часов посередине ночи я видел, что из двора напротив - за номером 7 или 9 по улице Страшуна - два солдата волокли за волосы женщину, которая держала что-то в своих руках. Один из них тыкал факел ей в лицо, а второй тащил ее и толкал на мостовую. На ее руках спал ребенок. Один из двух - я думаю это был тот, кто тыкал факелом - схватил ребенка и поднял его вверх ногами над головой. Женщина хватала его за

сапоги и молила о пощаде. Он поднял ребенка снова, а затем ударил его головой о стену, раз и другой, и продолжал делать это... Годы спустя, когда я был командиром партизан, я вспоминал этот день - мне казалось, что здесь я избавился от этой сцены, но я все возвращался к ней – и я доложил об этом комиссару партизанского отряда, бригадному командиру. Я доложил об этом и заметил, что его реакцией стала некая предубеждённость по отношению ко мне. Он сказал, что учитывая рассказанное, он запрещает нам, мне и тем, кто находится под моим командованием в еврейском батальоне, брать пленных, подвергать их допросам и выносить им приговоры, хотя это являлось обычным для каждого партизанского батальона, которые были до известной степени самостоятельными..

Вопрос. Он был русским?

Ответ. Да. Русским в ранге генерала. Когда я спросил “Почему?”, он ответил, что... когда нацисты попадают в руки наших партизан-евреев, они знают, что их ждет, и из них невозможно на допросе вытянуть ни слова. Я хотел возразить и сказал ему, что когда такой человек попадает в наши руки - наши люди не приветствуют его криком “Ура!”, но в каждом тумаке нашего товарища вопиет «За мою Эстерку, за мою Рохеле, за моего Мойшеле». Я хотел сказать ему о моей семье и о 60 000 евреев Вильнюса и о миллионах. Вместо этого я сказал ему о моих воспоминаниях о ребенке, размозженном об стену. Я помню, что глаза советского командира наполнились слезами и он сказал: “Бог с вами, ребята, я вам не судья.” Воспоминание об этом ребенке и об этой ночи пробудило во мне ужас...

... Вернемся к тому дню. На следующее утро было опубликовано это лицемерное объявление, утверждающее, что солдаты были обстреляны. Но что произошло накануне ночью? В ту ночь около 10 000 мужчин, женщин и детей были отправлены в Понары, чтобы быть преданными смерти, с целью освободить место, которое было заранее отведено для размещения гетто. Я вспоминаю, что в июле 1944 г., когда я вернулся в Вильнюс и попытался найти документы гестапо, в помещении Районного Командования я нашел документ, представляющий собой нечто вроде “доклада о ситуации” начальству СС и полиции в Остланде, в котором сообщалось, что 1 сентября территория, предусмотренная для еврейского гетто в Вильнюсе, была подготовлена; все мероприятия для организации гетто выполнены. Вот каким образом вся площадь была подготовлена... И это было сделано методами провокации, инициаторами которой были немцы. В гетто это называлось “ночь провокации”.

...С приходом рассвета, когда я изыскивал способ убежать с места, где я прятался, перед моими глазами предстала следующая картина. На улицах, которые были очищены от евреев, все мостовые были заполнены их брошенным имуществом. В оцеплении поперек выхода из улицы стояли ряды вооруженных литовцев. За ними на их стороне были массы людей, главным образом, женщин, среди них были и близкие соседи, и, главным образом, жители городских пригородов, которые почуяли возможность поживиться ничейной собственностью. В стороне, элегантные в своей униформе и в кованных сапогах стояли немцы. Позднее я понял, что бóльшим, чем ужас кирпичных стен и ворот гетто, которые противостояли нам, был ужас этих трех стен безнравственности. Немцы преуспели в возведении между убийцами и нами этих стен из их вооруженных приспешников и масс народа, возбужденных горожан и сельских жителей, которые действовали либо импульсивно, либо из антисемитских побуждений, либо потому, что мы были вне закона, и они могли поживиться собственностью, оставленной ее владельцами. По существу они совершали преступление, а за ними стояли те, кто все это планировал. Проникнуть через эти три стены было гораздо более трудно, чем сломать кирпичные стены. Как они, архитекторы убийства, организовали планирование такой структуры зла, для меня необъяснимо. [**13**, 455-7]

ИСТОЧНИКИ

1. **Я. Хонигсман.** Катастрофа еврейства Западной Украины. Львов, 1998.

2. Patterns of Jewish Leadership in Nazi Europe. Jerusalem, 1979.

3. **Л. Гарфункель**. Разрушение еврейского Каунаса. Иерусалим, 1959.

4. **Аб Мише**. Посреди войны. Посвящения. Иерусалим, 1998

5. **Э. Йонас.** Евреи Львова в годы Второй мировой войны и Катастрофы европейского еврейства 1939-1944. Москва, 1999.

6**. В. Гроссман**. На еврейские темы. Т. 1. Иерусалим, 1985

7. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944). Иерусалим, 1991.

8. **Аб Мише**.Черновой вариант. Иерусалим, 1994.

9. To Live with Honor and Die with Honor!… Selected Documents from the Warsaw Ghetto Underground Archives “O.S.” [“Oneg Shabbath”]. Jerusalem, 1986.

10. Неизвестная Чёрная книга. Иерусалим-Москва, 1993.

11. Liturgies of the Holocaust. Trinity Press International, 1996.

12. **А. Галич.** Заклинание добра и зла, Москва, 1992.

13. The Trial of Adolf Eichmann. Record of Proceedings in the District Court of Jerusalem. Vol. 1. Jerusalem, 1992.

1.6. Массовые убийства на оккупированных территориях СССР

Общий обзор

1.6.1
Из обращения Гитлера к германскому народу в связи с нападением на СССР 22 июня 1941 г.

Германский народ, национал-социалисты! После тяжёлых размышлений, когда я был вынужден молчать в течение долгих месяцев, наконец наступил момент, когда я могу говорить с полной откровенностью... Создался известный нам заговор между евреями и демократами, большевиками и реакционерами с единственной целью - помешать созданию нового народного Германского государства...

...иудейско-большевистские правители Москвы пытались в течение более 20 лет разжечь пожар не только в Германии, но и во всей Европе. Не Германия когда бы то ни было пыталась навязать национал-социалистскую доктрину России, а...иудейско-большевистские правители Москвы непрерывно пытались навязать свое господство нашему народу и другим народам Европы.

...Ныне наступил тот час, когда необходимо выступить против этого заговора еврейско-англо-саксонских поджигателей* войны и точно так же против еврейских властителей большевистского московского центра. В настоящий момент начинается поход, который по своей величине и объему является самым большим походом в истории... [**1**, 39].

***** *Германия с 3 сентября 1939 г. вела войну с Англией.*

1.6.2
И. АРАД

Катастрофа советского еврейства

Вторгшаяся в Советский Союз 22 июня 1941 года германская армия быстро продвигалась на восток. К зиме 1941 года она достигла на севере окраин Ленинграда, в центре – окрестностей Москвы, на юге оказалась восточнее линии Харьков — Ростов-на-Дону. Зимой 1941—42 года германские войска были отброшены назад на нескольких фронтах... Весной и летом 1942 года они снова продвинулись вперед, в основном на Южном фронте, где достигли Сталинграда и вторглись на Северный Кавказ. Это стало кульминацией немецкого наступления, после чего началось отступление.

Почти все оккупированные территории Советского Союза были освобождены до конца лета 1944 года.

На оккупированных территориях была установлена военная администрация — ортскомендатуры (городские комендатуры) и фельдкомендатуры (районные комендатуры). В августе-сентябре 1941 года военная администрация передала управление районами, расположенными далеко в тылу, в руки гражданской администрации Во главе её стоял Альфред Розенберг – министр оккупированных восточных территорий. Гражданская администрация была разделена на две административные единицы — рейхскомиссариаты: рейхскомиссариат Украина во главе с Эрихом Кохом (Волынская и Полесская область и — позднее — районы Украины западнее Днепра) и рейхскомиссариат Остланд во главе с Генрихом Лозе (Литва, Латвия, Эстония, западные районы Белоруссии и города Минск и Слуцк). Рейхскомиссариаты подразделялись на генерал-комиссариаты, во главе которых стоял генерал-комиссар. А те, в свою очередь, на гебитскомиссариаты с гебитскомиссаром во главе.

Восточная Галиция с городом Львовом была присоединена к генерал-губернаторству Польши под началом Ганса Франка.

В округе Белосток—Гродно была создана отдельная административная единица «Генеральный округ Белосток», подчиненная гаулейтеру Восточной Пруссии Эриху Коху, занимавшему одновременно пост рейхскомиссара Украины.

Бессарабия и Северная Буковина, аннексированные Советским Союзом в конце июня 1940 года, были возвращены Румынии. Обширная зона между Днестром и

Бугом, включая Одессу, — так называемая Транснистрия, — была также передана под власть Румынии...

Занятые немцами территории, находившиеся в прифронтовой полосе, оставались под властью военной администрации до конца оккупации.Это вся Белоруссия восточнее Минска и Слуцка, вся Украина восточнее Днепра (исключая Мелитопольский район) и все территории РСФСР, оккупированные немцами.

В деревнях, городах и районах гражданские и военные немецкие власти назначали старост и бургомистров, выходцев из местного населения. В каждом районе и городе была создана Полиция порядка, состоявшая из местных жителей, добровольно служивших немцам... Среди начальников отделений полиции были также и местные жители. Эти отделения подчинялись непосредственно немецкой полиции порядка. В каждом районе было 300-500 местных полицейских. В больших городах полицейских было примерно столько же. В прибалтийских республиках, в Белоруссии, на Украине были созданы, кроме того, подвижные полицейские батальоны. Часть служащих этих батальонов составляли бывшие военнопленные, которые перешли на службу к немцам.

В годы оккупации было сформировано 170 таких же подвижных батальонов, состоявших из эстонцев, латышей, литовцев, украинцев, казаков, татар, русских и лиц других национальностей. Они подчинялись немецкой полиции порядка и в некоторых случаях армии.

... Истребление евреев на оккупированных территориях началось в день вторжения в СССР и не прекращалось до полного изгнания немецких захватчиков.

Эти акции делились на три периода:

1. Период с 22 июня 1941 года до зимы 1941—42 года. За это время было уничтожено большинство евреев, проживавших в Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии (Бессарабия и Северная Буковина), и почти все евреи Восточной Белоруссии, Восточной Украины и оккупированных районов РСФСР.

2. Второй период: с весны 1942 года до конца 1942 года, когда было уничтожено большинство евреев западных районов Украины и Белоруссии и южных районов РСФСР, оккупированных немцами летом 1942 года.

3. Третий период: с начала 1943 года до отступления немцев со всех оккупированных территорий. В этот период уничтожили всех оставшихся евреев. Последние убийства были приурочены к началу немецкого отступления.

Вместе с передовыми частями немецкой армии в глубь СССР продвигались и оперативные группы СС [айнзацгруппы]... Дополнительно к айнзацгруппам для «очистки» территорий и уничтожения евреев направлялись отдельные бригады "Ваффен СС», действовавшие в районе полесских болот и в Южной Белоруссии. В каждую из тыловых зон немецких фронтов: "Север" ("Норд"), "Центр" ("Митте"), "Юг"("Зюд") был назначен "Главный начальник СС и полиции". Под его общим командованием находились части "Ваффен СС», айнзацгруппы, бригада немецкой полиции порядка и полицейские части — добровольцы из местного населения. Все они принимали участие в истреблении евреев.

На всех оккупированных территориях в уничтожении евреев вместе с оперативными группами и другими соединениями СС принимали участие многочисленные пособники из коренного населения. Это сотрудничество приобрело особенно значительные масштабы в Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии, а также на Западной Украине.

В некоторых оккупированных районах находились местные жители, которые добровольно служили в рядах оперативных групп СС (айнзацгрупп). Так, в рядах айнзацкоманды 10-а, которая входила в состав айнзацгруппы-Д и действовала в 1942 году на юге России (Ростов-на-Дону, Краснодар), а позднее — в Белоруссии и Польше, были соединения из местных жителей, участвовавшие в расстрелах евреев, других мирных граждан и партизан. Они также обслуживали газовые автомашины, так называемые «душегубки», в которых отравляли людей. Немалое число местных жителей служило и в других айнзацгруппах.

Кто были эти местные пособники нацистов? Прежде всего это антисемиты, фашисты, крайние националисты и предатели различных мастей. Попадались среди них и подонки общества, и просто мародёры, чьей целью был грабёж еврейского имущества, захват еврейских квартир. В первые же дни оккупации погромщики убили тысячи евреев и разграбили их имущество, и первая волна погромов прошла до массового и организованного истребления евреев оперативными группами СС.

В некоторых районах, главным образом, в местечках и деревнях, убийство евреев совершалось полицией и добровольцами почти без участия немцев. Они вылавливали пытающихся спастись евреев. Без активной помощи тысяч добровольцев немецкие власти не сумели бы разыскать, опознать и уничтожить всех евреев на оккупированных территориях.

Применяемый айнзацгруппами СС метод массовых убийств заключался в следующем: евреев выводили из жилищ, подвозили к заранее приготовленным вблизи от города ямам или к противотанковым рвам. Затем их расставляли группами вдоль ям и расстреливали, а ямы присыпали землей. Случалось, копать ямы принуждали самих евреев. ...применяли также и душегубки.

... Немецкая армия и военная администрация, созданная на оккупированных территориях, согласно приказам верховного командования армии проводили антиеврейскую политику и оказывали оперативным группам СС помощь в их действиях, в том числе против евреев. В каждом захваченном городе или местечке военные власти в первые же дни оккупации издавали приказы, обязывающие евреев регистрироваться и носить жёлтую нашивку с тем, чтобы они отличались от остального населения. Параллельно с этим военные власти создавали юденраты (еврейские советы)... За выполнение немецких приказов члены юденратов отвечали головой. Военные власти издавали приказы об обязательных принудительных работах для евреев, они изолировали евреев в обнесенных колючей проволокой гетто, которые охранялись вооруженными патрулями. Таким образом, военные власти способствовали айнзацгруппам СС в их преступной деятельности.

... Имели место случаи, когда военная администрация требовала от айнзацгрупп ускорить уничтожение евреев, ибо рассматривала их как элемент, угрожающий безопасности, и как лишнюю экономическую нагрузку... Военная администрация отправляла армейские части для охраны евреев, высылаемых к местам уничтожения. Сам акт уничтожения выполнялся обычно солдатами из айнзацгрупп СС, солдатами "Ваффен СС", служащими СД и местными полицейскими...

Командиры айнзацгрупп СС неоднократно подчеркивали в своих ежедневных рапортах помощь и содействие армии военной администрации в истреблении евреев. Все снабжение и техническое обслуживание оперативных групп СС обеспечивалось армией на основе директив верховного командования вермахта от 13 марта 1941 года, без этой армейской помощи оперативные группы СС не могли бы действовать. На территории, находившейся под управлением немецкой военной администрации, почти все евреи были уничтожены в первые месяцы оккупации, до конца 1941 года...

В некоторых городах военная администрация какое-то время сохраняла небольшие группы евреев — иногда десятки, иногда сотни специалистов,

выполнявших для немцев оопределённые работы. Их содержали в трудовых лагерях и тюрьмах, где они подвергались издевательствам, страдали от голода и болезней.

Немецкая армия разделяет всю ответственность за истребление проживавшего на оккупированных территориях Советского Союза еврейского населения.

... К концу 1941 года часть немецких властей на оккупированных территориях поняла, что до наступления зимы война не закончится, Москву, как рассчитывали и загадывали, захватить не удастся, а значит — необходимо готовиться к продолжительной войне. Перед немцами встала задача организации тыла с целью обеспечения нужд военного хозяйства, для чего потребовались рабочая сила и специалисты. Учитывая это, немецкая гражданская администрация в ряде мест, при сопротивлении со стороны СС, приняла решение замедлить уничтожение евреев в подвластных ей районах, сохранив в отдельных местах гетто и трудовые лагеря. В некоторых местах командование армейского тыла, ответственное за снабжение, требовало временно прекратить ликвидацию евреев, работавших на заводах, в мастерских и на других объектах, продукция которых была важна для военных целей. В результате были сохранены гетто и в таких больших городах, как Рига, Вильнюс, Каунас, Барановичи, Минск, и в других, меньших, где на нужды немецкой экономики работало множество евреев. Большинство этих гетто находилось на территориях, присоединенных к Советскому Союзу в 1939—40 гг...

На территориях, подвластных военной администрации, айнзацгруппы СС пользовались полной свободой действия, и там не играли роли никакие экономические соображения и потребность в еврейской рабочей силе. На этих территориях продолжалось тотальное уничтожение евреев. Когда немецкая военная администрация в конце 1941 — начале 1942 годов передала часть территории Восточной Украины под руководство гражданской администрации, айнзацгруппами СС там были уничтожены все евреи Житомирской, Николаевской, Днепропетровской и Мелитопольской областей.

... Потребность в рабочей силе, продлившая существование крупных гетто, созданных конце 1941 года в Вильнюсе, Каунасе, Минске и ряде других мест, не препятствовала уничтожению многочисленных гетто в других районах. Это было одним из противоречий, свойственных деятельности немецкой администрации на оккупированных территориях: часть администрации нуждалась в рабочей силе и

искала ее, так как труд был принудительным и не оплачивался, а другая часть немецкой администрации, главным образом органы СС, уничтожала рабочую силу.

До зимы 1942 года были убиты сотни тысяч евреев...

... Руководители фашистской Германии планировали организовать на территории СССР уничтожение – помимо евреев Советского Союза — евреев Германии, Австрии и Протектората Богемии и Моравии (Чехия). Они хотели, чтобы территория Германии была полностью «очищена» от евреев... С этой целью они решили в сентябре—октябре 1941 года депортировать евреев этих стран в рейхскомиссариат Остланд — в Каунас, Минск и Ригу – и ликвидировать их вместе с местными евреями. К тому времени еще не были введены в действие лагеря смерти Освенцим, Треблинка и другие, и физическое уничтожение евреев происходило только на оккупированной территории СССР.

... С ноября 1941 года по октябрь 1942 года в Минск депортировали примерно 25000 евреев из Третьего рейха. Часть евреев поместили в Минское гетто, отдельно от местных евреев, и там их ликвидировали за короткое время. Оставшиеся даже не добрались до Минского гетто: они были досьавлены в Малый Тростянец и там убиты, неопределенное число эшелонов с евреями из Германии было доставлено прямо в Девятый форт (Каунас) и там расстреляно.

В Ригу... прибыло около 25000 евреев. Часть поместили в Рижское гетто, опустевшее после расстрелов местных евреев... в конце ноября-начале декабря 1941 года, часть была доставлена прямо в Румбуле и там расстреляна. Иностранные евреи, находясь в гетто Риги и Минска, жили там изолированно от местных евреев, в так называемых «германских гетто». Смертность среди них была выше, ибо они были менее приспособлены к тяжелым условиям жизни в гетто. Без знания языка, без связей им было труднее продавать вещи или обменивать на продукты у населения, Оставшаяся часть этих евреев, которая не умерла от голода или болезней, была уничтожена вместе с местными евреями. Лишь единицы из евреев Германии и других стран, доставленные в гетто Минска и Риги, пережили войну.

... Около 40000—42000 венгерских евреев были посланы на принудительные работы в составе «рабочих батальонов», существовавших при венгерской армии на оккупированных территориях СССР. Евреи работали там на строительстве дорог и оборонных сооружений, а также использовались пр рахзминировании минных полей без миноискателей. Большинство из них погибло от голода и болезней или

подорвалось на минах. Многие были расстреляны немецкими или венгерскими солдатами. Мало кому из этих "рабочих батальонов" удалось остаться в живых.

... На советской территории оккупационные немецкие власти считали евреями и уничтожали тех, у кого один из родителей был евреем. Детей, родившихся от смешанных браков, силой отбирали у матерей – русских, украинок и т.д. — и вели к ямам смерти. Случалось, что отец-еврей в это время находился на фронте и не ведал о судьбе своих детей. Отношение к лицам, родившимся от смешанных браков, на оккупированных землях было более жестоким, чем в самой Германии, где они подвергались преследованиям, но не подлежали отправке в лагеря смерти. Это объясняется пренебрежением и враждебностью немцев к другим народам; особенно они неистовствовали, сталкиваясь со случаями смешения славянской и еврейской крови. Было немало случаев, когда нееврейских матерей расстреливали вместе с детьми.

... В гетто и лагерях... жизнь складывалась из повседневных страданий: голода, болезней, принудительных работ и издевательств. Не прекращались акции, в ходе которых расстреливали прежде всего нетрудоспособных: детей, стариков, больных.

Евреи гетто под руководством юденратов и общественных организаций (в том числе подпольных) боролись за свою жизнь и человеческое достоинство. В войне против голода организовывали нелегальную переброску продовольствия в гетто, социальную помощь, столовые. Многие жители гетто заплатили жизнью за нелегальную доставку продовольствия и деятельность, прещенную немцами. Борясь против болезней и эпидемий, врачи старались следить за санитарным состоянием гетто и лагерей, организовывали медицинскую службу и больницы. За колючей проволокой не забывали о воспитании детей, о культурной, религиозной жизни. В некоторых гетто были созданы подполные архивы, целью которых было сохранение для будущих поколений документов и свидетельств о злодеяниях немцев, местных фашистов и предателей.

Евреи, обреченные гитлеровцами на полное истребление, пытались бежать из гетто и лагерей, искали пути спасения. Но таких путей было немного, и тут все зависело от местного населения. Еврей, чтобы избежать смерти, должен был скрывать национальную принадлежность. Он нуждался в документах - удостоверении личности, паспорте, метрическом свидетельстве, - доказывающих, что

он — нееврей. Кроме того, он нуждался в средствах существования, жилье и работе. Нужна была помощь местного населения, и было необходимо, чтобы местные жители, которым было проще, чем немцам, опознавать евреев, не выдавали их ни оккупантам, ни местной полиции.

Другой вариант спасения – укрыться у неевреев. Для этого необходимо было найти людей, в квартире которых или поблизости от нее можно устроить тайник. Место должно было быть скрытым от глаз не только немцев и полиции, но и соседей. Укрытия подобного рода легче было сделать в деревне, чем в городе. Там можно соорудить тайник в хозяйственных пристройках, кроме того, на селе или хуторе в одном доме живёт только одна семья, ближайшие соседи находятся хотя бы в некотором отдалении. В деревнях почти не было немецких и полицейских частей, и это облегчало возможность найтпи убежище. Местные жители, прятавшие евреев, снабжали их продуктами, что было нелегко и небезопасно в военное время.

На оккупированных территориях Советского Союза не существовало организованной помощи евреям со стороны антифашистского или какого-нибудь другого подполья. Такая помощь, хотя и в небольших размерах, существовала в некоторых странах Западной Европы и в польском подполье... Отсутствие организованной помощи на территории СССР объясняется целым рядом причин. На оккупированных территориях Советского Союза антифашистское подполье было слабее и действовало в условиях более тяжелого немецкого террора, чем в западноевропейских странах и в Польше...

...как со стороны советского правительства, так и со стороны коммунистической партии не было ни одного обращения к подпольным организациям или местному населению оккупированных территорий, призывавшего оказывать помощь советским гражданам-евреям, жертвам фашистской политики тотального уничтожения. Это не прозвучало по радио, не содержалось в листовках, сбрасываемых на оккупированные территории с самолетов. Насколько известно, Сталин и советское правительство во время войны никогда не обсуждали судьбу евреев на оккупированных территориях...

Но везде, на всех оккупированных территориях, находились люди, помогавшие евреям по собственной инициативе. Однако это были только одиночки. Они рисковали своей жизнью и жизнью своих семей. На всех оккупированных территориях таких былосотни, может быть, и несколько тысяч. Большинство же местного населения занимало позицию стороннего наблюдателя.

Число евреев, оказавшихся на оккупированных территориях и спасшихся с помощью местного населения, незначительно. Нет и приблизительных данных о количестве спасённых евреев. Но можно считать, что их было гораздо меньше одного процента от всего числа евреев, оказавшихся под немецкой оккупацией.

Случалось, что евреев, состоящих в смешанных браках, спасали нееврейские родственники.

... После разгрома немецких войск под Сталинградом исход войны определился окончательно. Началось отступление немецкой армии. Немцы решили не оставлять в живых ни одного еврея. Повышение активности партизан в западных районах СССР, где в гетто находились десятки тысяч евреев, и уход еврейской молодежи из гетто в партизанские отряды иногда ускоряли процесс ликвидации гетто.

21 июня 1943 года Гиммлер издал приказ о ликвидации всех оставшихся гетто на территории Остланда. Трудоспособных евреев следовало перевести в концентрационные лагеря, находившиеся под управлением СС, а не гражданской администрации, которой до сих пор подчинялись гетто.

... Немцы не ограничивались самим убийством — они стремились не оставлять следов преступлений. Уже весной 1942 года у Гиммлера... возникло опасение: если Германия проиграет войну, то фашистская верхушка будет привлечена к ответственности за тяжкие преступления против человечества. По решению Гиммлера были созданы специальные отряды эсэсовцев, известные как "зондеркоманда-1005", под командованием штандартенфюрера Пауля Блобеля. В их обязанности входило вскрытие массовых могил – захоронений жертв нацизма — и сжигание трупов. Чтобы подготовить командиров "зондеркоманды-1005" и персонал лагерей, где находились братские могилы, были организованы специальные курсы в Яновском лагере во Львове.

В 1942-1944 годах... были вскрыты сотни могильных ям. Трупы вынуты из них и сожжены, кости и пепел развеяны и смешаны с землей. Для проведения этих работ пригнали евреев из лагерей и евреев-военнопленных.

В некоторых местах... евреи, поставленные на данные работы, создали подпольные организации, осуществившие целый ряд дерзких побегов.

...Показания спасшихся сообщили всему миру о том, что происходит. Немцам не удалось, несмотря на все ухищрения, скрыть следы своих злодеяний на территории

СССР, массовые убийства евреев, советских военнопленных и многих советских граждан.

... Освобождая оккупированные немцами территории (большей частью — летом 1944 года). Советская Армия почти не заставала евреев. Из 2750000—2900000 евреев, оказавшихся под немецким господством на оккупированной территории СССР (свыше миллиона из них жили на территории СССР до 1 сентября 1939 года), погибли почти все. Уцелели немногие, главным образом – в западных районах. Спаслись нашедшие убежище у местных жителей, те, кому удалось выдать себя за арийцев, скрывавшиеся в лесах партизаны, а также те, которым посчастливилось выжить в лагерях. Среди евреев, проживавших в восточной части оккупированных немцами районов, и евреев, бывших там в оккупации (исключая Транснистрию и Черновцы), осталось в живых около одного процента. Подавляющее большинство евреев погибло, их пепел осел в многочисленных "долинах смерти". Сотни еврейских общин и местечек, где жили евреи в течение веков, храня свои традиции, язык, религию и культуру, были стёрты с лица земли. Для миллионов евреев победа над нацистской Германией пришла слишком поздно. Дня Победы они не увидели [**1**, 7-30].

Директивные указания

1.6.3

Об обращении с евреями на территории рейхскомиссариата Остланд

(*Директивы **Лозе**, рейхскомиссара Остланд от 13.08.1941 г.)*

I

а) В первую очередь эти директивы распространяются только на евреев — граждан Германского рейха, протектората Богемии и Моравии, бывших республик Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, СССР или государств, входящих в его состав, а также на евреев без гражданства;

б) остальным евреям, имеющим иностранное подданство, потомкам от смешанных браков, а также лицам, состоявшим в браке с евреями и не желающим разделить судьбу своих еврейских супругов, запрещается покидать территорию рейхскомиссариата Остланд как военную зону. Следует держать их под надзором... К ним могут быть применены такие меры, как обязательная ежедневная регистрация,

запрет на перемену места жительства, запрет покидать городскую зону, ограничения в передвижении по ней.

При необходимости они могут быть задержаны полицией до особого распоряжения.

II

Евреем считается тот, кто происходит, по меньшей мере, от трех дедушек или бабушек, которые в расовом отношении являются чистокровными евреями. Евреем считается также тот, кто происходит, от одного или двух дедушек или бабушек, чистокровных евреев, а также тот, кто а) принадлежит или принадлежал к еврейской религиозной общине; б) на 20 июня 1941 г. или позже состоял в зарегистрированном или незарегистрированном браке с евреем или еврейкой согласно определению, данному этими директивами, или в настоящее время вступает или вступит в такие отношения.

III

В случае сомнения гебитскомиссар или штадтскомиссар решает, кто является евреем, по своему усмотрению, опираясь на эти директивы.

IV

Генерал-комиссары, в чьих областях введено гражданское управление, должны немедленно обеспечить следующее:

а) евреи в соответствии с приказом должны зарегистрироваться: сообщить фамилию, пол, возраст и адрес. Источником сведений для регистрации могут служить записи еврейскои общины, а также сообщения надёжных местных жителей;

б) должно быть издано распоряжение о ношении евреями постоянных и ясно различимых опознавательных знаков - шестиконечных звезд, по меньшей мере 10 см в поперечнике, на левой стороне груди и на середине спины;

в) евреям запрещается:

1. Выезжать из своей местности или менять место жительства...

2. Пользоваться тротуарами, общественным транспортом, автомобилями.

3. Пользоваться местами и заведениями отдыха (курорты и плавательные бассейны, парки и парковые зоны, игровые и спортивные площадки).

4. Посещать театры, кинотеатры, библиотеки и музеи.

5. Посещать школы любого типа.

6. Владеть автомобилями и радиоприемниками.

7. Производить кашерный забой скота.

г) еврейские врачи и дантисты могут лечить или консультировать только еврейских пациентов. Там, где созданы гетто или лагеря, врачи должны быть направлены туда для лечения находящихся там евреев.

Еврейским аптекарям разрешается заниматься своей профессией только в гетто и в лагерях... Аптеки, прежде находившиеся под управлением евреев, должны быть переданы арийским аптекарям.

Еврейским ветеринарам запрещается заниматься своей профессией.

д) евреям запрещается заниматься профессиями, перечисленными ниже:

1. Адвокатурой.

2. Банковскими и обменными операциями, ростовщичеством.

3. Посредничеством и организацией агентств.

4. Торговлей недвижимостью.

5. Торговлей вразнос.

...

...имущество еврейского населения подлежит конфискации и сдаче на хранение...

Генерал-комиссар приказывает немедленно сдать следующее:

а) местные денежные знаки и иностранную валюту;

б) ценные бумаги;

в) ценности всякого рода (монеты, золотые и серебряные слитки, другие драгоценные металлы, ювелирные изделия, драгоценные камни и т. п.).

Для поддержания своего существования еврейское население может сохранить:

а) предметы домашнего обихода для удовлетворения минимальных потребностей (мебель, одежда, постельное белье);

б) сумму денег из расчета 0,2 рейхсмарки (2 рубля) на каждого еврея — члена семьи в день. Деньги оставляются на один месяц вперёд.

V

К проведению нижеследующих мероприятий следует приложить все усилия, с учетом местных, в частности, экономических:

а) сельская местность должна быть очищена от евреев;

б) евреи должны быть удалены из всех видов торговли, особенно из торговли сельскохозяйственными продуктами и продовольствием;

в) евреям должно быть запрещено проживание в местностях, имеющих экономическое, военное или идеологическое значение, а также в курортных местностях;

г) насколько возможно, евреи должны быть сконцентрированы в городах или в районах боьших городов, население в которых и прежде было преимущественно еврейским. В них должны быть созданы гетто, и евреям должно быть запрещено покидать эти гетто.

В гетто евреи должны получать лишь столько продуктов, сколько может им выделить остальное население, но не более, чем необходимо для поддержания их существования. Это касается и распределения всех остальных предметов первой необходимости.

Жители гетто будут улаживать свои внутренние дела при помощи собственных органов управления, которые будут находиться под наблюдением гебитскомиссара, или штадтскомиссара, или лица, им назначенного. Для поддержания внутреннего порядка может быть создана еврейская полиция. Евреи-полицейские могут быть вооружены, самое большее, резиновыми дубинками или палками и в качестве знака отличия должны носить на правом рукаве повязку с желтой еврейской звездой.

Полная изоляция гетто должна обеспечиваться вспомогательной полицией, набранной из местного населения.

Всякий желающий пройти на территорию гетто должен предварительно получить разрешение геоитскомиссара.

д) евреи, годные к работе, будут, по мере надобности, привлекаться к принудительным работам... Принудительные работы могут выполнять бригады, работающие вне гетто или внутри гетто, или отдельные евреи там, где гетто еще не создано (например, в мастерской, принадлежащей еврею).

Оплата труда не должна соответствовать выработке, но лишь поддерживать существование работника и нетрудоспособных членов его семьи, с учётом и других средств, имеющихся в его распоряжении

Частные предприятия и лица, использующие принудительный труд, будут платить соответствующую сумму в кассу гебитскомиссара, которая, в свою, очередь, будет выдавать оплату принудительно работающим [**1**, 46-50].

1.6.4

Из приказа начальника штаба верховного командования вермахта **Кейтеля** *от 12.09.1941 г***.**

... Борьба против большевизма требует принятия безжалостных и энергичных действий, в первую очередь, против евреев как главных носителей большевизма.

...не может быть никакого сотрудничества между вермахтом и еврейским населением, которое занимает позицию, явно или скрыто враждебную Германии, и не может быть никакого использования отдельных евреев с целью оказания вермахту каких-либо особых услуг...

Единственное исключение, которое может быть сделано,— это использование евреев в специально организованных рабочих колоннах, которые будут работать только под немецким надзором [**1**, 50-51].

1.6.5

Из приказа командующего 11 армией вермахта на Восточном фронте **(***1941 г.***)**

С о в е р ш е н н о с е к р е т н о 20.11.1941

Начиная с 22 июня немецкий народ ведёт смертельную борьбу с большевистской системой.

Эта борьба не ведётся по европейским военным правилам – только против Советской Армии. Борьба продолжается и за линией фронта: партизаны, снайперы в гражданской одежде нападают на отдельных солдат и небольшие отряды; путём диверсий, используя мины и адские машины, стараются повредить наши коммуникации...

Евреи осуществляют связь между врагом в тылу и ещё воюющими остатками Красной Армии и красного руководства. Они крепче, чем в Европе, держат в своих руках все ключевые посты политического руководства и администрации, торговли и ремёсел и являются зачинщиками всех беспорядков и неповиновения. Нужно раз и навсегда искоренить еврейско-большевистскую систему, которая никогда больше не посягнёт на наше европейское жизненное пространство.

Поэтому перед немецким солдатом стоит задача не только разгромить военные силы этой системы, но и выступить носителем национальной идеи, мстителем за всю жестокость, проявленную по отношению к немецкому народу.

...Солдат должен понимать необходимость наказания еврейства – носителя самого духа большевистского террора. Это требуется и для того, чтобы подавлять в зародыше все беспорядки, которые затеваются преимущественно евреями...

От антибольшевистски настроенных украинцев, русских и татар нужно ожидать, что они выскажутся за новый порядок. Пассивность многочисленных элементов, якобы враждебных Советам, должна смениться явно выраженной готовностью активно участвовать в нашей борьбе прогтив большевизма. Где такой готовности нет, она должна быть внедрена путём применения соответствующих мер...

Нужно требовать уважения к религиозным обычаям, особенно татар-мусульман.

В контексте этих идей приобретают, между прочим, большое значение пропаганда и просвещение населения, поощрение личной инициативы – напрмер, путём выдачи премий – а также широкое привлечение населения к борьбе против партизан, созданию местной вспомогательной полиции.

Необходимые требования для достижения этих целей:

- активное участие солдат в борьбе против врага за линией фронта...
- уверенное, но не заносчивое поведение всех солдат;
- сдержанность в отношении к пленным и лицам другого пола...

Со всей строгостью нужно выступать:

- против произвола и своекорыстия;
- против небрежности и недисциплинированности;
- против всякого нарушения кодекса солдатской чести...

Командующий **фон Манштейн** [**1**, 54-6]

Уничтожение

1.6.6

Из дневника **Е. Бувидайте- Куторгене***

26 июня [1941 г.]

На рассвете подошла к окну и увидела, как к деревянному серенькому дому №13, где жили зубная врачиха с мужем и двумя маленькими детьми, подъехал грузовик, из него вышло несколько вооружённых человек. Они выломали дверь, вошли, зажгли электричество. Затем раздались отчаянные женские крики, полные неописуемого ужаса. Они продолжались несколько минут, затем мужской голос, точно умоляя о чём-то, залепетал (по-еврейски) быстро-быстро какие-то слова. Затем три-четыре выстрела и все смолкло. Мужской голос по-литовски сказал: "Без моего разрешения

не стрелять», затем послышался жалобный детский плач. Снова два выстрела, и сразу тишина. (Значит, убили четырех невинных людей...)

Машина стояла долго, пока из дома не вышла группа молодых людей, человек шесть. "Идем дальше, — (по-литовски) сказал руководитель, направляясь к моему подъезду. – Здесь свои». И они завернули за угол.

Снова зашумел мотор. Вскоре опять заглушенные крики, три выстрела (револьверных)...

Очевидно, в течение часа убито семь-восемь человек, деловито, быстро, методически! Выстрелы постепенно удалялись. Теперь я знаю, что они значат!!! Мотор шумит, город безмолвствует, полиция не слышит! Немцы позволяют стрелять ночью, когда всем ходить запрещено. Ясно, что убийцы действовали с позволения новых хозяев! Дверь дома №13 закрыли, но электрический свет горел ещё сутки, и я с содроганием несколько раз глядела на него.

Первым моим движением было выбежать на улицу, кричать, звать на помощь... Кого? Кто поможет? Я записываю. Пусть остаётся свидетельство. Может быть, когда-нибудь возмездие покарает убийц...

В четыре часа утра снова зашумел мотор, снова выстрелы, всё ближе... Ужас охватил меня. Но мотор затих...

Через двадцать минут выстрелы снова. Я вижу убийц. Они вышли из дома напротив — четыре молодых человека с ружьями за плечами, быстро прошли по левой стороне улицы. Один — высокий красивый блондин с торжествующим, вызывающим, даже радостным лицом. Его черты врезались в мою память навсегда.

В шесть утра я вышла на улицу: в подворотне дома Мееровича на улице Канто лежал с размозженной головой старик-еврей.

Когда я спросила у дворника (брюнет со злобным лицом, с черными страшными глазами — не безумие ли в них?), кто, за что убил, он сказал: "Будете много разговаривать — и вам то же будет...»

...Весь день продолжается патриотическое садистическое упоение: с разрешения и одобрения начальства убивают и терзают евреев... Все литовцы, за малым исключением, единодушны в чувстве ненависти к евреям...

...Весь день люди с национальными литовскими повязками с видом победителей слоняются по улицам, врываются в дома, средь бела дня на возах вывозят еврейское добро, не брезгуя даже самым последним барахлом. Какая-то эпидемия, разгул жадности... Все вооружены ружьями...

...Задача скорой помощи заключается в подбирании трупов убитых русских и евреев... Из окна амбулатории я наблюдала, как грузовик с «сёстрами» готовится к отбытию в одну из таких поездок: визг, хохот, грубый флирт, плоские шутки... И только одна санитарка, простая необразованная женщина, с горестью говорила о том, как убивают красноармейцев, как гонят толпы евреев с лопатами на расстрел, заставляют их рыть себе могилы и велят еще при этом петь "Если завтра война".

Один больной рассказывал, что сам видел, как немцы заставили евреев, запряженных в лямки, тащить танк на высокий берег, а затем ещё на потеху провезти его вокруг ратуши. Вызвали из тюрьмы других, и они подбирали убитых. Фашистский террор отвратителен еще и тем, что преследует за принадлежность к расе, то есть за то, что человек не властен изменить; значит, он заранее обречен на смерть. Как ужасно... Бесчеловечно... В "активисты", в так называемые партизаны, пошли или глупые мальчишки, обманутые лозунгом "независимой Литвы", или подонки общества для грабежа и безнаказанных убийств.

15 октября

Объявление на литовском языке:

1. Запрещаются всем жителям нееврейской национальности какие бы то ни было сношения с евреями, запрещается даже всякий простой разговор нееврея с евреем, запрещается продавать, менять или дарить евреям съестные продукты или вообще товары, запрещается вообще торговать с евреями.

2. Немецкой полиции и литовской вспомогательной полиции приказано неуклонно пресекать какое-либо общение между евреями и неевреями. Неподчиняющиеся будут строго наказаны».

30 октября

... увезено на смерть десять тысяч из гетто. Выбирали стариков, матерей с детьми, тех, кто не годятся для работы. Много трагедий: то муж был в городе и, вернувшись, не застал ни жены, ни четырех детей! Или жену оставили, а мужа увезли. Очевидцы рассказывают: накануне было объявлено, что все кроме рабочих с удостоверениями, выданными раньше специалистам и мастеровым, должны собраться в шесть часов утра на большой площади гетто, выстроиться в колонны. В первом ряду стоял совет старейшин с семьями, далее еврейская полиция, потом служебная администрация, разные бригады по роду работы и остальные. Одних посылали направо – это была

смерть, других налево. Площадь окружили пулеметами и стражей. Было холодно, морозно. Люди простояли голодные, без вещей весь день. Дети плакали у матерей на руках. О своей судьбе никто не подозревал, думали, что переводят на другие квартиры (вечером даже спорили, ссорились из-за них). На рассвете распространился слух, что в Девятом форте [место смерти] военнопленные выкопали глубокие ямы, и, когда погнали туда, все поняли, что это смерть. Начали плакать, рыдать, кричать. Тех, кто по дороге пробовал бежать, убивали. Много трупов осталось на полях. В форте обреченных раздевали и партиями по триста человек загоняли в ямы. Прежде всего сбрасывали детей. Женщин расстреливали на краю ям, затем мужчин... Многие были закопаны живыми. Все убивавшие были пьяны. Об этом мне рассказал один знакомый со слов немецкого солдата — очевидца, который добавил, что он написал своей жене, католичке: «Вчера я убедился, что Бога нет, потому что если бы он был, то не мог бы допустить того, что свершилось" [**1**, 120-3].

***Е. Бувидайте- Куторгене** – Праведница среди Народов Мира*

1.6.7

Из свидетельских показаний **М. Дворжецкого**, *бывшего узника Вильнюсского гетто, на судебном процессе Эйхмана (Иерусалим, 1961 г.)*

Немцы выдавали нам различные удостоверения, которые менялись, как в калейдоскопе, чтобы сбить нас с толку, ввести в заблуждение, ослабить бдительность и волю к сопротивлению. Вначале нам выдали удостоверения, потом выяснилось, что есть два вида удостоверений – с фотокарточкой и без фотокарточки. Если ты задержан с удостоверением с карточкой, ты остаёшься в живых. Если задержан с удостоверением без карточки, ты под подозрением. Позднее ввели удостоверения со штампом «фахарбайтер» (специалист) – они защищали больше...Всегда была погоня за самым «хорошим» удостоверением, приходилось быть начеку, чтобы знать, когда кончается срок действия одного удостоверения и появляется другое, лучшее.

Затем наступили дни жёлтых удостоверений, «лебенсшайн» - удостоверений жизни. Обладатель такого удостоверения, как уверяли немцы, останется в живых. Потом выдали удостоверения для членов семьи, для жены и двоих детей, не больше... Позже появился «Паспорт гетто» и, наконец, выдали это удостоверение, которое каждый должен был носить на груди, как собака... Кусочек жести, на котором был

номер человека, надпись «Виленское гетто» и буква M (мужчина) или W (женщина) – чтобы не ошибиться...

Если человек не мог достать для себя и для членов своей семьи надёжное удостоверение, перед ним было два пути – первый быть схваченным, но жители гетто не хотели попасться; тогда они строили укрытия, их называли «малина» (от слова на иврите *мелуна* – «конура»)... Был создан целый подпольный город. Каждый дом строил для себя укрытие – в подвале, на чердаке, под колодцем, под чуланом, рядом с уборной. Эти бункеры соединялись друг с другом, и можно было перейти из одного бункера в другой... Если обнаруживали человека без надёжного удостоверения, у него был один путь – в Понары [место расстрела].

Вопрос. Помните ли вы случай, когда человек пришёл домой и сообщил матери: «Мама, я должен был сделать удостоверение для тебя или для жены»?

Ответ. Да, я помню. Это была мучительная проблема в гетто.Выдавали одно жёлтое удостоверение, и можно было записать жену и двоих детей. Но если у человека есть жена и мать – он сам должен выбрать, кого он записывает.

... *Вопрос*. Каждый еврей получал такое удостоверение?

Ответ. Нет, только тот, кто уже имел удостоверение, свидетельствовавшее, что он работает по специальности, которую признали полезной. «Неважными» считались учителя, писатели, журналисты. «Важными» - сапожники, портные, меховщики, которые могли приносить пользу армии. Было несколько врачей, чтобы лечить жителей гетто. Но те, кто занимался духовной или интеллектуальной деятельностью – учитель, раввин, резник, судья, писатель, журналист – не считались важными и не могли получить удостоверение жизни.

... Человек приходил домой и говорил матери: «У меня есть удостоверение, и я могу записать или тебя, мама, или жену. Одной из вас придётся прятаться в бункере. Быть может, судьба улыбнётся ей, может, нет». И если у меня трое детей, я могу записать только двоих, а третьего я вынужден отдать немцам. Я помню случай, когда человек подошёл к матери и сказал: «Мама, скажи мне, что делать. Ты благословила наш брак, а теперь я должен выбрать: или ты, или жена». И мать ответила: «Написано в нашей священной Торе: «Да оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене своей... Жена предназначена тебе небом, ты должен создать семью. Я отказываюсь от жизни. Дай жизнь ей». И она благословила сына, его жену и его детей.

Вопрос. Этим человеком были Вы, доктор Дворжецкий?

Ответ. Это был я [**2**, 68-9].

1.6.8

Из свидетельских показаний **А. Переца**, *бывшего узника Каунасского гетто, на судебном процессе Эйхмана (Иерусалим, 1961 г.)*

Дети в гетто играли, смеялись. В их играх отражались страдания народа. Они играли в «могилу», выкапывали яму, укладывали туда ребёнка и называли его Гитлером. Они играли в «ворота гетто», часть из них была немцами, часть – евреями. Немцы кричали и били евреев. Играли в похороны. Вот такие игры. Еврейский ребёнок взрослел раньше времени. Мы всегда удивлялись, как трёх-четырёхлетний малыш понимал всю трагичность положения. Как они старались молчать, когда в этом была необходимость, ка они умели прятаться. Мы не верили, что маленькие дети, которым мы хотели сделать инъекцию снотворного, могут сказать, как мне сказал один малыш: «Не нужно, я буду молчать».

Само собой разумеется, что вершиной ужасов в гетто была «детская» акция в конце марта 1944 года. Как я уже говорил, о каждом нанесенном нам ударе мы думали, что страшнее его быть не может. Родители в гетто разделились на две группы: одни пытались найти для детей убежище за пределами гетто, их выносили в чемоданах, вывозили в тележках...

Их выносили, чтобы передать литовцу в деревне или в городе, за деньги или за что-нибудь другое. Часть из этих детей возвращалась в гетто через некоторое время... Иногда ребёнок исчезал, и не знали, где он. Иногда деньги брали, а ребёнка возвращали. Были родители, решившие не отдавать детей, умереть вместе с ними. Я принадлежал к таким родителям. Я слышал так много ужасов об одиноких детях, скрывавшихся вдали от людей, - покинутые всеми, без языка, мучимые страхом смерти. Мы решили, что умрём вместе с ребёнком. После «детской» акции, во время её оказалось, что это невозможно. Бывают ситуации, когда дети гибнут, а ты остаёшься в живых. Родители не могли вынести этого. После акции стали искать средства спасения. Лишь небольшая часть детей осталась после акции, только те дети, которые прятались в бункерах.

Вопрос. Что такое «детская акция»?

Ответ. Это произошло после периода относительного спокойствия в гетто. Мы не ждали, не предвидели никаких событий. Вдруг наша еврейская полиция получила приказ явиться утром в известное место якобы для получения инструкций на случай воздушного налёта... Жители гетто не знали об этом. Утром в гетто въехала машина, раздался голос: покинувший пределы гетто быдет убит. Голос звучал все громче и громче. Инстинктивно, а может быть, из=за того, что мы знали: что-то произошло с детьми в соседнем гетто, матери стали кричать, словно чувствуя приближение опасности. В домах, в которых были подвалы, матери спустились с детьми в эти укрытия... В гетто въехали машины «с музыкой», в каждой машине играл патефон, чтобы заглушить крики детей. Немцы и украинцы разошлись по домам, уводя с собой детей, попадавшихся на пути. Детей сажали в машины, иногда вместе со стариками, дедушками и бабушками. Их увозили в неизвестном направлении.

... Акция продолжалась два дня. В первый день я спустился с детьми в подвал... Там было семнадцать детей. Этот день мы провели в подвале. Когда мы вышли, я узнал, что увезли 1000 детей. На следующий день мы подумали, что ужасам пришёл конец. Люди не вышли на работы. Распространился слух, что из каждого дома уведен ребенок. Все стояли на улицах, и что-то произошло. Вновь вошли эти части, и люди бросились в подвалы. Я решил отвести моего ребёнка с женой в подвал... Затем я поднялся в дом и, сидя у окна на втором этаже, наблюдал за происходившим на улице. Я был свидетелем ужасающих сцен. Это было возле больницы. Я видел машины, время от времени к нним подходят дети; матери с детьми или дети без матерей, а за ними идут два немца с оружием в руках, будто ведут преступников. Их бросали в машины. Матери кричали. Мать, у которой отняли троих детей, подошла к машине и закричала: «Отдай мне моих детей!» А он спросил: «Сколько их, твоих детей?» Она ответила: «Трое». И он сказал: «Одного можешь взять». Она поднялась в машину, три головки потянулись к ней, и каждый хотел уйти с матерью. Мать не могла выбрать и спустилась с машины одна. Другая мать пришла с двумя детьми — я видел это из окна—и просила у немца, чтобы он отдал ей одного ребёнка. Он схватил ребёнка за руку и бросил ей. Такие сцены повторялись целый день [**3**, 69-71].

1.6.9
В. ГРОССМАН

Из рассказа «**Старый учитель**»

(массовый расстрел евреев немцами; герой рассказа – 82-летний учитель Борис Исаакович Розенталь)

Когда колонна евреев миновала железную дорогу и, свернув с шоссе, направилась к оврагу, молотобоец Хаим Кулиш набрал воздуха в грудь и громко, перекрывая гул сотен голосов, закричал по-еврейски: — Ой, люди, я отжил!

Он ударил кулаком по виску шедшего рядом солдата, свалил его, вырвал у него из рук автомат и, не имея времени понять чужое, незнакомое оружие, размахнулся тяжёлым автоматом наотмашь, как бил когда-то молотом, ударил по лицу подбежавшего сбоку унтер-офицера. В начавшейся после этого сутолоке маленькая Катя Вайсман потеряла мать и бабушку и ухватилась за полу пиджака старика Розенталя. Он с трудом поднял ее на руки, приблизив губы к её уху, сказал: — Не плачь, Катя, не плачь.

Держась рукой за его шею, она сказала: - Я не плачу, учитель.

Ему было тяжело держать ее, голова его кружилась, в ушах шумело, ноги дрожали от непривычно долгого пути, от мучительного напряжения последних часов.

Толпа пятилась от оврага, упиралась, многие падали на землю, ползли. Розенталь вскоре оказался в первых рядах.

Пятнадцать евреев подвели к оврагу. Некоторых из них Розенталь знал. Молчаливый печник Мендель, зубной техник Меерович, старый добрый плут электромонтёр Апельфельд. Его сын преподавал в Киевской консерватории и когда-то, мальчишкой, брал уроки математики у Розенталя. Тяжело дыша, старик держал на руках девочку. Мысль о ней отвлекала его.

"Как .утешить ее, чем обмануть?" - думал старик, и бесконечно горестное чувство охватило его. Вот и в эту последнюю минуту никто не поддержит его, не

скажет скажет ему слова, которого хотел он и жаждал услышать всю жизнь, больше всей мудрости книг о мудрости книг о великих мыслях и трудах человека.

Девочка повернулась к нему. Лицо ее было спокойно; то было бледное лицо взрослого человека, полное снисходительного сострадания. И во внезапно пришедшей тишине он услышал ее голос.

— Учитель, — сказала она, — не смотри в ту сторону, тебе будет страшно. - И она, как мать, закрыла ему глаза ладонями [**4**, 140-1].

1.6.10

Из завещания **Э. Элькеса,** *руководителя Юденрата Каунасского гетто*

Каунасское гетто, 19.10.1943

Дорогие мои сын и дочь!

Я пишу вам эти строки, мои любимые дети, после двух лет пребывания в гетто, в этой юдоли плача. Нам стало известно, что в ближайшие дни наша участь будет решена. Гетто, в котором мы находимся, ликвидируется. Одному Богу известно, все ли мы погибнем или кто-нибудь останется в живых. Боюсь, что оставят лишь трудоспособных рабов, а остальные, вероятно, будут обречены на смерть.

Нас тут мало: из 35000 каунасских евреев осталось лишь 17000. Из четверти миллиона евреев [в Литве] осталось менее 25000, а 5000, голые и босые, были угнаны на каторжные работы в Латвию. Остальные были умерщвлены подручными самого страшного Амана* во всей нашей истории.

Многих наших близких тоже нет в живых: тетя Хана и дядя Арье были убиты вместе с 1500 евреями 4 октября 1941 года. Дядя Цви, который лежал тогда в больнице со сломанной ногой, спасся чудом. Остальные больные вместе с врачами, медсестрами и случайно оказавшимися там родственниками больных были убиты или сожжены заживо. Солдаты подожгли здание больницы со всех сторон, перед этим забив гвоздями окна и двери, чтоб никто не мог вырваться оттуда.

Кроме как в Шяуляе, в провинции не осталось ни одного еврея... Наше гетто, по ряду внешних и внутренних причин, прожило два года рабской жизни относительно спокойно (после того, как вначале власти забрали у нас почти все наши вещи, одежду и книги). . Самая страшная бойня, унесшая 25000 жертв, произошла 28 октября 1941 года.В тот день решалась судьба каждого жителя гетто: кому жить и

кому умереть. Я видел глаза идущих на казнь. Рано утром 29 октября я сам стоял среди евреев, которые были переправлены для казни в Девятый форт. Своими ушами я слышал страшную симфонию плача, рыданий, стенаний 10000 мужчин, женщин, стариков и детей. Их крики потрясали небо. Никто в мире – за все времена и века – не слышал такого крика! Когда я попытался оказать кому-то помощь, солдаты избили меня и, окровавленного, вывели из форта по приказу командира охраны. Я потерял сознание, и мои друзья взяли меня на руки. В создавшейся суматохе удалось выйти со мной из этого ада небольшой группе в 30-40 человек — чудом спасшиеся души.

Наш город был одним из центров массового уничтожения [евреев] на Востоке. В течение двух лет на наших глазах, под окнами наших домов, прошли в Девятый форт, который находился в нескольких километрах от нас, многие и многие тысячи евреев из Южной Германии и Вены. Там они были жестоко убиты...

Я стою во главе гетто... Общественность избрала меня, и власти утвердили мою кандидатуру в качестве председателя совета старейшин [юденрата]. Мы с моими товарищами и друзьями... до глубины души встревоженные судьбой оставшихся в живых наших братьев, ведём наше потерпевшее крушение судно по бурному морю, где всё новые волны ужаса ежедневно грозят затопить нас. Благодарят моему влиянию мне удалось предотвратить немало казней... Я с достоинством стою на своем посту, не прошу милостей, а защищаю наши интересы с уверенностью в справедливости наших требований.

Дорогие, любимые дети, в самые трудные минуты нашей жизни вы были в наших сердцах. Длинными чёрными ночами сидела около меня ваша мать, любимая моя жена, и мы думали о вас и о вашем будущем. Наша самая заветная мечта — увидеть вас, обнять и сказать вам ещё раз, что мы вас очень любим, что в любую минуту дня и ночи вы у нас перед глазами. Стоя на краю пропасти, чувствуя холодное лезвие у горла, мы утешаемся мыслями о вас, нас вдохновляет любовь к вам.

Как жили вы в последние пять лет, столь тяжкие и полные бедствия для европейского еврейства?..

О себе мне почти нечего рассказывать. В прошлом году у меня было воспаление суставов в острой форме, и около девяти месяцев я был прикован к постели. Но даже в самые тяжелые дни болезни я нес на своих плечах заботу о нашей общине и вместе

со своими товарищами руководил её жизнедеятельностью. Теперь мне стало лучше, и вот уже полгода, как я почти здоров.

...Мы много раз писали вам через Красный Крест и частных лиц. Получили ли вы наши письма? Мы так мучаемся от мысли, что в течение всего этого страшного времена нам не удалось связаться с вами и сообщить, что мы еще живы. Мы знаем, как вы переживаете за нас и какую силу придало бы вам знание того, что мы живы. Уверенность в этом укрепила бы ваше стремление жить и действовать. Я очень опасаюсь отчаяния и апатии, столь пагубных для жизни, и каждый день молюсь, чтобы вы, мои дорогие, не дошли до такого состояния. Милые мои, я очень сомневаюсь, удастся ли мне увидеть вас, обнять и прижать к сердцу, и перед расставанием с этим миром и с вами мне хочется сказать вам ещё и ещё раз, насколько вы нам дороги и как мы вас любим.

Любимый Иоэль! Будь верным сыном своего народа. Думай о нём, береги его – и не думай о гоях! В нашем долгом галуте [изгнании] они не дали нам даже десятой доли того, что мы дали им. Размышляй об этом, сын мой, размышляй об этом постоянно.

Постарайся жить в Эрец-Исраель [в Израиле]. Это естественно для сына еврейского народа. Может, жизнь там будет трудна, полна тягот, но зато богата содержанием. Сила веры в идею огромна, она может двигать горы. Иди прямо, не оглядывайся по сторонам, и, если иногда ты встретишь своих собратьев в неприглядном виде, в грехе и даже мерзости, — не расстраивайся, сын мой. Не они виноваты в этом, а их горькая галутная судьба. Твоим проводником всегда должна быть правда — она поведет тебя по столбовой дороге и укажет тебе жизненный путь.

...моя любимая дочь Сарра, прочти внимательно мои слова, обращенные к Иоэлю. Я полностью полагаюсь, дочь моя, на твою душевную чистоту. Не живи одной минутой, не требуй, чтоб твой путь был усеян розами, ибо розы увянут. Как прекрасна жизнь чистая, благородная, содержательная!

Идите по жизненной стезе вместе, не расставайтесь...И не забывайте того, что причинил нам [современный] Амалек. Помните это до последнего дня своего и передайте как священный завет будущим поколениям. Немцы убивали нас, резали, уничтожали с полным спокойствием и равнодушием. Я видел их и стоял среди них, когда они посылали на смерть тысячи мужчин, женщин и детей. Они с аппетитом ели свой утренний бутерброд, одновременно следя за тем, чтобы машина уничтожения действовала безотказно, и насмехаясь над нашими мучениями. Я видел их, когда они

возвращались с места казни, с ног до головы обрызганные кровью наших близких и родных. В прекрасном настроении они садились за стол, ели, пили, слушали по радио легкую музыку. Литовская земля пропитана еврейской кровью, пролитой литовцами, с которыми мы жили много сотен лет и которым помогали создавать независимое государство. В последние дни июня 1941 года литовцы замучили в Каунасе 7000 наших братьев и сестёр, а в провинции именно литовцы, а не кто-либо другой, по указанию немцев ликвидировали все еврейские общины, уничтожив их жителей.

С особым рвением, не нуждаясь в приказах, рыскали они по лесам, полям, пещерам и домам, чтобы разыскать последних прячущихся евреев и передать их властям.

Дети мои, никогда не желайте им добра! Да будут они прокляты, они и их дети, в ваших глазах и в глазах будущих поколений!

Я пишу в то время, когда несчастные вдовы и сироты, обездоленные и голодные люди валяются у порога моего дома и умоляют о помощи. Но силы мои истощены, а душа опустошена. Дорогие мои, вы поймете, что я испытываю в эти минуты и что я хочу сказать вам. Обнимаю и целую вас и остаюсь любящим вас отцом.

Эльханан [**1**, 278-82]

* ***Аман*** *и (далее)* ***Амалек*** **–** *согласно Торе злейшие враги евреев.*

1.6.11

Из свидетельства **М. Бурштейн** *об уничтожении евреев посёлка Лениндорф (Украина, 1941 г)…*

... 2 октября в поселок Лениндорф (старое название — Карабулат) прибыл маленький немецкий карательный отряд. Все евреи [2000 чел.] были согнаны в школу, где их, стоящих, спрессовали до предела, и 4-го [октября] началась экзекуция. Кроме евреев в поселках жили украинцы и русские — около 200 человек...

Евреи и неевреи трудились вместе, никакого "национального вопроса" не было. И тем более страшным оказалось то, что достаточно было немецкому офицеру угостить несколько здоровых молодых мужиков водкой, как они с великим удовольствием согласились стать палачами против своих вчерашних учителей, товарищей и добрых соседей.

Все шло по плану: евреи выкопали рвы, немцы стреляли в затылок, соседи самым примитивным обпазом выравнивали «содержимое" рвов: впрыгивали и утаптывали это самое "содержимое". Мне рассказывала одна крестьянка в 1961 г., что кровь хлюпала в сапогах трудившихся, выплескивалась из сапог и снова пополнялась... Была соблюдена элементарная «нравственность»: были отдельные рвы для мужчин, для женщин и для детей [**1**, 114-5].

1.6.12

Из рапорта гебитскомиссара г. Слуцка ***Карля*** *генерал-комиссару Белоруссии Кубе от 30 октября 1941 г.*

С о в е р ш е н н о с е к р е т н о

... 27.10 в 8 утра из Каунаса прибыл обер-лейтенант полицейского батальона №11, представившийся как адъютант командира батальона полиции безопасности. Обер-лейтенант довел до нашего сведения, что полицейский батальон получил задание произвести здесь, в городе Слуцке, в двухдневный срок полную ликвидацию евреев. Командир и его батальон в составе 4 рот, из них 2 роты литовских партизан, по словам обер-лейтенанта, находились уже в пути, и акция должна была начаться сразу по их прибытии... Спустя около получаса полицейский батальон вступил в Слуцк.

...я объяснил командиру, что едва ли возможно провести акцию без предварительной подготовки... Я попросил его перенести акцию на один день... Большую частьнаходящихся в городе евреев составляют ремесленники и их семьи. ...все жизненно важные производства будут остановлены одним ударом, как только все евреи будут ликвидированы. ...мы договорились, что все живущие в городе евреи, и в частности семьи ремесленников, которых я ни в коем случае не позволю ликвидировать, для начала будут отправлены в гетто с целью сортировки. Сортировка будет поручена двум моим чиновникам. Командир не возражал, поэтому я остался в полном убеждении, что акция пройдет именно таким образом. Однако уже через несколько часов после начала акции выяснилось, что дела обстоят иначе... Вопреки договоренности, все без исключения евреи были взяты с фабрик и из мастерских и вывезены... Так как командир уехал от нас в Барановичи, я, после долгих поисков, связался с его заместителем, капитаном, и потребовал немедленно прекратить акцию, ибо она проводилась вопреки нашему соглашению, и ущерб, причиненный экономике, был просто невосполним. Капитан был весьма удивлен моими словами и объяснил, что

получил от командира задание очистить весь город от евреев, подобно тому, как это уже было в других городах. Эта чистка, сказал он, диктуется политическими соображениями, и экономические не должны здесь играть никакой роли...

Что касается самого способа проведения акции, я должен с глубоким прискорбием отметить, что он граничил с садизмом. Сам город во время акции представлял собой ужасающую картину. С неописуемой жестокостью, как со стороны немецких полицейских, так и со стороны литовских партизан, еврейское население, а также немало белорусов, были выведены из домов и согнаны в одно место. Повсюду в городе была стрельба, и на некоторых улицах валялись трупы евреев. Мало того, что с еврейским населением, в том числе и с ремесленниками, обращались по-зверски прямо на глазах у белорусского населения, но и само белорусское население точно так же подвергалось избиению резиновыми дубинками и прикладами. Вырваться из облавы белорусам удавалось лишь с большим трудом. О еврейской акции я уже не говорю, скорее это напоминало революцию. И сам я, и все мои подчиненные весь день были в гуще происходящего, пытаясь спасти хотя бы некоторых. Неоднократно мне приходилось буквально с пистолетом в руке выгонять с предприятий немецких полицейских и литовских партизан. Такое же задание я дал и своим жандармам, однако из-за сильной стрельбы им часто приходилось покидать улицы, чтобы не попасть под пули. Вообще, вся картина была более чем ужасной. После полудня на улицах, тут и там, осталось множество подвод с лошадьми без хозяев... ...это были повозки евреев, получивших от вермахта задание возить амуницию...

При расстреле, производившемся за городом, я не присутствовал. Поэтому о жестокостях, имевших место там, я ничего не скажу. Отмечу только, что в течение долгого времени после того, как могилы были засыпаны землей, оставшиеся в живых пытались из них выбраться... [1, 143-5]

1.6.13

Из свидетельских показаний **К. Новаковской** *об уничтожении евреев г. Ровно (Украина) в ноябре 1941г.*

5 ноября в г. Ровно были развешены объявления о том, что лица еврейской национальности, не имеющие удостоверений с места работы, так называемых "арбайтсшайнов", — обязаны явиться на следующий день, т.е. 6 ноября 1941 г., к 6

час. утра на Костельную площадь на Грабнике для эвакуации из города. ...у людей не было и мысли, что их собирают для расстрела.

6 ноября вся наша семья — отец, мать, сестра, брат, дядя и тетя — пришли на Костельную площадь на Грабнике. Шел мокрый снег, дул пронизывающий ветер, было темно, но сквозь бурю и непогоду тысячи людей шли со всех концов города к площади. Никого, кроме евреев, на улицах не было, так как приказом гебитскомиссара в городе было объявлено чрезвычайное положение, причем было запрещено появляться на улице людям нееврейской национальности.

Мужчины шли с узлами на плечах — немцы разрешили взять с собой ценные вещи и запас продуктов питания; шли женщины, неся на руках детей, шли старики, здоровые вели под руки больных.

К 10 часам утра мы, наконец, добрались до площади. Еще не доходя до площади, люди начали чувствовать что-то недоброе: все прилегающие кварталы были оцеплены эсэсовцами и [местными] полицейскими. Повернуть назад не было возможности — полиция не разрешала, да и люди шли такой плотной массой, что не было места даже повернуться, не только пойти против течения. Шедшие сзади и не видевшие полицейских напирали в каком-то безумии.

Наконец часов в 12... площадь была забита людьми до отказа. На пригорок поднялся немец и объявил через рупор собравшимся, что все принесенные с собой вещи — узлы, пакеты, чемоданы, свертки и проч. — следует оставить здесь на площади, сложив их в кучу.

Через полчаса выросли несколько бугров из вещей. После этого нас повели по двум дорогам в село Сосенки, что в 2—3 километрах от города. Теперь уже нас конвоировала тройная цепь [местных] полицейских и эсэсовцев. О бегстве не могло быть и речи.

Подходя к Сосенкам, мы поняли, что пришли на смерть. Моим глазам представилась кошмарная картина, от которой даже теперь, когда угроза смерти давно миновала, кровь стынет в жилах.

Ров был длиной метров в 100. Через ров перекинуты бревна. На бревнах, выстроившись в затылок, стоят человек 10 — 20. Длинная очередь из автомата — и люди, как скошенные колосья, падают в ямы.

Неподалеку от рва было еще несколько ям. Всех заставляли раздеваться донага и подходить к яме — мужчины и женщины по отдельности. Каждый [палач] практиковал свой способ убийства: одних выстраивали вдоль ямы лицом к яме, и

немец поочередно стрелял каждому в затылок, других ставили перед ямой на колени, третьих заставляли бежать к яме и, когда человек приближался к яме, в него стреляли, и т.д.

Одних маленьких детей бросали в ямы живьем, других подбрасывали вверх и стреляли на лету. Все это сопровождалось предсмертными стонами и криками умирающих и хохотом палачей. Если кто-нибудь из обреченных пытался бежать в сторону, его пристреливали. Поработав таким образом час - два, немец подходил к столику, выпивал рюмку водки, закусывал бутербродом с колбасой и снова продолжал свою гнусную работу.

С наступлением ночи я, голая и до предела измученная виденным, потеряла сознание. Ночью мне каким-то чудом удалось спастись — я проползла между цепями полицейских и добралась до своих знакомых на окраине города. Все мои родственники были расстреляны вместе с 18 тысяч евреями Ровно.

Имена палачей я не знаю — там были эсэсовцы, гестаповцы, украинско-немецкие полицейские. Расстрел продолжался почти трое суток.

Записано правильно. Протокол прочитан. Подпись: **К. Новаковская**.
Допросил старший следователь Т.Смородский.
30 ноября 1944 г. [**1**, 151-2].

1.6.14

Из свидетельских показаний **В. Бурносовой** *об уничтожении евреев г. Себежа (Псковская область,1942 г.)*

Евреи в Себеже прожили долго, несмотря на то, что немцы использовали их на самых тяжелых работах (рытье окопов, ремонт железной дороги, разобранной при отступлении). В Себеже первое время комендантом был австриец, он брал с евреев взятки (золотом, ценностями) и делал им всяческие уступки. Это были именно взятки, а не какие-либо официальные поборы...

В 1942 году, ближе к весне, комендант сменился, и новый комендант все же евреев расстрелял. Евреев [97 человек] забрали и отвели на расстрел. Ямы были уже вырыты, несмотря на зиму. Вероятно, рыли военнопленные. Расстреливали евреев [белорусские] полицаи во главе с начальником полиции Буссом. Рассказывают, что во время расстрела Бусс вырвал у одной из женщин 3—4 месячного ребенка, подбросил его в воздух и застрелил в воздухе из пистолета — со словами: "Пусть жидовская кровь не поганит русскую землю". Ребенок свалился прямо в яму.

Зарывали убитых тоже русские — по принуждению.

...часть расстрелянных была только ранена, часть – лишь поцарапана, но зарыли всех. В течение получаса из-под земли был слышен стон (стоял мороз около 10—15 градусов).

В Себеже из евреев оставались старики, женщины и дети, а также несколько девушек. На расстрел многие евреи шли с маленькими детьми.

Один мальчик, 12 лет, по совету матери, остался в печной трубе и потом оттуда вылез; по озеру он добежал до дома старосты в деревне Пресни. Мальчик попросил у старосты: дяденька, возьмите меня, я вам буду помогать, объедать не буду, буду грибы и ягоды собирать, только не везите меня обратно в Себеж. Старостиха даже накормила мальчика; а староста запряг лошадь, посадил парня в телегу и отвез в Себеж, сдал немцам — а мог спасти...

Были в Себеже и такие, кто встречал немцев хлебом-солью.

Евреев в марте расстреливали полицаи, а немцы только наблюдали. Потом немцы могли всем объяснять: нет, это не мы жестокие, а ваши.

Полицаи, переходившие к партизанам, бывали, но их было мало. Вообще полицаев было много. Они после войны получили по 25 лет, но их быстро амнистировали и реабилитировали [**1**, 214-5].

1.6.15

Из приказа командира карательного отряда от 11 сентября 1942г. (Брянская область, Россия)

...Ввиду опасности наличия минных полей в пределах района так называемого "Треугольника" необходимо обеспечить требуемое число "комплектов для

разминирования-42" (из личного состава еврейских трудовых батальонов или захваченных членов бандитских групп, снабженных боронами и катками).

Воинским частям предоставить длинные веревки для привязывания их к шеям евреев и пленных бандитов...

Йоласс [**1**, 250]

1.6.16

Из оперативного рапорта айнзацкоманды 10-а (Бельцы, Бессарабия)

Совершенно секретно 17.7.1941
Айнзацгруппа-Д:
айнзацкоманда 10-а

...имели место серьезные эксцессы румынских солдат против евреев. Точное число убитых при этом евреев установить невозможно, но, предположительно, их было больше сотни. Вечером 10 июля румынские военные власти согнали вместе около 400 евреев различного возраста и обоего пола, чтобы расстрелять их за нападение на румынских военнослужащих. Достойно осуждения то, что техническая подготовка к осуществлению этого плана оказалась недостаточной. По просьбе командира 170-й дивизии румынский командующий в последний момент ограничился расстрелом 15 евреев-мужчин.

... У румын нет никакой системы в обращении с евреями. Не может быть возражений против многочисленных казней евреев, если сами казни организованы надлежащим образом. Однако румыны обычно оставляют тела казненных на месте расстрела и не закапывают их.

В связи с этим айнзацкоманда выпустила для румынской полиции инструкцию, предписывающую действовать более упорядоченно.

За нарушение приказов полиции безопасности и за нападения на немецких военнослужащих в ходе карательной акции были уничтожены члены юденрата в Бельцах, а также другие евреи, всего 45 человек [**1**, 82-83].

1.6.17

Л. ГИНЗБУРГ

Из книги «**Бездна**»

Впервые в "массовой экзекуции" Скрипкин участвовал в Ростове — там 10 августа 1942 года на домах немцы расклеили "Воззвание к еврейскому населению города Ростова".

Вот полный текст:

"В последние дни имелись случаи актов насилия по отношению к еврейскому населению со стороны жителей не-евреев. Предотвращение таких случаев и в будущем не может быть гарантировано, пока еврейское население будет разбросанным по территории всего города. Германские полицейские органы, которые по мере возможности противодействовали этим насилиям, не видят, однако, иной возможности предотвращения таких случаев, как в концентрации всех находящихся в Ростове евреев в отдельном районе города. Все евреи гор.Ростова будут поэтому во вторник 11 августа 1942 года переведены в особый район, где они будут ограждены от враждебных актов.

Для проведения в жизнь этого мероприятия все евреи, обоих полов и всех возрастов, а также лица из смешанных браков евреев с не-евреями должны явиться во вторник 11 августа 1942 годах 8 часам утра на соответствующие сборные пункты...

Все евреи должны иметь при себе свои документы и сдать на сборных пунктах ключи занятых до сих пор ими квартир. К ключам должен быть проволокой или шнурком приделан картонный ярлык, носящий имя, фамилию и точный адрес собственника квартиры.

Евреям рекомендуется взять с собой их ценности и наличные деньги; по желанию можно взять необходимейший для устройства на новом местожительстве ручной багаж... Беспрепятственное проведение в жизнь этого мероприятия — в интересах самого еврейского населения...

За еврейский Совет старейшин д-р Лурье".

...Взводу Федорова приказали отправиться на операцию. Явился немецкий офицер, через переводчика объяснил: грузиться в автобусы. Переводчик был в немецкой форме, но без погон, местный немец — "фольксдойче"...

Скрипкин с винтовкой забрался в кузов; что за операция, он еще не знал, подумал только: может, пленных везут конвоировать или на облаву. Ехали через весь город, на далекую ограину. Километрах в десяти от Ростова машины остановились, и

Федоров скомандовал: "Вылазь!" Скрипкин вылез, осмотрелся — вдали виднелась железная дорога, станционные постройки, домики. Рядом был глубокий песчаный карьер. Около этого гарьера их поставили полукругом — немецкий офицер командовал, переводчик переводил, и Скрипкин тогда догадался, в чем дело.

Вскоре со стороны Ростова показалась первая крытая брезентом машина. Она остановилась неподалеку от карьера. Из машины вышли люди с чемоданами...

"Операция" проводилась следующим образом. Возле одного из домов привезенные раздевались,— сразу же начинался шум; кричали от неестественности ситуации и от ужаса, потому что как так: приехать куда-то — и вдруг, ни с того ни с сего, велят раздеваться донага, торопят, и хотя ничего не объясняют, все уже становится совершенно понятным. И тогда их охватывало чувство смертельной дурноты, которое бывает, когда тонешь или во время сильного сердечного приступа. И все же в последнем отчаянии сознание еще продолжало сопротивляться, билось, верило, что сейчас все это развеется, в последнюю секунду выплывешь, произойдет чудо,— и отчаянный взгляд человека на краю обрыва цеплялся за Скрипкина. Но он стоял угрюмый, непроницаемый, с левой стороны, рядом с полицейским Лобойко, и не сводил глаз с жилистого немецкого офицера, который бегал с автоматом на шее, суетился, приказывал, подталкивал людей к бровке, ставил их на колени, а затем стрелял им в спину или в затылок...А потом Скрипкин услышал крик — это уже к нему, к Скрипкину, обращался командир взвода Федоров: "Стреляй!" Он вскинул винтовку и выстрелил.

...Когда операция закончилась, Скрипкин сказал Федорову:

Картина очень тяжелая, давай едем домой...

Федоров ответил:

— Ты что, с ума сошел? Расстреляют и нас, и семьи наши...

Вечером Федоров затащил Скрипкина на склад, где лежали вещи убитых. Барахло было не бог весть какое — Скрипкин ждал большего, — все же они потихоньку, чтоб не заметили немцы, выбрали себе каждый по костюму двубортному, а Скрипкину достались еще и детские распашонки, правда сильно испачканные кровью.

Придя в казарму, они выпили — после "операции" полагалась водка, — и Скрипкин вспомнил о доме, представил себе, как обрадуется жена, получив от него посылку, и на душе у него потеплело...

Так убийство стало его профессией. Три года подряд он расстреливал, вешал, заталкивал в душегубки — долговязый человек в крагах и сером пиджаке. И раз уж он убивал и раз уж у него была такая служба, то он хотел, чтобы это было не за "здорово живешь", не задаром, а чтобы хоть что-то нажить на этой работе [**5**, 65-69].

1.6.18

Из показаний немецкого военнослужащего об уничтожении евреев Винницы и Браилова (Украина)

Я пробыл 4 недели в Виннице. В этот период состоялись массовые экзекуции... Все евреи подлежали казни, При таких казнях присутствовал и я. Это было ужасно. Расстреливали недалеко от Винницы, у ям, которые сами евреи должны были заранее вырыть. Для этого им выдали лопаты и кирки.

Экзекуция происходила таким образом: осужденных ставили на край ямы спиной к автоматчикам и приканчивали сзади выстрелом в затылок. Кто не падал в яму, того сталкивали пинками. Стреляли всегда полицейские. Они носили зеленую форму, и их сразу можно было узнать. Экзекуцию проводили всего два автоматчика. На краю ямы полагалось ставить от 15 до 20 человек, и оба автоматчика расстреливали их поодиночке. Разыгрывались страшные сцены. Однако, когда евреи увидели, как это просто — быть убитыми, они сами начали подходить к яме. Я должен добавить, что евреи к моменту казни уже почти умирали от голода. Они, по-видимому, неделями не получали еды. ...было расстреляно, вероятно, несколько тысяч человек...

...я был назначен начальником по технической части при военно-таможенном управлении.

Во время одной из поездок из-за снежных заносов я на несколько недель застрял в Браилове. Там евреев заставляли рыть за городом большие ямы. Было не так холодно, и еще можно было копать землю... Евреям пока еще позволяли жить. Их, вероятно, сначала хотели уморить голодом.

Однако через несколько дней начались экзекуции. Евреев согнали на рыночную площадь. Для их охраны были взяты и служащие нашей части. Я думаю, что всего было более 500 евреев. Здесь, как и в Виннице, были мужчины, женщины и дети. Я видел, что детей, пытавшихся бежать с площади, подстреливали на бегу, как зайцев.

Поэтому неподалеку от этой толпы было видно много окровавленных детских трупов. Евреев под охраной повели к недавно вырытым ими же ямам. На всем протяжении пути от площади до могил улица была усеяна разорванными бумажными деньгами, которые евреи рвали, чтобы деньги не достались палачам.

В непосредственной близости от места предстоящей казни евреи должны были полностью раздеться. Свою одежду они бросали в одну кучу, а полицейские ее сортировали. Потом евреи голыми сходили в яму и ложились на землю лицом вниз. Один полицейский стрелял по ним сверху из автомата. Бывало и так, что полицейский сам спускался в яму. Он стоял позади обреченных. После того как одна партия людей была расстреляна, наступала очередь следующих. Они должны были ложиться поверх уже расстрелянных. Когда штабель тел становился слишком высоким, полицейский отходил немного назад, и следующие жертвы должны были снова ложиться на землю позади уже расстрелянных, и казнь продолжалась тем же порядком.

Не могу сказать, проводил ли всю экзекуцию один и тот же полицейский или потом кто-то его сменил. Помню только, что через короткий промежуток времени он устроил себе перерыв и закурил сигарету. Я заговорил с ним и спросил, не тягостно ли ему заниматься таким делом. Он сказал мне, что и у него есть дети, двое, но он к этой работе привык. Казалось даже, что он это делал с величайшим удовольствием [**1**, 149-50].

1.6.19

Из приказа **Гиммлера** *2-му кавалерийскому полку СС от 1 августа 1941 г.*

Все евреи должны быть расстреляны. Еврейских женщин надо загонять в болота [**1**, 90].

1.6.20

Из рапорта 2-го кавалерийского полка СС об исполнении указаний Гиммлера в ходе акции в районе Припятских болот (Украина, август 1942)

Еврейских грабителей расстреливали. Только немногих квалифицированных рабочих, занятых в ремонтных мастерских вермахта, оставляли в живых.

Практика загонять женщин и детей в болота не дала ожидаемого результата, потому что болота не настолько глубоки, чтобы человек мог в них утонуть. Этому препятствовало также то, что на глубине примерно метр в большинстве случаев была твёрдая почва.

Украинское духовенство проявило готовность сотрудничать с нами и принимать участие во всех акциях.

Заметно было, что в целом население в хороших отношениях с еврейским сектором.

Тем не менее оно энергично помогало нам при облавах на евреев. Набранная на месте охрана, состоявшая частично из польской полиции, частично из бывших польских солдат также произвела хорошее впечатление. Она действовала энергично и принимала участие в борьбе против грабителей.

Общее число грабителей и т.д., расстрелянных кавалерийскими частями, составило 6526.

Магилль
штурмбанфюрер СС [**1**, 91-92].

1.6.21
А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ
Зов озера

Наши кеды как приморозило.
Тишина
Гетто в озере. Гетто в озере.
Три гектара живого дна.

Гражданин в пиджачке гороховом
зазывает на славный клёв,

только кровь
на крючке его крохотном,
кровь!

«Не могу,— говорит Володька,—
а по рылу — могу,
это вроде как
не укладывается в мозгу!

Я живою водой умоюсь,
может, чью то жизнь расплещу.
Может, Машеньку или Мойшу

я размазываю по лицу.

Ты не трожь воды плоскодонкой,
уважаемый инвалид,
ты пощупай ее ладонью —
болит!

Может, так же не чьи-то давние,
а ладони моей жены,
плечи, волосы, ожидание
будут кем-то растворены?

А базарами колоссальными
барабанит жабрами в жесть
то, что было теплом, глазами,
на колени любило сесть..."

«Не могу,-— говорит Володька,—
лишь зажмурюсь —
в чугунных ночах,
точно рыбы на сковородках,
пляшут женщины и кричат!»

Третью ночь, как Костров пьёт.
И ночами зовёт с обрыва.
И к нему
Является
Рыба
Чудо-юдо озерных вод!

"Рыба,
летучая рыба,
с огневым лицом мадонны,
с плавниками, белыми
как свистят паровозы,
рыба,

Рива тебя звали,
золотая Рива,
Ривка, либо как-нибудь еще,
с обрывком
колючки проволоки или рыболовным крючком
в верхней губе, рыба,

рыба боли и печали,
прости меня, прокляни, но что-нибудь ответь...»

Ничего не отвечает рыба.

Тихо.

Озеро приграничное.
Три сосны.

Изумлённейшее хранилище
Жизни, облака, вышины [**6**, 356-8].

1.6.22

Из оперативной сводки о действиях айнзацгрупп с 15 по 30 сентября 1941 г.

В гетто Невеля немецкими врачами установлена вспышка чесотки. Во избежание дальнейшего заражения были расстреляны 640 евреев и сожжены их дома. Аналогичная акция, в ходе которой ликвидировано 1025 евреев, проведена в Яновичах.

Как на Украине, так и в Белоруссии замечено, что евреи, несмотря па принятые против них меры, ведут себя вызывающе и высокомерно. Например, в Ужомире, через два часа после расстрела всех евреев мужского пола, четыре еврея ворвались в город и подожгли 48 домов.

В Житомире невооруженная украинская полиция даже была обстреляна евреями. 266 евреев были ликвидированы.

В Коростене и Тараще казнено 352 еврея. Шмеленк, который особенно пострадал от еврейского террора, был очищен от евреев. Радость населения по случаю освобождения от евреев была так велика, что в церкви отслужили благодарственный молебен [**1**, 102].

1.6.23

Из итогового отчёта айнзатцгруппы-А о действиях в Прибалтике с начала оккупации до середины октября 1941 г.

Поскольку население прибалтийских стран особенно тяжело пострадало от большсвистско-еврейской власти после включения в состав СССР, следовало ожидать, что, освободившись от нее, оно само уничтожит вражеские элементы, оставшиеся в Прибалтике после отступления Красной Армии.

Для скорейшего достижения поставленной цели полиция безопасности всячески способствовала процессу самоочищения, ускоряя и направляя его в нужное русло. Важно было для будущего иметь доказательство того, что освобожденное население по

собственной инициативе применяло энергичные меры против врага -— большевиков и евреев, причем не должно было быть обнаружено руководство немецких властей.

Первые эффективные результаты самоочистительных акций были достигнуты с помощью партизан* в Литве, в Каунасе. Хотя, к нашему удивлению, оказалось, что не так просто организовать еврейский погром в большом масштабе.

...командиру партизанского соединения, которое мы использовали главным образом для этих целей, — удалось, после получения указания от [немецкой] команды, действовавшей в Каунасе, начать погром таким образом, чтобы не было ясно, что погром проводился по инициативе или указанию немцев. Во время первого погрома в ночь с 25 на 26 июля литовскими партизанами было убито более 1500 евреев, сожжено и уничтожено несколько синагог и полностью сожжен еврейский квартал с более чем 60 домами. В течение следующих ночей было убито около 2300 евреев. По примеру Каунаса подобные акции, только в меньшем масштабе, были проведены и в других районах Литвы, распространяясь также и на оставшихся в этих местах коммунистов.

... В Латвии оказалось гораздо труднее организовать акции самоочищения. Это объясняется тем, что в Латвии, и особенно в Риге, были высланы или уничтожены советской властью все национальные лидеры. Все же при некотором давлении на вспомогательную латвийскую полицию удалось организовать еврейский погром и в Риге. Во время погрома были уничтожены все синагоги и убито около 400 евреев. Однако ввиду того, что население Риги быстро успокоилось, организовать дальнейшие погромы было невозможно. Как в Каунасе, так и в Риге были, по возможности, собраны фильмы и фотографии, доказывающие, что первые стихийные убийства евреев и коммунистов совершались литовцами и латышами. В Эстонии, ввиду незначительного числа евреев, не было возможности провоцировать погромы.

... еврейский вопрос в Остланде не может быть разрешен в результате одних погромов... ...поэтому зондеркоманды, подкрепленные отборными партизанскими частями в Литве и вспомогательной полицией в Латвии, совершили казни как в городах, так и в сельской местности. Эти операции проходили очень гладко. При зачислении латышей в состав зондеркоманды выбирались люди, родственники которых были убиты или сосланы русскими.

Особенно суровые меры в больших масштабах необходимо было применять в Литве. В некоторых местах, прежде всего в Каунасе, евреи вооружились и совершали поджоги, стреляли из засады...[**1**, 116-7] **.**

** местные националисты-антисоветчики*

1.6.24

Из отчёта начальника СС и полиции Галицийского округа… (Львовская, Тернопольская и Ивано-Франковская области, Украина):

Совершенно секретно Львов, 30.6.1943

РЕШЕНИЕ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА В ГАЛИЦИЙСКОМ ОКРУГЕ

Галиция — небольшой край, хорошо известный благодаря названию здешних евреев — "галицийские". Тут они жили компактной массой, образуя свой собственный мир, откуда остальное еврейство мира постоянно пополняло свои ряды...

Согласно статистическим данным 1931 года, в Галиции насчитывалось 502000 евреев. Эта цифра едва ли сократилась за период с 1931 по 1941 год. Когда немецкие войска вошли в Галицию, точное число проживавших здесь евреев было неизвестно...

Нашей первоначальной мерой идентификации евреев стала . нарукавная повязка белого цвета с синей звездой Давида. В соответствии с указом генерал-губернатора местные власти несли ответственность за регистрацию евреев и создание юденратов.

15 октября 1941 года было начато строительство [трудовых] лагерей вдоль железнодорожных путей...

...через некоторое время мы смогли сообщить главному начальнику СС и полиции о создании 15 лагерей. За истекший период через эти лагеря прошли примерно 20000 евреев...

Одновременно все трудоспособные евреи были зарегистрированы на биржах труда и направлены на работу. Было замечено, что евреи пытаются уклоняться от исполнения распоряжения властей о регистрации на бирже труда так же, как и от ношения повязки со звездой Давида. В результате проверки были арестованы тысячи евреев. Становилось все более очевидным, что гражданские власти не в состоянии приблизить удовлетворительное решение еврейского вопроса. Так, городская администрация Львова не смогла заставить евреев переселиться в еврейский квартал, и проблема была решена силами, подчиненными начальнику СС и полиции. Мера эта становилась неотложной, поскольку зимой 1941 года в городе возникли очаги эпидемии тифа, угрожая заражением не только местного населения, но и немецких войск...

Поскольку 90% всех ремесленников Галиции были евреями, решение поставленной задачи могло осуществляться лишь поэтапно, ибо немедленное выселение евреев нанесло бы ущерб военному хозяйству. Однако не следует считать, что евреи своим трудом вносили сеоьёзный вклад в экономику. Для них важно было просто числиться на работе: во-первых для того, чтобы избежать более суровых мер, принимаемых против евреев; во-вторых, чтобы иметь возможность беспрепятственно заниматься спекуляцией на черном рынке. Только постоянное вмешательство полиции могло помешать этой деятельности.

Нами были приняты строжайшие меры после того, как стало известно, что евреи часто подкупали своих работодателей, поставляя им товары, ставшие дефицитными. Известны случаи, когда евреи, заинтересованные в получении справки с места работы, не только не получали зарплату, но и сами регулярно платили своим работодателям.

Поскольку администрация оказалась не в состоянии справиться с этим хаосом, начальник СС и полиции взял под контроль все, что связано с мобилизацией еврейской рабочей силы...

В ходе проверки установлено, что тысячи евреев имели фальшивые или полученные мошенническим путем справки. Эти евреи были отправлены на специальную обработку [уничтожение]. Таким образом, власти вермахта содействовали еврейским паразитам, в частности, выпустив без надлежащего контроля бланки справок... Когда евреев арестовывали, большинство работодателей пыталось защищать евреев. Зачастую это делалось способами, которые нельзя определить иначе, как самые позорные...

...в апреле 1942 года началась эвакуация евреев [в лагерь смерти Белжец] из Галицийского округа, которая продолжалась и в дальнейшем.

К тому времени, когда главный начальник СС и полиции [генерал-губернаторства] снова вмешался в решение еврейского вопроса, издав 10 ноября 1942 года указ о создании еврейских кварталов, 254989 евреев было уже эвакуировано или перемещено. Дополнительный приказ главного начальника СС и полиции ускорить полную эвакуацию евреев потребовал проведения большой работы по обнаружению евреев, еще оставшихся на военных заводах...

Подписано соглашение с вермахтом относительно эксплуатации и содержания заключенных, выполняющих трудовую повинность...

...23 июня 1943 года все еврейские кварталы были очищены. Таким образом, Галицийский округ свободен от евреев, за исключением тех, которые находятся в лагерях, подчиненных начальнику СС и полиции.

Отдельные евреи, которых все еще вылавливают, подвергаются специальной обработке силами полиции безопасности и жандармерии. 27 июня 1943 года было эвакуировано 434329 евреев...

Параллельно с акциями по эвакуации евреев проходила конфискация их собственности... Кроме количества тканей и прочего, на 30 июня 1943 г. было конфисковано:

медных монет	25,580 кг
никелевых монет	53,190 кг
золотых монет	97,581 кг
золотых цепочек	6,640 кг
серебряных цепочек	82,600кг
серебряного лома	4326,780 кг
серебряных монет	167,740 кг
...	
обручальных золотых колец	20,952 кг
жемчуга	22,740 кг
золотых зубов ("мосты")	11,730 кг
...	
фотоаппаратов	68
биноклей	98
полных коллекций марок	7
1 ящик с бусами и ожерельями	3,290 кг
...	
чемодан авторучек и цанговых карандашей	1
коробка с зажигалками	1
...	

Валюта: в банкнотах и металле [прилагается подробный список монет и банкнотов]...

Проведение акций было сопряжено с рядом трудностей также и потому, что евреи всеми возможными способами старались избежать эвакуации. Они пытались не только бежать и прятаться в самых невероятных местах, таких, как канализация, камины и даже

выгребные ямы, но и забаррикадироваться в катакомбах, подвалах, вырытых бункерах, земляных ямах, на чердаках, в сараях и т.д.

По мере того как уменьшалось количество евреев, росло их сопротивление. Для самозащиты они прибегали теперь к любому виду оружия... Евреи покупали это оружие за огромные,суммы у итальянских солдат, расквартированных в районе...

Были обнаружены подземные бункеры с тайными входами, одни — прямо в квартирах, другие — снаружи. В большинстве случаев проникнуть в бункер можно было лишь через узкое отверстие, в которое мог протиснуться только один человек. Входы эти скрыты так тщательно, что их невозможно найти, не зная, где искать...

В ответ на возрастающее число донесений о том, что евреи вооружаются, в последние две недели июня 1943 года были приняты самые решительные меры по ликвидации еврейского бандитизма во всех частях Галицийского округа. Особые меры были приняты для ликвидации еврейского квартала во Львове, где имелись описанные выше бункеры. Чтобы избежать потерь среди немецких солдат, действовали особенно жестоко: было взорвано или сожжено несколько домов. Поразительным результатом этой акции явился тот факт, что вместо 12000, о которых нам было известно, было поймано 20000 евреев...[**1**, 264-9].

1.6.25
Е. ГЕХТМАН
«Рига»

(из очерка в «Чёрной книге» - сборнике материалов об уничтожении евреев СССР)

Гетто

Приказ Генерал-комиссара запрещал евреям находиться за пределами гетто; выходить за колючую проволоку они могли только под конвоем. Предприятия, на которых применялся труд узников гетто, должны были своих работников доставлять к месту работ и обратно под стражей. Населению города строго запрещалось общаться с евреями и даже близко подходить к ограде гетто.

Двойной забор из колючей проволоки опоясал несколько кварталов в Московском Форштадте [район Риги]. 24 октября вечером немецкая стража впустила последних евреев в наспех воздвигнутые ворота. Рижские евреи были загнаны в огромную западню.

Потянулись дни, полные тревог. Каждое утро распахивались ворота гетто, и тысячи людей под конвоем уходили на работу. Директора предприятий, подрядчики, коменданты немецких воинских частей широко пользовались бесплатным трудом обитателей гетто. Руководивший еврейским отделом биржи труда лейтенант Краус никому не отказывал в рабочей силе. На воротах гетто висел плакат: "Отдаются евреи за вознаграждение. Это относится и к воинским частям".

Возвращавшихся с работы евреев ежедневно обыскивали у ворот гетто. Немцы тщательно осматривали каждого. Они искали газеты, книги, продовольствие. Однажды у студента Кремера нашли бутерброд, юношу тут же расстреляли. Тем временем в гетто голод усиливался, многие от недоедания падали с ног.

Правление общины принимало локальные меры для улучшения условий жизни. Врачи гетто приложили много сил, чтобы при исключительной скученности населения, антисанитарной обстановке (немцы запретили вывозить нечистоты из гетто) предупредить вспышки эпидемий. В гетто работали амбулатории, приют для сирот, столовая для стариков и инвалидов.

... 29 ноября штурмбанфюрер Браш вызвал к себе в полном составе правление общины. Он держался наглее обычного и словно бравировал откровенностью. Он заявил, что по указанию властей будет уничтожена часть евреев Риги, так как гетто слишком переуплотнено. Правление общины должно принять участие в этом мероприятии и помочь немцам в отборе людей для расстрела. Для этого надо срочно составить списки стариков, больных, преступников и других лиц, пребывание которых в гетто правление считает нежелательным.

Члены правления молча выслушали речь палача, взглянули друг на друга и опустили головы. Спорить с ним, убеждать его в чем-либо было бесполезно. Члены правления общины хорошо знали друг друга и поэтому молча, обменявшись взглядом, они приняли решение. Отвечал Брашу доктор Блюменфельд:

— Правление никого на расстрел не выдаст. Я — врач, и всю свою сознательную жизнь занимался тем, что лечил больных людей, а не умерщвлял их. У нас слишком разные понятия о ценности людей. Различны также наши понятия о том, кого считать преступником. По нашему мнению, преступников следует искать вне гетто...

...Как ни старались члены правления скрыть то, что сказал им Браш, гетто узнало о страшной казни, которую готовят немцы. 29 ноября главнокомандующий полицейскими силами в Остланде обергруппенфюрер Екельн известил все предприятия и учреждения, что впредь до особого распоряжения евреи направляться на работу не будут. 30 ноября

не открывались ворота гетто; явившиеся конвойные команды были отосланы обратно. По всем приготовлениям было видно, что предстоит нечто из ряда вон выходящее.

Первая «акция»

Первая «акция» в Рижском гетто состоялась 30 ноября и 1 декабря 1941 года... Началось с того, что всем мужчинам был отдан приказ выстроиться на Лодзинской улице. Никто не знал, что будет – слухи носились самые противоречивые. Некоторые мужчины, опасаясь расстрела, скрывались у своих семей. А некоторые женщины, переодевшись а мужскую одежду, стремились попасть в колонну мужчин, надеясь здесь найти спасение. Вскоре мужчин увели — частично в "Малое гетто", остальных в Саласпилсский концентрационный лагерь. К 6 часам вечера началось выселение женщин, детей и стариков из квартир. Полицейские метались по квартирам Московского Форштадта. Больных они приканчивали на месте, матерям, обремененным большими семьями, они оставляли не более двух детей, остальных расстреливали тут же. 300 стариков из дома призрения престарелых были убиты все до одного, В больнице гетто были замучены до смерти все больные. Улицы гетто покрылись кровью и трупами. Всюду раздавались предсмертные вопли. На перекрестках стояли группы женщин и детей, изгнанных из квартир. Окоченевшие и продрогшие, они со страхом наблюдали кровавую оргию. К утру немцы начали формировать колонны в 200—300 человек; под конвоем такого же числа полицейских их отправили в восточном направлении. У здания, где помещалось правление общины, стояли, окруженные гитлеровцами, члены правления, и среди них главный раввин Риги Зак. Доктор Блюменфельд успел шепнуть проходившему мимо Абраму Розенталю:

- Наши минуты сочтены... Мы ждем расстрела — это уже совершенно ясно. Запомните: рядом в доме, при свете коптилки [историк] Дубнов словно летописец древности, пишет последние строки своих мемуаров. Он убежден, что они дождутся своего читателя.

Одним из комендантов гетто был немец Йоган Зиберт, палач с высшим образованием, учившийся некогда в Гейдельбергском университете. Семен Маркович Дубнов периодически читал цикл лекций по истории древнего Востока и всеобщей истории евреев в Гейдельберге. И вот студент и профессор встретились в Рижском гетто... Зиберт узнал своего бывшего профессора и при каждом удобном случае старался его оскорбить, поиздеваться над 82-летним стариком...

До последнего дня автор "Всемирной истории евреев" вел дневник, в котором излагал историю Рижского гетто. Тетради с его записями тайком выносились из гетто в город к знакомым латышам. Записи эти еще пока не найдены, — хранителей дневников Дубнова немцы угнали.

... Дубнов вышел из дома, подталкиваемый двумя немцами. У него был вид человека, исполнившего до конца свой долг перед своей совестью и перед своим народом. Он оглянулся: падал снег. Но кругом не было привычной белизны. Кровь пропитала снег. Сотни женщин и детей, подгоняемые эсэсовцами, шли на казнь. Дубнов посмотрел на немцев. Оскалив зубы, ухмылялся Йоган Зиберт. Дубнов что-то хотел сказать ему. Но застрочили автоматы... Талес раввина Зака побагровел... Упал и Дубнов.

Очевидцы массовых убийств в Рижском гетто единодушно утверждают, что все происходившее не носило никаких следов разбушевавшейся стихии, наоборот, все делалось по определенному, заранее задуманному и разработанному до мелочей плану. В пределах самого гетто трупов никто не убирал, но зато когда колонна выходила за колючую проволоку, к ней немедленно пристраивались тачки и телеги. Людей отстававших или кричавших детей охрана, не задумываясь, пристреливала и взваливала их тела на телегу или на тачку.

... Для руководителей "акции" несколько неожиданным оказалось обилие сирот в гетто, — многие из них осиротели всего несколько часов тому назад. Специальный детский батальон был сформирован в составе 600 мальчиков и девочек. Их конвоировали [полицейские]... По дороге они подбрасывали детей на воздух и расстреливали.

... [На месте расстрела в Бикерниекском лесу] немцы придумывали разные способы глумления над своими жертвами. Они отобрали стариков с длинными бородами. Им приказали тут же на снегу играть в футбол. Эта выдумка донельзя понравилась немцам. Кинооператоры и фотографы без конца снимали этот необычный футбольный матч. Но прискакал на лошади офицер и передал приказ Ланге ускорить процедуру.

Оцепенение охватило несчастные жертвы. Дрожа от холода, они до последней минуты ждали избавления. Многим казалось, что, насытившись видом крови, палачи успокоятся и погонят уцелевших в какой-нибудь концентрационный лагерь. Вдруг чьи-то нервы не выдержали, и громкий плач раздался в лесу. К нему присоединились

сотни голосов, и люди забились в истерике. Казалось, ничто не способно внести успокоение в эту полуобезумевшую толпу. Но вскочила на пенек Малкина и громко крикнула:

— Что вы плачете, евреи? Разве этих извергов тронешь слезами. Будем молчать! Будем горды! Мы евреи!.. Мы советские евреи!..

И притихло все в лесу, только захлебывавшаяся трескотня автоматов нарушала эту тишину. Кто-то из эсэсовцев подошел к колонне и с издевкой бросил:

- Почему вы притихли? Вам осталось всего несколько минут жизни, так пользуйтесь случаем. Спойте что-нибудь.

...кто-то запел старческим голосом "Интернационал"; его поддержали...

Этот эпизод рассказала портниха Фрида Фрид, единственная еврейка, побывавшая в этот день в Бикерниекскомлесу и оставшаяся в живых...

"Нашу колонну разбили на части, - рассказывает Фрида Фрид, - и приказали всем раздеться. Я тоже разделась до белья, потом мне стало стыдно... Я взяла свой рабочий ситцевый халат и надела его. Мне было очень холодно. Сунула я руки в карманы халата... чувствую - там какая-то бумажка лежит. Смотрю: это мой диплом об окончании с отличием школы кройки и шитья... Господи, подумала я, может быть, в этой бумаге мое спасение.

... Я подбежала к офицеру, который командовал расстрелом, и закричала не своим голосом:

- Что вы со мной делаете? Я специалистка. Вот мои документы. Я специалистка...

Он меня ударил пистолетом по голове, и я упала. Совсем рядом с ямой, куда сваливали мертвых. Я прижалась к земле и старалась не двигаться. Через полчаса слышу, кто-то по-немецки кричит: "Ботинки складывать сюда!" К этому времени я уже отползла немножко. В это время чем-то начали швырять в меня. Я приткрыла один глаз и вижу: возле моего лица лежит ботинок. Меня забрасывают обувью. Наверно, мой серый ситцевый халат слился по цвету с ботинками, и меня не заметили. Мне стало немного теплее, надо мной была уже целая гора обуви. Только правый бок у меня совсем отмерзал. Пушистый снег, который выпал утром совсем растаял подо мной, сначала было ужасно мокро, потом вода стала замерзать, и я покрылась коркой льда. Я бы могла положить под себя несколько ботинок, но побоялась, что куча зашевелится, и меня заметят. Так я пролежала дотемна с примерзшим льдом на правом боку.

Выстрелы раздавались совсем близко от меня, и я отчетливо слышала последние вопли людей, стоны раненых, которых заживо бросали в общую могилу. Одни умирали со словами проклятия своим палачам, другие погибали, вспоминая детей и родителей, некоторые громко читали молитвы... иные просили в последнюю минуту разрешить им одеть детей, а то они простудятся, И я должна была лежать и все это слушать. Несколько раз мне послышался голос брата, потом — соседки по квартире. В такие минуты мне казалось, что я схожу с ума.

К вечеру стрельба затихла. Немцы оставили небольшую охрану возле одежды, а сами ушли отдыхать...

Я решила выползти из-под кучи ботинок. Первым делом надо было одеться. Я подползла к другой куче — там лежала мужская одежда. Раздумывать долго некогда было, — я надела чьи-то брюки и пиджак, голову завязала большим платком. В это время слышу: из ямы, где лежат убитые, слабый детский плач: "Мама, мне холодно... Что же ты лежишь, мама?" Ну, думаю, будь, что будет. Попробую спасти ребенка. Но меня опередили немцы. Они подошли к яме, нащупали ребенка штыками и прикололи его. Один из немцев, смеясь;сказал: "Из наших рук еще никто живым не уходил".

Вижу, что здесь делать больше нечего. Надо за ночь уйти как можно дальше от этого страшного места. А кругом стоят посты, они меня могут заметить на белом снегу. Тут я вспомнила фильм "Война в Финляндии", там солдаты, одетые в белые халаты, очень хорошо маскировались на снегу. Недалеко я заметила кучу простынь, в которых матери приносили своих грудных детей...

Я наткнулась на какой-то пододеяльник, завернулась в него и поползла..."

Оставшиеся в гетто ждали продолжения погрома, но к их удивлению,было тихо. Только изредка раздавался стон раненого, туда быстрым шагом подходил полицейский... Одинокий выстрел гулко звучал между домами,и вновь водворялась тишина. Трупы никто не убирал, никаких новых приказаний не последовало, кроме единственного — сообщать полиции о каждом раненом. Раненых немцы неизменно добивали.

Только на пятый день было приказано хоронить убитых. На старом еврейском кладбище, которое находилось в зоне гетто, была вырыта одна огромная могила. Один врач принес и положил в могилу свою жену и двух детей; некоторые похоронили всех своих родных...

"Депортирование" из гетто

Вечером 9 декабря в 20-градусный мороз жители гетто получили приказ собраться для "депортирования". С семи часов вечера до самого утра люди толпились на трескучем морозе. Немцы к тому времени успели ограбить гетто и забрать все теплые вещи. Много стариков и старух замерзло в эту ночь. На рассвете начали уводить колонны под конвоем. Недалеко от станции Шкиротава на тупиковой ветке стояло несколько эшелонов без паровозов. "Депортированных" разместили в товарных вагонах. А из этих подвижных тюрем уводили людей сотнями в тот же Бикерниекский лес, и там их немцы расстреливали из пулеметов. Всего в этот день погибло около 12000 человек.

Через несколько дней немцы широко объявили о предстоящем торжестве по случаю ликвидации большого Рижского гетто. В этом празднике приняли участие все "любители", находившиеся в Риге и окрестностях. К району Московского Форштадта стекались немецкие солдаты всех родов оружия; немцы, одетые в гражданское платье, полицейские и жандармы, подонки рижских уголовников, фашистская мразь из латышских националистов. Долго длился разгул: маленьких детей подбрасывали в воздух; раздетых догола девушек заставляли играть в волейбол, проигравшую команду расстреливали, и затем игра возобновлялась в новом составе. Всем этим праздником руководил унтерштурмфюрер Егер, который был широко известен тем, что у него самый большой стаж пребывания в фашистской партии, — он участвовал с Гитлером в подготовке Мюнхенского путча.

После празднества в гетто осталось всего 3800 человек, из них 300 женщин и несколько десятков детей. Но через день Рижское гетто стало вновь наполняться — прибыл первый эшелон из Германии.

Евреи из Германии

... Германских евреев привозили в Ригу под видом переселения на новое местожительство. ...несчастные жертвы до последней минуты гне знали, какая участь их ожидает. Всем объяснили, что переезд совершается в целях германской колонизации на Востоке, что Германия по-прежнему считает германских евреев своими гражданами, но находит наиболее целесообразным поселить их в Остланде. Рекомендовалось захватить все вещи, которые пригодятся на новом месте...

Эшелон подходил к перрону рижского вокзала. Его встречал оберштурм фирер Краузе... Немец вежливо улыбался и в самых изысканных выражениях поздравлял

старшину эшелона с благополучным прибытием к новому местожительству. После взаимного обмена любезностями немец извиняющимся тоном сообщал, что по непредвиденным обстоятельствам вышло небольшое недоразумение с транспортом – автобусы пришли в неполном составе. Поэтому он просит старосту отделить мужчин и наиболее здоровых женщин, которым предстоит пройти пешком 3-4 километра; старики, дети и остальные женщины проделают этот путь в автобусах. Посадка в автобусы проходила в высшей степени организованно. Полицейские и жандармы с любезными улыбками и шутками помогали женщинам и старикам усаживаться в машины, детей приподымали и вручали их матерям.

Мужчины шли пешком на Московский Форштадт, в освободившиеся квартиры рижских евреев; женщин, стариков и детей увозилти в Бикерниекский лес. И там с поразительной быстротой менялось обращение. Открывались дверцы автобусов, цепи полицейских и жандармов стояли так же, как и на вокзале. Но здксь они не улыбались и не старались казаться галантными. Всех подвернувшихся под руку ни били прикладами, кое-кого тут же расстреливали. Следовал приказ раздеться, сложить одежду и идти к обрыву, где были уже заранее вырыты огромные ямы...

Гетто в Риге после приезда немецких евреев просуществовало целый год. Оно состояло из двух частей – большого и малого. В большом жили германские евреи, в малом – рижские. Между обеими частями был сооружён забор из колючей проволоки...

Среди ограничений и запрещений, существовавших в гетто, был запрет рожать детей. Когда [комендант гетто] Краузе узнал, что приехавшая из Германии Клара Кауфман должна скоро родить, он приказал перевести её в больницу. Через час после родов к больнице было согнано несколько сот человек.На балконе стоял Краузе в полной парадной форме и знаком дал полицейским приказ начать действовать. Вахмистр Кабнелло вынес ребёнка и, высоко подняв его над головой, показал его всем собравшимся. Затем, держа ребёнка за ножки, он размахнулся и ударил его головой о ступеньку крыльца. Брызнула кровь. Кабнелло вытер лицо и руки чистым платком, а азтем вывел роженицу и её мужа. Они были расстреляны тут же, возле трупа своего первенца. Так в гетто было ознаменовано рождение первого ребёнка.

А за оградой гетто немцы развернули активную деятельность по «сохранению чистоты расы». ...в одном им пришлось пойти на некоторые уступки. Желая привлечь гна свою сторону бывших офицеров латвийской армии и крупных

чиновников... они разрешили этим лицам взять своих жён еврейского происхождения из гетто. Но скоро все они получили повестки явиться в комиссариат на регистрацию. Там их принимал референт по расовым вопросам... Он долго расспрашивал каждую женщину, интересовался её родословной, состоянием здоровья и т.п. Каждая просительница получала предписание явиться в клинику доктора Крастыня и внести деньги за двухнедельное пребывание в ней. Все они были обеспложены. Стерилизация была проведена под наблюдением немецких врачей в полном соответствии с «Нюрнбергским законом» [**7**, 273-82].

1.6.26
С. БОРОВОЙ

Из книги «**Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации**»

22 октября 1941 г. В 6 часов 35 мин. пополудни в здании, где разместилась румынская комендатура, произошёл взрыв большой силы, в результате которого погибло 60 человек… Этот взрыв послужил для оккупантов предлогом для безудержного массового террора…

…румынские солдаты и офицеры… стали хватать на улицах, а то и в квартирах первых попавшихся мужчин и тут же расстреливать их… Утром 23 октября улицы Одессы представляли собой чудовищную картину. На столбах и деревьях висели сотни людей. …на Александровском проспекте… во всю длину аллей висели трупы. …Всего тогда было уничтожено около пяти тыс. человек.

… 24 октября. Десятки тысяч евреев – мужчин, женщин, стариков и детей – сгонялись под конвоем в тюрьму или двигались «добровольно», вдоль увешанных трупами улиц в Дальник [пригород Одессы], подгоняемые полицейскими. Больные, слабые и калеки, не выдерживающие темпа движения, пристреливались тут же на месте. Весь длинный путь… был усеян мертвецами…

... Из пригнанных в Дальник евреев была отделена сначала группа в 40-50 человек. Они были тесно связаны друг с другом верёвками , брошены в противотанковый ров лицом вниз и расстреляны. Убийцам этот способ уничтожения людей показался очень медленным и хлопотливым. Тогда стали сгонять в

находившиеся там четыре барака… В первых трёх были помещены мужчины, в четвёртом – женщины и дети. Проделали в стенах бараков дыры, вставили дула пулемётов и стали расстреливать. Но и это не удовлетворило злодеев… Отверстия в стенах были замурованы, а внутрь налит бензин. Затем бараки подожгли. К небу поднялось огромное пламя. На крышах можно было видеть живые факелы – объятых пламенем людей. Жандармы стреляли в тех, кто делал отчаянные попытки спастись. Несчастные поднимались к окнам и умоляли солдат выстрелом прекратить их мучения. Присутствовавшие при этом офицеры бросали в окна гранаты… …в Дальнике погибло не менее пяти тыс. человек.

... Ещё большее число евреев погибло в эти дни , умерщвлённое этим же «скорым» методом… в артиллерийских складах на так называемой Люстдорфской дороге. … Одна из многочисленных свидетельниц… рассказывала: «…румыны насосами качали горючее из бочек и через шланги поливали склады, в которых находились согнанные ими жители города. Когда склады были облиты горючим, румынские солдаты их подожгли…»

... В ноябре 1941 г. оккупанты приступили к массовой высылке еврейского населения из города. Местом, куда их направляли, был выбран большой свиносовхоз Богдановка, находившийся в 25 км от районного центра Доманевки. Раскинувшаяся на берегу Буга Богдановка имела очень живописный вид.

…в Богдановку шел непрерывный поток (евреев). Попадали туда также евреи из Бесарабии, Буковины, Тирасполя и других местностей, попавших в руки румынско-фашистских захватчиков.

Евреев сгоняли в Богдановку отдельными партиями в две – пять тыс. человек. Далеко не все выдерживали трудности пути. Отставших и больных по твердо установившейся практике фашистских зверей пристреливали на дороге. Грабили, отбирали последнее – платье, обувь; издевались, избивали… Дороги и проселки Одесской области были усеяны трупами евреев.

В Одесском историческом архиве сохранился документ, который не требует комментариев. Староста одного из сел Врадиевского района Одесской области получил циркуляр за № 23 от 2 декабря 1941 года, в котором писалось: «Принять следующие меры в предотвращении тифа: все трупы лошадей, скота и евреев закапывать в глубину не менее 2 метров».

На протяжении нескольких недель приходили группы измученных и ограбленных евреев в Богдановку. К середине декабря их насчитывалось там свыше 55 тысяч. Размещены они были в свинарниках, бараках, шалашах, ютились в невероятной тесноте, в жутких антисанитарных условиях, у многих в эти дни поздней холодной осени не было и такого крова. Царил чудовищный голод, за возможность согреться в теплом месте отдавали последнее платье, за чашку горячей воды – часы, за кусок хлеба требовали уплаты золотом. Румынские коменданты и жандармы, а также их прихвостни из числа изменников родины… сказочно наживались. Среди евреев царила ужасающая смертность. Ежедневно от голода, холода, нечеловеческих условий жизни… умирало 150 – 200 человек. Но голодная смерть в углу свинарника – это было не самое страшное, что ожидало этих людей. 20 декабря в Богдановку прибыл карательный отряд. И 21 декабря начались массовые расстрелы…

Обряд казни был выбран весьма простой. Рядом с совхозом находился небольшой лесок, а за ним большой овраг, знаменитая «богдановская яма». Туда и отводили на расстрел. Обреченных, предварительно приказав им раздеться, ставили группами человек по 20 к оврагу. Команды палачей выстраивались в нескольких шагах позади и расстреливали залпами в спину. На дне оврага заблаговременно разжигали костры, в которые падали расстрелянные, а часто только раненые. На детей обычно не тратили пули: их бросали живыми в костры. Разжигали костры, подтаскивали к ним трупы, если они не на место падали, и вообще завершали операцию по сожжению и погребению специальные группы из евреев же, которые именовались мрачным и пышным словом – «мортусов». Они же сортировали одежду убитых. Те единичные евреи, которые остались в живых из попавших тогда в Богдановку, почти все принадлежат к числу этих «мортусов». Как сообщали колхозники с. Богдановки, «целыми днями были слышны выстрелы, а пламя горевшего пожара было видно днем и ночью, ветер доносил в село запах человеческого мяса» [**8**, 4-7, 11-2].

1.6.27

Из **Акта***, составленного специальной комиссией 02.05.1944 г., сразу после освобождения Богдановки (материалы ЧГК)*

Наиболее интенсивные расстрелы происходили 21,22,23, 27, 28, 29 декабря 1941 года В период 24-26 декабря карательный отряд уехал в Голту на рождественские праздники. Заключённым лагеря было приказано за это время соорудить земляную плотину размером в длину 12 метров, в высоту 1,80 метра. Назначение этой плотины заключалось в необходимости задержать потоки крови, которая струилась по склонам оврага в реку Буг.

...на 1-е фев. 1942 года румыно-немецкие палачи истребили в лагере около 54000 мирных советских граждан. Оставшиеся в живых после 1-го февраля 1942 года лагерники из рабочих бригад были использованы командованием румынской жандармерии для сожжения некоторого количества трупов, оставшихся на территории лагеря. Эти 127 человек являются единственными [оставшимися] в живых... [**9**, 48-9, 54].

1.6.28
В. ГРОССМАН

Из очерка «**История Минского гетто**» (*в «Чёрной книге»*)

По приказу немецких властей все еврейское население обязано было зарегистрироваться в специально созданном Еврейском комитете – Юденрат. Приказ предупреждал, что незарегистрированным евреям при переселении будет отказано в квартирах. При регистрации записывались имя, фамилия, возраст и адрес.

Еврейский комитет был создан следующим образом: работники гестапо поймали на улицах города 10 мужчин, завели их в Дом правительства и заявили, что они представляют собой Еврейский комитет и обязаны выполнять все распоряжения немецких властей. За малейшую провинность – расстрел.

Председателем комитета назначили Илью Мушкина – бывшего заместителя директора Минпромторга*.

К 15 июля 1941 года регистрация евреев была закончена. К этому же времени под страхом расстрела евреям приказали одеть желтые латы строго определенного размера на грудь и на спину (диаметром 10 сантиметров). Было издано распоряжение, запрещавшее евреям ходить по центральным улицам. Запрещалось здороваться со знакомыми неевреями. Затем был издан приказ немецких властей о создании гетто.

Кроме этого на евреев наложили контрибуцию: золотом, серебром, советскими денежными знаками и облигациями некоторых займов.

Из старых насиженных мест потянулись толпы евреев, они оставляли свои квартиры, мебель, вещи, забирая с собой только самое необходимое. Транспорта никакого у них не было, и вещи переносили на плечах. Квартирная площадь представлялась из расчета 1,5 квадратных метра на человека, не считая детей.

Переселение не обошлось без издевательств: для гетто отведен строго очерченный район, но, как только вселялись в квартиру люди, сейчас же издавался новый приказ, исключавший одни улицы и включавший другие.

В продолжение двух недель, с 15 июля по 31 июля 1941 года, евреи мытарствовали, перекочевывая с места на место. К 1 августа 1941 года было закончено переселение евреев. При смешанных браках дети следовали за отцом: если отец был евреем, дети уходили с ним в гетто, мать оставалась в городе. Если отец не был евреем, дети жили с ним в городе, мать-еврейка должна была уйти в гетто. Известен случай, когда профессор Афонский, русский, женатый на еврейке, выкупил у немецкого командования жену из гетто. Ей разрешено было жить с мужем и дочерью в городе (вне гетто) при условии стерилизации. Соответствующая операция была произведена под наблюдением немцев профессором Клумовым. Случай этот является исключительным. У профессора Афонского был значительный запас золотых монет, которые вместе с деньгами, вырученными от распродажи всего своего имущества, целиком передал немцам в счет выкупа.

…Гетто было окружено колючей проволокой в пять рядов. Выход из-за проволоки карался расстрелом. Торговля, покупка продуктов питания запрещались евреям под страхом расстрела. Расстрел был спутником жизни евреев.

…Как только гетто окружили проволокой, начались грабежи и насилия. Каждый час – днем и ночью – к гетто подъезжали на машинах и подходили пешком немцы, заходили в еврейские квартиры и чувствовали себя там неограниченными хозяевами: грабили и забирали из квартир все, что им нравилось. Грабежи сопровождались избиениями, издевательствами и нередко убийствами.

... Убийства совершались особо жестокими способами: выкалывали глаза, вырезали языки, уши, ломали черепа и т. д.

… Евреи защищали свои квартиры: делали двойные двери, железные засовы, не впускали, когда стучались в дом бандиты, устраивали дежурства, самооборону, но сила оружия брала верх: двери и окна выламывались, и бандиты врывались в дома...

На Широкой улице был организован лагерь, где на тяжелых изнурительных работах находились русские военнопленные и евреи. Евреев заставляли перевозить песок и глину с одного места на другое и обратно, копать землю без лопат. Рабочим выдавали 300 граммов хлеба и один раз в день мутную водичку, именуемую супом.

Комендантом лагеря и одновременно хозяином над гетто был назначен белогвардеец Городецкий, грабитель, насильник, убийца.

…14 августа... часть гетто была окружена, многие мужчины погружены в машины и увезены. Гестапо объяснило, что вывозят людей на работы на военных объектах. То, что гестапо называло «работой», на всех других языках означало смерть.

26 августа 1941 года в 5 часов утра… в течение пяти минут гетто было окружено легковыми машинами, из которых выходили сотрудники гестапо… Всех мужчин они выгнали на Юбилейную площадь, избили их, издевались над ними, а потом [многих] увезли.

31 августа 1941 года… Гетто опять было окружено машинами. Забирали на этот раз не только мужчин, но и некоторых женщин. Одновременно производился грабеж еврейских квартир.

Люди, изъятые во время облав 14, 26 и 31 августа, были вывезены в тюрьмы и расстреляны (всего около 5000 человек).

Немцы старались создать паническое настроение среди евреев, сковать их мысли и действия, вселить в сознание людей, что для них все потеряно, что нет выхода. Но с августа 1941 года начинается собирание сил для организационного отпора врагу. Коммунисты, оставшиеся в Минске, договариваются созвать в конце августа партийное совещание…Совещание постановило создать подпольную партийную организацию…

Первые шаги партийной организации увенчались успехом. Немцы издали приказ о сдаче всех ценностей, золота, серебра и драгоценностей, а подпольная партийная группа постановила: ценности переправить в партизанские отряды. И действительно, часть ценностей была переправлена.

Подпольная партийная группа приступила к систематическому выпуску листовок…

В сентябре 1941 года… в состав партийного руководства был введен инструктор Кагановичского района комитета партии г. Минска Миша Гебелев.

Ему поручили установить связь с коммунистами русского района. Был поставлен вопрос о созыве совместной партийной конференции.

Гитлеровцы старались посеять национальную рознь, а еврей Гебелев, для того чтобы спасти русских коммунистов от немецкой тюрьмы, ходил в русский район и, рискуя жизнью, находил квартиры и там скрывал товарищей. Некоторых из них он скрывал в «малинах» гетто.

… В сентябре 1941 года была налажена связь с партизанским отрядом капитана Быстрова (отряд оперировал на востоке). Пришли проводники, и туда была направлена первая группа людей из гетто – 30 человек, в основном коммунисты и люди военно подготовленные…

Подпольная партийная группа постановила: организовать систематическую помощь партизанским отрядам теплой одеждой, вещами, солью и т.д.

Подпольная группа оценивала Еврейский комитет (Юденрат) как орган оккупантской политики, но все же нашла нужным связаться с теми элементами внутри Юденрата, которые готовы были оказать помощь партизанскому движению и эвакуации в отряды еврейских семейств. В первую очередь была налажена связь с председателем Юденрата Мушкиным, а потом к работе для помощи партизанскому движению были привлечены заведующий производственным сектором Юденрата Рудицер и Серебрянский. Они передавали руководителям партийной группы для партизанских отрядов вещи: обувь, кожу, белье, теплую одежду, пишущие машинки, канцелярские принадлежности, мыло, медикаменты, деньги, а иногда продукты питания и соль.

Фашистские палачи рыскали по гетто, не оставляя в покое еврейские квартиры. Несмотря на это, еврейские женщины, даже старушки, помогали партизанам, шили белье, маскировочные халаты, вязали носки… Мастерские гетто... работали в основном на партизан.

… С ноября разнесся слух по гетто, что в день Октябрьской революции в Минском гетто будет погром. В гетто приехал Городецкий, он отобрал нужных ему рабочих-специалистов с их семьями и отдал распоряжение вывести их на время погрома в лагерь на Широкую. Туда же были вывезены некоторые работники Юденрата.

… 7 ноября 1941 года немцы учинили расправу не только над евреями. По всему Минску появились виселицы: на улицах, в скверах, на базарах, на окраинах города. В этот день были повешены по всему городу около 100 человек с надписями на

фанерных дощечках: «Партизан», «За связь с партизанами», «Коммунист» и т. д. Но, конечно, самый страшный удар пришелся на гетто. Людям велели надеть самую лучшую одежду и так же по-праздничному одеть детей; даже грудных детей велели брать с собой. Построили всех по четыре и под конвоем повели к Ново-Красной улице. Возле скверика стояла машина и фотографировала одну из колонн. Начал строчить пулемет, и вся колонна была перебита. К Новомясницкой подъезжали машины, грузили людей. На работе уведенные из гетто рабочие еще утром узнали, что начался погром. В 12 часов дня рабочие вымолили справки для своих семей и побежали в гетто. Видно было, что взяли их только что, прямо с кроватей. Рабочие кинулись к машинам, где усаживали людей. Некоторые, не нашедшие своих близких, спрашивали, могут ли они ехать с этими машинами – может быть, они найдут своих близких.

Офицеры ответил, что тех, кого увезли, в живых нет. «Если хотите, – сказал он, – можете, но вернетесь ли вы обратно, я не знаю». Многие рабочие под видом своих семей спасали женщин, девушек, детей, знакомых и незнакомых.

Целый день курсировали машины. Около 12 – 13 тысяч евреев были вывезены в этот день в Тучинки; два дня их держали там. Стон и крики детей, томившихся без воды, сваленных друг на друга, разносились далеко-далеко в окрестностях. На третий день застрочили пулеметы. В заранее заготовленные машины уложили тела тысяч людей. Из забранных на расстрел тысяч вернулись два-три человека.

… Вот рассказ женщины, которая была уже выведена в поле на расстрел. Она пришла в гетто раздетая, опухшая, вся в крови, раненная в руку. Она видела большие, длинные рвы, на подходе к ним стояли немцы и полицейские и заставляли людей раздеваться. Маленьких детей, как только их спускали с машин, полицейские забирали у родителей и переламывали спинной хребет о колено. Грудных подбрасывали в воздух и стреляли в них, либо ловили на штыки, а затем бросали в рвы. Раздетых выстраивали возле ямы и расстреливали из пулеметов. Тех, которые не хотели раздеваться, убивали одетыми, и, если на них была хорошая одежда, их раздевали уже мертвыми. Женщину раздетой поставили у ямы, ее ранили в руку, она упала, на нее легли трупы.

Ночью стало тихо, перестали стрелять, и она поползла из ямы, пришла в гетто.

… После этого погрома немцы стали создавать «район специалистов» (всех рабочих, имеющих квалификацию, немцы называли «специалистами»).

Биржа попросила у немецких предпринимателей списки еврейских рабочих. Предприниматели подали списки, и биржа начала выдавать особые карточки специалистам.

Чернорабочим карточек не выдавали. Всем неспециалистам приказали немедленно выбраться в другой район. Началось новое переселение. Все понимали, что значит это переселение. Женщины стали искать специалистов, молодые девушки выходили за старых мужчин. Многие осужденные немцами на смерть, те, кто не получал карточки «специалиста», лишались рассудка.

Когда закончилось переселение неспециалистов, немцы стали выдавать адресные дощечки к дверям. При входе в дом на улице вешалась дощечка, где было указано, кто живет в этой квартире, где кто работает и кто на чьем иждивении состоит. Когда все это было сделано, немцы приказали, чтобы каждый жилец – рабочий-специалист получил номер своего дома в Юденрате, пришил его на груди – под желтой латой и на спине. Номер этот был написан на белом холсте, проштемпелеванном печатью.

… В Минск стали прибывать тысячами немецкие евреи. Одеты они были как-то странно – в пелерины с башлыками… а на правой стороне груди у них были пришиты шестиконечные звезды. Говорили они только по-немецки. Пришли гестаповцы, выгнали с Республиканской, Обувной, Сухой, Опанасской улиц людей и поместили там пришельцев. Провели колючую проволоку, поставили столбы и окружили район. Предупредили – кто подойдет к проволоке, будет расстрелян. Первые дни немецкие часовые ходили возле проволочных заграждений.

Народ подходил к колючей проволоке, где были размещены немецкие евреи. Пришельцы охотно вступали в разговоры. Оказалось, то были евреи из Гамбурга, Берлина, Франкфурта. За время существования Минского гетто их прибыло около 19 000 человек. У них забрали все имущество и объявили, что их повезут в Америку, а они попали в Минск в гетто за проволоку. Они просили хлеба: они думали, что русские евреи могут ходить свободно, куда хотят, и покупать пищу. Гестаповцы нашли для немецких евреев «работу». Каждую ночь, приезжая в гетто, они убивали человек 70 – 80 немецких евреев. Немцы заставляли их вывозить трупы на кладбище в детских колясках. Там уже всегда были приготовлены ямы, каждая – человек на триста. Когда яму наполняли трупами, ее засыпали.

20 ноября 1941 года… Опять выгоняли людей из квартир, строили в колонны и гнали в Тучинки, к могилам. У могил была заготовлена известь, живых людей бросали в ямы. Там их расстреливали и сжигали.

…погибли 7000 евреев. Люди стали забираться в специально приспособленные погреба, ямы, замаскированные комнаты, получившие название «малин», но и это «малины» не спасали – слишком неожиданно были налеты гитлеровцев. Немцы этот погром двадцатого ноября объяснили тем, что 7 ноября «план не был выполнен», т. е. уничтожено меньшее количество евреев, чем потребовали власти.

Погромы и гибель некоторых руководителей подполья не ослабили движения сопротивления… В конце ноября коммунисты созвали общую партийную конференцию. Руководил этой конференцией «Славек». Представителем партгруппы гетто был выделен Гебелев. С этого момента начинается систематическая отправка людей в партизанские отряды. Общая партийная конференция… создала подпольный партийный комитет. Секретарем был избран «Славек».

… Зима была тяжелой для жителей гетто: все они страдали от голода и холода. Евреи, работавшие в русском районе, имели возможность общаться с русским населением, и потому не так остро чувствовали нужду, но те евреи, что работали за проволокой, нуждались и голодали.

Благодаря связи с некоторыми членами Юденрата много людей удалось расставить в городе таким образом, чтобы использовать их на работе на немецких предприятиях для борьбы с оккупантами.

Группы молодежи отправлялись на предприятия, связанные с производством оружия и боеприпасов, чтобы иметь возможность их выносить. Женщины работали там, где была возможность получить белье и теплую одежду, чтобы переотправить их в партизанские отряды. Регулярно производилась отправка боеприпасов и одежды в партизанские отряды.

… В феврале 1942 года немцы арестовали Мушкина, председателя Югенрата. Тяжела была его роль: с одной стороны, он вел борьбу с оккупантами, материально помогал партизанским отрядам, а с другой – обязан был сохранять видимость нормальных взаимоотношений с немецкими властями, видимость выполнения всех их директив и распоряжений. Свою работу он вынужден был скрывать даже от некоторых членов Юденрата…

Нашелся провокатор, который предал Мушкина.

Долго пытали и мучили Мушкина в тюрьме, но Мушкин не выдал своих товарищей… Только через месяц после ареста и пыток Мушкина вывезли из тюрьмы и расстреляли.

Шла зима 1942 года… Голод, холод и болезни несла она за собой. Трудно назвать жизнью жалкое существование людей. Плач детей, стоны больных наполняли дома. Люди питались отбросами из немецких кухонь…

Появились болезни: фурункулез, дистрофия, цинга, сыпной и брюшной тифы. Болезни приходилось скрывать от властей, хотя немцы ежедневно требовали сводки поступления больных в больницы. Немцы боялись инфекционных заболеваний; евреи знали, что, как только немецким властям станет известно о тифе, неминуем погром. Немцы так и не узнали о заболеваниях в гетто. Тем не менее погром с новой ужасающей силой обрушился на евреев.

2 марта 1942 года утром к гетто стали подъезжать легковые машины с гестаповцами… Евреи заволновались. Однако рабочие колонны, как обычно, отправились на работу. Прибывшие гестаповцы пошли на квартиру заведующего биржей труда и принялись кутить. В водке, в дорогих винах недостатка не было. Все это было доставлено в гетто на грузовой машине. Все приехавшие не уместились на квартире, и часть из них осталась на улице и на площади… Тут же, на улице, гестаповцы пьянствовали и обжирались, после чего они приступили к «работе». С нагайками, с револьверами они врывались в дома и сгоняли людей во двор обойной фабрики на Шпалерной улице. Толпы народа – женщины, дети, старики – стояли и ждали своей смерти. В двух домах по Технической улице палачи не нашли жильцов – они спрятались в «малинах» (укрытиях). Немцы подожгли эти дома и сожгли людей живьем. Наутро на пепелище стали возвращаться рабочие колонны, их встречал у ворот гетто сотрудник гестапо. Этих рабочих, вместе с толпой, ожидавшей смерти во дворе обойной фабрики, направили к железной дороге, погрузили в вагоны и оправили по дороге, ведшей в Дзержинск.

Там все были расстреляны. Многие пытались бежать, но пули убийц их настигали. Так были убиты еще 5000 человек.

… Как и при первых погромах, были уничтожены детский дом, инвалидный дом и часть работников Юденрата.

Страшную картину представляла колонна детей всех возрастов – от самых маленьких до 13 – 14 лет, во главе с заведующим детским домом… Нагайки опускались на их головы. Дети с кровоподтеками, со вздувшимися от побоев лицами, оборванные, шли дальше. Если ребенок отставал, его пристреливали. Вся улица была усеяна трупами ребят.

Работница детского дома Амстердам покончила с собой, вскрыв вену.

Население гетто уменьшалось. Немцы произвели снова переселение, перебрасывали евреев из одной квартиры в другую, из одного района в другой. Уменьшилась территория гетто, сжималось кольцо вокруг него.

Погромы, которые устраивало гестапо, не останавливали работы коммунистов. В гетто не прекращался уход евреев в партизанские отряды: с каждым днем к партизанам уходило все больше и больше людей. Об этом узнало гестапо и кровавым террором отвечало на каждый уход евреев в партизанские отряды.

В том случае, когда гестапо находило след человека, связанного с подпольной партийной организацией, нес ответственность не только он один, но все жители дома, где он жил, или вся колонна, где он работал. Ночью окружали дом со всех сторон, выводили людей и расстреливали их.

Нашелся предатель, который передал в гестапо списки работников подпольного партийного комитета с указанием адресов.

Гестапо требовало выдачи Гебелева, Смоляра, Фельдмана, Окуня, предупреждая, что иначе будут расстреляны все работники Юденрата. Вновь назначенный председатель Юденрата Иоффе знал, что немцы осуществят эту угрозу. Но выполнить требование гестапо Иоффе отказался.

Гебелев, конспирируясь, носил три фамилии, поэтому гестаповцы были сбиты с толку. Фельдманов в гетто было много, трех Фельдманов гестапо отправило в тюрьму, откуда они уже не вернулись. Окуня через некоторое время арестовали.

Смоляр (Смоляревич), возглавлявший партийную организацию гетто, был неуловим. Гестаповцы настойчиво требовали выдачи его. Иоффе пошел на хитрость: он заполнил чистый бланк паспорта на имя Смоляревича Ефима, измазал его в крови и пошел в гестапо, сказав, что этот паспорт найден в одном из домов, где произошел ночной погром, и извлечен из одежды трупа. Гестаповцы удовлетворились, считая, что Смоляревич (Смоляр) погиб.

…28 июля 1942 года было самым черным днем гетто.

Утром, после ухода рабочих колонн, в гетто прибыли гестаповцы и полицейские… Жителей гнали из квартир к площади. Туда стали подъезжать большие закрытые черные машины-душегубки. Во время этого погрома были уничтожены детский дом, инвалидный дом... уничтожили и больницу... Больных расстреляли в постелях... Медперсонал и врачей выстроили отдельной колонной в белых халатах и повели на площадь. Там их погрузили в душегубки и умертвили.

… Из «малины» (укрытия) немцы вывели двух евреев. Одного их них повалили на землю, положили на него куски оконного стекла, а второго заставили топтать стекло ногами. Видя, что еврей плохо справляется с порученной ему работой, злодеи сами растоптали стекло, а потом обоих убили.

28, 29, 30 и 31 июля до 13 часов длился страшный, неслыханный погром. В короткие паузы, которые устраивали палачи, они пьянствовали и кутили.

…В этой чудовищной бойне погибло около 25 000 человек.

Вот как описывает этот погром – от первого до последнего часа – лично пережившая его Лиля Самойловна Глейзер.

«Всю ночь шел дождь, а утром 28 июля он еще больше усилился. Природа как бы заранее оплакивала невинную кровь. В это утро, кто смог, ушел с рабочими колоннами на работу. Некоторые, вырвавшись из гетто, скрывались у своих русских знакомых. Прятались в «малинах».

Попавшие в рабочие колонны думали, что их детей, оставшихся в гетто, не тронут, согласно объявленным гарантиям. Утром я спустилась в так называемую малину, сделанную особо от других «малин» нашего дома. Она находилась под самой печкой. Вход в нее был так тщательно замаскирован, что и самый опытный сыщик не смог бы его обнаружить.

Через стены подземелья были слышны плач детей и даже приглушенный разговор взрослых. Можно было с уверенностью сказать, исходя из опыта предыдущих погромов, что эти «малины» будут обнаружены, если фашисты займутся поисками.

При погромах прячущиеся больше всего страдают из-за детей. Дети не могут выдержать многосуточного голодания в невыносимой духоте и тесноте, в полном молчании. Они начинают капризничать и плакать, и это приводит к обнаружению “малин”.

Через стену я слышала, как в нашем доме идет спешная и усиленная подготовка к чему-то необычайному. Повсюду стали слышны суетня, скрип дверей, плач, повышенный разговор. Вскоре шум усилился. Было слышно, как полиция выгоняла людей из дому на улицу. Слышались вопли, люди молили не гнать дряхлых стариков и маленьких детей, но весь этот плач и мольбы о пощаде покрывала разнузданная ругань полиции. Через час все стихло. Наступила тишина. Любопытство заставило меня выбраться из «малины» в комнату. Дом наш, насчитывающий 900 жильцов, был безмолвен, точно в нем все вымерло. На улице тоже было тихо и пустынно. Я

постояла с минуту, напрягая слух. До меня донесся истерический плач женщины и ее мольба о пощаде, затем последовали какой-то продолжительный шум и несколько ружейных выстрелов. Я с быстротой мыши юркнула в свою нору-спасительницу. Из «малины» было слышно, как шум и выстрелы постепенно становились все сильнее. Я поняла, что снова шла полиция, которая делала второй, еще более тщательный осмотр, и с пойманными в домах расправлялась на месте.

Через несколько минут раздались шаги по лестнице нашего дома. Зазвенела посуда, загремели винтовочные выстрелы, послышался резкий и короткий треск ломающихся дверей и хохот полицейских. Так продолжалось несколько минут, а затем шум начал угасать; «бобики», как обычно называли полицейских, удалились. Еще раздалось в доме несколько винтовочных выстрелов, и все смолкло, как бы уйдя в небытие.

Наступила тишина, лишь изредка слышались неясные человеческие выкрики из соседних «малин». Мое любопытство превозмогло страх. Я вновь вышла из «малины». Вдруг из соседней квартиры до меня донесся шум. Постояв с минуту и прислушавшись, я поняла, что причиной этого шума была сумасшедшая женщина, соседка, лишившаяся рассудка после того, как на ее глазах расстреляли мужа еще в первые дни гетто. Я на цыпочках, крадучись, как кошка, прислушиваясь к малейшим шорохам, подошла к дверям ее квартиры. Слегка приоткрыв дверь, я увидела ее; она ходила со спящим ребенком на руках по комнате. По какой-то случайности ее не заметили полицейские. «Видно, суждено ей жить», – подумала я. Меня она не замечала; ни к кому не обращаясь, она просила есть. При виде этой безумной с младенцем на руках я разрыдалась, и какая-то неизмеримая жалость появилась у меня к этой женщине. Я вспомнила, что у меня в шкафу лежит краюха полудеревянного немецкого хлеба, которым немцы кормили евреев и пленных. Я мигом бросилась к шкафу, принесла хлеб и, показывая его, стала заманивать безумную в свою «малину», желая спасти ее. Едва мы успели спуститься, как в дверь со стороны улицы постучались и раздались голоса гитлеровцев: «Ауфмахен!(Открывайте!)». Невзирая на то, что дверь и не была закрыта, гитлеровцы неистово кричали, чтобы им открывали. Через несколько мгновений раздались удары прикладов. Я забралась еще дальше в подземелье и прижалась к земляной стене, дрожа от страха. Мы слышали, как немцы ворвались в комнату и начали стрельбу в стены, потолок и пол. Это были немцы, специально отобранные для отыскивания «малин», и отличались они особенным зверством. Гитлеровцы

неистово кричали и ругались, по их бессвязной речи и ругани можно было заключить, что они пьяны.

Ребенок безумной, находившейся в «малине», испугавшись стрельбы, сильно заплакал.

Мать зажала ему рот руками, но плач уже донесся до гитлеровцев. Постояв с минуту в безмолвии, они начали взламывать пол над моей «малиной», безудержно ругаясь.

«Погибли», – пронеслась мысль в голове. Оторвав доски от пола возле печки, гитлеровцы бросили в это место несколько гранат. Эти взрывы вскрыли соседние «малины», так как от сотрясения весь земляной настил пола, который служил потолком наших подземелий, рухнул. Началась страшная стрельба по « малинам»... В отверстия подземелий, откуда доносились стоны раненых и вопли о пощаде… сбросили еще несколько гранат. Эти взрывы вновь сотрясли все окружающее и обнаружили мою «малину». На минуту стоны и вопли прекратились. Опять наступила тишина после оглушивших меня взрывов, и вдруг вновь рычание и крик фашистов «Хэраусгеен! (Выходите!)», но в ответ слышались лишь душераздирающие крики раненых. Безрезультатно повторив приказание, немцы спустились в наше подземелье, осветив фонариками сумрак, из которого доносились вопли и стоны умирающих. Я совсем вдавилась в земляную стену подземелья… Меня немцы не обнаружили, так как я находилась за поворотом подземелья. Крикнув еще несколько раз: «Хэраусгеен!», – они прикончили кинжалами умирающих и поднялись наверх. Охваченные безумием разрушения, гитлеровцы начали бить посуду, ломать мебель и окна. Затем они врывались в другие квартиры нашего дома, и там повторился тот же ужас. Через несколько часов все стихло. Эту тишину изредка нарушали неясные стоны, доносившиеся из соседних «малин». В темноте, одна среди мертвецов, я ощутила ужас и стала поспешно ползти к двери, вырванной взрывами гранат. Оттуда шел слабый свет и освещал подземелье. У самого выхода из «малины» я наткнулась на распростертую женщину. Это была безумная, которую я желала спасти. Все ее тело было истерзано осколками гранат, видимо, убили ее мгновенно. Возле нее лежало мертвое тельце ее ребенка с открытым ртом и глазенками.

Я выползла в комнату. Вся моя комната была завалена обломками посуды, мебели, пол и остатки вещей были покрыты густым слоем известки, перьев и пуха из перин и подушек. Окна оказались вышибленными вместе с рамами... У меня

закружилась голова... Придя в себя, я бросилась на чердак нашего дома. С чердака я увидела продолжение погрома в других домах на нашей улице. Слышен был беспорядочный беспрерывный гул разрывов гранат, очередей из автомата. По всей улице лежали окровавленные трупы женщин и детей. Гитлеровцы тащили из домов всевозможные вещи, узлы, грузили их на повозки и увозили. Но и это еще не был самый погром, а только начало погрома. В полдень на Юбилейную площадь согнали всех, кто находился в пределах гетто. На площади возвышались огромные празднично украшенные столы, заставленные всевозможными яствами и винами; за этим столом сидели руководители неслыханного в мировой истории побоища.

В центре сидел начальник гетто Рихтер, награжденный Гитлером Железным крестом. Рядом с ним – сотрудники СС, один из шефов гетто, скуластый Рэде, и жирный толстяк – начальник минской полиции майор Венцке. Неподалеку от этого дьявольского престола стояла специально построенная трибуна. С этой трибуны фашисты заставили говорить члена Еврейского комитета гетто композитора Иоффе. Обманутый Рихтером, Иоффе начал с успокоения возбужденной толпы, говоря, что немцы сегодня лишь проведут регистрацию и обмен лат. Еще не докончил своей успокоительной речи Иоффе, как со всех сторон на площадь въехали крытые машины-душегубки. Иоффе стало сразу понятно, что это значит. Иоффе крикнул взволновавшейся толпе, по которой молнией пролетело ужасное слово «душегубки»:

«Товарищи! Меня ввели в заблуждение. Вас будут убивать. Сегодня погром!»

Обезумевшая толпа бросилась в разные стороны, ища спасения… люди метались, мелькало бесконечное множество шестиконечных звезд. Фашисты, уже окружившие площадь, открыли плотный огонь по беззащитным людям. Но люди, невзирая ни на что, лезли напролом. Началась рукопашная битва беззащитных людей с фашистами, вооруженными до зубов. Многим фашистам пришлось поплатиться, прежде чем они усмирили толпу. Вся площадь была усеяна трупами и залита кровью. К десяткам «душегубок» немцы установили бесконечные очереди усмиренных огнем женщин и стариков. Детей отделили от взрослых. Их с поднятыми руками поставили на колени. Маленькие дети, изнуренные и слабые, начали плакать: у них сразу же уставали и опускались ручонки. За это их тут же прирезывали кинжалами, либо переламывали позвоночный хребет, или, подняв над своей головой ребенка, фашист бросал его изо в сей силы на булыжную мостовую; после такого удара у ребенка вылетали мозги из раздробленного черепа. Матери, стоявшие в очереди у «душегубок», видя это, тут же сходили с ума, как разъяренные тигрицы, бросались на немцев. Их убивали

очередями из автоматов. Тех, кто отказывался лезь в «душегубки», постигала ужасная смерть. Их тащили к столбам, за которыми под звуки гармошек произносились пьяные тосты. Пьяные Геттенбах, Рихтер, Рэде и другие объявляли приговор: «Отрезать нос и уши», «Убить кулаками и плетьми» и т. д. Эти приговоры исполнялись тут же, за столом, или самими судьями, или полицейскими, гестаповцами, солдатами гарнизона.

... Так продолжалось до позднего вечера. Опустела площадь, за праздничным столом заснули организаторы избиения. Погром притих. Лишь в поисках ценностей шныряли солдаты Минского гарнизона, всегдашние участники расправ в гетто. Все дети до единого, которых поставили с поднятыми вверх ручонками, были убиты на площади. «Душегубки» больше не возвращались.

Ночью оставшимся в живых членам еврейской милиции было приказано очистить площадь от трупов и крови. К утру следующего дня приказ был выполнен.

Наступило утро 29 июля. День хмурился, как бы предчувствуя продолжение побоища. Изредка выглядывало затуманенное солнце и сразу скрывалось в грозных черных тучах. Гетто было пустынно.

В 10 часов на Юбилейной площади загудели немецкие машины. Группы солдат Минского гарнизона… вновь отправились на грабежи и на вскрытие «малин». Пиршественные столы были убраны с площади, так как собирался дождь, и вынесены в помещение комитета. Туда и приводились на расправу обнаруженные в «малинах» старики, женщины и дети.

... 1 августа, после четырех дней побоища, на Юбилейную площадь немцы снова вытащили стол, который был уставлен едой и винами. За этим столом сидели все те же главари.

... В этот последний день погрома фашисты перешли все границы человеческих представлений о преступлениях. На глазах сходивших с ума, падающих в обморок матерей пьяные немцы и полицейские насиловали девушек, не стесняясь ни друг друга, ни окружавших; вырезали им кинжалом половые органы, заставляли живые и мертвые тела принимать самые постыдные позы, отрезали носы, груди, уши.

Матери в бешенстве кидались на фашистов и замертво падали с размозженными головами.

Дряхлых стариков убивали ударами резиновых палок по голове или забивали насмерть кожаными плетями. Весь день не прекращались истерические крики, вопли и проклятия; их не могли заглушить десятки гармошек.

В три часа дня все было кончено.

…гестапо разослало приказ по всем предприятиям, где находились во время четырехдневного погрома рабочие евреи, о возвращении их по домам в гетто.

... Обычно навстречу рабочим колоннам, возвращавшимся с каторжных работ, к контрольным воротам стекалось все нетрудоспособное население гетто. Материи, жены, старики-отцы, дети, сестры, братья радовались, вновь увидев друг друга живыми после четырнадцатичасовой разлуки. Но в этот раз никто не стоял у ворот.

Лишь из контрольной будки быстро выбежал немецкий часовой и крепко, звонко пристукнув каблуками кованых сапог, отдал честь офицеру, шедшему во главе солдат-конвоиров. Офицер дотронулся до козырька и велел солдату открыть контрольные ворота. Колонны вошли в безмолвное гетто. По всем улицам валялись обломки разбитой мебели, обрывки бумаги, книг, осколки посуды. Выпущенные из подушек и перин перья покрывали мостовые и тротуары, разбитую и поломанную утварь.

… И всюду, всюду лежали трупы тех, кого жаждали увидеть пришедшие. Они лежали в огромных лужах крови. Немецкий офицер, который шел впереди колонны, видимо, никогда не видевший такого зрелища, вдруг закричал и в истерическом припадке стал биться на окровавленной мостовой. Колонна дрогнула и остановилась. Женщины рыдали, мужчины со стенаниями ломали себе руки, рвали волосы. Видел ли мир от сотворения своего картину, ужасней этой?..

Обезумевшие люди кинулись в свои квартиры, надеясь в «малинах» найти спасшихся родных. Но «малины», находившиеся в печах, под полом, между стенами, были разворочены гранатами. Там рабочие нашли останки близких, разорванных взрывами. Но большинство пришедших не нашли даже останков близких людей. Они были увезены в «душегубках» в Тростинец и Тучинки, свалены в заранее заготовленные рвы, ограбленные и раздетые, удушенные в машинах смерти.

Из 75 000 евреев к первому августа 1942 года осталось всего лишь 8794 человек [**7**, 136-55].

****Минпромторг*** *– управление торговли г. Минска*.

1.6.29

С. ГЛЕЙХ

Дневник *(отрывки)*

… Нас гнали к траншеям, которые были вырыты для обороны города. В этих траншеях нашли себе смерть 9000 человек еврейского населения, больше ни для чего они не понадобились. Нам велели раздеться до сорочки, потом искали деньги и документы и отбирали, гнали по краю траншеи, но края уже не было, на расстоянии в полкилометра траншеи были наполнены трупами, умирающими от ран и просящими о еще одной пуле, если одной было мало для смерти. Мы шли по трупам. В каждой седой женщине мне казалось, что я вижу маму**. Я бросалась к трупам, за мной Бася, но удары дубинок возвращали нас на место. Один раз мне показалось, что старик с обнаженным мозгом – это мой папа, но подойти ближе не удалось. Мы начали прощаться, успели все поцеловаться. Вспомнили Дору. Фаня не верила, что это конец: «Неужели я уже никогда не увижу солнца и света? – говорила она, лицо у нее сине-серое, а Владя спрашивал: «Мы будем купаться? Зачем мы разделись? Идем домой, мама, здесь нехорошо». Фаня взяла его на руки, ему было трудно идти по скользкой глине, Бася не переставала ломать руки и шептать: «Владя, Владя, тебя-то за что? Никто даже не узнает, что с нами сделали». Фаня обернулась и ответила: «С ним я умираю спокойно, знаю, что не оставляю сироту». Это были последние слова Фани. Больше я не могла выдержать, я схватилась за голову и начала кричать каким-то диким криком, мне кажется, что Фаня еще успела обернуться и сказать: «Тише, Сарра, тише», – и на этом все обрывается.

Когда я пришла в себя, были уже сумерки. Трупы, лежавшие на мне, вздрагивали, это немцы, уходя, стреляли на всякий случай, чтобы раненые не смогли ночью уйти, так я поняла из разговоров немцев, они опасались, что есть много недобитых Они не ошиблись, таких было очень много, они были заживо погребены, потому что помощь никто им не мог оказать, а они кричали и молили о помощи. Где-то под трупами плакали дети, большинство из них, особенно малыши, которых матери несли на руках (а стреляли нам в спину) падали из рук пораженной матери невредимыми и были засыпаны и погребены под трупами заживо.

… Я начала выбираться из-под трупов, я сорвала ногти с пальцев ноги, но узнала об этом только тогда, когда попала к Рояновым (24 октября), выбралась наверх и оглянулась – раненые копошились, стонали, пытались встать и снова падали. Я стала звать Фаню в надежде, что она меня услышит, рядом мужчина велел замолчать, это

был Гродзинский, у него убили мать, он боялся, что я своими криками привлеку внимание немцев. Небольшая группа людей, которые сообразили и прыгнули в траншею при первых залпах, оказались нераненными – Вера Кульман, майор Шмаевский, Циля (фамилии Цили я не помню) – все время меня просили замолчать, я начала просить всех уходящих помочь мне разыскать Фаню, никто не оборачивался, все уходили. Гродзинский, который был ранен в ноги и не мог идти, советовал уйти, я пыталась ему помочь, но одна не была в состоянии, через два шага он упал и отказался идти дальше, посоветовал догонять мне ушедших. Я сидела и прислушивалась, какой-то старческий голос напевал: «Лайтенах, лайтенах» [(Светлая ночь, светлая ночь (идиш)], и в этом слове, повторяющемся без конца, было столько ужаса. Откуда-то из глубины кто-то кричал: «Паночку, не убивай меня…» Случайно я нагнала В. Кульман, она отбилась в темноте от группы людей, с которой ушла, и вот мы, вдвоем, голые, в одних сорочках, окровавленные с ног до головы, начали искать пристанище на ночь и пошли на лай собаки, постучали в одну хату, никто не откликнулся, потом в другую – нас прогнали, постучали в третью – там дали какие-то тряпки прикрыться и посоветовали уйти в степь, что мы и сделали. Добрались в потемках до стога сена и посидели до рассвета, утром вернулись к хутору – это оказался хутор имени Шевченко. Он находился недалеко от траншеи, только с другой стороны, до конца дня к нам доносились крики женщин и детей.

23 октября. Вот уже двое суток, как мы в степи, дороги не знаем, сегодня случайно, переходя от стога к стогу, В. Кульман обнаружила группу мужчин, среди которых оказался Шмаевский. Они, голые и окровавленные, все время сидят здесь – решили идти к заводу Ильича, потому что ночью дороги не можем найти. По дороге к заводу встретили группу парней, по виду колхозники, один посоветовал оставаться до вечера в степи и ушел, второй предупредил, чтобы скорее уходили, потому что его товарищ нас обманул своим советом, он приведет сюда немцев. Мы поторопились уйти. Утром 24 октября постучалась к Рояновым. Меня впустили. Узнав о смерти всех, ужаснулись, помогли мне привести себя в порядок, накормили и уложили.

26 октября. У Рояновых больше оставаться нельзя. Каюда, их сосед, советует уходить. Зина принесла мне пальто мое и мамино, я оделась и решила идти в город. Прошла через весь город, и никто меня не остановил… быстро прошла двор и пришла к Стеценко. А. И. была одна дома, увидала меня, удивилась, растерялась. Я попросила ее позвать Таню.

Мне нужно было переодеться, в доме оставалось мое старое платье и белье, но Таня сказала, что там уже ничего нет, пришла Л. Леймунская и принесла мне старые платья Баси… Оставаться здесь я не могла, решила до сумерек просидеть в бомбоубежище, в 11 часов пришел Ф. Белоусов и забрал меня к себе, я переночевала у них, а на рассвете перешла в сарай к Л. Леймунской, он под нашим домом… Таня, Вера и Люся в течение дня осторожно, чтобы не выдать моего присутствия, кормили меня. Люся была по моей просьбе у Гани, сообщила ей о моем местоположении, вечером я должна была перейти к ней.

Из сарая мне виден весь двор – Травский гоголем ходил по двору и всех предупреждал, чтобы не прятали жидов, что жидов нужно всех уничтожить. В. Шварц мне говорил, что он вчера пришел к ней и просил шубу ее отца. «Все равно, – говорил он, – ему уже она не нужна».

2 ноября….скрываюсь у Гани, сижу во второй комнате, говорить громко мне не полагается, чтобы соседи за дверью не обнаружили присутствия третьего человека в квартире, а каждый звонок и стук приводит всех в трепет. Где найти пристанище более безопасное – этот вопрос не выходит из головы. Случайно пришла поведать Ганю бывшая домашняя работница, Василиса Попова, она живет на правом берегу, ее муж уехал с эшелоном завода Азовсталь, а она с двумя ребятами осталась. После долгих переговоров условились с ней, что под вечер она придет и я с ней поеду на правый берег на несколько дней, а там будет видно. Ганя возражает на все мои попытки убедить ее, что мне нужно уйти и попытаться перейти линию фронта. Она считает, что идти без документов и денег бессмысленно. Кроме того, очень холодно, а я почти раздета… предлагает мне свое меховое пальто, а пока мне нужно побыть у В. Поповой.

8 ноября. Утром В. Попова уехала к Тане, но вскоре возвратилась и сказала мне, что Ганю и Кульпе в ночь на 8 ноября взяли в гестапо. Это ей сообщили соседи. Мне нужно уходить, другого выхода нет. Я быстро собралась, попрощалась с Васей и ушла. Дороги не знаю, иду, не знаю куда.

9 ноября. Пришла в какое-то селение, оказалось – греческое село Старый Крым. Значит, иду в немецкий тыл, надо возвращаться обратно. Решила идти берегом моря на Буденновку, Таганрог, Ростов. Идти очень тяжело, особенно ночью, холодно даже в стогах, сено не греет, а проситься ночевать в селах опасно. Бывает, что днем не могу идти, ноги распухли, просидела в сене трое суток, но все же поднялась. Иду снова, встречаются попутчики – это горожане, идущие в села менять вещи на хлеб

или бежавшие из плена. Судя по разговорам, немцы двигаются быстро вперед, взят Таганрог, бои идут под Ростовом.

25 ноября. Подхожу к Ростову, очень устала, дошла до Олимпиадовки – это недалеко от Ростова – говорят, сюда есть даже трамвайная линия. Решила попроситься в первый попавшийся дом переночевать.

26 ноября. Ночевала в Олимпиадовке, ночью выпал снег, морозно. Спросила дорогу на Ростов.

В городе следы недавнего боя, кое-где на окраине еще лежат трупы красноармейцев. Решила идти в Новочеркасск, подхожу к Нахичевани, где попросилась в один из домов посидеть, отогреться и отдохнуть, очень болят ноги, опухли, я натерла их неудобной обувью.

Каждый шаг – это для меня мука.

27 ноября. Ночевала в Нахичевани. Утром решила идти дальше. Только вышла, как началась стрельба –это из Батайска бьют по Ростову…

Уже смеркалось, узнаю, что в пяти километрах – русские войска, кругом немецкие патрули, охраняющие железнодорожный путь. Попросилась в избу к одной их жительниц села, она с двумя ребятами. Решила идти завтра утром. Но уйти утром не пришлось, на рассвете 28 ноября начался бой, который длился целые сутки. 29 ноября только я вышла из Большого Лога, как показалась русская разведка [**10**, 217-21].

* ***Сарра Глейх*** *– харьковская студентка, в ходе эвакуации застигнутая немцами в 1941 г. в Мариуполе (публикатор дневника И. Эренбург: «Изумительно, что она бегло, порой бессвязно, изо дня в день записывала всё» [7, 509]).*

***Родителей Сарры Глейх расстреляли несколькими часами ранее*.

1.6.30

Из Актов **ЧГК** *об уничтожении еврейских колоний в Крыму*

Село Икор

Все еврейское население было взято на строгий учет и переносило пытки, ожидая с минуты на минуту смерти, так как в городе к тому времени все евреи уже были убиты.

Зная, что они обречены на гибель, эти люди все же работали, а после работы их вели на расстрел.

Уничтожение евреев происходило в двух километрах от села, где расстрелянных бросали в глубокий колодец. Некоторых туда бросали живьем…

Комиссия подчеркивает зверства, учиненные над женами и детьми старшего лейтенанта Савченко. Эта женщина, еврейка, оставалась в Икоре еще в течение полутора месяцев после уничтожения евреев в этом селе. Она не была похожа на еврейку. Однажды село проезжала немецкая часть. Немцы расстреляли ее вместе с четырехлетней девочкой и двухлетним мальчиком в 90 метрах от ее дома. (*Примечание публикатора Л. Квитко: «Когда раскопали яму, в которой немцы зарыли Цилю Савченко, народ увидал: убитая мать стояла на коленях и прижимала детей лицом к себе. Она заслоняла их своим пальто, чтобы они не видели убивавших их палачей».*)

…Колхоз имени Молотова. Добрушинский сельсовет

…прибыли… машины с жандармами и еще один автомобиль. Тут же оцепили все село и начали собирать евреев, которые разбежались. Автомобиль нагонял их, и немцы пристреливали их на месте. Покончив с этим, немцы уехали, оставив в деревне несколько жандармов, которые с помочью полицаев всю ночь производили обыски и убивали. Двадцать один человек прятался в степи, в яме, которую они сами вырыли. Прожили они там несколько месяцев, приходя в село за хлебом. Староста со своими помощниками забрались в укрытие, чтобы выследить людей, приходивших за хлебом в дом колхозницы Бережук. Пришедших они изловили и заперли в канцелярию под охраной полицаев. Утром староста вызвал румын. Румыны избили узников до полусмерти и выпытали, где прячутся их семьи. Затем они пошли туда с подводой, привезли всех в село Багай, где их всех замучили на смерть. Это произошло в феврале 1942 года.

Председатель комиссии Низельник (председатель колхоза)

Сидоренко, Кузнецов – колхозники, свидетели [**10**, 382-4].

1.6.31

Из отчёта о судебном процессе по делу о зверствах в оккупированном Харькове (проведен в 1943 г. в г. Харькове после его освобождения советскими войсками)

Свидетель оберштурмбаннфюрер **Хейниш** показал:

«В СД был изготовлен так называемый «газовый автомобиль». По внешнему виду он почти ничем не отличался от обыкновенного тюремного автомобиля, но его кузов закрывается герметически и выхлопные газы от мотора по специальной трубке направляются в кузов. В эту машину помещается несколько десятков человек. Им обыкновенно объявляется, что они отправляются в другую тюрьму или лагерь.

Когда автомобиль трогается, газы направляются в кузов, и находящиеся там люди задыхаются».

...обвиняемый ст. ефрейтор германской армии **Рецлав** показал:

«Когда доходила очередь до посадки в машину женщин – это были самые страшные картины. Все без исключения женщины, не говоря уже о детях, рыдали, падали на колени, умоляя пощадить их. Плач женщин перемешивался с плачем детей, которые обращались к нам, к непосредственным участникам и исполнителям этих злодеяний, с просьбами о пощаде. Но в ответ на это получали пинки, удары прикладами винтовок и рукоятками пистолетов.

В таких случаях я, а вместе со мной и другие [исполнители] скручивали женщинам руки и вталкивали их в машину.

С детьми дело обстояло ещё проще. Их хватали за руки, а нередко и за ноги и с размаха бросали в кузов машины.

Такие действия вызывали проклятия по адресу немцев, и двор наполнялся душераздирающими криками, мольбой о помощи и пощаде.

Мне припоминается такой факт, когда женщина, на глазах которой офицер СД бросил в кузов машины её ребёнка, - набросилась на офицера, вцепилась руками ему в лицо и расцарапала его до крови.

В большинстве случаев с такими непокорными арестованными расправлялись просто: их тут же пристреливали, а затем бросали в машину».

... Свидетельница **Подкопай** Ульяна Никитична, проживающая в городе Харькове, по Рыбной улице, где размещался гараж гестапо, в котором стояли «душегубки», показала:

«Среди арестованных были мужчины, женщины и дети, которых гестаповцы пинками и прикладами загоняли в машину. У многих на лицах были синяки и кровоподтёки, одежда порвана, женщины и дети плакали, но гестаповцы их хватали и насильно вталкивали в машину.

Когда автомашина была битком набита людьми и её хотели уже закрыть, два гестаповца ввели во двор плачущую женщину с двумя девочками лет 8 и 10-ти.

Одна из девочек, не понимая, что происходит, торопясь, стала кричать: «Мама, иди быстрее, а то машина уйдёт без нас».

Подойдя к машине, женщина, услышав из неё крики и стоны, заплакала ещё сильнее и остановилась, но её силой втолкнули в кузов.

Одна из девочек в это время тоже заплакала и стала кричать: «Мама, мама».

Стоявшие рядом гестаповцы схватили обеих девочек и вбросили в машину к обезумевшей от страха матери. Вслед за этим двери машины захлопнулись, и она выехала со двора тюрьмы».

... Боясь ответственности за совершаемые чудовищные преступления и истребление советских людей при помощи специально оборудованных автомашин, немецкие фашисты за последнее время стали принимать меры к тому, чтобы скрыть применение ими этого орудия смерти.

Оберштурмбаннфюрер **Хейниш** на допросе показал, что в июле 1943 года на закрытом совещании 5-ти окружных комиссаров Таврической области выступил начальник СД и гестапо по Крыму и Таврии генерал-лейтенант полиции Альвенслебен, который заявил, что Гитлер недоволен болтливостью лиц, которым так или иначе стало известно о существовании «газового автомобиля». В результате этой болтливости, заявил Альвенслебен, а также в результате беспечности отдельных руководителей СД и гестапо материалы о «газовом автомобиле» попали в руки русских.

...фон Альвенслебен передал предписание Гитлера о необходимых мерах к прекращению подобного рода болтливости и к усилению конспирации при использовании «газового автомобиля» [**11**, 10-3].

1.6.32

Из переписки создателей немецких «душегубок» об их применении (отчёт об инспекционной поездке на Украину)

Секретный документ рейха Киев, 16.5.1942

Оберштурмфюреру СС

Рауффу, Берлин

Я приказал замаскировать автомашину [айнзац]группы-D под жилой вагон, приделав по одной паре оконных ставень с каждой стороны малых газовых автомобилей и по две пары ставень с каждой стороны больших автомобилей так, чтобы это походило на крестьянские домики, какие можно видеть в сельской местности. Однако эти машины теперь только настолько хорошо известны, что не только власти, но и гражданское население называет их душегубками, как только появляется хотя бы одна из них.

Я думаю, что невозможно даже в течение короткого промежутка времени не только держать в секрете газовый автомобиль, но даже и замаскировать его …

Затем я приказал, чтобы во время пуска газа служебный персонал находился на возможно большем расстоянии от автомашины, чтобы его здоровье не пострадало от газа, который может иногда выходить наружу. …некоторые команды должны были своими силами произвести разгрузку после применения газа. Я обратил внимание командира зондеркоманды на огромный психологический вред и ущерб для здоровья, которые может принести служащим эта работа, если не сразу, то по крайней мере позднее. Люди жалуются мне на головные боли, появляющиеся после каждой погрузки. Тем не менее заключенные, привлекаемые к этой работе, могут найти в это время момент, удобный для побега. Я прошу вас отдать соответствующие приказы, для того, чтобы предохранить служебный персонал от ущерба здоровью…

Газ не всегда применяется правильным образом. Чтобы как можно скорее закончить работу, шофер нажимает на акселератор до отказа. Таким образом, люди умирают от удушья, а не от отравления, как это было запланировано. Выполнение моих инструкций показало, что при правильном положении рычага управления заключенные мирно впадают в глубокий сон. При этом не приходится видеть искаженные лица и испражнения, как это было прежде…

Доктор Беккер, унтерштурмфюрер СС [**1**, 216-7].

1.6.33

Письмо 9-летнего **Бори Гершензона** *из Умани в Еврейский Антифашистский Комитет (1944г.)*

Дорогие дяди, я сейчас опишу вам, как я мучился у фашистских извергов. Как только прибыли немцы к нам в город Умань, нас всех загнали в гетто. Среди нас были старики, женщины и дети, а также больные. Всех сразу повели в лес на

расстрел. Там же расстреляли мою бабушку и тетю Зину с детьми, а мне удалось удрать. Долго я прятался в лесу Софиевка, пока меня снова поймали и загнали в здание Дворца пионеров. Там нас было очень много. Нас там били, душили, раздели наголо и бросили в погреб. Многие из нас не могли выдержать пыток и здесь погибли. Потом оставшихся в живых отправили в лагерь. Несмотря на то, что я здесь был самый маленький, меня заставили делать очень тяжелую работу. Кроме того, нас раздели и начали избивать до потери сознания. Морили нас голодом. Верхнюю одежду с нас сняли. Кушать давали шелуху из проса и макухи* и 50 граммов хлеба. Спали мы в разломанных конюшнях. Снег падал прямо на нас, а для того, чтобы нам было теплее, мы ложились один мальчик на другого. В этом лагере я пробыл около 8 месяцев, а потом убежал к папе в лес, в партизанский отряд. Будучи вместе с папой, я помогал разносить листовки по селам. Но через некоторое время меня опять поймали и отправили в г. Бершадь, в румынский лагерь. Румыны нас мучили так же, как и немцы. Каждое воскресенье из лагеря брали сотни советских людей, одних вешали, других расстреливали. Папу тоже поймали. Его вместе с группой партизан расстреляли незадолго до прихода Красной Армии.

Как только освободили Умань, я сразу уехал туда. Но там я прожил недолго. Тетя Рива, которая находится в Красной Армии и работает врачом в госпитале, узнала про меня и забрала меня к себе. Я живу теперь в госпитале с тетей Ривой. Здесь я учусь на киномеханика. Мне 9 лет. Думаю поступить в Суворовскую школу. Когда вырасту, стану офицером Красной Армии. Если захотите мне написать, пишите по адресу; Полевая почта, № 23336-А, Боре Гершензону [**10**, 193].

****Макуха*** *– корм для животных*.

1.6.34

Б. СЛУЦКИЙ

Из стихов о войне

(Украинский город после освобождения от оккупантов)

Отягощенный родственными чувствами,
Я к тете шел,
чтоб дядю повидать,
Двоюродных сестер к груди прижать,
Что музыкой и прочими искусствами,
Случалось,

были так увлечены!

Я не нашел ни тети, ни дяди,
Не повидал двоюродных сестер
Но помню,
твердо помню

до сих пор,
Как их соседи,
в землю глядя,

Мне тихо говорили: сожжены.

Все сожжено: пороки с добродетелями
И дети с престарелыми родителями.
А я стою пред тихими свидетелями
И тихо повторяю:
сожжены [**12**, 95-6].

1.6.35

Ш. СПЕКТОР

Из статьи «**Трагедия в Бабьем Яру**»

…19 сентября Шестая германская армия вступила в столицу Украины…

20—24 сентября центр Киева потрясли мощные взрывы. Была разрушена крепость, где размещался один из штабов немецкой армии, комендатура и другие здания на Крещатике. Погибло много немецких солдат и офицеров, а также мирных жителей. Сотни людей оказались без крова. Из-за повреждения водопровода невозможно было потушить гигантские пожары. Разъяренные оккупационные власти немедленно схватили и расстреляли более полутора тысяч евреев… взрывы были подготовлены и осуществлены диверсионной группой, оставленной в городе НКВД.

…Нацисты решили свалить вину за взрывы на киевских евреев и покарать их казнью. Эта задача была возложена на Пауля Блобеля и его подразделение, состоявшее тогда из полицейских, частей службы безопасности и роты эсэсовцев. В помощь Блобелю были приданы несколько отрядов немецких и украинских полицейских.

28 сентября полицаи расклеили по всему городу объявления на трех языках – русском, украинском и немецком… Всем евреям Киева и окрестностей приказывалось собраться утром 29 сентября на углу улиц Мельника и Дегтярской,

имея при себе документы, ценные вещи, белье, теплую одежду и прочее. За неявку – смертная казнь.

...немцы распространяли слухи, что евреев собирают для отправки в рабочие лагеря. Поскольку недалеко от сборного пункта находилась железнодорожная станция, киевские евреи поверили этой лжи.

Десятки тысяч евреев потянулись утром 29 сентября в указанное в приказе место. Их повели по улице Мельника, по обеим сторонам которой стояли вооруженные немецкие и украинские полицейские, к еврейскому кладбищу возле Бабьего Яра. Там уже была огорожена колючей проволокой большая территория, которая охранялась эсэсовцами, а также немецкими и украинскими полицейскими. Евреям велели сдать ценные вещи, раздеться, а затем отводили на край оврага и расстреливали из автомата. Тела падали на дно оврага. В конце дня трупы засыпали. Палачи не успели за день убить всех, и оставшиеся в живых просидели всю ночь за колючей проволокой. Они были казнены 30 сентября. Согласно отчетам эйнзацгруппы-Ц, 29 и 30 сентября 1941 года в Бабьем Яру расстреляно более 33 тысяч евреев.

Киев стал первым в СССР большим городом, «очищенным от евреев», – «юденфрай». Нацистский план «окончательного решения еврейского вопроса» воплощался в жизнь.

Однако и после массовых расстрелов в Киеве еще оставались тысячи евреев, не явившихся на сборный пункт. Многие из них состояли в смешанных браках. Кто-то пытался спрятаться с помощью соседей или знакомых, но удавалось это редко. С немецкой оккупацией резко усилились антисемитские настроения, и бывшие добрые соседи – украинцы и русские – спокойно передавали прячущихся евреев в руки полицаев. Начальник немецкой безопасности в Киеве доктор Шумахер, давая показания после войны, сообщал, что в его ведомство поступало столько доносов о прячущихся в городе евреях, что служащие не успевали на них реагировать [**13**, 10-3].

1.6.36
Л. ОЗЕРОВ
Бабий Яр

Я пришел к тебе, Бабий Яр.

Если возраст у горя есть, –
Значит я немыслимо стар,
На столетья считать – не счесть.

Я стою на земле, моля:
Если я не сойду с ума,
То услышу тебя, земля –
Говори сама.

Как гудит у тебя в груди!
Ничего я не разберу –
То вода под землей гудит
Или души легших в Яру?

Я у кленов прошу: ответьте,
Вы свидетели – поделитесь.
Тишина.
Только ветер –
В листьях.
…
Сегодня по Львовской идут и идут. Мглисто.
Долго идут. Густо, один к одному.
По мостовой,
По красным кленовым листьям,
По сердцу моему.
Ручьи вливаются в реку.
Немцы и полицаи
Стоят у каждого дома, у каждого палисадника.
Назад повернуть – попробуй,
В сторону – не свернуть,
Немецкие автоматчики весь охраняют путь.
…
– Куда нас ведут? Куда нас ведут сегодня?
– Куда? – вопрошают глаза в последней
мольбе.
И процессия длинная и безысходная
Идет на похороны к себе.

За улицей Мельника – кочки, заборы и пустошь.
И рыжая стенка еврейского кладбища. Стой!..
Здесь плиты наставлены смертью
хозяйственно-густо,
И выход к Бабьему Яру,
Как смерть,
Простой.

Так люди приходят к последнему в мире дому.

Стоят у порога. Ждут…
У смерти есть тоже предбанник.
И немцы по-деловому
Одежду с пришедших снимают и в кучи кладут.

И явь прерывается
Вдруг
Еще большей явью:
Тысячи пристальных,
Жизнь обнимающих глаз,
Воздух вечерний,
И небо,
И землю
Буравя,
Видят все то, что дано нам увидеть
Раз!

И выстрелы.
Выстрелы.
Звезды внезапного света.
И брат обнимает последним объятьем сестру…
Если есть Бог и Он видел и слышал все это,
Зачем не хотел Он со всеми погибнуть в Яру?!

А люди подходят и падают в яму, как камни…
Дети – на женщин и старики – на ребят.
И, как пламя, рвущимися к нему руками
За воздух хватаются
И, обессилев, проклятья хрипят.

Девочка снизу: - Не сыпьте землю в глаза мне!
Мальчик: – Чулочки тоже снимать?*..
И замер,
В последний раз обнимая мать.
…
Я пришёл к тебе, Бабий Яр,
Если я с ума не сойду, -
Обрету беспокойный дар –
Мертвецов вызыватьв бреду.

Здесь и ныне кости лежат,
Черепа желтеют в пыли.
И земли белеет лишай
Там, где братья мои легли.
…
И ребёнок сказал: - Не забудь!
И сказала мать: - Не прости!

И закрылась земная грудь,
Я стоял не в Яру – на пути… [**13**, 170-5].

**слова жертв согласно показаниям очевидцев*

1.6.37

АБ МИШЕ

Из книги «**Посреди войны. Посвящения**»

У киевских стариков Хаси и Исаака Б-манов сыновья ушли на фронт, а младшая часть семьи, дочери, снохи и внуки, бежали от немцев в далекую уральскую глушь под названием Кувандинка. Намытарясь в чужих домах незваными и нежеланными гостями, эвакуированные дети, вероятно, отписали про свое неустройство старикам, и тех встрепенула тревога. В начале августа 1941 года из Киева в Кувандинку донеслось:

«Здравствуйте Дорогие Дети. Мы живы и здоровы дай бог вас скоро увидеть все оторвались от нас я всегда плачу… сонечка мы тоже страдаем но дома не на чужбине претстав себе наше переживание когда Боря от нас ушел и Муля остались одне Мулю перевели из Киева куда незнаем и почему… тетя и дядя уехали Надя и Ляля уехали. Гига и Лёля уехали Вера и Бася уехали так что много из Киева уехали… сонечка вещи ваши у нас смотреть на эту картину можно сума сойти крепитесь мои дети победа будет за нами разбили врага около нас стук грук но ничево все терпят… сонечка можно вам ехать обратно дома все есть ваша мама Хася.

Дорогая хозяйка я прошу вас не обижайте моих детей они имеют дома все не щитайтесь ни счем гора и гора не изходится человек с человеком всегда. Желаю вам добра…»

Муж Хаси Исаак, деловито приписав подробности о взятых на сохранение вещах («забрал всю одежу и даже кровать забрал севодня на солнце сушу одежу»), добавил: «Каждый день плачем про вас потерпите Бог даст врага победим папа и дедушка И. Б-ман». И тоже обратил пару слезных слов к дальним хозяевам детей: «Прошу жалеть моих детей Бог вам помилует».

Это еще только начало августа, с фронта доносятся «стук грук», но верится, что немцев отобьют, сам Сталин обещал: «Победа будет за нами!». И все ещё живы, даже фронтовики, даже Муля, которого убили 11 августа 1941 года, а Боре быть

убитым лишь в сентябре, Арона же вообще пока не взяли в армию. И голубеет августовское небо, но из его ласковой глубины все чаще и грозней взвывают немецкие моторы, и в дыме бомбардировок тает, сникает надежда…

25 августа из Киева в Кувандинку отправляется десятикопеечная открытка, стандартная тогда, с работницей в лихой косыночке на месте марки. Время стариков Б-манов ужималось, как пространство на обороте открытки под слабеющей рукой Хаси, и она убористо сгоняла на него торопливые слова:

Дорогие мои Дети мы живы и здоровы дай бог видеть вас всех 24 отправили Арона остались одне забрали моих детей я незнаю и не могу перенести от меня забрали 3 сына у Красной Армеи… где вы дети мои все пусто куда не глянешь мне все надо перенести без детей я жду щастя когда все вернутся на свои места…

…и дальше, и дальше все так же взахлеб… без перебивок, одним выдохом, одним всхлипом, бог с маленькой буквы, а дети – ценнейшее! – с большой…

«…что у вас есть все подробно напиши Сонечка я волнуюсь что у вас нет теплой одежды… будте здоровы целую вас всех мама».

Болеющим за детей старикам всего-то через месяц предстоит выйти из своего дома номер 3 по Васильковскому переулку и отправиться сквозь город, золотой от увядающих листьев, обстукиваемый падающими каштанами, опоясанный орденской лентой реки, облитый мягким солнцем на бархатном подкате знаменитого своего бабьего лета – сквозь сентябрьский, еще картиннее августовского, Киев, мимо вальяжных его фасадов и покойных куполов, протечь в потоке евреев с младенцами на руках, с жалкими пожитками на плечах или под мышкой или на тележке… Старики, дети, повозки, инвалидная коляска, ползущий среди толпы грузовик…

Шли и Б-маны, Хася с Исааком, наверно, поддерживая друг друга, а может быть, теснясь со своими не поспевшими сбежать на холодный Урал домочадцами: Кларой, женой Арона, и их смешливой дочкой Розой. Еще остались где-то спрятаны другие внуки, дети Мули – двухлетний Яшенька и десятилетний Марик, их судьба тревожила Хасю и Исаака, но и здесь было неясно, куда и зачем они идут, покорные немецкому приказу, как и неясно, стоило ли ослушаться приказа, – и тоскливо каменело в груди, пока скорбное шествие не уперлось в ворота еврейского кладбища на Дегтяревской улице и просочилось за проволочное заграждение рядом с

кладбищенской стеной, под охрану немецких солдат и украинских полицаев, которые направляли людей мимо кладбища в рощу, попутно облегчая их от вещей как от последней связи с жизнью.

Здесь-то, наверно, Хася и Исаак стали благословлять ту минуту, когда их дети очутились в Кувандинке, и радоваться их бездомью и голоданию вдали от этого ужаса, перехватывающего горло, потому что впереди, за рощей, дорога вела под уклон, там немцы с овчарками и дубинками пропускали сквозь свой коридор людей, избивая, калеча, убивая; взвивался визг, гремели команды, истошно и жалко вопили дети, прорывалось издалека какое-то тарахтенье, и когда из коридора Хасю и Исаака вынесло на поляну, где полицаи раздевали людей, а потом голых и полуголых гнали поодиночке вверх по склону горы навстречу нарастающему мерному стуку, старики, уже оторванные друг от друга и от невестки Клары с Розочкой, вряд ли что-нибудь соображали на страшном своем бегу, но если бы посреди всеохватного безумия им выдался проблеск здравомыслия, их могло бы озарить утешение, что те уральские горемыки живы, и спрятанные Яша с Марком живы, и сыновья-фронтовики, Бог даст, останутся живы – с этой спасительной мыслью они бы уже очутились на гребне горы, обрывающемся над оврагами, и здесь тот машинно-спокойный стук оказался стрельбой из пулемета, но уже ни о чём некогда думать, потому что и Хася и Исаак рухнули с песчаного обрыва в месиво тел там, внизу, в сияющей под солнцем черноте Бабьего Яра.

Может быть, последним их счастьем было не знать, что Клара и Розочка тоже убиты здесь, и десятилетняя Розочка стала седой в предрасстрельные полчаса, и что сыновья их на фронте уже успели все погибнуть: Муля в далекой Карелии, Боря и Арон рядом на Украине, а счастливо укрывшиеся от Бабьего Яра Марик и Яшенька года не пройдет как будут выданы соседкой немцам и уйдут на расстрел вдогонку бабушке и дедушке. Оплаканные же дети, бедствующие на Урале, они и их потомки донесут до 1998 года, до Иерусалима письма Хаси и Исаака Б-манов – памятники родительской заботы [**14**, 116-20].

1.6.38
И. ЭРЕНБУРГ
Бабий Яр

К чему слова и что перо,

Когда на сердце этот камень,
Когда, как каторжник ядро,
Я волочу чужую память?
Я жил когда-то в городах,
И были мне живые милы,
Теперь на тусклых пустырях
Я должен разрывать могилы,
Теперь мне каждый яр знаком,
И каждый яр теперь мне дом.
Я этой женщины любимой
Когда-то руки целовал,
Хотя, когда я был с живыми,
Я этой женщины не знал.
Мое дитя! Мои румяна!
Моя несметная родня
Я слышу, как из каждой ямы
Вы окликаете меня.
Мы понатужимся и встанем,
Костями застучим – туда,
Где дышат хлебом и духами
Еще живые города.
Задуйте свет. Спустите флаги.
Мы к вам пришли. Не мы – овраги [**13**, 169-70].

Заметание следов

1.6.39

Из показаний свидетеля П. Блобеля на судебном процессе в Нюрнберге

В июне 1942 года [начальник гестапо] группенфюрер Мюллер поручил мне уничтожить следы экзекуций, производившихся айнзацгруппами на Востоке. Мне было дано указание явиться в полицию безопасности и СД и устно передать им приказ Мюллера и быть ответственным за выполнение. … группенфюрер Мюллер дал указание, чтобы из-за строжайшей секретности по этому делу не велась никакая переписка… В мае и июне 1943 года… этот приказ начали приводить в исполнение.

Во время моего визита в августе я лично наблюдал за сожжением тел в общей могиле под Киевом. Могила была около 55 м длиной, 3 м шириной и 2,5 м глубиной. После того как верхний слой был снят, трупы были политы горючим материалом и подожжены. Прошло около двух дней, пока могила прогорела до дна. Я лично удостоверился, что прогорело все до самого дна. После этого могила была засыпана, и так почти все следы были заметены.

Ввиду приближения линии фронта невозможно было уничтожить все массовые могилы, которые находились дальше на юге и к востоку. В связи с этим я поехал с докладом в Берлин, после чего оттуда был послан группенфюрером Мюллером в Эстонию.

Сожжение трупов началось только в мае или июне 1944 года. Я помню, что сожжение производилось в районе Риги и Ревеля [Таллинн]. Я присутствовал при таких нескольких операциях под Ревелем, но могилы здесь были меньше и содержали примерно по 20 – 30 тел. Могилы в районе Ревеля были примерно в 20 – 30 км к востоку от города, в болотистой местности, и я думаю, что 4—5 таких могил были вскрыты, а труппы сожжены.

…в мои обязанности [уничтожить следы экзекуций] входили все районы действий айнзацгрупп, но ввиду отступления из России я не смог полностью выполнить этот приказ…

Нюрнберг, 18 июня 1947

Пауль Блобель [**1**,275-6].

ИСТОЧНИКИ

1. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944). Иерусалим, 1991.
2. The Trial of Adolf Eichmann. Record of Proceedings in the District Court of Jerusalem. Vol. 1. Jerusalem, 1992.
3. Катастрофа и героизм еврейского народа. Иерусалим, 1991.
4. **В. Гроссман**. На еврейские темы. Т. 1. Иерусалим, 1985.
5. **Л. Гинзбург**. Бездна. Москва, 1967.
6. **А. Вознесенский**. Дубовый лист виолончельный. Москва, 1975.
7. Чёрная книга. Иерусалим, 1980.
8. Історичні зошити, Київ 1991, № 4.
9. Арх. Яд ва-Шем, М 33/329.
10. Неизвестная Чёрная книга. Иерусалим-Москва, 1993.
11. Судебный процесс о зверствах немецко-фашистских захватчиков на территории гор. Харькова и Харьковской области в период их временной оккупации. Москва (?), 1943.

12. **Б. Слуцкий**. Работа. М., 1964.

13. **Бабий Яр.** Иерусалим, 1991.

14. **Аб Мише**. Посреди войны. Посвящения. Иерусалим, 1998.

1.7. Фабрики смерти евреев Европы

Концентрационные лагеря - история и функции

1.7.1

А. ВАЙС

Категории лагерей – их характер и роль в осуществлении «окончательного решения еврейского вопроса»

В первый период существования лагерей, 1933-1939 гг. нацистские лидеры рассматривали концентрационные лагеря как одно из наиболее эффективных средств укрепления своей власти с политической и идеологической точек зрения…

Среди целей, для которых предназначались лагеря, были воспитание эсэсовцев в духе национал-социалистской идеологии, подавление внутренних врагов режима и обеспечение военной и политической власти “Германской расы господ”. Волна арестов, прокатившаяся между февралем и апрелем 1933 г., была направлена, главным образом, против коммунистов и их сторонников, социал-демократов и анархистов…

Первым официальным концентрационным лагерем стал Дахау, основанный 22 марта 1933 г. и подчинённый СС. Временные строения - старые военные бараки, заброшенные фабрики, склады и покинутые виллы - использовались для “неофициальных” заключенных. Люди СА, которые инициировали и проводили “неофициальные” аресты, выполняли также функции охранников и следователей. Места лишения свободы иногда именовались “бойнями”… К концу 1933 г. в рейхе было уже несколько дюжин лагерей, принадлежащих различным властям; одними ведала СС, другими - полиция.

С 1934 до 1937 г. сущность концентрационных лагерей становилась все более отчетливой; охранные функции, внутренний распорядок, осуществление наказаний и отношение персонала лагерей к заключенным стали регламентированными. Характерной чертой этих лет явилось расширение перечня лагерных узников, который отныне включал, помимо политических заключенных, “антиобщественные элементы” и гомосексуалистов.

1938 г. обозначился рядом событий:

1.*Увеличение числа заключенных* в концентрационных лагерях вследствие ареста политических противников в Австрии и Судетах - областях, присоединенных к рейху в этом году.

2. *Массовые аресты евреев*. После Хрустальной ночи около 35 000 евреев были брошены в концентрационные лагеря и другие места заключения, главным образом, чтобы побудить немецких евреев к массовому бегству из Германии. Значительное число заключённых было освобождено при условии их согласия на немедленную эмиграцию. Массовое заключение евреев в концентрационные лагеря со всей недвусмысленностью указало путь использования концентрационных лагерей для “решения еврейской проблемы” в соответствии с нацистской политикой того периода, заключавшейся в удалении евреев с территории Рейха.

3. *Начало использования труда заключенных в экономических целях*. Заключенные использовались для принудительных работ в карьерах Флоссенбурга и Маутхаузена. Надо подчеркнуть, что на этой стадии экономические соображения находились на заднем плане, главной целью немцев было унизить и деморализовать заключенных, а также уничтожать их посредством непосильного труда. Экономическая эксплуатация узников лагерей достигла своего пика на второй стадии войны, после 1942 г.

4. *Передача заключенных*, арестованных гражданскими властями, из тюрем в концентрационные лагеря... Лагеря отныне выполняли новые функции, став трудовыми лагерями и лагерями “перевоспитания”…

Когда в сентябре 1939 г. разразилась война, в Рейхе имелось шесть концентрационных лагерей: Дахау, Саксенхаузен-Ораниенбург, Маутхаузен, Флоссенбург, Бухенвальд и женский лагерь Равенсбрюк с 21 400 узниц. С 1933 по 1939 гг. в концентрационные лагеря было отправлено 165000 - 170000 заключенных.

На второй стадии существования лагерей, с начала войны в сентябре 1939 г. и до марта 1942 г. лагеря стали… одним из инструментов проведения нацистской

политики на оккупированных территориях. Война увеличила необходимость использования экономических возможностей оккупированных территорий, включая живую силу … Соответственно, было воздвигнуто множество трудовых и концентрационных лагерей…

Нацистская политика по отношению к евреям также изменилась после сентября 1939 г… Вслед за экономическими декретами и привлечением к принудительному труду пришла изоляция евреев и их концентрация в гетто. Прокладывался путь к "окончательному решению еврейского вопроса" - начиная от разовых убийств в первые дни оккупации, продолжаясь… массовыми казнями, совершаемыми Айнзацгруппами на Востоке, и вплоть до массового уничтожения в лагерях смерти… Лагеря стали одним из самых важных звеньев этой политики.

Технические средства и тренировка персонала, которая в дальнейшем облегчила выполнение "окончательного решения", выкристаллизовались тогда же. Сюда относится и использование газа для убийства хронических душевнобольных в рамках программы эвтаназии. Эта программа длилась с сентября 1939 г. до ее официального прекращения в августе 1941 г., и предположительно привела к 80000 - 100000 жертв, включая примерно 1000 евреев. "Душегубки", которые использовались Айнзацгруппами на восточном фронте и в лагере Семлин (Саймисте), послужили для убийства от 97000 до 100000 человек. Политика "селекции", то есть истребления лагерных заключенных с "ослабленным здоровьем", также развернулась в это время. Она продолжалась до апреля 1943 г. и привела к смерти около 20000 заключенных.

Возведенные в период от сентября 1939 г. до марта 1942 г. лагеря разделялись на следующие категории:

1. *Лагеря для поляков* …

2. *Лагеря военнопленных*… В них среди 400000 пленных польских солдат было 60000 евреев. Их отделили от остальных, и содержали в тех же условиях, что и узников концентрационных лагерей.

Офицеры, включая еврейских офицеров - не очень многочисленных в польской армии до сентября 1939 г. - переправлялись в специальные лагеря для офицеров. Здесь еврейских офицеров также отделяли от их коллег и помещали в квази-гетто внутри лагерей.

3. *Лагеря для заложников* - польских граждан...

4. *Транзитные лагеря*. В период депортации евреев из западной и южной Европы собирали в транзитных лагерях, таких, как Дранси во Франции, Вестерборк в Голландии и Бреедонк в Бельгии... лагеря в северной Италии и в Сербии.

5. *Трудовые лагеря*. Евреи были первыми, кто использовался на принудительных работах в лагерях вблизи их мест проживания. В течение 1940 -1941 гг. для евреев были созданы закрытые трудовые лагеря - большая часть из них рядом с советской границей - где евреев использовали для строительства фортификационных сооружений с целью подготовки германского вторжения в Советский Союз. ... После германского вторжения на восток трудовые лагеря для евреев с октября 1941 г. создавались на всех оккупированных территориях. Они были организованы местной полицией и командованием СС в зонах оккупации и *не подчинялись* высшему руководству концентрационных лагерей. В этих лагерях упор делался на эксплуатацию трудового потенциала заключенных, но вследствие смертоносных условий, которые там превалировали, они вскоре стали массовыми могильниками.

Широко распространенным названием таких лагерей является эсэсовское *Zwangsarbeitslager* (лагеря принудительного труда). Трудовые лагеря, в которых концентрировались исключительно евреи именовались *Judenlager* (лагеря для евреев), сокращенно - *Julag*.

6. Имелось множество других категорий лагерей и мест заключения, среди них *лагеря безопасности* (*Sicherungslager*), где заключенные находились в течение ограниченного периода, чаще всего несколько месяцев перед судом, после которого передавались в концентрационные лагеря. Были также *коммунальные лагеря* (*Gemeinschaftslager*), *лагеря для размещения* (*Wohnlager*), где содержались иностранные рабочие рейха. Эти лагеря не имели ограждения и охраны; условия проживания здесь были относительно хорошими.

7. *Концентрационные лагеря*. Значительные изменения в количестве и предназначении концентрационных лагерей произошли после того, как вспыхнула война. Дополнительно к упоминавшимся выше наиболее известными лагерями были Штутгоф, основанный в 1939 г.; Натцвейлер-Штутгоф, Нойенгамме, Гросс-Розен и Освенцим были основаны в 1940 г., а Нидерхаген и Люблин-Майданек в 1941 г. Вскоре после этого в Майданеке и Освенциме были организованы центры массового уничтожения...

Помимо роста числа лагерей произошли также изменения в составе лагерного населения. В результате войны и возрастания террора на оккупированных странах, в

концентрационные лагеря были высланы заключенные различных национальностей. Интернированными вначале были чехи и поляки; позднее к ним присоединились национальности большинства стран оккупированной Европы. Так, например, операция “Ночь и туман” началась во Франции в качестве возмездия за деятельность, направленную против германской армии. Тысячи заключенных были арестованы во время этой операции и направлены в концентрационные лагеря. Операция впоследствии распространилась на Норвегию, Голландию, Данию и Бельгию. К концу 1941 г. в концентрационных лагерях были созданы отделения для советских военнопленных в дополнение к специальной сети созданных для них лагерей. Для тысяч военнопленных специальные отделения концентрационных лагерей фактически были лагерями смерти.

...В период с осени 1939 г. до начала 1942 г., концентрационные лагеря, которые являлись до войны средством сокрушения и ликвидации отдельных политических и идеологических оппонентов нацистскому режиму, продолжили выполнение своих функций. Но в то же время перед ними были поставлены новые задачи: подавлять оккупированные страны и использовать труд заключенных для содействия военным усилиям Германии. Что касается еврейского вопроса, то все разнообразные виды лагерей превратились в основной инструмент исполнения «окончательного решения», и массовое уничтожение фактически началось в лагере Хелмно в декабре 1941 г. Концепции и методы, которые были испытаны и отработаны в этот период, применялись во все большем масштабе и в возрастающем темпе с конца 1942 г. почти до самого конца войны.

…С марта 1942 г. лагеря развивались в двух направлениях: с одной стороны, беспрецедентная эксплуатация, с другой - массовое убийство евреев. “Окончательное решение” продолжало оставаться основной целью нацистской политики, даже когда некоторые евреи направлялись на работу в концентрационных лагерях и их филиалах.

Между 1942 и 1945 годами имело место дальнейшее увеличение числа концентрационных лагерей и изменение их организационной структуры. Каждый головной концентрационный лагерь обладал широкой сетью филиалов. Различные лагеря в самом рейхе и на оккупированных территориях, которые до того момента не имели формального статуса, встраивались в сеть концентрационных лагерей. Среди них были лагерь Дора-Миттельбау, основанный в 1943 г., а с 1944 г. и стал

самостоятельный концентрационный лагерь; Рига-Кайзервальд, который получил статус концентрационного лагеря в 1943 г.; Плашов возле Кракова, получивший такой статус в 1944 г.; Берген-Бельзен, созданный вначале как транзитный и пересыльный лагерь для обладателей заграничных паспортов и ставший полномасштабным концентрационным лагерем в 1944 г... Некоторые гетто также были преобразованы в концентрационные лагеря на последних этапах своего существования… Многие гетто становились трудовыми лагерями прежде чем их ликвидировали, например, Julag во Львове.

В 1942 г. германские службы вооружения озаботились трудовыми ресурсами, особенно после того, как волны депортаций в лагеря смерти опустошили гетто. Исходя из необходимости использования труда заключенных, руководство полиции и СС в генерал-губернаторстве и министр вооружений заключили соглашение, что рабочие, которые необходимы для производства продукции военного значения, должны быть собраны в лагерях, управляемых СС. В середине 1942 г. Гиммлер утвердил это соглашение, но подчеркнул, что оно является временным компромиссом, и что уничтожение евреев в генерал-губернаторстве должно быть закончено до конца текущего года. Гиммлер критиковал военные власти за желание продолжать использовать евреев на своих фабриках… В соответствии с этим временным компромиссом некоторое число физически крепких евреев было отобрано из оставшихся в гетто и направлено в трудовые лагеря СС и лагеря отдельных предприятий. Заключенные этих лагерей считались узниками СС, и фирмы были обязаны платить СС за каждого рабочего-заключенного.

8. *Лагеря смерти*

Лагеря смерти играли решающую роль в “окончательном решении еврейского вопроса в Европе”. Эти лагеря были созданы с одной специальной целью - массовое уничтожение. К ним относились:

Хелмно - процесс уничтожения продолжался с перерывами с 8 декабря 1941 г. до середины января 1945 г.

Белжец - создан в ноябре 1941 г. Газ стали использовать для уничтожения заключенных с февраля 1942 г. и до начала 1943 г. Лагерь был ликвидирован в июне 1943 г.

Собибор - действовал с апреля 1942 г. до середины октября 1943 г.

Треблинка – создан в 1940 г. Треблинка I была основана как трудовой лагерь. В начале 1942 г. предпринята организация лагеря Треблинка II. Массовое уничтожение с использованием газа имело место с 23 июня 1942 г. по 2 августа 1943 г.

Люблин-Майданек - организован в ноябре 1942 г. Массовое уничтожение началось в конце 1942 г. и продолжалось до июля 1944 г.

Освенцим - Освенцим I был организован как концентрационный лагерь в мае 1940 г. В Освенциме II (Биркенау) газовые камеры и крематории использовались с 26 ноября 1941 г. до ноября 1944 г.

Рауль Хилберг дает краткое, но исчерпывающее описание методов, используемых в лагерях смерти: “человек сходил с поезда, и к вечеру его тело сжигалось, а его одежда упаковывалась для отправки в Германию”. Таким образом немецкая машина убийств работала методично и эффективно, и для миллионов, которые отправлялись на смерть, не было возможности представить, что их ждет, и подготовиться к сопротивлению.

Установление числа еврейских жертв лагерей смерти является проблематичным. Немцы не вели точную регистрацию смертей; наоборот, они делали все, что могли, чтобы уничтожить следы своих преступлений. В результате имеются существенные расхождения в оценке числа убитых евреев.

Следующая таблица дает оценочные количества тех, кто погиб в лагерях смерти (слева приводится максимальная оценка, а справа - минимальная):

Хелмно	310000	152000
Белжец	600000	600000
Собибор	250000	250000
Треблинка II	900000	900000 (700000)
Майданек	200000	120000
Освенцим-Биркенау	2500000	свыше 1200000 (1500000)
Всего	4760000	3222000

Кроме того, число тех, кто погиб в Штутгофе, составляет 85000, а в Гросс-Розене - 40000. Значительное число этих жертв были евреями.

Более широко известные оценки определяют число еврейских жертв между 3300000 и 3500000. Из всех жертв Холокоста, которых насчитывают свыше 5800000,

около 60 процентов погибших евреев, по самой низшей оценке, были уничтожены в лагерях смерти [**1**, 207-33].

Конвейер смерти

1.7.2

В. ГРОССМАН

Треблинский ад

(первый очерк о лагерях уничтожения евреев, написан в 1944 г. после освобождения Треблинки Советской армией, в которой автор служил военным корреспондентом).

… В этом лагере ничто не было приспособлено к жизни, а все было приспособлено для смерти. Существование этого лагеря должно было, по замыслу Гиммлера, находиться в глубочайшей тайне – ни один человек не должен был живым уйти из него. Ни одному человеку не разрешалось приблизиться к этому лагерю. Стрельба по случайным прохожим открывалась без предупреждения за один километр. Самолетам германской авиации запрещалось летать над этим районом. Жертвы, подвозимые эшелонами по специальному ответвлению железной ветки, до последней минуты не знали о ждущей их судьбе. Охрана, сопровождавшая эшелоны, не допускалась даже во внешнюю ограду лагеря. При подходе вагонов охрану принимали лагерные эсэсовцы. Эшелон, состоявший обычно из шестидесяти вагонов, расчленялся в лесу перед лагерем на три части, и паровоз последовательно подавал по двадцать вагонов к лагерной платформе. Паровоз толкал вагоны сзади и останавливался у проволоки, – таким образом, ни машинист, ни кочегар не переступали лагерной черты. Когда вагоны разгружались, дежурный унтер-офицер войск СС свистком вызывал ожидавшие в 200 метрах новые двадцать вагонов. Когда разгружались полностью все шестьдесят вагонов, комендатура лагеря по телефону вызывала со станции новый эшелон, а разгруженный шел дальше по ветке к карьеру, где вагоны грузились песком и уходили на станцию Треблинка-Малкинья уже с новым грузом.

… Эшелоны шли к Треблинке в течение тринадцати месяцев, в каждом эшелоне было шестьдесят вагонов, и на каждом вагоне мелом были написаны цифры 150 – 180 – 200. Эта цифра показывала количество людей, находящихся в вагоне.

… Тринадцать месяцев – 396 дней – эшелоны уходили, груженные песком или пустыми, ни один человек из прибывших в лагерь не уехал обратно.

… В июле [1942 года] первые эшелоны уже шли из Варшавы и Чехословакии в Треблинку. Людей извещали, что их везут на Украину для работы в сельском хозяйстве. Разрешалось брать с собой 20 килограммов багажа и продукты питания. Во многих случаях немцы заставляли свои жертвы покупать железнодорожные билеты до станции «Обер Майдан». Этим условным названием немцы именовали Треблинку. Дело в том, что слух об ужасном месте вскоре прошел по всей Польше, и слово «Треблинка» перестало фигурировать у эсэсовцев при погрузке людей в эшелоны. Однако обращение при погрузке в эшелоны было таким, что не вызывало уже сомнений о судьбе, ждущей пассажиров. В товарный вагон набивалось не менее 150 человек, обычно 180 – 200. Весь путь, который длился иногда два-три дня, заключенным не давалось воды… люди пили собственную мочу. Охрана требовала за глоток воды сто злотых и, получив деньги, обычно воды не давала. Люди ехали, прижавшись друг к другу, иногда даже стоя, и в каждом вагоне, особенно в душные летние дни, умирало к концу путешествия несколько стариков и больных сердечными болезнями. Так как двери до конца путешествия ни разу не открывались, то трупы начинали разлагаться, отравляя воздух в вагонах. Едва кто-либо из едущих зажигал в ночное время спичку, охрана открывала стрельбу по стенам вагона. Парикмахер Абрам Кон рассказывает, что в его вагоне было много раненых и пятеро убитых в результате стрельбы охраны по стенам вагона.

Совершенно иначе прибывали в Треблинку поезда из западноевропейских стран – Франции, Болгарии, Австрии и т. д. Здесь люди ничего не слышали о Треблинке, и до последней минуты верили, что их везут на работу, да притом еще немцы всячески расписывали удобства и прелесть новой жизни, ждущей переселенцев. Некоторые эшелоны прибывали с людьми, уверенными, что их вывозят за границу, в нейтральные страны. За большие деньги они приобрели у немецких властей визы на выезд и иностранные паспорта… Все поезда из европейских стран приходили без охраны, с обычной обслуживающей прислугой, в составе этих поездов были спальные вагоны и вагон-ресторан. Пассажиры везли с собой объемные кофры и чемоданы, большие запасы продуктов. Дети пассажиров выбегали на промежуточных станциях и спрашивали, скоро ли будет… «Обер Майдан».

… Для последнего обмана людей, приезжавших из Европы, железнодорожный тупик в лагере смерти был оборудован наподобие пассажирской станции. На

платформе, у которой разгружались очередные двадцать вагонов, стояло вокзальное здание с кассами, камерой хранения багажа, с залом ресторана; повсюду имелись стрелы-указатели: «Посадка на Белосток», «На Барановичи», «Посадка на Волковыск» и т. д. К прибытию эшелона в здании вокзала играл оркестр, все музыканты были хорошо одеты. Швейцар в форме железнодорожного служащего отбирал у пассажиров билеты и выпускал их на площадь.

Три-четыре тысячи людей, нагруженных мешками и чемоданами, поддерживая стариков и больных, выходили на эту площадь. Матери держали на руках детей, дети постарше жались к родителям, пытливо оглядывая площадь. Что-то тревожное и страшное было в этой площади, вытоптанной миллионами человеческих ног. Обостренный взор людей быстро ловил тревожащие мелочи. На торопливо подметенной – видимо, за несколько минут до выхода партии – земле видны были брошенные предметы: узелок с одеждой, раскрытые чемоданы, кисти для бритья, эмалированные кастрюли. Как попали они сюда? И почему сразу же за вокзальной платформой оканчивается железнодорожный путь, растет желтая трава и тянется трехметровая проволока? Где же путь на Белосток, на Седлец, Варшаву, Волковыск? И почему так странно усмехаются новые охранники, оглядывая поправляющих галстуки мужчин, аккуратных старушек, мальчиков в матросских курточках, худеньких девушек, умудрившихся сохранить в этом путешествии опрятность одежды, молодых матерей, любовно поправляющих одеяльца на своих младенцах?..

… В тех случаях, когда заключенные знали, куда их везут, вспыхивали бунты. Крестьянин Скржеминский видел, как из двух поездов, выломив двери, вырвались люди и, опрокинув охрану, кинулись к лесу. Все до единого в обоих случаях были убиты из автоматов. Мужчины несли с собой четырех детей в возрасте 4 – 6 лет. И дети эти также были убиты. О таких случаях борьбы с охраной рассказывает крестьянка Марьяна Кобус. Однажды не ее глазах, когда она работала в поле, были убиты 60 человек, прорвавшихся из поезда к лесу.

… Вторая фаза обработки прибывшей партии характеризуется подавлением воли людей короткими беспрерывными и быстрыми приказами. Эти приказы произносятся тем знаменитым тембром голоса, которым так гордится немецкая армия, тембром, являющимся одним из «доказательств» принадлежности немцев к расе господ. Буква «р», одновременно картавая и твердая, звучит, как кнут.

«Внимание!» – проносится над толпой, и в свинцовой тишине голос шарфюрера произносит заученные, повторяемые несколько раз на день, много месяцев подряд, слова:

– Мужчины остаются на месте, женщины и дети раздеваются в бараках налево.

Здесь, по рассказам очевидцев, обычно начинаются страшные сцены. Великое чувство материнской, супружеской, сыновней любви подсказывает людям, что они в последний раз видят друг друга. Рукопожатия, поцелуи, благословения, слезы, торопливо произнесенные слова, в которые люди вкладывают всю любовь, всю боль, всю нежность, все отчаяние. Эсэсовские психиатры смерти знают, что эти чувства нужно мгновенно затушить, отсечь. Это один их наиболее ответственных моментов: отделение дочерей от отцов, матерей от сыновей, бабушек от внуков, мужей от жен.

И снова над площадью: «Achtung, Achtung» [*Внимание, внимание* (нем.)]. Именно в этот момент нужно снова смутить разум людей, запорошить его надеждой. Тот же голос рубит слово за словом:

– Женщины и дети снимают обувь при входе в барак. Чулки вкладываются в туфли. Детские чулочки вкладываются в сандалии, ботиночки и туфельки детей. Будьте аккуратны.

И тотчас же снова:

– Направляясь в баню, иметь при себе драгоценности, документы, деньги, полотенце и мыло… Повторяю…

Внутри женского барака находится парикмахерская – голых женщин стригут под машинку, со старух снимают парики. Странный психологический момент. Эта смертная стрижка, по свидетельству парикмахеров, более всего убеждала женщин, что их ведут в баню. Девушки, щупая головы, иногда просили: “Вот тут неровно, подстригите, пожалуйста”. Обычно после стрижки женщины успокаивались, почти каждая выходила из барака, имея при себе кусочек мыла и сложенное полотенце. Некоторые молодые плакали, жалея свои красивые косы.

Для чего стригли женщин? Чтобы обмануть их? Нет, эти волосы нужны были на потребу Германии… свидетели рассказывают, что огромные груды черных, золотистых, белокурых волос, кудрей и кос подвергались дезинфекции, прессовались в мешки и отправлялись в Германию… волосы шли для набивки матрацев, технических приспособлений, плетения канатов для подводных лодок.

…Мужчины раздевались во дворе. Из первой утренней партии отбиралось полтораста—триста человек, обладающих большой физической силой, их

использовали для захоронения трупов и убивали обычно на второй день. Раздеваться мужчины должны были очень быстро, но аккуратно складывая в порядке обувь, носки, белье, пиджаки и брюки… Вещи, признанные достойными быть отправленными в Германию, поступали тут же на склад. С них тщательно спарывались все металлические и матерчатые знаки. Остальные вещи сжигались или закапывались в ямы. Чувство тревоги росло все время. Обоняние тревожил страшный запах, то и дело перебиваемый запахом хлорной извести. Казалось непонятным количество жирных назойливых мух. Откуда они здесь, среди сосен и вытоптанной земли? Люди дышали тревожно и шумно, вздрагивая, вглядывались в каждую ничтожную мелочь, могущую объяснить, подсказать, приподнять завесу тайны над судьбой, жаждущей их. И почему там, в южном направлении, так грохочут гигантские экскаваторы?

Начиналась новая процедура. Голых людей подводили к кассе и предлагали сдавать документы и ценности. И вновь страшный, гипнотизирующий голос кричал: «Achtung, Achtung!..» За сокрытие ценностей – смерть.

В маленькой сколоченной из досок будке сидел шарфюрер. Возле него стояли эсэсовцы и вахманы. Подле будки стояли деревянные ящики, в которые бросались ценности, – один для бумажных денег, другой для монет, третий для ручных часов, для колец, для серег, для брошек с драгоценными камнями и для браслетов. А документы летели на землю, уже никому не нужные на свете, документы живых мертвецов, которые через час уже будут затрамбованными лежать в яме. Но золото и ценности подвергались тщательной сортировке, десятки ювелиров определяли чистоту металла, ценность камня, чистоту воды бриллиантов.

Скоты использовали все – кожу, бумагу, ткани, все, служившее человеку; лишь высшая драгоценность мира – жизнь человека – растаптывалась ими. И какие большие, сильные умы, какие честные души, какие славные детские глаза, какие милые старушечьи лица, какие гордые красотой девичьи головы, над созданием которых природа трудилась великую тьму веков, огромным молчаливым потоком низвергались в бездну небытия! Секунды нужны были для того, чтобы уничтожить то, что мир и природа создавали в огромном и мучительном творчестве жизни.

Здесь у кассы наступал перелом – здесь кончалась пытка ложью, державшей людей в гипнозе неведения, в лихорадке, бросавшей их на протяжении нескольких минут от надежды к отчаянию, от видений жизни к видениям смерти. Эта пытка ложью являлась одним из атрибутов конвейерной плахи, она помогала эсэсовцам

работать. И когда наступал последний акт ограбления живых мертвецов, немцы резко меняли стиль отношения к своим жертвам. Кольца срывали, ломая пальцы женщинам, серьги вырывали, раздирая мочки ушей.

На последнем этапе конвейерная плаха требовала для быстрого своего функционирования нового принципа, и поэтому слово «Achtung» сменялось другим – хлюпающим «Schneller, schneller, schneller». Скорей, скорей, скорей, бегом, в небытие!

Из жестокой практики последних лет известно, что голый человек теряет сразу силу сопротивления, перестает бороться против судьбы, сразу вместе с одеждой теряет и силу жизненного инстинкта, приемлет судьбу, как рок. Непримиримо жаждущий жить становится пассивным и безразличным. Но для того чтобы застраховать себя, эсэсовцы дополнительно применяли на последнем этапе работы конвейерной плахи метод чудовищного оглушения, ввергали людей в состояние психического, душевного шока.

Как это делалось?

Внезапным и резким применением бессмысленной алогичной жестокости. Голые люди, у которых было отнято все, но которые упрямо продолжали оставаться людьми в тысячу крат больше, чем окружавшие их твари в мундирах германской армии, все еще дышали, смотрели, мыслили, их сердца еще бились. Из рук их вышибали куски мыла и полотенца. Их строили рядами по пять человек в ряд.

– Hande hoch! March! Schneller, schneller! [*Руки вверх! Марш! Скорее, скорее!*].

Они вступали на прямую аллею, обсаженную цветами и елками, длиной в сто двадцать метров, шириной в два метра, ведущую к месту казни. По обе стороны аллеи были протянуты проволоки, и плечом к плечу стояли вахманы в черных мундирах и эсэсовцы в серых. Дорога была покрыта белым песком, и те, что шли впереди с поднятыми руками, видели на этом взрыхленном песке свежие отпечатки босых ног: маленьких женских, совсем маленьких детских, тяжелых старческих ступней.

Этот зыбкий след на песке – все, что осталось от тысяч людей, которые недавно прошли по этой дороге, прошли так же, как шли сейчас по ней новые четыре тысячи, как пройдут после этих четырех тысяч, через два часа, еще тысячи, ожидающие очереди на лесной железнодорожной ветке. Прошли так же, как шли вчера и десять дней назад, как пройдут завтра и через пятьдесят дней, как шли люди все 13 месяцев существования треблинского ада.

Эту аллею немцы называли «дорога без возвращения».

Кривляющееся человекообразное существо, фамилия которого Сухомиль, с ужимками кричало, коверкая нарочно немецкие слова:

— Детки, детки, шнеллер, шнеллер, вода в бане уже остывает. Шнеллер, детки, шнеллер, – и хохотало, приседало, приплясывало.

Люди с поднятыми руками шли молча между двумя шеренгами стражи, под ударами прикладов и резиновых палок. Дети, едва поспевая за взрослыми, бежали. В этом последнем скорбном походе все свидетели отмечают зверство одного человекообразного существа, эсэсовца Цэпфа. Он специализировался на убийстве детей. Обладая огромной силой, это существо внезапно выхватывало из толпы ребенка и либо, взмахнув им, как палицей, било его головой оземь, либо раздирало его пополам.

… Действия Цэпфа были нужны, они именно способствовали психическому шоку обреченных, они и были выражением алогичной жестокости, подавляющей волю и сознание. Он был полезным, нужным винтиком в огромной машине фашистского государства.

…Ужасаться нужно не существам этим, а государству, вызвавшему их из щелей, из мрака и подполья и сделавшему их нужными, полезными, незаменимыми в Треблинке под Варшавой, на люблинском Майданеке, в Бельжице, в Сабибуре, в Освенциме, в Бабьем Яру, в Доманевке под Одессой, в Тростянце под Минском, на Понарах в Литве, в десятках и сотнях тюрем, трудовых, штрафных лагерей уничтожения жизни…

Путь от «кассы» до места казни занимал 2—3 минуты. Подхлестываемые ударами, оглушенные криками, люди выходили на третью площадь и на мгновенье, пораженные, останавливались.

Перед ними стояло красивое каменное здание, отделанное деревом, построенное, как древний храм. Пять широких бетонированных ступеней вели к низким, но очень широким, массивным, красиво отделанным дверям. У входа царил хаос – всюду видны были горы свежевскопанной земли, огромный экскаватор, скрежеща, выбрасывал своими стальными клешнями тонны желтой песчаной почвы, и пыль, поднятая его работой, стояла между землей и солнцем. Грохот колоссальной машины, рывшей с утра до ночи огромные рвы-могилы, смешивался с отчаянным лаем десятков немецких овчарок.

С обеих сторон здания смерти шли узкоколейные линии, по которым люди в широких комбинезонах подкатывали самоопрокидывающиеся вагонетки.

Широкие двери здания смерти медленно распахивались, и два подручных Шмитта, шефа комбината, появлялись у входа. Это были садисты и маньяки: один высокий, лет тридцати, с массивными плечами, со смуглым смеющимся, радостно возбужденным лицом и черными волосами; другой помоложе, небольшого роста, шатен, с бледно-желтыми щеками, точно после усиленного приема акрихина.

Высокий держал в руках метровую массивную газовую трубу и нагайку, второй был вооружен саблей.

В это время эсэсовцы спускали натренированных собак, которые кидались и рвали зубами голые тела обреченных. Эсэсовцы с дикими криками били прикладами, подгоняя замерших, словно в столбняке, женщин.

Внутри самого здания действовали подручные Шмитта, вгоняя людей в распахнутые двери газовых камер.

К этой минуте у здания появлялся один из комендантов Треблинки, Курт Франц, ведя на поводу свою собаку Бари. Хозяин специально натренировал ее бросаться на обреченных, вырывать им половые органы. Курт Франц сделал в лагере хорошую карьеру, начав с младшего унтер-офицера войск СС и дойдя до довольно высокого чина унтер-штурмфюрера. Этот тридцатилетний, высокий, худой эсэсовец обладал не только организаторским даром в устройстве конвейерной плахи, он не только обожал свою службу и не мыслил себя вне Треблинки, где все происходило под его неутомимым наблюдением; он был до некоторой степени теоретиком и любил обобщать и объяснять смысл и значение своей работы. Надо бы, чтобы в эти ужасные минуты у здания «газовни» появились римский папа и все другие «гуманнейшие» заступники гитлеризма, появились бы, конечно, в качестве зрителей. Они бы смогли обогатить свои проповеди, книги и статьи новыми аргументами.

…Жители ближайшей к Треблинке деревни Вулька рассказывают, что иногда крик убиваемых женщин был так ужасен, что вся деревня, теряя голову, бежала в дальний лес, чтобы не слышать этого пронзительного просверливающего бревна, небо и землю крика. Потом крик внезапно стихал и вновь столь же внезапно рождался, такой же ужасный, пронзительный, сверлящий кости, череп, душу…

Я расспрашивал одного их пойманных палачей Ш. об этих криках. Он объяснил, что женщины кричали в ту минуту, когда спускали собак и всю партию обреченных

вгоняли в здание смерти. «Они видели смерть, кроме того, там было очень тесно, их страшно били и рвали собаки».

Внезапная тишина наступала, когда закрывались двери камер. Крик женщин возникал вновь, когда к «газовне» приводили новую партию. Так повторялось два, три, четыре иногда пять раз в день. Это была конвейерная плаха, организованная по методу потока, заимствованному из современного крупнопромышленного производства.

И как подлинный промышленный комбинат, Треблинка не возникла сразу в том виде, как мы ее описываем. Она росла постепенно, развивалась, строила новые цеха. Сперва были построены три газовые камеры небольшого размера. В период строительства этих камер прибыло несколько эшелонов, и так как камеры не были еще готовы, все прибывшие были убиты холодным оружием – топорами, молотками, дубинками. Эсэсовцы не хотели стрельбой расшифровывать перед окрестными жителями работу Треблинки. Первые три бетонированные камеры были небольшого размера: 5 х 5 метров, т. е. площадью 25 квадратных метров каждая. Высота камеры 190 сантиметров. В каждой камере имелись две двери – в одну впускались живые люди, вторая служила для вытаскивания загазированных трупов. Эта вторая дверь была очень широка: около двух с половиной метров. Камеры были смонтированы вместе на одном фундаменте.

Эти три камеры не удовлетворяли заданной Берлином мощности конвейерной плахи.

Тотчас же приступили к строительству описанного выше здания… Семьсот заключенных в течение пяти недель работали над зданием нового комбината смерти. В разгар работы приехал из Германии мастер со своей бригадой и приступил к монтажу. Новые камеры общим количеством десять, располагались симметрично по обе стороны широкого бетонированного коридора. В каждой камере, как и в трех предыдущих, имелись две двери – первая со стороны коридора, в нее вводились живые люди; вторая, расположенная параллельно противоположной стене, служила для вытаскивания загазированных трупов. Эти двери выходили на специальную платформу, их было две, симметрично расположенных по обе стороны здания. К платформе подходили линии узкоколеек. Таким образом трупы вываливались на платформы и оттуда сразу же грузились в вагонетки и отвозились к огромным рвам-могилам, которые день и ночь копал колосс-зкскаватор. Пол в камерах был устроен с

большим наклоном от коридора к платформе, и это значительно убыстряло работу по разгрузке камер.

Умерщвление длилось в камере от десяти до двадцати пяти минут. В первое время, когда были пущены новые камеры и палачи не могли сразу наладить газовый режим и производили опыты по дозировкам различных отравляющих веществ, жертвы подвергались страшным мучения, по два-три часа сохраняя жизнь. В самые первые дни скверно работали нагнетательные и отсасывающие устройства, и тогда муки несчастных затягивались на восемь и десять часов. Для умерщвления применялись различные способы: нагнетание отработанных газов от мотора тяжелого танка, служившего двигателем треблинской станции. Этот отработанный газ содержит в себе два-три процента окиси углерода… В течение пятнадцати минут гемоглобин человеческой крови плотно связывается с окисью углерода, и человек дышит «впустую» – кислород перестает поступать в его организм, появляются признаки кислородного голодания: сердце работает с бешеной силой, гонит кровь в легкие, но отравленная окисью углерода, кровь бессильна захватить кислород из воздуха. Дыхание становится хриплым, наступают явления мучительного удушья, сознание меркнет, и человек погибает так же, как гибнет удавленный.

Вторым, принятым в Треблинке способом, получившим наибольшее распространение, было откачивание с помощью специальных насосов воздуха из камер – смерть при этом наступала примерно от таких же причин, как и при отравлении окисью углерода: у человек отнимали кислород. И наконец, третий способ, менее принятый, но все же применявшийся, – убийство паром. И этот способ основывался на лишении организма кислорода: пар вытеснял из камер воздух. Применялись и различные отравляющие вещества, но это было экспериментированием; промышленными способами массового убийства были те два, о которых было сказано выше.

Так весь процесс работы треблинского конвейера сводился к тому, что зверь отнимал у человека последовательно все, чем пользовался он от века по святому закону жизни.

Сперва у человека отнимали свободу, дом, родину и везли на лесной безыменный пустырь. Потом у человека отнимали на вокзальной площади его вещи, письма, фотографии его близких, затем за лагерной оградой у него отнимали мать, жену, ребенка. Потом у голого человека забирали документы, бросали их в костер: у

человека отнято имя. Его вгоняли в коридор с низким каменным потолком — у него отняты небо, звезды, ветер, солнце.

И вот наступает последний акт человеческой трагедии, человек переступил последний круг треблинского ада. Захлопнулись двери бетонной камеры. Усовершенствованные, комбинированные затворы; массивная задвижка, зажим и крюки держат эту дверь. Ее не выломать.

… Через 20 – 25 минут подручные Шмитта заглядывали в глазки. Наступала пора открывать двери камер, ведущие на платформу. Заключенные в комбинезонах, под шумное понукание эсэсовцев приступали к разгрузке. Так как пол был покатым в сторону платформы, многие тела вываливались сами. Люди, работавшие на разгрузке камер, рассказывали мне, что лица покойников были очень желтые и что примерно у 70 процентов убитых из носа и изо рта вытекало немного крови. Физиологи могут объяснить это. Эсэсовцы, переговариваясь, осматривали трупы. Если кто-нибудь оказывался жив, стонал или шевелился, его достреливали из пистолета. Затем команды, вооруженные зубоврачебными щипцами, вырывали у убитых платиновые и золотые зубы. Зубы эти сортировались согласно их ценности, упаковывались в ящики и отправлялись в Германию. Если бы для эсэсовцев было выгодно или удобно вырывать зубы у живых людей, они бы, конечно, не задумываясь, делали это так же, как они снимали волосы с живых женщин. Но, по-видимому, вырывать зубы у мертвых было удобней и легче.

Трупы грузились на вагонетки и подвозились к огромным рвам-могилам. Там их укладывали рядами, плотно – один к другому. Ров оставался незасыпанным – ждал…

…А комендант лагеря, сидя в диспетчерской, обложенный бумагами и схемами, звонил по телефону на станцию Треблинка. Из запасных путей, скрежеща, громыхая, двигался шестидесятивагонный эшелон, окруженный эсэсовской охраной, вооруженной ручными пулеметами и автоматами, проползал по узкой, меж двумя рядами сосен идущей колее.

…экскаваторы работали, урчали, рыли день и ночь новые огромные, на сотни метров ямы и темной многометровой глубины рвы. Рвы стояли незасыпанные. Ждали. Недолго ждали [**2**, 9-17, 22-45].

1.7.3

В. ГРОССМАН

Из романа «**Жизнь и судьба**»

Софья Осиповна Левинтон иногда думала о том, что было прежде – пять курсов Цюрихского университета, летняя поездка в Париж и в Италию, концерты в консерватории и экспедиции в горные районы Центральной Азии, врачебная работа, которую она вела тридцать два года, любимые кушанья, друзья, чья жизнь, с тяжёлыми и веселыми днями сплелась с ее жизнью. Привычные телефонные звонки, привычные словечки: «хош», «пакедова», карточные игры, вещи, оставшиеся в ее московской комнате.

Вспоминались ей люди, Александра Владимировна, Женя, Сережа, Вера, Маруся. Чем ближе были ей, тем дальше ушли они от нее.

Как-то перед вечером, в запертом товарном вагоне эшелона, стоявшего на запасных путях какой-то узловой станции недалеко от Киева, она искала вшей в вороте своей гимнастерки, а рядом две пожилые женщины быстро, негромко говорили по-еврейски. В этот момент она с необычайной ясностью осознала, что это именно с ней, с Сонечкой, Сонькой, Софой, Софьей Осиповной Левинтон, майором медицинской службы, – все это произошло.

Главное изменение в людях состояло в том, что у них ослабевало чувство своей особой натуры, личности и силилось, росло чувство судьбы.

– Кто же действительно, по-настоящему, я, я, я? –думала Софья Осиповна, – та куцая, сопливая, которая боялась папы и бабушки, или та толстая, вспыльчивая, со шпалами на вороте, или вот эта пархатая, вшивая?

Желание и счастье ушли, но появилось множество мечтаний: убить вшей… добраться до щелки и подышать воздухом… помочиться… помыть хотя бы одну ногу… и желание, жившее во всем теле, – пить.

… В вагоне ехали рабочие из артели, радиомонтер, студентки педтехникума, преподаватели профшкол, инженер с консервного завода, зоотехник, девушка – ветеринарный врач…

Софью Осиповну выспрашивали о положении на фронтах, и так как она ничего хорошего не рассказало, ей объяснили, что ее сведения неверные, и она поняла, что в телячьем вагоне есть своя стратегия, основанная на страстной жажде существовать на земле.

– Неужели вы не знаете, что Гитлеру послан ультиматум немедленно выпустить всех евреев?

– Да-да, конечно, это так. Когда чувство коровьей тоски, обреченности сменялось режущим ощущением ужаса, на помощь людям приходил бессмысленный опиум, оптимизм.

Вскоре интерес к Софье Осиповне прошел, и она сделалась путницей, не знающей, куда и зачем везут ее, такой же, как и все остальные. Имени и отчества ее никто не спрашивал, фамилию ее никто не запомнил.

Софья Осиповна даже удивилась, – всего несколько дней понадобилось, чтобы пройти обратную дорогу от человека до грязной и несчастной, лишенной имени и свободы скотиной, а ведь путь до человека длился миллионы лет.

Ее поражало, что в огромном, постигшем людей бедствии их продолжают волновать житейские мелочи, что люди раздражаются друг против друга по пустякам…

К утру Софья Осиповна страдала вместе со всеми от голода и мечтала о глотке воды. И мечта ее была куцая, робкая, ей представлялась консервная мятая банка, на дне которой немного теплой жижи. Она почесывалась быстрым коротким движением, каким собака вычесывает блох.

Теперь, казалось Софье Осиповне, она поняла различие между жизнью и существованием. Жизнь – кончилась, оборвалась, а существование длилось, продолжалось. И хоть было оно жалким, ничтожным, мысль о насильственной смерти наполняла душу ужасом.

Пошел дождь, несколько капель залетело в решетчатое окошечко. Софья Осиповна оторвала от подола своей рубахи тонкую полосу и придвинулась к стенке вагона. И в том месте, где имелась небольшая щель, просунула материю, ждала, пока лоскут напитается дождевой влагой. Потом она втянула лоскут в щель и стала жевать прохладную мокрую тряпку. А у стен и по углам вагона люди тоже стали рвать лоскуты, и Софья Осиповна ощутила гордость – это она изобрела способ ловить, выуживать дождь.

Мальчик, которого Софья Осиповна толкнула ночью, сидел недалеко от нее и следил, как люди запускают тряпки в щели, между дверью и полом. А в неясном свете она увидела его худое, остроносое лицо. Ему, видимо, было лет шесть. Софья Осиповна подумала, что за все время ее пребывания в вагоне с мальчиком этим никто не заговаривал и он сидел неподвижно, не сказал ни с кем ни слова. Она протянула ему мокрую тряпку и сказала:

– Возьми-ка, паренек.

Он молчал.

– Бери, бери, – говорила она, и он нерешительно протянул руку.

– Как тебя зовут? – спросила она.

Он тихо ответил:

– Давид.

Соседка, Муся Борисовна, рассказала, что Давид приехал погостить к бабушке из Москвы и война отрезала его от матери. Бабушка погибла в гетто, а родственница Давида, Ревекка Бухман, которая едет с больным мужем, даже не позволяет мальчику сидеть возле себя.

… «Злата! Злата»! – закричал рыдающий мужской голос.

… В сорокалетнем мозгу Наума Розенберга совершалась привычная ему бухгалтерская работа. Он шел по дороге и считал: на позавчерашних сто десять – вчерашних нестьдесят один, на них шестьсот двенадцать за пятидневку, итого семьсот восемьдесят три… Жаль, что он не вел учет мужчин, детей, женщин… Женщины горят легче. Опытный бреннер* кладет тела так, чтобы костистые, богатые золой старики горели рядом с телами женщин. Сейчас дадут команду – свернуть с дороги – вот так же командовали год назад тем, которых они сейчас откапают и начнут вытаскивать из ям крючьями, привязанными к веревкам. Опытный бреннер по неразрытому холму может определить, сколько тел лежит в яме – пятьдесят, сто, двести, шестьсот, тысяча… Шарфюрер Эльф требует, чтобы тела называли фигурами – сто фигур, двести фигур, но Розенберг зовет их: люди, убитый человек, казненный ребенок, казненный старик. Он зовет их так про себя, иначе шарфюрер впустит в него девять граммов металла, но он упорно бормочет: вот ты выходишь из ямы, казненный человек… не держись руками за маму, вы будете вместе, далеко ты не уйдешь от нее… «Что ты там бормочешь?» – « Я ничего, это вам кажется». И он бормочет – борется, в этом его маленькая борьба… Позавчера была яма, где лежало восемь человек. Шарфюрер кричит: «Это издевательство, команда в двадцать бреннеров сжигает восемь фигур». Он прав, но что делать, если в деревушке были две еврейские семьи. Приказ есть приказ. Раскопать все могилы и сжечь все тела… Вот они свернули с дороги, идут по траве, и вот в сто пятнадцатый раз посреди

зеленой поляны серый холм – могила. Восемь капают, четверо валят дубовые стволы и распиливают их на поленья длиной в человеческое тело. Двое разбивают их топорами и клиньями, двое подносят с дороги сухие старые доски, растопку, банки с бензином, четверо готовят место для костра, роют канавы для поддувала—надо сообразить, откуда ветер.

Сразу исчезает запах лесной прели, и охрана смеется, ругается, зажимает носы, шарфюрер плюет, отходит на опушку. Бреннеры бросают лопаты, берутся за крючья, завязывают тряпками рты и носы… Здравствуйте, дедушка, опять вам пришлось посмотреть на солнце, какой вы тяжелый… Убитая мама и трое детей - два мальчика, один уже школьник, а девочка тридцать девятого года рождения, был рахит – ничего, теперь его нет… Не держись руками за маму, дитя, она никуда не уйдет… «Сколько фигур?» – кричит с опушки шарфюрер. «Девятнадцать, – и тихо про себя: «убитых людей». Все ругаются – полдня прошло. Зато на прошлой неделе раскопали могилу – двести женщин, все молодые. Когда сняли верхний слой земли, над могилой встал серый пар, и охрана смеялась: «Горячие бабы!» Поверх канавок, по которым тянет воздух, кладут сухие дрова, потом дубовые поленья, они дают богатый, жаркий уголь, потом убитые женщины, потом дрова, потом убитые мужчины, снова дрова, потом бесхозные куски тел, потом банку бензина, потом в середку авиационную зажигательную бомбу, потом шарфюрер командует, и охрана заранее улыбается – бреннеры поют хором. Костер горит! Потом золу кидают в яму. Снова тихо. Было тихо и стало тихо. А потом их привели в лес, и они не увидели холма среди зелени, шарфюрер приказал копать яму четыре на два; все поняли; они выполнили задание: восемьдесят девять деревень, на них восемнадцать местечек, на них четыре поселка, на них два районных городка, на них три совхоза – два зерновых, один молочный – итого сто шестнадцать населенных пунктов, сто шестнадцать холмов раскопали бреннеры… Пока бухгалтер Розенберг копает яму для себя и других бреннеров, он подсчитывает: последняя неделя семьсот восемьдесят три, перед этим три декады в сумме дали четыре тысячи восемьсот двадцать шесть сожженных тел, общий итог пять тысяч шестьсот сожженных тел. Он считает, считает, и от этого незаметно идет время, он выводит среднее число фигур, нет, не фигур – человеческих тел… …«Стройся», – кричит старший охранник, и шарфюрер Эльф зычно командует: «Ин ди грубе марш!» Но он не хочет в могилу. Он бежит, падает, снова бежит, он бежит лениво, бухгалтер не умеет бегать, но его не смогли убить, и он лежит в лесу на траве, в тишине и не думает о небе над головой, ни о Златочке, которую убили

беременной на шестом месяце. Он лежит и считает то, что не успел досчитать в яме: двадцать бреннеров, тридцать семь дней, итого бреннеродней… – это раз; два – надо учесть, сколько кубов на человека; три – надо учесть, сколько часов горения в среднем на одну фигуру, сколько…

Через неделю его поймали полицейские и отвели в гетто.

И вот здесь, в вагоне, он все время бормочет, считает, делит, множит. Годовой отчет! Он должен сдать его Бухману, главному бухгалтеру госбанка. И вдруг ночью во сне, взрывая коросту, покрывшую его мозг и сердце, хлынули обжигающие слезы.

«Злата! Злата!» – зовет он.

… Чувство жалости, которое испытывала Софья Осиповна к людям, возникало у нее особенно сильно, когда она смотрела на маленького Давида.

Он обычно молчал и сидел неподвижно. Изредка мальчик доставал из кармана мятую спичечную коробку и заглядывал в нее, потом снова прятал коробку в карман…

Все, что было после начала войны, Давид помнил плохо. Но как-то ночью в вагоне в мозгу мальчика возникло недавно пережитое.

В темноте бабушка ведет его к Бухманам. Небо в мелких звездах, а край неба светлый, зеленовато-лимонный. Листья лопуха касаются щеки, словно чьи-то холодные влажные ладони.

На чердаке – убежище, за фальшивой кирпичной стеной сидят люди. черные листы кровельного железа днем раскаляются. Иногда чердачное убежище заполняется гарным духом. Гетто горит. Днем в убежище все лежат неподвижно. Монотонно плачет Светланочка, дочь Бухманов. У Бухмана больное сердце, днем все его считают мертвым. А ночью он ест и ссорится с женой.

И вдруг лай собаки. Нерусские голоса… над головой нарастает громыхание. Немцы вылезли через слуховое окно на крышу.

Потом гремевший в черном жестяном небе немецкий кованый гром затих. Под стеной слышны лукавые несильные удары – кто-то выстукивал стены.

В убежище наступила тишина. Страшная тишина с напружившимися мышцами плеч и шеи, с выпученными от напряжения глазами, с оскаленными ртами.

Маленькая Светлана под вкрадчивое постукивание по стене затянула свою жалобу без слов. Плач девочки вдруг, внезапно, оборвался. Давид оглянулся в ее сторону и встретил бешеные глаза матери Светланы Ревекки Бухман.

После этого раз или два на короткий миг ему представились эти глаза и откинутая, словно у матерчатой куклы, голова девочки.

А вот то, что было до войны, помнилось подробно, вспоминалось часто. В вагоне он, словно старик, жил прошлым, лелеял и любил его.

Двенадцатого декабря, в день рождения Давида, мама купила ему книгу-сказку. На лесной поляне стоял серенький козлик, рядом тьма леса казалась особо зловещей. Среди черно-коричневых стволов, мухоморов и поганок видна была красная, оскаленная пасть и зеленые глаза волка.

О неминуемом убийстве знал один лишь Давид. Он ударял кулаком по столу, прикрывал ладонью от волка полянку, но он понимал, что не может оградить козленка.

Ночью он кричал:

– Мама, мама!

Мать, проснувшись, подходила к нему, как облако в ночном мраке, и он блаженно зевал, чувствуя, что самая большая сила в мире защищает его от тьмы ночного леса.

… Мать хотела его отдать в детский летний лагерь. Он плакал, умолял ее, всплескивал в отчаянии руками и кричал:

– Обещаю тебе поехать к бабушке, только не в этот лагерь!

Когда мать везла его к бабушке на Украину, он в поезде почти ничего не ел – ему казалось стыдно кушать крутое яйцо или взять из засаленной бумажки котлету.

У бабушки мама пожила с Давидом пять дней и собралась обратно на работу. Он простился с ней без слез, только так сильно обнял руками за шею, что мама сказала:

– Задушишь, глупенький. Здесь столько клубники дешевой, а через два месяца я приеду за тобой…

Вот и пришел последний день дороги. Вагоны заскрипели, заскрежетали тормоза, и стало тихо, потом загрохотали запоры, послышалась команда:

– Alle heraus! [здесь: *выходи* (нем)]

Выходившие из вагонов сбивались в кучи, в стадной скученности было что-то привычное, успокаивающее; в знакомом запахе, в знакомом тепле, в знакомых измученных лицах и глазах, в плотной огромности толпы, вышедшей из сорока двух товарных вагонов.

Звеня по асфальту коваными каблуками, медленно шли два патрульных солдата-эсэсовца в длинных шинелях. Они шагали надменные и задумчивые, не взглянули на молодых евреев, вынесших на руках мертвую старуху с седыми волосами, рассыпавшимися по белому лицу, на курчавого человечка-пуделя, ставшего на четвереньки и пьющего из лужи воду, на горбунью, поднявшую юбку, чтобы приладить вырванную из штанов тесемку.

… Люди в синих комбинезонах, в кепи с большими козырьками, с белыми повязками на рукавах кричали, поторапливали прибывших на странном языке –смеси русских, немецких, еврейских, польских и украинских слов.

Быстро, умело организуют ребята в синих комбинезонах толпу на платформе, отсеивают падающих с ног, более сильных заставляют грузить полуживых на автофургоны, лепят из хаоса противоречивых движений колонну, внушают ей идею движения, придают этому движению направление и смысл.

Колонна строится по шесть человек в ряд, и по рядам бежит известие:

– В баню, сперва в баню!

Казалось, милостивый Бог не придумал бы ничего добрее.

– Ну, евреи, сейчас пойдем, – кричит человек в кепи, старший над командой, проводившей разгрузку эшелона, и оглядывает толпу.

Мужчины и женщины подхватывают сумки, дети вцепляются в материнские юбки и борта отцовских пиджаков.

«В баню… в баню…» – эти слова чаруют, гипнотически заполняют сознание.

В рослом человеке в кепи есть что-то свойское, привлекающее, он кажется близким несчастному миру, а не тем в серых шинелях и касках.

Старуха с молитвенной осторожностью гладит кончиками пальцев рукав его комбинезона, спрашивает:

– Ир зынд а ид, а лытвек, майн кынд?

– Да-да, маменька, их бын а ид, прентко, прентко, панове! – и вдруг зычно, сипло, соединяя в одной команде слова, принятые в двух борющихся между собой армиях, он кричит:

– Die Kolonne marsch! Шагом марш!..

… Путники вышли на просторную площадь. Посреди площади на деревянном помосте, какие обычно устраиваются в местах народных гуляний, стояло несколько десятков людей. Это был оркестр; люди резко отличались друг от друга, так же, как их инструменты. Некоторые оглядывались на приближающуюся колонну. Но вот седой человек в светлом плаще сказал что-то, и люди на помосте взялись за свои инструменты. …воздух, разодранный колючей проволокой и воем сирен, смердящий нечистотами, жирной гарью, весь наполнился музыкой. Словно теплая громада летнего цыганского дождя, зажженного солнцем, рухнула, сверкая, на землю…

Никто так не чувствует музыку, как те, кто изведал лагерь и тюрьму, кто идет на смерть.

Музыка, коснувшись гибнущего, вдруг возрождает в душе его не мысли, не надежды, а лишь одно слепое пронзительное чувство жизни. Рыдание прошло по колонне…

Музыка сумела выразить последнее потрясение души, объединившей в своей слепой глубине все перечувствованное в жизни, радость и горе ее с этим туманным утром, с заревом над головой. Но, может быть, и не так. Может быть, музыка была лишь ключом к чувствам человека. Она распахнула нутро его в этот страшный миг, но не она наполнила человека.

Ведь бывает, что детская песенка заставляет плакать старика. Но не над песенкою плачет старик, она лишь ключ к тому, что находила душа.

Пока колонна медленно вычерчивала полукруг по площади, из лагерных ворот выехал кремово-белый автомобиль. Из него вышел офицер-эсэсовец в очках, в шинели с меховым воротником, сделал нетерпеливый жест, и дирижер, следивший за ним, сразу каким-то отчаянным движением опустил руки – музыка оборвалась.

Раздалось многократно повторенное «halt» [*стой* (нем)].

Офицер проходил мимо рядов. Он указывал пальцем, и колонновожатый вызывал людей из рядов. Офицер оглядывал вызванных безразличным взглядом, и колонновожатый негромко, чтобы не помешать его задумчивости, спрашивал:

– Сколько лет? Профессия?

Отобранных оказалось человек тридцать…

Офицер пошел к машине, потеряв интерес к тысяче людей, стоявших на площади.

Отобранных стали строить по пять в ряд, повернули лицом к транспаранту на лагерных воротах: «Arbeit macht frei!» [*работа делает свободным* (нем)].

Из рядов закричал ребенок, дико и пронзительно закричали женщины. Отобранные люди стояли молча, опустив головы.

Но как передать чувство человека, разжимающего руку жены, и этот последний быстрый взгляд на милое лицо? Как жить, безжалостно вспоминая, что в миг молчаливого расставания глаза твои в какую-то долю секунды заморгали, чтобы прикрыть грубое, радостное чувство сохраненного существования?

Как утопить память о том, что жена сунула мужу в руку узелок, где было обручальное кольца, несколько кусков сахара, сухарь?..

… Софья Осиповна шла ровным тяжелым шагом, мальчик держался за ее руку. Другой рукой мальчик ощупывал в кармане спичечную коробку, где в грязной ватке лежала темно-коричневая куколка, недавно в вагоне вышедшая из кокона. Рядом шагал, бормоча, слесарь Лазарь Янкелевич, его жена Дебора Самуиловна, несла на руках ребенка. За спиной Ревекка Бухман бормотала: «Ой, Боже, ой, Боже, ой, Боже». Пятой в ряду шла библиотекарша Муся Борисовна. Волосы ее были причесаны, воротничок казался белым. Она в дороге несколько раз отдавала пайку хлеба за полкотелка теплой воды. Эта Муся Борисовна никому ничего не жалела, в вагоне ее считали святой, старухи, знавшие толк в людях, целовали ей платье. Впереди ряд состоял из четырех человек: при отборе офицер вызвал из этого ряда сразу двоих – отца и сына Слепых; на вопрос о профессии, они выкрикнули: «Zahnarzt» [*зубной врач* (нем)]. И офицер кивнул: Слепые угадали, выиграли жизнь. Трое оставшихся в ряду шли, болтая руками, их руки оказались ненужными; четвертый шел, приподняв воротник пиджака, заложив руки в карманы, независимой походкой, закинув голову. Впереди, может быть, на четыре-пять рядов выделялся огромный старик в зимней красноармейской шапке.

В затылок Софье Осиповне шла Муся Винокур, которой в теплушке исполнилось четырнадцать лет.

Смерть! Она стала своей, компанейской, запросто заходила к людям, во дворы, в мастерские, встречала хозяйку на базаре и уводила ее с кошелочкой картошки, вмешивалась в игру ребятишек, заглядывала в мастерскую, где дамские портные, напевая, спешили дошить манто для жены гебитскомиссара, стояла в очереди за хлебом, подсаживалась к старухе, штопавшей чулок.

Смерть делала свое будничное дело, а люди свое. Иногда она давала докурить, дожевать, иногда настигала человека по-приятельски, грубо, с глупым гоготом, хлопнув ладонью по спине.

Казалось, люди, наконец, стали понимать ее. Она открыла им свою будничность, детскую простоту. Уж очень легок был этот переход, словно через мелкую речушку, где переброшены деревянные кладки с берега, где дымят избы. На пустынную луговую сторону, - пять-шесть шагов. И все! Чего же, казалось, бояться? Вот по мостушке, стуча копытцами, прошел теленок, вот, ударяя голыми пятками, пробежали мальчишки.

Софья Осиповна услышала музыку. Эту музыку она впервые слышала ребенком, слушала студенткой, молодым врачом; эта музыка всегда волновала живым предчувствием будущего.

Музыка обманула ее. У Софьи Осиповны не было будущего, была лишь прожитая жизнь…

… Когда заиграла музыка, Давиду захотелось вынуть из кармана коробочку на мгновение приоткрыть ее, чтобы куколка не простудилась, и показать ей музыкантов. Но, пройдя несколько шагов, он перестал замечать людей на помосте, лишь зарево в небе и музыка остались. Печальная, могучая мелодия, как чашечку, наполнила его душу до самых краев тоской по матери.

… Все, все, страшившее его сердечко, соединилось, слилось в одно. И страх перед картинкой, где козленок не замечает волчьей тени между стволами елей, и синеглазые головы убитых телят на базаре, и мертвая бабушка, и задушенная девочка Ревекки Бухман, и первый безотчетный ночной страх, заставлявший его отчаянно кричать и звать мать. Смерть стояла во всю громадную величину неба и смотрела – маленький Давид шел к ней своими маленькими ногами. Вокруг была лишь одна музыка, за которую нельзя было схватиться, об которую нельзя было разбить себе голову.

А куколка – у ней ни крыльев, ни лапок, ни усиков, ни глаз. Она лежит в коробочке, глупая, доверчивая, ждет.

Раз еврей – все!

Он икал, задыхался. Если б он мог, он бы сам себя задушил. Музыка смолкла. Его маленькие ноги и десятки других маленьких ног торопились, бежали. У него не было мыслей, он не мог ни кричать, ни плакать. Пальцы, мокрые от пота, сжимали в

кармане коробочку, но он не помнил уже и о куколке, одни лишь маленькие ноги шли, шли, спешили, бежали.

Если б охвативший его ужас длился еще несколько минут, он упал бы с разорвавшимся сердцем.

Когда музыка прекратилась, Софья Осиповна вытерла слезы и сердито произнесла:

– Так, сказал бедняк!

Потом она взглянула на лицо мальчика – оно было так ужасно, что даже здесь выделялось своим особым выражением.

– Что ты? Что с тобой? – вскрикнула Софья Осиповна и резко дернула его за руку. – Что ты, что с тобой? Ведь мы идем мыться в баню.

…Рядом шла жена слесаря, и большеголовый жалкий младенец на ее руках всматривался в окружавшее беззлобным и задумчивым взглядом. Эта жена слесаря ночью в вагоне украла для своего ребенка у одной женщины горсточку сахара. Пострадавшая оказалась совсем слабой. За нее вступился старик по фамилии Лапидус, возле которого никто не хотел сидеть, так как он много мочился под себя.

И вот теперь Дебора, жена слесаря, задумавшись, шла, держа ребенка на руках. И ребенок, день и ночь кричавший, молчал. Печальные и темные глаза женщины делали незаметным уродство ее грязного лица, ее бледных мятых губ.

– Матерь Божья, – подумала Софья Осиповна.

Когда-то, года за два до войны, она глядела, как восходящие из-за тянь-шаньских сосен солнце освещает снеговые белки, а озеро лежит в сумерке, словно бы выточенное из одной, сгущенной до каменной плотности синевы; и тогда она подумала, что нет в мире человека, который не позавидовал бы ей, и тут же с обжегшей ее пятидесятилетнее сердце силой ощутила, что все бы отдала, если б где-нибудь в нищей темной комнате с низким потолком ее обняли бы руки ребенка.

Маленький Давид вызвал в ней особую нежность, которую она никогда не испытывала к детям, хотя всегда любила детей. В вагоне она отдавала ему часть своего хлеба, он поворачивал к ней в полутьме лицо, и ей хотелось плакать, прижать его к себе, целовать частыми, быстрыми поцелуями, которыми обычно матери целуют маленьких детей; она шепотом, так, чтобы он не расслышал, повторяла:

– Кушай, сыночек, кушай.

Она мало разговаривала с мальчиком, странный стыд заставлял ее скрывать возникшее материнское чувство, но она заметила, что мальчик всегда тревожно

следит за ней, если она перебиралась в другую сторону вагона, становился спокоен, когда она была вблизи него…

Дорога отделилась от лагерной проволоки, повела к невысоким приземистым постройкам с плоскими крышами; издали эти прямоугольники с серыми стенами без окон напоминали Давиду огромные кубики, от которых отклеились картинки.

Мальчик… увидел постройки с распахнутыми дверьми и, не зная почему, вынул из кармана коробочку с куколкой, не простившись с ней, швырнул ее в сторону. Пусть живет!..

В сыром, теплом предбаннике, освещенном небольшими прямоугольными окошками, стояла спокойная полутьма.

Деревянные из некрашеных толстых досок скамьи, с написанными масляной краской номерами, терялись в полутьме. Посреди зала до стены, противоположной входу, проходила невысокая перегородка, по одну сторону ее раздевались мужчины, по другую – женщины с детьми.

Это разделение не вызывало в людях тревоги, так как они продолжали видеть друг друга, перекликались: «Маня, Маня, ты здесь?» – «Да-да, я вижу тебя». Кто-то крикнул: «Матильда, приходи с мочалкой, потрешь мне спину!» Чувство успокоения охватило почти всех.

Между рядов ходили серьезные люди в халатах, следили за порядком и говорили разумные слова о том, что носки, чулки, портянки следует вкладывать в ботинки, что нужно обязательно запомнить номер ряда и номер места.

Голоса звучали негромко, приглушенно.

…в эти минуты начальник зондеркоманды снимал телефонную трубку, кладовщик грузил на моторную тележку банки «Циклона» с красными, как на фруктовом джеме, наклейками, и дежурный особого отряда, сидевший в служебном помещении, поглядывал на стену – вот-вот зажжется красная сигнальная лампочка.

Команда «Встать!» внезапно возникла с разных концов предбанника. Там, где кончались скамьи, стояли немцы в черной форме. Люди вошли в широкий коридор, освещенный вделанными в потолок неяркими лампами, покрытыми толстым овальным стеклом. Здесь видна была мускульная сила медленно, плавно изгибающегося бетона, втягивавшего в себя человеческий поток. Было тихо, лишь шелестели шаги идущих босыми ногами людей.

… Вход в камеру открылся и постепенно и вдруг. Медленно скользил народный поток. Старуха и старик, прожившие вместе пятьдесят лет, разделенные при раздевании, сейчас шли рядом. Жена рабочего несла проснувшегося ребенка, мать и сын смотрели поверх голов идущих, рассматривая не пространство, а время… Софья Осиповна снова прижала к себе плечи мальчика. Такой нежности к людям никогда не было в ее сердце.

Она… тяжелым медленным шагом вместе с Давидом переступила стальной порог.

Давид провел ладонью по стальной дверной раме, ощутил гладкий холод. Он увидел в стальном зеркале расплывчатое светло-серое пятно – отражение своего лица. Босые подошвы определили, что пол в камере холодней, чем в коридоре, его недавно мыли, поливали.

Он шел маленькими, небыстрыми шагами по бетонному ящику с низким потолком. Он не видел ламп, но в камере стоял серый свет, словно солнце проникало сквозь затянутое бетоном небо, каменный свет казался не для живых существ.

… Людской поток втекал в камеру, вновь входившие подталкивали уже вошедших, те подталкивали своих соседей, и из этих бесчисленных маленьких толчков локтем, плечом, животом рождалось движение, ничем не отличающееся от молекулярного движения, открытого ботаником Броуном.

Давиду казалось, что его ведут, нужно было двигаться. Он дошел до стены, коснулся ее холодной простоты коленом, потом грудью, дороги больше не было. Софья Осиповна стояла, привалившись к стене.

Несколько мгновений они смотрели на движущихся от двери людей. Дверь оказалась далеко, и понять, где она, можно было по особо густой белизне человеческих тел, сжатых, уплотненных при входе, а затем уже рассыпающихся в пространстве газовой камеры.

…они не удержались у стены, отделились от нее и стали двигаться мелкими шажками. Давид почувствовал, что он двигается быстрее, чем Софья Осиповна. Ее рука сжала его руку, притягивая ее к себе. А какая-то мягкая, постепенная сила оттягивала Давида, пальцы Софьи Осиповны стали разжиматься.

Все плотнее становилась толпа в камере, все медленнее стали движения, все короче шажки людей… И голый мальчик делал крошечные бессмысленные шажки.

Кривая движения его легкого маленького тела перестала совпадать с кривой большого и тяжелого тела Софьи Осиповны, и вот они разделились.

Но тут же Софья Осиповна сдвинулась в прошлое. Существовало только сейчас, теперь. Губы людей дышали рядом, тела их касались, их мысли и чувства стали соединяться.

Давид попал в ту часть вращения, которая, отразившись от стены, двигалась обратно к двери…

…изменились кривые движения, и Давид оказался рядом с Софьей Осиповной. Она прижала мальчика с той силой, которую открыли и замерили рабочие в лагерях уничтожения, – разгружая камеру, они никогда не пытались отделять тела обнявшихся близких людей.

Со стороны двери раздавались крики, люди, видя плотную человеческую массу, заполнявшую камеру, отказывались проходить в распахнутые двери.

Давид видел, как закрылась дверь: дверная сталь, словно притянутая магнитом, мягко, плавно приближалась к стали дверной рамы, и они слились, стали едины.

Давид заметил, что в верхней части стены, за квадратной металлической сеткой, шевельнулось что-то живое, ему показалось, серая крыса, но Давид понял – завертелся вентилятор. Почувствовался сладковатый запах.

Затих шорох шагов, изредка слышались невнятные слова, стон, вскрикивание. Речь уже не служила людям, действие было бессмысленно, оно направлено к будущему, а в газовой камере будущего не было. Движение головы и шеи Давида не породило в Софье Осиповне желание посмотреть туда, куда смотрит другое живое существо.

Ее глаза, читавшие Гомера, газету «Известия», «Геккельбери Финна», Майн Рида, гегелевскую логику, видевшие хороших и плохих людей, видевшие гусей на зеленых курских лужках, звезды в Пулковский рефрактор, блеск хирургической стали, Джиоконду в Лувре, помидоры и репу на базарных рундуках, синеву Иссык-Куля, теперь не были нужны ей. Ослепи ее кто-либо в этот миг, она не почувствовала бы потери.

Она дышала, но дыхание стало тяжелой работой, и она выбилась из сил, производя работу дыхания. Она хотела сосредоточиться на последней мысли под оглушающий звон колоколов. Но мысль не рождалась. Софья Осиповна стояла немая, не закрывая невидящих глаз.

Движение ребенка наполняло ее жалостью. Ее чувство к мальчику было так просто, слова и глаза не стали ей нужны. Полумертвый мальчик дышал, но воздух, данный ему, не продлевал жизнь, а угонял ее. Голова его поворачивалась, ему все еще хотелось смотреть. Он видел тех, кто оседал на землю, видел открытые беззубые рты, рты с белыми и золотыми зубами, видел тоненькую струйку крови, бежавшей из ноздри. Он видел любопытствующие глаза, глядевшие в камеру через стекло; созерцающие глаза на миг встретились с глазами Давида. Ему и голос был нужен, он спросил бы тетю Соню об этих волчьих глазах. И мысли ему были нужны. Он сделал в мире лишь несколько шагов, он увидел следы босых детских пяток на горячей пыльной земле, в Москве жила его мама, луна смотрела вниз, а снизу ее видели глаза, на газовой плите кипел чайник; мир, где бежала безголовая курица, где лягушки, которых он заставлял танцевать, держа за передние лапки, и утреннее молоко, – продолжал тревожить его.

Все время сильные горячие руки обнимали Давида, мальчик не понял, что стало темно в глазах, гулко, пустынно в сердце, скучно, слепо в мозгу. Его убили, и он перестал быть.

Софья Осиповна Левинтон ощутила, как осело в ее руках тело мальчика. Она опять отстала от него. В подземных выработках с отравленным воздухом индикаторы газа – птицы и мыши погибают сразу, у них маленькие тела, и мальчик с маленьким птичьим телом ушел раньше, чем она.

«Я стал матерью», – подумала она.

Это была ее последняя мысль, а в ее сердце еще была жизнь: оно сжималось, болело, жалело вас, живых и мертвых людей; хлынула тошнота, Софья Осиповна прижимала к себе Давида, куклу, стала мертвой куклой [**3**, 208-21, 259-70, 273-9].

**** бреннер*** *– член команды узников, сжигающей трупы.*

1.7.4

Э. ВИЗЕЛЬ

Из автобиографической повести «**Ночь**»

(Депортация евреев из гетто венгерского города Сегед, 1944 г.)

В тот вечер мы улеглись спать рано. Отец сказал: «Спите спокойно, дети. Это будет только послезавтра, во вторник».

Понедельник промелькнул, как легкое летнее облачко, как утренний сон.

Мы укладывали вещи, пекли хлеб и пироги в дорогу, и уже больше ни о чем не думали. Приговор был вынесен.

В тот вечер мама заставила нас улечься пораньше. Она говорила — надо беречь силы. Наступила наша последняя ночь в родном доме.

Я ворочался с боку на бок: успеть бы помолиться, прежде чем нас погонят.

Отец поднялся пораньше, чтобы пойти узнать, нет ли чего нового. Около восьми он вернулся. Неплохие новости: сегодня мы не уедем из города, нас только переводят в малое гетто. Там мы будем ждать эшелона, мы уезжаем последними.

В девять часов повторилась воскресная сцена [выселения гетто. Венгерские] полицейские с дубинками орали: "Всем евреям выйти!"

Мы были готовы. Я вышел первым, мне не хотелось видеть лица родителей. Я боялся расплакаться. Мы сидели посреди дороги, точно так же, как остальные люди позавчера. Стояла такая же адская жара. Та же жажда. Но только уже не осталось никого, кто принес бы нам воды.

Я смотрел на наш дом, где я провел столько лет в поисках Бога, постясь, чтобы ускорить приход Мессии, я пытался представить, какая же наступит для меня жизнь. Я не чувствовал особой печали, я ни о чем не думал.

"Встать! Рассчитайся!"

Стоим. Перекличка. Садиллся. Снова встаём. Опять сидим на земле. До бесконечности. Мы с нетерпением ждали, когда же нас отправят. Чего они медлят? Наконец, раздалась команда:

"Шагом марш!"

Отец зарыдал. Я впервые увидел его плачущим Я не мог себе представить, что он способен плакать. Мама шла молча, глубоко задумавшись, лицо ее окаменело.

Я взглянул на мою младшую сестренку Циппору, на ее светлые, тщательно причесанные волосы, красное пальтишко в руках — маленькая семилетняя девчушка. Узел на ее спине был слишком тяжел для нее. Она стиснула зубы, она понимала, что жаловаться бесполезно. Полицейские лупили дубинками. "Быстрей!" Я обессилел. Дорога только начиналась, а я чувствовал себя таким слабым..

"Быстрей! Быстрей! Шевелитесь, свиньи ленивые!" — вопили венгерские полицейские.

С той минуты я начал их ненавидеть, моя ненависть — это то, что связывает меня с ними по сей день. Они были нашими первыми мучителями, предвестниками ада и смерти.

Нам приказали бежать, мы продвигались ускоренным маршем. Кто бы мог подумать, что мы способны на это? Укрывшись за закрытыми окнами, за ставнями, наши сограждане глядели нам вслед.

Наконец мы достигли места назначения. Сбросив мешки, мы рухнули на землю.

"О, Господь, Царь Вселенной, сжалься над нами в великом милосердии Твоем."

Малое гетто. Еще три дня назад здесь жили люди — владельцы вещей, которыми теперь пользовались мы. Их увезли. Мы уже почти позабыли о них.

Беспорядок царил еще больший, чем в нашем гетто. По-видимому, людей вывезли неожиданно. Я пошел взглянуть на комнаты, где жила семья моего дяди. На столе стояла миска с недоеденным супом. Пирог, ожидающий, когда же его сунут в духовку. Книги, разбросанные по полу. Должно быть, дядя собирался взять их с собой.

Мы вселились (слово-то какое!). Я отправился раздобыть дров, сестры разожгли огонь. Несмотря на усталость, мама начала готовить обед.

"Надо держаться, надо держаться", — твердила она.

… Гетто не охранялось. Можно было входить и выходить когда вздумается. Наша старая служанка Марта пришла навестить нас. Горько рыдая, она умоляла нас уехать к ней в деревню, где у нас будет надежное убежище. Отец не захотел даже слышать об этом.

«Вы можете уйти, если хотите, – сказал он мне и старшим сестрам. – Я останусь здесь с мамой и ребенком».

Разумеется, мы не захотели разлучаться.

Ночь. Никто не молился, только бы ночь прошла побыстрее. Звезды – словно отблески пожирающего нас пламени. Если это пламя угаснет однажды, ничего не останется в небе, кроме мертвых звезд, мертвых глаз.

Оставалось только лечь спать на постели ушедших, чтобы передохнуть, чтобы набраться сил.

… мы направились к станции, где нас ожидали вагоны для скота. Венгерские полицейские рассадили нас по восемьдесят человек на каждый вагон. Нам оставили немного хлеба и несколько ведер с водой. Проверили решетки на окне, чтобы никто не выбрался. Затем вагон наглухо закрыли. В каждом вагоне назначили старшего. Если кто-либо сбежит, старшего расстреляют.

… Долгий гудок прорезал воздух. Заскрежетали колеса. Мы тронулись в путь.

[*Дорога*]

О том, чтобы лечь, нечего было думать, удавалось только сидеть по очереди. Не хватало воздуха. Счастливчики, оказавшиеся у окна, могли видеть цветущие поля, проносившиеся мимо.

Через двое суток мы начали изнывать от жажды. Жара сделалась невыносимой.

Свободные от всех социальных ограничений, молодые парни и девушки дали волю своим страстям и, пользуясь темнотой, занимались любовью тут же, среди нас, не обращая никакого внимания, как будто они были одни во всем мире. Остальные делали вид, что ничего не замечают.

У нас еще оставалось немного еды, но мы ни разу не попили досыта. Главное было выжить, выжить до завтра. Завтра могло быть еще хуже…

… мы прибыли на станцию. Те, кто стоял у окна, прочитали название: «Аушвиц».

Никто никогда не слыхал такого названия. Поезд больше не двигался. Миновал полдень. Потом двери вагона открылись. Двоим разрешили выйти набрать воды.

Когда посланные вернулись, они рассказали, что в обмен на золотые часы им удалось узнать – это конечная остановка, здесь мы сойдем. Тут трудовой лагерь, условия хорошие. Семьи разлучать не будут. На заводы отправят работать только молодежь, старики и инвалиды останутся работать на полях.

Барометр настроения поднялся. Наступило неожиданное освобождение от ужасов минувших ночей. Мы возблагодарили Бога.

… Около одиннадцати состав тронулся. Мы сгрудились у окон. Эшелон медленно продвигался и через четверть часа снова затормозил. Нам было видно колючую проволоку, и мы подумали, что это и есть лагерь…

… мы увидели языки пламени, рвавшиеся в черное небо из высоченной трубы.

… Вдруг наши двери открылись. Какие-то странные типы, одетые в полосатые рубахи и черные штаны, с электрическими фонарями и дубинками в руках, ворвались в вагон. Они начали колотить направо и налево, крича: «Всем выйти! Вон из вагона! Быстро!»

Мы выскочили...

Перед нами пылал огонь. В воздухе носился смрад горящей плоти. Время, должно быть близилось к полуночи. Мы прибыли в Биркенау, приемный центр Аушвица.

[*В лагере*]

Примерно через каждые два метра, направив на нас автомат, стояли эсэсовцы. Держась за руки, мы следовали за толпой.

Навстречу нам вышел сержант-эсэсовец с дубинкой в руке. Он скомандовал: «Мужчины налево! Женщины направо!»

Четыре слова, сказанных спокойно-безразличным тоном, без эмоций. Четыре коротких простых слова. И именно в тот момент я разлучился с мамой. Я не успел осознать происходящее, но я ощутил, как рука отца стиснула мою: мы остались одни. На мгновение мелькнули перед глазами мама и сестры, уходящие направо. Циппора держалась за мамину руку. Я видел, как они скрылись вдали. Мама поглаживала светлые волосы моей сестренки, как бы защищая ее, в то время как я и отец шагали с остальными мужчинами. И я не знал, что на этом месте и в эту минуту я расстаюсь с мамой и Циппорой навсегда. Я шел вперед, отец держал меня за руку…

Эсэсовские офицеры скомандовали: «Построиться в колонну по пятеро!»

Смятение. Любой ценой надо остаться вместе.

«Эй, парень, сколько тебе лет?» – спросил меня один из заключенных. Я не мог разглядеть его лица, но голос был раздраженный и усталый.

«Мне почти пятнадцать».

«Нет, тебе восемнадцать».

«Да нет же, – сказал я – мне пятнадцать!»

«Дурак, слушай, что тебе говорят!»

Затем он обратился к отцу, который ответил: «Пятьдесят».

Тот заворчал еще яростнее, чем прежде. «Нет не пятьдесят, а сорок. Вы меня поняли? Восемнадцать и сорок».

Он растворился в ночной мгле. Подошел другой человек, оглушительно ругаясь. «А вы сюда чего приперлись, сукины дети? Вы что здесь делаете, а?.. … Вы что, не знали, что вас ждет в Аушвице? Ничего не слыхали? В сорок четвертом-то году?»

Нет, мы не слыхали. Никто нам не сказал. Тот не мог поверить своим ушам. Его голос стал еще более жестоким.

«Видите вон ту трубу? Видите? Огонь видите? (Да, мы видели языки пламени.) Туда - туда вас отправят. Там ваша могила, там! Вы еще не поняли? Тупые ублюдки? Тупые ублюдки, дошло до вас что-нибудь? Вас сожгут, изжарят! Сожгут дотла!»

Его ярость переходила в истерику. Мы стояли неподвижно, окаменевшие. Может быть, все это страшный сон? Невообразимый ночной кошмар?..

Среди нас было несколько смелых парней, сохранивших ножи. Они начали уговаривать остальных наброситься на вооруженных охранников.

Один из молодых ребят закричал: «Надо, чтобы весь мир узнал о том, что такое Аушвиц. Пусть все узнают о нем, пока еще есть время бежать…»

Но старшие умоляли своих детей не делать глупостей.

«Никогда нельзя терять веру, даже если меч занесен над твоей головой. Так учат наши мудрецы…»

Порыв к сопротивлению угас. Наше шествие к площади продолжалось. Посреди нее, с жезлом регулировщика в руке, стоял знаменитый доктор Менгеле (типичный офицер СС: жестокое лицо, не лишенное интеллигентности, в глазу монокль), окруженный другими офицерами. Жезл непрерывно двигался то вправо, то влево.

Я уже стоял напротив него. «Сколько тебе лет?» – спросил он, пытаясь придать своему голосу отеческие интонации.

«Восемнадцать». – Мой голос дрожал.

«Здоров?»

«Да».

«Род занятий?»

Сознаться, что я школьник? «Крестьянин», – донесся до меня мой ответ.

Этот разговор не продолжался и нескольких секунд, мне же показалось, что прошла вечность.

Жезл качнулся влево. Я сделал полшага вперед. Сначала я хотел увидеть, куда посылают моего отца. Если он пойдет направо, я последую за ним.

И снова жезл и ему указал налево. Камень свалился с моего сердца.

Мы пока еще не знали, что лучше, направо или налево, какая дорога ведет в тюрьму, а какая в крематорий. Однако в эту минуту я был счастлив – я рядом с отцом. Наша процессия медленно продвигалась вперед.

Еще один заключенный подошел к нам: «Довольны?»

«Да», – ответил кто-то

«Придурки, вас ведут в крематорий».

Похоже, он говорил правду. Неподалеку от нас из рва вырывалось пламя, гигантское пламя. Там что-то сжигали. К яме подъехал самосвал и вывалил свой груз – маленьких детей. Младенцы! Да, я видел, видел собственными глазами… этих ребятишек, объятых пламенем. Странно ли, что потом я не мог спать? Сон бежал из моих глаз.)

Так вот куда мы направились. Чуть дальше был другой ров, побольше – для взрослых.

Я ущипнул себя за щеку. Я еще жив? Я не сплю? Я не мог в это поверить. Как же они могут сжигать людей, детей, и весь мир молчит? Нет, и то и другое неправда, это дурной сон… Вот-вот я проснусь, дрожа, с колотящимся сердцем, – и снова в своей спальне родного дома, среди моих книг…

Голос отца вывел меня из задумчивости: “Как обидно… обидно, что ты не мог пойти с мамой… Я видел, что несколько мальчиков твоего возраста пошли с матерями…”

Его голос был невыразимо печален. Я понял, что ему не хотелось бы увидеть, что со мной собираются сделать. Он не хотел смотреть, как сжигают его единственного сына.

Мой лоб покрылся холодным потом. Но я сказал отцу, что я не верю, будто в наше время могут сжигать людей, что гуманность этого не допустит…

«Гуманность? К нам гуманность не имеет отношения. Сегодня все позволено. Допустимо все, даже эти крематории…»

Его голос дрожал.

Я сказал: «Папа, раз так, я не могу дожидаться здесь. Я брошусь на электрические провода. Это лучше, чем долгая агония в огне».

Он не ответил, он рыдал. Его тело конвульсивно содрогалось. Все вокруг нас плакали. Кто-то начал читать Кадиш – молитву об умерших. Я не знаю, случалось ли когда-нибудь прежде за долгую историю евреев, чтобы люди читали заупокойную молитву по самим себе?

«Йитгадал ве йиткадаш шмей раба… да будет Его великое имя возвеличено и освящено…», – шептал отец.

Впервые я почувствовал, как протест зреет во мне. Почему я должен благословлять Его Имя? Вечный, Царь вселенной, Всемогущий и Страшный, молчал. За что я должен был его благодарить?

Наше шествие продолжалось. Мы постепенно приближались ко рву: из него исходил адский жар. Осталось двадцать шагов. Если я собираюсь ускорить свою смерть, то час настал. Нашему ряду осталось пройти еще пятнадцать шагов. Я закусил губу, чтобы папа не услышал, как стучат мои зубы. Еще десять шагов. Восемь. Семь. Мы медленно шагаем вперед, словно следуя за гробом на своих собственных похоронах. Еще четыре шага. Три шага. Ну вот оно, прямо перед нами, яма и огонь. Я собрал остатки сил, чтобы прорваться сквозь ряды и броситься на колючую проволоку. В глубине души я простился с отцом, со всем миром, и против моей воли слова сложились и шепот сорвался с моих губ.: «Йитгадал ве йиткашад шмей раба… да будет Его великое Имя возвеличено и освящено…» Сердце мое разрывалось. Я стоял лицом к лицу с Ангелом смерти…

Нет. В двух шагах от рва нам приказали повернуть налево и идти в бараки.

Я стиснул руку отца…

… Нас привели в какие-то бесконечно протянутые бараки, под потолком висело несколько лампочек, окрашенных в синий цвет. Преддверие ада, должно быть, выглядит так же. Столько же обезумевших, те же вопли, столько же звериной жестокости.

Нас встретило множество заключенных с дубинками в руках, колотивших всех подряд куда попало, без всякого повода. Команды: «Раздеваться! Быстро! До гола! В руках оставить только пояса и обувь…»

Нам велели сбросить одежду в одном конце барака. Там уже высилась огромная куча – старые и новые костюмы, рваные пальто, тряпки. Для нас настало истинное равенство – нагота. И дрожь от холода.

Несколько эсэсовских офицеров расхаживали по бараку, выискивая сильных мужчин. Если им так нужны сильные, может, стоит вызваться самим? Отец придерживался обратного мнения. Лучше не привлекать к себе внимания. Тогда наша судьба будет такая же, как и у остальных. (Позже мы убедились, что это было правильно. Тех, кого отобрали, в тот же день зачислили в *зондер-команду* – бригаду,

обслуживающую крематории. Бела Кац – сын крупного коммерсанта из нашего города – прибыл в Биркенау с первым транспортом, за неделю до нас. Когда он услыхал о нашем прибытии, ему удалось перекинуться с нами несколькими словами. Крепкий мужчина, он был зачислен в зондеркоманду, и ему пришлось самому загрузить тело своего отца в печь крематория.)

Град ударов продолжался.

«Стричься!»

С поясом и ботинками в руках, меня поволокли к парикмахерам. Те остригли нас ножницами и сбрили все волосы с наших тел. В голове у меня гудела только одна мысль – не потерять отца. Освободившись от рук парикмахеров, мы блуждали в толпе, встречая друзей и знакомых. Эти встречи наполняли нас радостью: «Слава Богу! Вы еще живы!»

…Я перестал испытывать страх. Меня охватила нечеловеческая усталость.

Ушедшие направо уже практически изгладились из нашей памяти. Мы еще говорили о них: «Кто знает, что с ними сталось?» – но судьба их нас мало беспокоила. Мы вообще не могли о чем-либо думать. Наши чувства притупились, все расплывалось, как в тумане. Не было сил что-нибудь осознать.

Инстинкты самосохранения и самозащиты, гордость – покинули нас.

Около пяти часов утра всех выгнали из бараков. Капо еще раз дали нам взбучку, но я больше не чувствовал боли от ударов. Ледяной ветер охватил нас. Мы стояли обнаженные, с ботинками и поясами в руках. Раздалась команда: «Бегом марш!» – и мы побежали. Через несколько минут бега – новые бараки.

У входа – бочка с керосином. Дезинфекция. Каждого окунали в нее. Затем – горячий душ. Все в темпе. Как только мы вышли из-под душа, нас снова вывели наружу. Опять бегом. Новые бараки – склады. Длинные столы. Горы арестантской одежды. Мы бежали, а нам швыряли штаны, рубашки и носки.

За несколько секунд мы потеряли человеческий облик. Не будь ситуация столь трагичной, мы бы лопнули от хохота. Что за нелепость! Меиру Кацу, верзиле, достались детские штанишки, а Штерну – тощему, малорослому пареньку, куртка, в которой он совершенно утонул. Мы тут же начали меняться.

Я взглянул на отца. Как он изменился! Глаза его потускнели. Я хотел было с ним заговорить, но не знал, что сказать.

Ночь миновала, в небе сияла утренняя звезда. Я тоже стал совершенно другим человеком. Изучавший Талмуд ребенок сгинул в пламени…

Нас отвели в очередные бараки, в «цыганский лагерь»…

Здесь не было пола. Крыша и четыре стены. Наши ноги погрузились в грязь.

Опять ожидание…

… Вошел офицер СС, и повеяло присутствием Ангела смерти. Мы уставились на его мясистые губы. Встав посреди барака, он обратился к нам: «Вы находитесь в концентрационном лагере, в Аушвице…

… Аушвиц – это не санаторий, это концентрационный лагерь. Здесь вы должны работать. Если же нет – то вы отправитесь прямо в печь. В крематорий. Работа или крематорий – выбор в ваших руках».

… Мы вышли из бараков. Появились капо, крича: «Все квалифицированные рабочие – слесари, электрики, часовщики – шаг вперед!»

Оставшихся отвели в другой барак, на этот раз каменный. Разрешили сесть. Старшим над нами поставили заключенного-цыгана.

У моего отца внезапно начались колики. Он встал, подошел к цыгану и вежливо спросил по-немецки: «Простите, вы не скажете, где здесь туалет?»

Цыган медленно оглядел его сверху донизу, с головы до пяток, будто хотел убедиться, что этот человек, обращавшийся к нему, в самом деле был созданием из плоти и крови, живым существом с руками и ногами. Затем, словно очнувшись внезапно от глубокой дремы, он отвесил моему отцу такую затрещину, что тот рухнул на пол, начал отползать назад на четвереньках.

Я не шевельнулся. Что случилось со мной? Только что на моих глазах ударили моего отца, а я и бровью не повел. Я глядел и молчал. Еще вчера я бы ногтями вцепился в негодяя. Неужели я так переменился? Столь быстро? Угрызения совести начали терзать меня. Я только подумал: никогда им этого не прощу. Отец, видимо, угадал мои мысли. Он шепнул мне на ухо: «Совсем не больно». На его щеке виднелся красный след от удара.

«Всем выйти вон!»

Пришли десятеро цыган и присоединились к нашему надзирателю. Вокруг меня засвистели хлысты и дубинки. Независимо от моей воли ноги сами понесли меня. Я попытался укрыться от ударов за спинами остальных.

«Построиться по пятеро!»

Заключенные, которых я заметил утром, работали поблизости. Около них не было охраны, только тень от трубы…

Погруженный в свои мысли и ослепленный солнцем, я почувствовал, как кто-то теребит меня за рукав. Это был папа. «Идем, сынок».

Мы двинулись. Ворота распахнулись и снова захлопнулись. Мы шагали между оградами из проволоки, по которой был пропущен электрический ток. На каждом шагу с белых плакатов на нас пялился череп. Надпись гласила: «Осторожно. Опасно для жизни». Какая чушь: есть ли здесь хоть одно безопасное для жизни место?

Цыгане остановились около других бараков. Вместо цыган нас окружили эсэсовцы. Револьверы, автоматы, полицейские собаки.

Наше путешествие продлилось полчаса. Оглядевшись вокруг, я обнаружил, что колючая проволока осталась позади. Мы вышли за пределы лагеря.

Был чудесный апрельский день. В воздухе пахло весной. Солнце клонилось к западу. Но не прошло и нескольких минут, как мы увидели колючую проволоку другого лагеря. Железные ворота, а на них надпись: «Труд – это свобода!»

Аушвиц.

… Неделю спустя по дороге с работы мы увидели посреди лагеря, на сборном плацу, черные виселицы.

Нам сказали, что до переклички раздачи супа не будет. Перекличка длилась больше, чем обычно. Приказы отдавались в более резкой форме, чем в другие дни, в воздухе носилось что-то новое.

«Они боятся», – шепнул Юлек [заключенный-поляк].

Два эсэсовца привели из тюрьмы осужденного на казнь… Сильный, хорошо сложенный парень, просто великан по сравнению со мной.

Стоя спиной к виселице, лицом к своему судье – начальнику лагеря, парень побледнел, но казался скорее взволнованным, чем испуганным. Его скованные руки не дрожали. Глаза холодно смотрели на сотни эсэсовских охранников, на тысячи заключенных вокруг.

Начальник лагеря начал читать приговор, отчеканивая каждую фразу: «Именем Гиммлера… заключенный номер… украл во время тревоги… Согласно закону… параграф… заключенный номер… приговаривается к смертной казни. Пусть это послужит предостережением для всех заключенных».

Никто не шевельнулся.

Я слышал стук собственного сердца. Тысячи, ежедневно погибавшие в печах крематория Аушвиц и Биркенау, меня больше не беспокоили. Но этот, прислонившийся к своей виселице, – поразил меня.

«Как ты думаешь, эта церемония еще надолго? Я жрать хочу…» – шепнул Юлек.

По сигналу начальника лагеря оберкапо подошел к узнику. Двое заключенных (за две тарелки супа) помогали ему. Капо хотел завязать юноше глаза, но тот отказался.

Помедлив немного, палач надел ему веревку на шею. Он как раз собирался приказать своим помощникам выдернуть стул из-под ног узника, когда тот закричал спокойным громким голосом: «Да здравствует свобода! Будь проклята Германия» Проклята!.. Про…»

Затем весь лагерь, блок за блоком должен был пройти мимо повешенного, глядя в его тусклые глаза, на вывалившийся язык мертвеца. Капо и начальники блоков заставляли каждого смотреть ему прямо в лицо.

После марша разрешили вернуться в блоки и поужинать.

Я помню, что суп в тот вечер был превосходен…

Я присутствовал и при других казнях. Я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из жертв плакал. За долгий срок эти иссушенные тела позабыли горький вкус слез.

За исключением одного случая. В пятьдесят второй команде был капо – датчанин, гигант, добрых шесть футов ростом. Ему подчинялись семьсот заключенных, и все его любили, как брата. Никто никогда не получил от него удара, не слышал оскорблений.

Ему помогал молоденький мальчик, *пипель*, как их здесь называли, очаровательный ребенок с удивительно красивым лицом, такого не видывали в этом лагере.

(В Буне пипелей ненавидели, они зачастую бывали более жестоки, чем взрослые. Я видел, однажды, как тринадцатилетний мальчишка избивал отца за то, что то неправильно застелил койку. Старик тихо плакал, а его сын кричал: «Если ты сейчас же не заткнешься, я не буду носить тебе хлеба. Ты понял?» Но малыша, помогавшего датчанину, все любили. Лицом он походил на печального ангела.)

Однажды на электростанции Буны произошел взрыв. Гестапо, вызванное на место происшествия, заподозрило саботаж. Они напали на след, который привел к оберкапо-датчанину. А у него после обыска нашли изрядный склад оружия.

Оберкапо немедленно арестовали. Несколько недель его пытали, но безрезультатно. Он не назвал ни одного имени. Его отправили в Аушвиц, и мы больше никогда о нем не слыхали.

Но его маленького помощника оставили в лагерной тюрьме. Подвергнутый пыткам, он тоже отказался говорить. Тогда его и других двух заключенных, захваченных с оружием, приговорили к смерти.

Однажды, вернувшись с работы, мы увидели три виселицы, маячившие на сборном плацу, словно три черных ворона. Перекличка. Вокруг эсэсовцы, наведенные пулеметы—обычная обстановка. И три жертвы в цепях, и один из них – мальчик-помощник, ангел с печальным взглядом.

Казалось, эсэсовцы были озабочены и раздражены более чем обычно. Повесить мальчика на глазах у тысяч зрителей – нелегкое дело. Начальник лагеря зачитал приговор. Все глаза глядели на ребенка. Мертвенно-бледный, абсолютно спокойный, он покусывал губы. Тень от виселиц падала на него…

Трое приговоренных встали на стулья. На три шеи одновременно накинули три петли.

«Да здравствует свобода!» –закричали двое взрослых.

Но мальчик молчал.

«Где же Бог? Где же Он?» – спросил кто-то позади меня.

По сигналу начальника лагеря три стула опрокинулись.

Тишина нависла над лагерем. На горизонте светило солнце.

«Шапки долой!» – заорал начальник лагеря. Его голос охрип. Мы плакали.

«Надеть шапки!»

Затем началось шествие. Оба взрослых уже были мертвы. Их посиневшие, раздутые языки свисали наружу. Однако третья веревка пока дергалась. Слишком легкий, ребенок всё еще был жив…

Он оставался в таком положении более получаса, борясь со смертью, умирая у нас на глазах в долгой агонии. А нас заставляли смотреть ему прямо в лицо. Когда я проходил мимо него, он все еще жил. Его язык по-прежнему краснел, глаз не померкли.

Я слышал, как позади меня тот же человек спросил: «Где же теперь Бог?»

И я услышал, как голос внутри меня ответил ему: «Где он? Вот Он – Он висит на этой виселице…»

В тот вечер суп отдавал мертвечиной [**4** , 24-43, 61-4].

1.7.5

П. ЛЕВИ

Из книги «**Выживание в Аушвице**»

(*Автобиографическое повествование. После оккупации немцами Италии в 1943 г. автор был схвачен при попытке присоединиться к партизанскому движению Сопротивления*)

Как еврея меня выслали в Фоссоли близ Модены, где находился огромный лагерь для арестованных… в котором содержались все многочисленные категории людей, неугодных новорожденной фашистской республике.

К моменту моего прибытия туда, то есть на конец января 1944г., в этом лагере находилось около ста пятидесяти итальянских евреев, но через несколько недель их число превысило шесть сотен. По большей части это были целые семьи, арестованные фашистами или нацистами вследствие собственной опрометчивости или по тайным доносам. Некоторые из них сдались добровольно либо в результате невыносимости бродяжнической жизни, либо из-за отсутствия средств к существованию, либо с целью избежать возможного ареста и даже – что было полным абсурдом – «чтобы быть в согласии с законом». Там было также около сотни югославских интернированных военных и несколько иностранцев, которые находились под политическим подозрением.

…утром 21-го мы узнали, что назавтра евреи будут депортированы. Все евреи, без исключения. Даже дети, даже старики, даже больные. Куда именно? Никто этого не знал. Мы должны были приготовиться к двухнедельному путешествию. Из тех, кто не явится на перекличку, десятеро будут расстреляны.

Только немногие из людей, обладающих интеллектом и чуткой душой, продолжали надеяться, а мы, остальные, часто разговаривали с польскими и хорватскими беженцами, и мы знали, что означает депортация.

... И пришла ночь, и это была такая ночь, когда было известно, что человеческие глаза не могут увидеть ее и пережить увиденное. Каждый чувствовал это: ни у

одного из охранников, ни итальянцев, ни немцев, не хватило храбрости придти и посмотреть, что делают люди, которые знают, что они должны умереть.

Каждый прощался с жизнью так, как ему больше всего подобало. Некоторые молились, некоторые напивались до бесчувствия, другие в последний раз предавались похоти. Но матери продолжали нежно заботиться о том, чтобы приготовить пищу для путешествия, мыли своих детей и паковали багаж; и колючая проволока была завешана выстиранными детскими вещами, сохнувшими на ветру. Они не забывали также игрушки, подушки и сотни других мелочей, о которых матери помнят, и которые никогда не бывают нужны детям. А вы бы не делали то же самое? Если вы и ваши дети должны быть завтра убиты, разве сегодня вы им не дадите есть?

В хижине 6А старый Каттеньо жил вместе со своей женой и многочисленными детьми, внуками, зятьями и снохами. Все мужчины были плотниками; они прибыли из Триполи после многих и долгих скитаний и всегда носили с собой орудия своего труда, свою кухонную утварь и свои аккордеоны и скрипки, чтобы играть и плясать после трудового дня. Они были счастливыми и набожными людьми. Их женщины молча и быстро закончили приготовления к путешествию, чтобы иметь время для траура. Когда все было готово, пища приготовлена, узлы увязаны, они убрали свои волосы, сняли башмаки, поставили на землю новогодние свечи и зажгли их по обычаю своих отцов и уселись на голую землю в скорбный круг, молясь и плача всю ночь. Мы собрались группой перед их дверью, и мы испытывали новое для нас ощущение горя, древнего горя народа, который не имеет своей земли, горя без надежды на исход, которое обновляется каждое столетие.

Рассвет предательски подкрался к нам; казалось, что новый восход солнца является союзником наших врагов, помогающим им уничтожать нас. Различные чувства, переполнявшие нас: смирение перед неизбежным, тщетное возмущение, религиозное отрешение, страх, отчаяние - соединились после бессонной ночи во всеобщую неконтролируемую панику…

Немцы начали перекличку с нелепой уверенностью, что мы потом сами успокоимся. В конце переклички офицер спросил «Wiefviel Stueck?» (“Сколько штук?”). Капрал отдал ему честь и ответил, что имеется шестьсот пятьдесят «единиц», и что все в порядке. Затем они погрузили нас в автобусы и отвезли на

вокзал в Капри. Нас ожидал поезд с конвоем на время поездки. Здесь мы впервые подверглись избиениям, и это ощущение было для нас совершенно новым и абсолютно бессмысленным: мы не испытывали никакой боли, ни телесной, ни душевной. Только глубокое изумление: как можно бить человека, не испытывая никакого гнева?

Для шестисот пятидесяти человек было подготовлено двенадцать товарных вагонов; в моем вагоне нас было только сорок пять, но это был маленький вагон. Здесь перед нашими глазами и под нашими собственными ногами оказался один из этих знаменитых вызывавших дрожь и никогда не возвращавшихся транспортных эшелонов, в существование которых слабо верилось, но о которых мы так часто слышали. Все совпадало вплоть до деталей: в товарные вагоны напихивали без всякой жалости мужчин, женщин и детей, подобно дешевому грузу, для путешествия в небытие, путешествия отсюда в бездну. На этот раз внутри были мы.

Раньше или позже каждый открывает для себя, что полное счастье в этой жизни недостижимо, но мало тех, кто отказывается и от противоположного тезиса: что всеобъемлющее несчастье также невозможно. …наша человеческая сущность противостоит всему бесконечному. Ему противостоит и наше всегда недостоверное знание будущего: это называется в одних случаях надеждой, а в других неопределенностью завтрашнего дня... Ему противостоят и неизбежные материальные заботы: они… прилежно отвлекают нас от наших несчастий и делают наше осознание их непостоянным и, следовательно, выносимым.

Было весьма дискомфортно, сыпались удары, одолевали холод и жажда, что погружало нас в бездонное отчаяние как во время поездки, так и после. Не было ни воли жить, ни сознательного ухода; немного есть мужчин, способных на такое решение, а мы были лишь обычными представителями человеческого рода.

Двери были сразу же закрыты, но поезд не трогался до самого вечера. Мы узнали о своем пункте назначения с облегчением. Аушвиц: это название для нас тогда ничего не означало, но это по крайней мере было определенное место на земле.

Поезд двигался медленно, с долгими, лишающими присутствия духа остановками. Сквозь щели мы видели высокие бледные утесы долины Адиджи, и позади остались названия последних итальянских городов…

Мы страдали от жажды и от холода; на каждой остановке мы просили воды или хотя бы комок снега, но мы редко были услышаны; конвойные солдаты отгоняли

каждого, кто пытался приблизиться к конвою. Две молодые матери, кормящие своих детей, стонали днем и ночью, умоляя дать воды. Наше состояние нервного напряжения усугублялось голодом, изнеможение и лишение сна казались меньшим мучением. Но часы темноты порождали ночные кошмары без конца.

Мало людей, которые знают, как идти к своей смерти с достоинством, и зачастую они - не те, от которых этого можно ожидать. Немногие знают, как оставаться молчаливым и уважать молчание других. Наш не приносящий отдыха сон часто прерывался шумными и бессмысленными спорами, ругательствами, толчками и ударами, вслепую раздаваемыми при вторжении в чужие владения в результате неизбежных контактов…

В щелях - знакомые и незнакомые названия австрийских городов, Зальцбург, Вена, затем Чехия и, наконец, польские названия. К вечеру четвертого дня холод стал сильнее: поезд бежал через бесконечные леса из черных сосен, явно забираясь ввысь. Снег был глубоким. Похоже, мы двигались по боковой железнодорожной ветке, так как станции были маленькими и почти пустыми… Наконец, наш эшелон остановился в ночном оцепенении посреди темной безмолвной равнины.

…в молчании мы ожидали того, что должно было произойти.

Рядом со мной, придавленная ко мне во время всего путешествия, находилась женщина. Мы были знакомы в течение многих лет, и несчастье свело нас вместе, но мы мало знали друг о друге. Теперь, в решительный час, мы сказали друг другу то, что никогда не сказали бы при обычной жизни. Мы попрощались, и это прощание было кратким, каждый попрощался с жизнью, попрощавшись со своим соседом. У нас больше не было страха.

Кульминация наступила внезапно. Двери со скрежетом открылись, и темнота отозвалась чужестранными приказаниями на том резком, варварском, лающем языке немецких команд, который, казалось, дает выход тысячелетней злобе. Перед нами оказался обширный перрон, залитый светом прожекторов. В некотором удалении за ним стояла колонна грузовиков. Затем снова наступило молчание. Кто-то перевел: мы должны спуститься из вагонов вместе со своим багажом и выложить его вдоль поезда. Через мгновение перрон заполнился толпой призраков. Но мы боялись нарушить это молчание: каждый выносил свой багаж, отыскивал кого-нибудь еще, звал кого-нибудь, но все это робко, шепотом.

Вокруг стояла дюжина эсэсовцев, расставив ноги, с индифферентным видом. В определенный момент они двинулись к нам и пониженным тоном, с каменными лицами, начали нас быстро опрашивать на плохом итальянском. Они не опрашивали каждого, а только некоторых: «Какого возраста? Здоров или болен?» И в зависимости от ответа они указывали на два разных направления.

Все было тихо, как в аквариуме или как в чьем-то воображении. Мы ожидали чего-то более апокалиптического: они казались простыми полицейскими. Это смущало и обезоруживало. Кто-то осмелился спросить о своем багаже: они отвечали «багаж потом». Еще кто-то не хотел разлучаться со своей женой: они говорили «воссоединитесь потом». Многие матери не хотели расставаться со своими детьми: они говорили: «хорошо, хорошо, оставайтесь с ребенком». Они вели себя со спокойной уверенностью людей, делающих свое обычное ежедневное дело. Но когда Ренцо задержался на лишнее мгновение, чтобы попрощаться с Франческой, своей невестой, одним ударом они сшибли его на землю. Это была их ежедневная работа.

Меньше, чем через десять минут все прибывшие мужчины были собраны вместе в одну группу. Что случилось с остальными, с женщинами, с детьми, со стариками, мы не могли определить ни тогда, ни позднее: ночь поглотила их, просто и полностью. Сегодня, однако, мы знаем, что при этом быстром и всеобъемлющем отборе, каждому из нас выносился приговор: способен ли он работать на пользу Рейха; мы знаем, что из всего нашего эшелона не более девяноста шести мужчин и двадцати девяти женщин были доставлены в соответствующие лагеря Моновитц-Буна и Биркенау, а из всех остальных, численностью более пятисот человек, ни один не прожил более двух дней. Мы также знаем, что даже такой сравнительно тонкий метод сортировки на годных и негодных применялся не всегда, и позднее часто использовали более простой способ: как только без предупреждения открывались двери вагона, те из вновь прибывших, кто по игре случая выбрались на одну сторону эшелона, отправлялись в лагерь, а другие направлялись в газовую камеру…

Так, в одно мгновение исчезли наши женщины, наши родители, наши дети. Мы еще видели их в течение некоторого времени как темную массу на другом конце перрона; затем мы больше не видели ничего.

Вместо этого в свете огней возникли две группы странных личностей. Они двигались строем по три человека в ряд, странным стесненным шагом, головы кивают в такт шагам, руки неподвижны. На их головах были смешные береты, и все

они были одеты в странные полосатые пальто, которые даже ночью и на расстоянии казались неопрятными и походили на отрепья. Они описали широкий круг вокруг нас, не подходя близко, и молча начали заниматься нашим багажом, забираться в пустые вагоны и вылезать из них.

Мы смотрели друг на друга, не произнося ни слова. Все это было непостижимо и безумно, но одно мы поняли. Это было превращение, которое ожидало и нас. Завтра мы должны были стать подобными им.

Не знаю, как я оказался в кузове грузовика вместе с тридцатью другими; грузовик на полной скорости устремился в ночь. Он был крытый, и мы не могли видеть окружающее, но по тряске мы могли судить, что на дороге было много поворотов и ухабов. Охраняли ли нас? Могли ли мы спрыгнуть вниз? Было слишком поздно, слишком поздно, мы все уже были «в самом низу». Во всяком случае, мы скоро убедились, что мы не остались без конвоира. Это был странный конвоир, вооруженный немецкий солдат. Мы не видели его из-за полной темноты, но мы ощущали жесткий контакт с ним, когда тряска грузовика бросала всех в одну кучу. В некоторых местах он включал карманный фонарик и вместо того, чтобы громко угрожать или осыпать нас проклятиями, он просил вежливо то одного, то другого на немецком и на ломаном смешанном языке, отдать ему, если у нас есть какие-либо монеты или часы, потому, что нам они больше не понадобятся. На этот счет не было никаких правил или приказов: повидимому, это была маленькая частная инициатива нашего Харона. Это вызвало в нас гнев и заставило рассмеяться, что принесло облегчение.

На дне

Поездка длилась не более двадцати минут. Затем грузовик остановился, и мы увидели большие ворота, а над ними ярко освещенную надпись (память об этом все еще беспокоит меня в моих снах): *Arbeit Macht Frei*, работа приносит свободу.

Мы спускаемся с грузовика, и нас загоняют в огромное, пустое, плохо отапливаемое помещение. У нас ужасная жажда. Слабая струйка воды из водопровода приводит нас в неистовство: мы ничего не пили в течение четырех дней. А здесь кран – но над ним табличка, которая говорит, что пить запрещено, поскольку вода грязная. Чепуха. Очевидно, что табличка не более, чем шутка, «они» знали, что мы умираем от жажды, и они завели нас в помещение, где есть кран, и вдруг *Wassertrinken Verboten* («Пить запрещено»). Я пью и побуждаю своих товарищей

делать то же самое, но мне все же приходится оторваться от воды: она тепловатая и сладковатая, с запахом болота.

Это ад. Сегодня, в наши времена, мы понимаем, что ад именно таков. Огромное пустое помещение, мы – усталые, все время стоящие на ногах, с краном, который протекает, причем мы не можем пить воду, и мы ожидаем чего-то, что, конечно, будет ужасным, и ничего не происходит, и нет признака, что что-то произойдет. О чем можно думать? Больше нельзя думать, это подобно наступлению смерти. Некоторые садятся на землю. Время уходит капля за каплей.

Мы не мертвы. Дверь открывается, куря, входит эсэсовец. Он, не спеша, оглядывает нас и спрашивает «*Wer kann Deutsch?*» («Кто владеет немецким?»). Один из нас, которого я до того никогда не видел, назвавшийся Флешем, выходит вперед: он будет нашим переводчиком. Эсэсовец произносит длинную спокойную речь; переводчик переводит. Мы должны построиться в ряды по пять человек с расстоянием между людьми по два метра; затем мы должны разуться, и уложить одежду в кучи в определённом порядке, всю шерстяную одежду с одной стороны, а всю остальную – с другой; мы должны снять обувь, но при этом следить, чтобы ее не украли.

Кто бы украл? Почему нашу обувь должны украсть? А что с нашими документами, с теми немногими вещами, которые у нас в карманах, с нашими часами? Мы все обращаемся к переводчику, а переводчик спрашивает немца, а немец курит и смотрит сквозь него, как будто он прозрачный, как если бы никто ничего не говорил.

Я никогда не видел старого человека обнаженным. Г-н Бергманн носил трусы и спросил переводчика, нужно ли их снимать, а переводчик замешкался. Но немец понял и серьезно сказал что-то переводчику, указывая на кого-то. Мы увидели, что переводчик сглотнул, а затем произнес: «Офицер говорит, снимите трусы, и вы сможете предъявить это г-ну Коэну». Можно было слышать эти слова, безжалостно срывающиеся с языка Флеша; это была немецкая манера шутить.

Затем приходит еще один немец и приказывает нам поставить обувь в определенный угол, и мы ставим ее туда потому, что теперь все закончено, и мы чувствуем себя вне этого мира, и остаётся только послушание. Приходит кто-то с метлой и выметает всю обувь за дверь в общую кучу. Он сумасшедший, он смешал их все вместе, все девяносто шесть пар, их нельзя будет различить. Открывается внутренняя дверь, врывается морозный ветер, а мы обнажены и прикрываемся

руками. Порыв ветра захлопывает дверь, немцы снова открывают ее и стоят, наблюдая, как мы корчимся, прячась от ветра друг за другом. Затем они выходят и закрывают ее.

Теперь начинается второй акт. Врываются четверо людей с бритвами, помазками и ножницами для стрижки; на них полосатые штаны и куртки с нашитыми спереди метками; возможно, они такие же, как те, кого мы уже видели сегодняшним вечером (сегодняшним вечером или вчера вечером?)... Мы задаём много вопросов, но они набрасываются на нас, и в момент мы обриты и острижены. Как мы комичны без волос! Эти четверо говорят на языке, который кажется нам языком не этого мира. Он, конечно, не немецкий, поскольку я немецкий немного понимаю.

Наконец, открывается еще одна дверь: и вот мы здесь – запертые, обнаженные, стоящие ногами в слое воды – это была комната осмотра. Мы одни. Удивление постепенно спадает, и мы говорим, каждый задаёт вопросы, но никто на них не отвечает. Если мы, обнаженные, находимся в комнате для осмотра, то ведь кто-то должен проводить этот осмотр. Если нас кто-то будет осматривать, значит нас не собираются сразу убить. Но зачем тогда они заставляют нас стоять, не дают пить, почему никто ничего не объясняет, почему у нас нет ни одежды, ни обуви, мы стоим совершенно голые, с ногами, по щиколотку в воде, а ведь мы в течение пяти дней были в пути и теперь не можем даже присесть?

А наши женщины?

… В тот момент я полагал, что все происходящее – это игра, затеянная, чтобы насмехаться над нами и унижать нас. Безусловно, они собираются убить нас, безумец тот, кто собирается жить, это означало бы, что он заглотнул приманку, но я – нет; я понимал, что все скоро закончится, возможно, в этой самой комнате, когда им надоест смотреть на нас, обнаженных, переминающихся с ноги на ногу и пытающихся снова и снова сесть на пол. Но пол был покрывали два дюйма воды, и мы не могли садиться.

Мы ходим взад и вперед безо всякого смысла, и мы говорим, каждый говорит друг с другом, и мы производим сильный шум. Дверь открывается, и входит немец, тот же офицер, что и раньше. Он говорит кратко, переводчик переводит. «Офицер говорит, что вы должны вести себя тихо, потому, что это не раввинская школа». Можно видеть, как слова , которые не его слова, скверные слова, выходя из его рта, искривляют его, словно он отплевывался после чего-то отвратительного на вкус. Мы умоляем его спросить, что нас ждёт, как долго мы будем оставаться здесь, о наших

женщинах, обо всем; но он ничего не говорит, потому что он не хочет спрашивать. Этот Флеш, который больше всего не хочет переводить на итальянский холодные, жесткие немецкие фразы, и отказывается переводить на немецкий наши вопросы, потому что знает, что это бесполезно, был немецкий еврей около пятидесяти лет отроду, с большим шрамом на лице от раны, полученной им от итальянцев под Пьяве. Он замкнутый, молчаливый человек, к которому я чувствовал инстинктивное уважение, поскольку я понимал, что он начал страдать раньше нас.

Немец выходит, и мы остаёмся в молчании, хотя и несколько ошеломленные этим своим молчанием. Всё еще ночь, и нам не верится, что когда-нибудь настанет день. Дверь снова открывается, и входит человек, одетый в полосатое. Он отличается от других, он старше, в очках, у него интеллигентное лицо и менее крепкое телосложение. Он обращается к нам по-итальянски.

Но теперь мы уже устали удивляться. Нам казалось, что мы являемся зрителями какой-то безумной пьесы, одной из тех пьес, в которых появляются ведьмы, Святой Дух и дьявол. Этот человек говорит по-итальянски плохо, с сильным иностранным акцентом. Он произносит длинную речь, он очень вежлив и пытается ответить на все наши вопросы.

Мы находимся в Моновице, близ Аушвица, в Верхней Силезии, в области, населенной как поляками, так и немцами. Этот лагерь является трудовым лагерем, по-немецки это называется *Arbeitslager*: все заключенные (их около десяти тысяч) работают на фабрике, производящей каучук, называемый Буна, поэтому и сам лагерь называется Буна.

Нам выдадут одежду и обувь – нет, не нашу собственную – другую обувь и другую одежду, вроде той, что на нем. Сейчас мы обнажены, потому что ждем производящего осмотр и дезинфекции, которая будет произведена сразу же после побудки, потому что никто не может вступить в лагерь без дезинфекции.

Конечно, будет работа, здесь каждый должен работать. Но бывает работа и работа: он, например, работает врачом. Он венгерский врач, обучавшийся в Италии, и он лагерный зубной врач. Он находится в лагере четыре с половиной года (не в одном лагере: Буна существует только полтора года), но мы можем видеть, что он все еще вполне здоров и не очень худой. Почему он в лагере? Он еврей, как и мы? «Нет», говорит он просто, «я преступник».

Мы задаём ему много вопросов. Он смеётся, отвечая на одни, и уклоняясь от других, и ясно, что он избегает некоторых тем. Он не рассказывает о женщинах, он

говорит, что с ними все в порядке, и что мы их вскоре снова увидим, но он не говорил как и где. Вместо этого он говорит с нами о другом, о странных и безумных вещах, возможно, он тоже ведёт с нами игру. Возможно, он безумен – в Лагере можно сойти с ума. Он говорит, что каждое воскресенье происходят концерты и футбольные матчи. Он говорит, что тот, кто хорошо работает, получает премиальные талоны, на которые можно купить табак и мыло. Он говорит, что вода, действительно, не пригодна для питья, и что вместо нее каждый день выдают кофе, но, вообще, его никто не пьет, потому что для утоления жажды достаточно супа. Мы умоляем его найти для нас чего-нибудь попить, но он говорит, что это не в его силах, что он пришел на встречу с нами тайно, вопреки указаниям СС, потому что мы еще должны пройти дезинфекцию, и что он должен немедленно нас покинуть; он пришел потому, что это должно понравиться итальянцам, и потому, что, как он сказал, «у него есть немного сердца». Мы спрашиваем его, есть ли другие итальянцы в лагере, и он говорит, что есть несколько человек, но он не знает, сколько именно; и он тут же меняет тему. Тем временем звонит колокол, он сразу заспешил и оставил нас ошеломленными и приведенными в замешательство. Некоторые чувствуют себя приободренными, но я – нет. Я все еще думаю, что этот дантист, эта непонятная личность, хотел поразвлечься за наш счет, и я не хочу верить ни одному слову из того, что он говорил.

Мы можем слышать, как при звуке колокола спящий до того времени лагерь просыпается. Неожиданно в комнату для осмотра хлещет поток воды из радиаторов – пять минут блаженства; но сразу же после этого четыре человека (возможно, всё те же самые брадобреи), разражаясь пронзительными криками, распихивают и выталкивают нас, мокрых и покрытых испариной, в соседнее помещение, напоминающее морозильник; здесь другие орущие люди бросают нам какое-то неописуемое тряпье и суют нам в руки по паре разбитых башмаков с деревянными подошвами. Мы ничего не успеваем понять, как уже оказываемся в ледяной голубизне падающего снега, босые и обнаженные, со всей своей одеждой в руках и должны пробежать сотню шагов до следующей лачуги. Здесь нам, наконец, разрешают одеться.

Когда мы кончаем с этим, каждый остаётся в своем собственном углу, и мы не осмеливаемся поднять глаза друг на друга. Негде посмотреться в зеркало, но облик каждого стоит перед ним, отраженный в сотне покрытых синяками лиц, в сотне

отверженных и убогих марионеток. Мы превращены в призраков, промелькнувших перед нами вчера вечером.

Тогда мы впервые осознали, что в нашем языке нет слов, чтобы выразить это оскорбление, это унижение человека. В момент почти провидческой интуиции, нам открылась реальность: мы достигли дна. Невозможно опуститься ниже этого; никакие условия человеческого существования не могут быть более убогими, чем эти, и непостижимо, что они могут быть такими. Нам больше ничего не принадлежит; они отобрали нашу одежду, нашу обувь, даже наши волосы; если мы говорим, они не слушают нас, а если слушают, то не понимают. Они даже отобрали наши имена: и если мы хотим сохранить их, мы должны будем найти в себе силы сделать это, подтвердить каким-то образом, что за этими именами еще остается что-то от нас, от нас, какими мы были.

Мы знаем, что нас трудно понять, и так и должно быть. Но представьте какая ценность, какое значение связано даже с мельчайшей из наших ежедневных привычек, с той сотней вещей, которыми обладает даже самый бедный нищий: носовой платок, старое письмо, фотография любимого человека. Эти вещи частица нас, почти как части нашего тела; нельзя себе представить, чтобы мы были лишены их в нашем мире, потому что мы сразу же нашли бы взамен им новые, другие предметы, которые станут нашими в своем воплощении или вызывая воспоминания..

Вообразите теперь человека, которого лишили всего, что он любит, и одновременно своего дома, своих привычек, своих одежд, короче говоря всего, чем он владел: он станет человеком без сердцевины, сведенным до его текущих страданий и тягот, забывшим достоинство и сдержанность, потому что человек, который теряет все, зачастую теряет самого себя. Он станет человеком, чья жизнь и смерть будут лишены смысла человеческого взаимопритяжения, и в большинстве случаев будут базироваться на примитивных соображениях полезности. При таком подходе можно понять двойной смысл названия «лагерь уничтожения», и тогда становится ясным, что мы хотим выразить фразой «лежать на дне»… [**5**, 213-24].

1.7.6

АБ МИШЕ

Из книги «**Черновой вариант**»

(свидетельства о концлагере Освенцим)

Ф. ПИПЕР:

Входящих в камеру людей – сначала женщин с детьми, а за ними мужчин – вели к противоположной стене, за кордон стоящих у стены эсэсовцев. По мере заполнения газовой камеры они отступали по направлению к двери. Таким образом, в газовую камеру площадью в 210 кв. м и размером 30 х 7 х 2, 4 м вталкивали до 3000 человек.

…газ пускали через отверстие в перекрытии. От этих отверстий до самого пола отходили специальные трубы, сконструированные из нескольких слоев плотной проволочной сетки с подвижным стержнем. Эсэсовец-дезинфектор, открыв банку с циклоном (яд в газифицирующихся кристаллах), опрокидывал ее содержимое на специальный распределительный конус. Благодаря этому кристаллизованная специальная кислота равномерно распределялась внутри вкидного стержня, что ускоряло отравление. Одновременно в газовую камеру впускалось около 6 –12 кг газа (в 1942—43 годах фирма *Теш унд Стабенов* доставила в лагерь 19652,69 кг «циклона Б»).

Р.ГЕСС (комендант Освенцима):

…через глазок в дверях можно было увидеть, как стоящие ближе к газопроводящим устройствам тотчас же падали мертвые. Одна треть людей умирала сразу, остальные начинали толкаться, кричать, судорожно хватать воздух. Однако крики быстро затихали, переходили в хрипение… через 20 минут никто не шевелился …это зависело от погоды: было сухо или влажно, тепло или холодно; зависело это от качества газа, оно не всегда было одинаковым… быстрее гибли дети, старики и больные, слабые, а также те, кто кричал.

Через полчаса двери открывались, включали вентиляцию и сразу начинали вытаскивать трупы…

Затем узники из зондеркоманды выдергивали у трупов золотые зубы, отрезали волосы у женщин, а потом лифтами перевозили трупы наверх в печь.

Число трупов, входивших в одну печь, равнялось трем, но это зависело от размеров тел, что влияло также и на время сжигания, в среднем требовалось 20 минут… в крематориях 1 и 2 могли сжечь за сутки около 2000 трупов, всякое увеличение этого числа приводило к аварии.

Переписка фирмы Кори – поставщика печей для концлагерей:

…мы предлагаем наши усовершенствованные печи для сжигания, работающие на угольном топливе, которые оправдали себя на практике с наилучшей стороны.

…Мы гарантируем эффективность поставляемых кремационных печей, а также их устойчивость, поставку лучшего материала и безупречное выполнение работ…

В ожидании дальнейших известий, к вашим услугам. Хайль Гитлер!

Кори (Общество с ограниченной ответственностью).

Ф. ПИПЕР:

…число сжигаемых тел зависело, собственно говоря, от количества транспортов и пропускной способности газовых камер, теоретически рассчитанных на 60000 тел…Самое большое число отравленных и сожженных за один день людей было достигнуто в 1944 году во время акции уничтожения венгерских евреев и составило 24 000 человек...

Каждый из этих современных крематориев был обнесен колючей проволокой, имел отдельный вход, а от лагеря был скрыт изгородью из ивняка. Нарядные цветочные клумбы придавали этому месту невинный вид.

Из показаний на Нюрнбергском процессе бывших освенцимских узников:

…печей не хватало, и были устроены огромные рвы для сжигания. В них укладывались костры из дров, которые обливались нефтью. В эти канавы бросались трупы, но часто СС бросали туда также детей и взрослых женщин, где эти несчастнейшие люди погибали страшной смертью. Жиры и масло, нужные для сжигания, получались отчасти из трупов загазированных людей – для экономии нефти. Из трупов получали также масла и жиры для технических целей и даже для приготовления мыла.

Ю. ЮЗОВСКИЙ:

Освенцим должен был работать на началах самоокупаемости. Гесс был озабочен изысканием средств для ведения своего производства… Так был найден знаменитый «циклон Б» – препарат синильной кислоты.

Он, во-первых, стоил дешево, во-вторых, действовал быстро… Когда же не было особой спешки, нужную порцию яда уменьшали, жертвы мучились дольше

положенного (я опускаю описания перекошенных судорогой тел и глаз, вылезающих из орбит), но экономия на «циклоне Б» составляла внушительную цифру.

Ф. ПИПЕР:

Пепел с остатками не сожженных до конца костей вывозили на грузовиках в деревню Харменже и высыпали в рыбные пруды. Засыпали болота или удобряли поля лагерных хозяйств. Вырванные у мертвых золотые зубы тут же переплавлялись в специальном тигле… Плавка порой давала до 12 кг золота в день. Чердаки крематориев, отапливаемые благодаря находившимся под ними печам, использовались для сушки волос убитых.

Ю.ЮЗОВСКИЙ:

Рудольф Гесс в общем справлялся с финансовыми затруднениями, о чем свидетельствует, например, его переписка с фармакологической фирмой Байер. Вот фрагменты этой корреспонденции, исходящей от фирмы. «Мы были бы благодарны Вам, если бы Вы в связи с испытанием нами нового снотворного средства передали нам известное количество женщин». «Подтверждаем ответ. Цена 200 марок за одну женщину кажется нам все же завышенной. Можем предложить не больше 170 марок за голову…»… «Получили 150 женщин. Они хотя и не в наилучшем состоянии, но отвечают нашим требованиям…» «Опыты проведены. Все женщины умерли. В ближайшее время свяжемся с Вами насчет новой доставки…»

*Из книги «**Освенцим глазами СС**».*

Во время уничтожения венгерских евреев Гесс часто ездил в Будапешт, чтобы координировать наплыв эшелонов… Каждый день приходили 2—5 эшелонов, а в каждом из них 40 – 50 вагонов, приблизительно по 100 человек в каждом вагоне. Часть эшелонов направляли прямо в газовые камеры, без проведения отбора. Бывали дни, когда приходило больше поездов с евреями, и тогда закрытые вагоны стояли на боковых путях по нескольку часов. В некоторых транспортах евреи уже были поделены по возрасту и полу. Венгерских евреев привозили в Освенцим под предлогом «переселения» на Восток, а поэтому им было приказано привезти строительное дерево. В действительности оно служило для сжигания трупов загазованных людей.

М.-К. ВАЙЯН КУТЮРЬЕ (*бывшая узница Освенцима*):

…когда прибывали евреи из Салоник, им выдавали почтовые открытки, внизу на этих открытках указывалось, что адрес отправителя – Вальдзе, хотя такого пункта не существовало. Им выдавали также печатный текст с тем, чтобы они написали своим родным: «Здесь мы хорошо устроились, у нас есть работа, с нами хорошо обращаются и хорошо кормят. Ждем вашего приезда»… Я вспоминаю профессора-филолога из Салоник, который с ужасом узнал в приехавшем родного отца.

Р. ГЕСС:

…два дежурных врача осматривали заключенных, прибывших эшелонами… Пригодных к работе направляли в лагерь, остальных немедленно посылали на фабрики истребления. Маленьких детей истребляли всех, так как они не могли работать… Очень часто женщины пытались спрятать своих детей под одеждой, но, конечно, когда мы обнаруживали их, мы отправляли их в камеры уничтожения.

С. ШМАГЛЕВСКА (*бывшая узница Освенцима*):

…быстро на ходу идет отбор.

Не задерживаясь ни на мгновение, люди переходят направо, лишь некоторые, указанные эсэсовцем, сворачивают налево. Первые пойдут прямиком в смерть, вторым будет разрешено прожить несколько недель или месяцев в наитягчайших условиях лагеря.

Налево идут самые красивые молодые девушки или безупречно сложенные крепкие юноши.

Направо движется подавляющее большинство; там старики, инвалиды, дети, матери с младенцами. Они не знают, что в эту секунду на них пал приговор гитлеровского правосудия…

Напротив того места платформы, где высаживаются из поездов «переселенные» сюда люди, стоят затаившиеся за немецкой уборной женщины и через колючую проволоку следят за селекцией… Эдита Лингс… смотрит с напряжением, а потом тихо говорит: «Моя сестра Сарочка».

… Эдита тянется на цыпочках и смотрит в сторону поезда… лицо ее сереет, и она с глазами, расширенными от ужаса говорит: «Моя мать, шурин, отец, бабушка, тетя… Все. Вся моя семья». И не думая об опасности, которой подвергает себя, кричит:

– Сара! Сара! Отдай ребенка бабушке!

Молодая женщина с ребенком в руках глядит в сторону лагеря, узнает стоящую за проволокой сестру, поднимает приветственно руку. Эдита упорно повторяет:

– Ребенка - бабушке, отдай ребенка бабушке!

Сара не знает, что значат эти слова. Послушно оборачивается к идущей следом старой женщине в черном и отдает ей младенца…

Семья Эдиты приближается к группе эсэсовцев, и теперь видно: все поочередно уходят направо, кроме одной только Сары.

М.-К. ВАЙЯН КУТЮРЬЕ:

Мы прибыли в Освенцим…

Нас направили в большой барак, затем в дезинфекционную камеру. Там нам вытатуировали на левой руке порядковый номер. Затем нас перевели в большое помещение, где держали под паром, после чего окатили ледяной водой. Все это происходило в присутствии эсэсовцев – мужчин и женщин, хотя мы, женщины, были раздеты. После этого нам выдали разорванную грязную одежду: платье из хлопчатобумажной ткани и такие же кофты.

…нас перевели в помещение, где мы должны были жить… Нары были размером 2 х 2 метра, и мы без подстилок спали по девять человек на каждых нарах: первую ночь мы провели без одеял…

В половине четвертого раздавался грубый крик охраны, которая нас поднимала ударами дубинок на перекличку… даже умиравшие должны были ползком выходить на нее.

5 февраля в 1943 году… в половине четвертого утра весь лагерь был разбужен и выведен на перекличку на равнину. Мы оставались на этой равнине перед лагерем до пяти вечера, не получая пищи, стоя на снегу. После того, как была отдана команда, мы должны были пройти через дверь поочередно один за другим и каждому заключенному наносили удар в спину дубинкой для того, чтобы заставить его бежать. Те, которые не могли бежать, потому что были стары или больны, были схвачены и помещены в 25-й блок, в котором ожидали отравление газом.

…наши окна выходили во двор 25-го блока… Можно было видеть горы трупов и время от времени голова или рука одного из сваленных в кучу тел, приходила в движение – это была умирающая, которая стремилась выбраться из горы трупов…

…по двору 25-го блока бегали громадные крысы, которые объедали трупы и даже набрасывались на умиравших…

…обувь приходила в полную негодность через одну-две недели… В связи с этим ноги отмораживали, на них образовывались раны… Многие из моих подруг, у которых были раны на ногах, ложились в лазарет и более оттуда не возвращались.

Евреек, выходивших на перекличку без обуви, немедленно отправляли в 25-й блок. Их уничтожали с помощью газа за что бы то ни было. Вообще их положение было совершенно ужасное. Нас собирали по 800 человек в блоке, и скученность была такой, что мы с трудом могли двигаться по помещению. Их же было в блоке такого же размера 1500 человек, т. е. значительная часть из них не могла ни спать, ни даже улечься на ночь.

Р.ГЕСС:

Больных, которых невозможно было ввести в газовую камеру, убивали выстрелом в затылок.

М. НЫСЛИ (*бывший узник Освенцима*):

Ежедневно около 7 часов вечера ворота крематория въезжает грузовая машина. Она привозит примерно 70 – 80 женщин или мужчин на смерть. Они не питают иллюзий относительно своей участи. Когда машина въезжает во двор, поднимается ужасающий предсмертный крик. Они настолько обессилены, что не могут вылезти из высокого кузова машины. Охранники СС орут и торопят их. Водитель-унтерофицер теряет терпение, садится за руль и включает мотор. Передняя часть огромного ящика медленно поднимается вверх и высыпает людей. Полумертвые больные падают на бетон, одни на других, ударяясь головой и лицом. Душераздирающий крик заполняет все вокруг. Несчастные судорожно бьются об землю. Страшная сцена… Зондеркоманда срывает с жертв лохмотья и бросает в костер. Несчастных вносят в котельную, где их ожидает у топки обершарфюрер Мусфельд. Руки в резиновых перчатках, он держит оружие. Перед ним ставят людей, которые один за другим падают замертво на пол, уступая место следующим. В течение нескольких минут

Мусфельд «опрокинул» все восемьдесят человек, так и говорил: *умгелегт*. Спустя полчаса от них остается лишь горсть пепла.

Из сообщения Чрезвычайной Государственной Комиссии СССР (ЧГК):

По… технической организованности, массовости и жестокости истребления людей освенцимский лагерь оставляет далеко позади все немецкие «лагеря смерти.

…На территории освенцимского лагеря имелось 35 специальных складов для… вещей и одежды, из которых 29 немцы перед своим отступление сожгли вместе с находившимися там вещами. В оставшихся шести складских помещениях обнаружено:

1. Мужской верхней и нижней одежды	348 820 комплектов
2. Женской верхней и нижней одежды	836 255 комплектов
…	
5. Ковров	13 964 штук

…обнаружено большое количество бывших в употреблении у заключенных: зубных щеток, кисточек для бритья, очков… зубных протезов, всевозможной посуды. Там найдено большое количество детской одежды: рубашки, распашонки, штанишки, пальто, шапочки.

…На кожевенном заводе освенцимского лагеря… обнаружено: 293 тюка запакованных женских волос общим весом 7000 килограммов. Экспертная комиссия установила, что волосы срезаны со 140 тысяч женщин.

…техническая экспертная комиссия установила, что за время существования освенцимского лагеря немецкие палачи уничтожили в нем не менее 4000000 граждан СССР, Польши, Франции, Югославии… и других стран.

Р. ГЕСС:

Невозможно себе представить и оценить стоимость вещей, отобранных у евреев…

Одежду и обувь подвергали осмотру, чтобы найти спрятанные там ценные предметы… Затем одежду и обувь или отдавали на склад, или отправляли в лагерь для узников. Позднее вещи эти стали высылать и в другие лагеря. Значительную часть… передавали переселенческим общественным организациям, а позже жертвам

воздушных бомбардировок. Много вещей получили предприятия военной промышленности...

Ценные предметы принимал особый административный отдел лагеря…

Отсортировав… их грузили вместе с деньгами в машины и отправляли в Берлин, в главное административно-хозяйственной управление СС, а оттуда в Имперский банк. В этом банке был специальный отдел, занимавшийся только ценностями, поступающими в ходе операции против евреев. Эйхман сказал мне однажды, что эти драгоценности и валюту продавали в Швейцарии и что ими был полностью наводнен швейцарский рынок.

…часы тысячами высылали в Саксенхаузен; там были огромные часовые мастерские, где работали сотни узников. В этих мастерских часы сортировали, чинили и отправляли в распоряжение фронтовых отделов СС и армии…

Золотые зубы перетапливали…слитки отправляли в главное санитарное управление. В запломбированных зубах не раз находили драгоценные камни…

Отрезанные женские волосы… использовали для целей военной промышленности (*Примечание редакторов записок Гесса*: …из них делали фетр и портняжный волос. Фирмы, покупавшие волосы, платили по 0,5 марки за килограмм.)

Плохую одежду чинили; обувь разрезали на куски, часть из которых шла в употребление, а остальное перерабатывали в кожаную муку.

П.БРОАД (*бывший сотрудник лагерной администрации*):

Администрация лагеря была не в состоянии наладить сортировку наплывающих в огромном количестве предметов; в результате горы дорогого белья высотой с дом неделями лежали на улице и портились. Чемоданами носили в подвалы… ювелирные изделия, банкноты, монеты… Целый штат людей день за днем считал деньги, получались астрономические суммы.

СС, которая в начале войны едва могла закупить для себя необходимое оружие, через несколько лет могла уже построить целые улицы с фешенебельными жилыми и административными зданиями.

В Бжезинке десятки тысяч буквально лежали на дороге: эти деньги выбрасывали… люди, которых везли на грузовиках… в газовые камеры. Большинство конвоиров, находя эти деньги, не могли удержаться от соблазна… они припрятывали часть этих денег…

На вокзале можно было купить у железнодорожников и спекулянтов любое количество водки; спекуляция давала огромные деньги… У покупателей была разная валюта в достаточном количестве.

Р. ГЕСС:

Члены СС были деморализованы, многие из них не были настолько сильны, чтобы противостоять искушению легкого обогащения ценными вещами евреев…

…За легко полученные деньги, часы, кольца и другие предметы узники [главным образом те, которые работали на складах. – *Примечание редакторов записок Гесса*] покупали у эсэсовцев алкоголь, табак, продукты, фальшивые деньги, оружие, боеприпасы… пострадала общая дисциплина в лагере… Еврейское золото стало проклятием лагеря.

Тем не менее бережливые немцы не упускали ничего. 15 декабря 1943 года Берлин потребовал от комендантов Освенцима и других лагерей, имеющих публичные дома, «взимать за сношение с польской шлюхой 2 рейхсмарки. 1 марку получает проститутка, тогда как вторая марка поступает на специальный счет» [**6**, 1994., 90-101].

1.7.7
Т. БОРОВСКИЙ
«Пожалуйте в газовую камеру»

(Автобиографический рассказ; сокращено)

Весь лагерь ходил голый. Правда, мы уже прошли через вошебойку, и одежду нам вернули из бассейнов с раствором циклона, от которого вши дохнут не хуже, чем люди в газовой камере. И только в блоках, отгороженных от нас испанскими козлами, еще не получили своей одежды – тем не менее и те и другие ходили голые: жара стояла невыносимая. Лагерь был заперт наглухо. Ни один заключенный, ни одна вошь не смели проникнуть за его ворота. Прекратилась работа команд. Целый день тысячи голых людей околачивались по дорогам и апельплацам*, разлеживались под стенами и на крышах. Спали на досках – тюфяки и одеяла дезинфицируются. Из последних бараков виден женский лагерь – там тоже истребляют вшей. Двадцать

восемь тысяч женщин раздели и выгнали из барачных помещений – вон они мельтешат на «визах» [wiese – лужайка (нем.)], дорогах и площадях.

С утра ждешь обеда, подкрепляешься из посылок, навещаешь приятелей. Время тянется, как обычно в жару. Нет даже привычного развлечения – широкие дороги к крематориям пусты. Уже несколько дней нет эшелонов. Часть Канады [команда складов Освенцима]ликвидирована и направлена в рабочие команды. Люди сытые, отдохнувшие, они попали в одну из самых тяжелых – в Гармензе. Ибо в лагере господствует своего рода завистливая справедливость: если имущий пал, его приятели руководствуются правилом: «падающего толкни».

…величественно вышел староста.

О Канада! Antreten! [Стройся (нем.)] Но быстро! Эшелон идет.

– Боже великий! – крикнул Анри, соскакивая с нар.

Марселец подавился помидором, схватил куртку, проорал спящим внизу “raus” [прочь (нем.)], и уже все были в дверях. Засуетились и на других нарах. Канада уходила на грузовую платформу…

Это было идиллическое местечко, как обычно на затерянных провинциальных полустанках. Небольшая площадь, обрамленная зеленью высоких деревьев, была усыпана гравием. Сбоку, у дороги, врос в землю маленький деревянный барачишко, самый жалкий и невзрачный из всех возможных станционных строений; за ним громоздились большие груды рельсов, шпалы, сваленные кучей доски, части барачных построек, кирпичи, камни, колодезные круги. Это отсюда грузят товар для Биркенау: материал для расширения лагеря и людей для газовой камеры. Обычный рабочий день: приезжают машины, берут доски, цемент, людей…

На рельсах, на балках, в зеленой тени силезских каштанов расставляют конвойных, окружают платформу тесным кольцом. Конвоиры утирают пот, пьют из манерок. Жара страшная, солнце недвижно стоит в зените.

– Разойтись!

Мы садимся в полосках тени между рельсами. Голодные греки (их тут несколько, затесались черт знает как) шарят среди рельсов, кто-то находит коробку консервов, другой – заплесневелую булку, остатки сардин. Едят.

– Schweinedreck [Дерьмо свинячье (нем.)], – плюет на них молодой высокий конвоир с густым белокурым чубом и голубыми мечтательными глазами, – сейчас у вас будет столько еды – обожретесь. Надолго расхочется.

Он поправил автомат, вытер лицо платком. Мы согласно подтверждаем:

– Скоты.

– Эй, толстый, – сапог конвоира слегка касается затылка Анри. – Pass mal auf, ну ты там , пить хочешь?

– Хочу, но у меня нет марок, – деловито отвечает француз.

– Schade, жаль.

– Но, Herr Posten, разве мое слово ничего не значит? Разве Herr Posten не торговал со мной? Wiefiel [Сколько? (нем.)]?

– Сто. Gemacht [Договорились? (нем.)]?

– Gemacht.

Мы пьем тепловатую безвкусную воду за счет людей, которых еще нет.

– Ты, слушай, – говорит француз, далеко отбрасывая бутылку, которая вдребезги разбивается где-то на рельсах. – Монету не бери, могут шмонать. Да на черта тебе монета, еда у тебя есть. Одежку тоже не бери. Подозрительно – не собрался ли бежать. Бери рубашку, но только шелковую и с воротничком. И майку под низ. А найдешь выпивку, меня не зови, я сам справлюсь. И смотри не попадайся.

– Бьют?

– Нормальное дело. Тут гляделки в спине нужны. Archaugen [Глаза в заднице (нем.)].

… Тем временем на платформе становилось все более шумно и тесно. Надсмотрщики распределяли рабочую силу: одних назначали открывать и разгружать вагоны, которые должны прибыть, других – к деревянным лесенкам, объясняя, что надо делать. Это были широкие удобные переносные лесенки, вроде тех, по которым входят на трибуну. С грохотом подкатывали мотоциклы, везущие осыпанных серебром отличий унтер-офицеров СС, хорошо упитанных мужчин в зеркальных офицерских сапогах, с блестевшими хамскими лицами. Одни приехали с портфелями, другие держали в руках гибкую бамбуковую трость. Это им придавало вид ретивых служак. У входа в буфет – оказывается, тот жалкий барачишко был их буфетом, в летнее время там пили минеральную воду, Sudetenquelle, а зимой – подогретое вино – они официально здоровались на древнеримский манер, выбрасывая руку вперед, а затем радушно, с приветливой улыбкой трясли друг другу

десницы, толковали о письмах, об известиях из дому, о детях, показывали фотографии. Некоторые достойно прохаживались по площади, гравий хрустел, сапоги скрипели, на воротниках блестели серебряные квадраты и нетерпеливо посвистывали бамбуковые тросточки в руках.

… Кто-то сказал: «Эшелон идет», – и все поднялись в ожидании. Из-за поворота выходили товарные вагоны, локомотив толкал их с тыла, стоявший на тормозной площадке железнодорожник высунулся, замахал рукой, свистнул, локомотив пронзительно свистнул в ответ, запыхтел, состав медленно покатился вдоль станции. В маленьких зарешеченных окошечках были видны лица, бледные, измятые, как бы невыспавшиеся, лица женщин и мужчин, перепуганных, растрепанных, – да, как это ни удивительно, но у них были волосы на головах. Они проплывали медленно, молча приглядываясь к станции.

… Лязгнули запоры – вагоны открыли. Волна свежего воздуха ворвалась и ошеломила людей как угар. Скученные, придавленные чудовищным количеством багажа, чемоданов, чемоданчиков, рюкзаков, всякого рода узлов (ведь они везли с собой все, что составляло их прежнюю жизнь и должно было положить начало будущей) люди ютились в страшной тесноте, теряли сознание от зноя, задыхались и душили других. Теперь они толпились у открытых дверей, дыша, как выброшенные на песок рыбы.

– Внимание. Выходить с вещами. Забирать все. Весь свой скарб складывать в кучу около вагона. Пальто отдавать. Теперь лето. Идти налево. Понятно?

– Пане, что с нами будет? – Взволнованные, встревоженные, они уже соскакивали на гравий.

– Откуда вы?

– Сосновец, Бендзин. Скажите, что будет? – упрямо повторяют они вопрос, жадно вглядываясь в чужие усталые глаза.

– Не знаю, не понимаю по-польски.

Таков закон лагеря: людей, идущих на смерть, обманывают до последней минуты. Это единственно допустимый вид жалости…

… Из вагона выливается разноцветная навьюченная толпа, похожая на ошалевшую слепую реку, которая ищет новое русло. Но прежде чем очумелые от

свежего воздуха и запаха зелени люди приходят в себя, у них уже рвут из рук узлы, стаскивают с плеч пальто, у женщин вырывают сумочки, отбирают зонты.

– Пане, пане, но это от солнца, я не могу…

– Verboten [Запрещено (нем.)], – огрызаешься сквозь зубы, громко сопя.

За спиной стоит эсэсовец, спокойный, деловитый, владеющий собой.

– Maine Herrschaften, господа, сделайте милость, не надо так разбрасывать вещи, – говорит он добродушно, а тонкая трость нервно гнется в его руках.

– Так точно, так точно, – отвечает многоголосый хор, и люди бодрее идут вдоль вагонов. Какая-то женщина наклоняется, быстро поднимает сумочку. Свистнула трость, женщина вскрикнула, споткнулась и упала под ноги толпе. Бегущий за ней ребенок пискнул: «Мамеле», – такая маленькая растрепанная девочка…

Растет куча вещей, чемоданов, узлов, заплечных мешков, пледов, пальто, сумочек, которые, падая, раскрываются и из них сыплются пестрые радужные банкноты, золото, часики; у дверей вагонов высятся горы хлебы, громоздятся банки разноцветных джемов, повидл, пухнут груды окороков, колбас, рассыпается по гравию сахар. С адским грохотом отъезжают набитые людьми машины, сопровождаемые воем и воплями женщин, которые оплакивают своих детей, и растерянным молчанием вдруг осиротевших мужчин. Это те, что пошли направо – молодые и здоровые, они отправятся в лагерь. Газ их не минует, но сначала они будут работать.

Машины без отдыха отъезжают и возвращаются, словно на каком-то чудовищном конвейере. Беспрерывно ездит карета Красного Креста. Намалеванный на маске мотора огромный кровавый крест плавится на солнце. Карета Красного Креста ездит неутомимо, потому что в ней перевозят газ, газ, которым травят этих людей.

У тех, из Канады, что стоят у лесенок, нет ни минуты передышки. Они разделяют: кого в газовую камеру, кого в лагерь, первых выталкивают на ступеньки, упихивают в машину, в каждую приблизительно по шестьдесят.

Сбоку стоит молодой, гладко выбритый эсэсовец с блокнотом в руке; каждая машина – черточка, отъехало шестнадцать машин – приблизительно тысяча душ. Эсэсовец уравновешен и точен. Без его ведома и его черточки не отойдет ни одна машина…

… Вагоны опустели. Худой, со следами оспы эсэсовец спокойно заглядывает внутрь, неодобрительно качает головой, обводит нас взглядом и указывает на вагоны:

– Rein. Очистить!

Мы вскакиваем в вагоны. Раскиданные но углам среди человеческого кала и потерянных в толчее часов лежат задушенные, затоптанные грудные младенцы, грудные уродики с огромными головами и вздутыми животами. Выносишь их как цыплят, держа в каждой руке по паре.

– Не неси их в машину. Отдай женщинам, – говорит, закуривая папиросу, эсэсовец. У него заело зажигалку, он весь погружен в свое занятие.

– Господи Боже, да берите вы этих детей, – взрываюсь я, потому что женщины, втягивая голову в плечи, в ужасе убегают от меня.

Странно и ненужно звучит здесь имя божие, ведь женщины с детьми, все без исключения, попадают в машины. Мы хорошо знаем, что это значит, и переглядываемся с ненавистью и страхом.

– Что, брать не хотите? – как бы удивленно и с упреком проговорил рябой эсэсовец и начал отстегивать кобуру.

– Не надо стрелять, я возьму.

Седая высокая дама взяла у меня младенцев и несколько секунд смотрела мне прямо в глаза.

– Дитя, дитя, – прошептала она с усмешкой. Затем отошла, спотыкаясь на гравии…

… Смотрю, перед глазами скачет чье-то лицо, расплывается, смешивается, огромное, прозрачное, с неподвижными и почему-то черными деревьями, с переполняющей площадь толпой. Я резко сжимаю и разжимаю веки: Анри.

– Послушай, Анри, мы хорошие люди?

– Почему так глупо спрашиваешь?

– Видишь ли, друг, эти люди вызывают во мне совершенно непонятное озлобление – тем, что из-за них я должен быть тут. Я им вовсе не сочувствую по поводу газовой камеры. Провались они все сквозь землю. Я готов броситься с кулаками! Не понимаю: может, это патология?

– Ох, как раз наоборот, это нормально, предусмотрено и принято в расчет. Тебя мучает то, что тут происходит, ты бунтуешься, а злобу легче всего вымещать на слабом. Даже желательно, чтобы ты ее выместил.

… Людей уже нет. Последние машины катят далеко по шоссе, поднимая гигантские облака пыли, поезд ушел, по опустевшей платформе достойно вышагивают эсэсовцы, сверкая серебром воротников. Блестят начищенные до глянца сапоги, блестят налившиеся кровью лица. Среди них – женщина, только теперь до меня доходит, что она была здесь все время, сухопарая, безгрудая, костистая. Редкие бесцветные волосы гладко зачесаны назад и связаны «нордическим» узлом, руки засунуты в карманы широкой юбки-штанов. Она ходит по перрону из конца в конец с приклеенной к высохшим губам крысиной жестокой улыбкой. Она ненавидит женскую красоту ненавистью уродливой женщины, сознающей свое уродство. Да, я видел ее еще не раз и хорошо запомнил. Это комендантша FKL пришла обозреть свои уловы – ведь часть женщин отставили от машин, и они пешком пойдут в лагерь. Там наши парни, парикмахеры из вошеблоков, обреют этих женщин наголо, потешаясь над их еще не остывшей стыдливостью.

… Жара, жара невозможная. Воздух стоит раскаленным неподвижным столбом. У всех пересохло в горле, каждое сказанное вслух слово вызывает боль. Ох, пить. Работаем лихорадочно, только бы скорей, только бы в тень, только бы отдохнуть. Кончаем, уходят последние машины, выгребаем из-под мелкого гравия чужую эшелонную грязь, «чтоб и следа от этой мерзости не осталось», и в ту самую минуту, когда последний грузовик исчезает за деревьями, а мы идем – наконец-то! – в сторону рельсов отдохнуть и напиться (может, француз опять купит у конвоира), за поворотом снова слышен свисток железнодорожника. Медленно, бесконечно медленно выкатываются вагоны, пронзительно свистит в ответ локомотив, из окошек глядят измятые бледные лица, плоские, как будто вырезанные из бумаги, с болезненно горящими глазами.

… Нет, уже нет сил сдерживаться. Мы грубо рвем у людей из рук чемоданы, сдергиваем с плеч пальто. Идите, идите, исчезните. Идут, исчезают. Мужчины, женщины, дети. Некоторые из них знают.

Вот быстро идет женщина, незаметно, но лихорадочно прибавляет шагу. За ней бежит маленький трех-четырехлетний ребенок с раскрасневшимся пухлым личиком херувима, не может нагнать, с плачем протягивает ручки:

– Мама! Мама!

– Женщина, возьми же ребенка на руки!

– Пане, пане, это не мой ребенок, это не мой ребенок! – истерически кричит женщина и пускается бежать, закрывая лицо руками. Она хочет успеть, хочет скрыться среди тех, кто не поедет в машине, кто пойдет в лагерь, кто будет жить.

Но ребенок бежит за ней, жалобно крича: «Мама, мама, не убегай!»

– Это не мой ребенок, не мой, нет!..

И тут ее догнал Андрей, моряк из Севастополя. Глаза у него мутные от водки и жары. Он догнал ее, одним размашистым ударом руки сбил с ног, падающую схватил за волосы и снова поставил стоймя. Лицо у него было перекошено яростью.

– Ах ты, мать твою, блядь еврейская! От дитя своего бежишь! Я тебе дам, ты, курва!

Он обхватил ее поперек, задавил лапой рвущийся из горла крик и, как тяжелый куль зерна, с размаху бросил в машину. Затем швырнул ей под ноги ребенка: – Вот тебе! Возьми и это! Сука!

– Gut gemacht [*Хорошо сделал* (нем.)], так надо наказывать преступных матерей, - сказал стоявший у машины эсэсовец…

– Молчи! – прохрипел свозь зубы Андрей и отошел к вагонам. Из-под кучи тряпья он вытащил спрятанную там манерку, открутил, приложил к губам себе, потом мне. Спирт жжет горло, голова гудит, ноги подгибаются, чувствую позыв к рвоте.

Вдруг среди этих толп, слепо, словно управляемая невидимой силой река прущих в сторону машин, возникла женщина, легко выскочила из вагона на гравий и испытующе огляделась вокруг, как человек, который очень удивляется чему-то.

Густые светлые волосы мягко рассыпались по плечам, она нетерпеливо их откинула. Машинально огладила блузочку, незаметно поправила юбку. Так она стояла с минуту, затем перевела взгляд с толпы на наши лица, словно кого-то ища. Безотчетно я тоже искал ее взгляда, наши глаза встретились.

– Слушай, слушай, куда они нас повезут?

Я смотрел на нее. Вот стоит передо мной девушка с чудными светлыми волосами, с прелестной грудью, в батистовой летней блузочке, с мудрым взглядом

зрелого человека. Стоит, смотрит мне прямо в лицо и ждет. Вот газовая камера, отвратительная, безобразная, свальная смерть. Вот лагерь: бритая голова, ватные советские штаны в жару, мерзкий тошнотворный запах грязного потного женского тела, звериный голод, нечеловеческий труд и та же камера, только смерть еще безобразней, еще омерзительней, еще страшней. Тот, кто однажды сюда вошел, ничего, даже праха своего, не вынесет за постенкетте, не вернется к той жизни.

«Зачем она это привезла, ведь все это отберут все равно», – подумал я невольно, заметив у нее на запястье хорошенькие часики с тонким золотым браслетиком. Точно такие же были у Туськи, только на узкой черной тесемке.

– Послушай, ответь мне.

Я молчал. Девушка сжала губы.

- Понимаю, - сказала она с оттенком царственного презрения в голосе, откидывая голову назад. И смело пошла к машинам. Кто-то захотел ее задержать, но она смело отстранила его и по ступенькам вбежала на платформу почти полного грузовика. Уже только издали я увидел летящие по ветру пышные светлые волосы.

…со стороны рельсов виден весь кипящий на платформе ад. Вот двое людей упали на землю, сплетенные в отчаянном объятии. Он судорожно вцепился пальцами в ее тело, зубами ухватился за платье. Она истерически кричит, клянет и кощунствует, пока, придавленная сапогом, не начинает хрипеть и умолкает. Их раздирают, как недоколотое полено, и, как животных, загоняют в машину. Вот четверка из Канады волочет мертвеца – огромную распухшую бабу; потея от усилий, они ругаются на чем свет стоит и пинками отгоняют потерявшихся ребятишек, которые с собачьим воем путаются по всей платформе. Их хватают за шиворот, за волосы, за руки и кучами забрасывают на грузовики. Те четверо никак не могут поднять бабу на машину, зовут других и общими усилиями запихивают гору мяса в открытый кузов. Со всей платформы сносят трупы – большие, раздутые, опухшие. Вместе с ними швыряют калек, паралитиков, полузадушенных, потерявших сознание. Гора трупов шевелится, скулит, воет. Шофер заводит машину, отъезжает.

– Halt, halt! – орет издали эсэсовец.— Стой, стой, черт тебя побери!

Тащат старика во фраке с повязкой на предплечье. Старик бьется головой о гравий, о камни, стонет и беспрерывно монотонно повторяет: «Я хочу поговорить с господином комендантом».

– Ты, чудак, успокойся, ну! – хохоча во все горло, кричит ему молодой эсэсовец. – Через полчаса ты будешь говорить с самым великим из комендантов. Только не забудь сказать ему ”Heil Hitler!”

Несут девочку без ноги, ее держат за руки и за оставшуюся ногу. По лицу ее текут слезы, она жалобно шепчет: «Господи, мне больно, больно…» Девочку швыряют в машину с трупами. Она сгорит заживо вместе с ними.

Наступает вечер, прохладный и звездный. Мы лежим среди рельсов, вокруг удивительно тихо. На высоких столбах в полнакала горят лампы, за кругом света простирается непроглядная тьма. Шагнул во тьму, и нет тебя…Но конвоиры начеку. Автоматы у них наготове.

… Мне хочется спать. Уже глубокая ночь.

И снова «antreten», снова эшелон. Из темноты выплывают вагоны, пересекают полосу света и снова исчезают во мраке. Платформа невелика, но круг света еще меньше. Придется разгружать поочередно… какая-то девочка высунулась всем корпусом из вагонного окошка и, потеряв равновесие, упала на гравий. Несколько минут она лежала оглушенная, наконец поднялась – и начинает ходить по кругу, все быстрей и быстрей, угловато размахивая, как на гимнастике, руками, шумно хватая ртом воздух и подвывая, монотонно, визгливо. Давится – помешалась. Это действует на нервы, к ней подбегает эсэсовец, подкованным сапогом пнул ее в спину, она упала. Он притоптал ее ногой, вынул револьвер, выстрелил – раз и еще раз, девочка лежала еще с минуту, вскапывая ногами землю, потом замерла совсем. Начали открывать вагоны.

Я снова был у вагонов, в нос ударила теплая, сладковатая вонь. Человеческая гора заполняла вагон до половины, неподвижная, чудовищно перемешанная, но еще дымящаяся.

– Ausladen! – раздался голос вынырнувшего из темноты эсэсовца. На груди у него висел переносный рефлектор. Он посветил внутрь.

– Чего стоите как олухи? Выгружать! – и свистнул палкой по моей спине. Я ухватился за мертвеца; его кисть судорожно сомкнулась на его руке. С криком я выдернул руку и убежал. Бешено колотилось сердце, перехватило горло. Вдруг меня скрутило пополам и вырвало тут же, у вагона. Шатаясь, я прокрался к рельсам.

Лежа на добром холодном железе, я мечтал о возвращении в лагерь, о нарах без матраса, о минуте сна среди товарищей, которых ночью не отправят в газовую

камеру. Внезапно лагерь показался мне каким-то островком покоя. Умирали и умирают другие, ты сам еще кое-как жив, у тебя есть еда, есть силы работать, есть родина, дом, девушка…

Призрачно светят фонари, без конца течет река людей, суетная, взбудораженная, одурелая. Этим людям кажется, что в лагере их ждет новая жизнь, и они психологически готовятся к тяжелой борьбе за существование. Эти люди не знают, что они сейчас умрут и что золото, деньги, бриллианты, которые предусмотрительно запрятаны в складках и швах одежды, каблуках, в тайных уголках тела, уже не понадобятся. Тренированные профессионалы будут копаться в их внутренностях, вытащат золото из-под языка, бриллианты из матки и заднего прохода. Вырвут золотые зубы. И в плотно заколоченных ящиках отошлют это в Берлин.

Черные фигуры эсэсовцев двигаются спокойно, деловито. Господин с блокнотом ставит последние черточки, уточняет цифры: пятнадцать тысяч.

Много, много машин отправлено в крематорий.

Уже кончают, последняя машина забирает сложенные на платформе трупы, вещи погружены. Канада, навьюченная хлебом, джемом, сахаром, пахнущая духами и чистым бельем, готовится к обратному пути. Капо укладывают в котел из-под чая последние шелка, золото и черный кофе. Это – для часовых в воротах, пропустят команду без контроля. Теперь лагерь несколько дней будет жить этим эшелоном: есть его ветчину и колбасы, пить его водку и ликеры, будет носить его белье, торговать его золотом и тряпьем. Многое вынесут из лагеря наружу вольнонаемные: в Силезию, Краков и дальше. Обратно они привезут папиросы, яйца, водку и письма из дому. Несколько дней в лагере будут говорить об эшелоне Бендзин – Сосновец. Хороший был эшелон, богатый.

Когда мы возвращаемся в лагерь, звезды начинают бледнеть, небо становится все прозрачней, подымается над нами, ночь светлеет. День обещает быть солнечным и жарким.

Из крематориев тянутся мощные столбы дыма; выше они сливаются в огромную черную реку, которая бесконечно медленно ползет по небу над Биркенау и сплывает за леса в сторону Тшебини. Это жгут сосновецкий эшелон.

Мимо идет отряд СС с автоматами, смена караула. Идут ровно, слитными рядами, единое тело, единая воля.

– “Und morgen die ganze Welt” [«*А завтра весь мир*» (нем.)], – горланят они.

– Rechts ran! Направо! – гремит команда во главе отряда.

Мы уступаем им дорогу [**7**, 179-205].

***апельплац** – *место сбора и переклички узников концлагеря.*

1.7.8

Из свидетельских показаний **И. Клаймана** *на судебном процессе Эйхмана в Иерусалиме в 1961 г.*

…поступил приказ: все юноши на футбольное поле… Нас построили, нас было две тысячи. Вдруг все поле вздрогнуло, будто ударило током. Появился «ангел смерти», появился доктор Менгеле. Он приехал на своем велосипеде. Кто-то подошел к нему, взял у него велосипед и поставил его к стене барака. Я с моей группой стоял у дороги. Д-р Менгеле заложил руки за спину, губы его были сжаты, как обычно. Он поднял голову, чтобы видеть всю площадку. Вот взгляд его остановился на юноше лет пятнадцати или четырнадцати, примерно этого возраста, который стоял недалеко от меня… светловолосый, худой, сильно опаленный солнцем, лицо все в веснушках. Он стоял в первом ряду. Менгеле подошел к нему и спросил: «Сколько тебе лет?» Юноша вздрогнул и сказал: «Восемнадцать» Я тотчас увидел, что д-р Менгеле сильно рассердился и стал кричать: «Я вам покажу!» Потом он закричал: «Принесите молоток, гвозди и планку!» Тотчас кто-то побежал выполнять приказ, а мы стоим и смотрим на него в абсолютной тишине… вернулся тот, с инструментами… Д-р Менгеле подошел к юноше, стоявшему поблизости в первом ряду. Это был высокий юноша, круглолицый, выглядел он хорошо. Д-р Менгеле подошел к нему, схватил его за руку и повел к футбольным воротам… Вот он поставил его у ворот и приказал прибить планку над головой юноши… Потом д-р Менгеле приказал, чтобы первая группа прошла под пленкой. И они обречены на смерть.

… Мы поняли, что низкорослые, не достающие до планки, обречены на смерть.

…Все стали волноваться, каждый хотел прибавить к своему росту еще несколько сантиметров, каждый старался вытянуться. Я пришел в отчаяние, потому что и те, кто выше меня, не доставали до планки. Всякий, чья голова не касалась планки, переходил на другую сторону поля, к маленьким, обреченным на смерть.

…брат стоял рядом со мной. Я не беспокоился за него, он был из высоких парней, ему было шестнадцать. Тот день совпал с его шестнадцатым днем рождения.

Он доставал до планки. Да, я стоял, потеряв всякую надежду. Я подумал: моя жизнь кончилась здесь. Вдруг брат прошептал мне: «Если хочешь жить, делай что-нибудь». Я будто очнулся и стал искать путь к спасению. Мысль работала напряженно. Вдруг я заметил камушки, разбросанные по земле, и подумал, что, возможно, это спасет меня. Все мы стояли навытяжку. Я незаметно нагнулся и поднял несколько камушков. На мне были ботинки большого размера. Я затолкал в них камни, положил под пятку и этим добыл еще два сантиметра. Я подумал, что может, этого хватит. Но вот я почувствовал, не могу стоять выпрямившись. Я сказал брату, что хочу выбросить камни. Брат ответил: «Не выбрасывай, я дам тебе что-нибудь». Он дал мне шапку. Я разорвал ее пополам и стал засовывать тряпки в ботинки, чтобы не так давило.

…Я стоял минут десять с камнями и тряпками в ботинках, надеясь, что теперь достану до нужной высоты. Тем временем ребята продолжают проходить там, двое достают до планки, двое не достают. Я стою, как стоял. Наконец брат посмотрел на меня и говорит: «Этого мало…» Я стал думать, как мне оказаться среди высоких, уже прошедших отбор. Они строились напротив в ряды, в группы по сто человек. А маленьких, не доставших до планки, строили в другой части поля. Маленькие пытались смешаться с первой группой. Мне тоже удалось пробраться и спрятаться среди больших. На какое-то мгновение я подумал, что уже спасен. Тогда еще один мальчик попытался пробраться в группу больших. Менгеле заметил это и стал кричать на охранников и на капо: «Саботаж!» Он приказал всей группе еще раз пройти возле планки. По дороге к воротам я бежал и вернулся на то место, где стоял раньше. Проход был узким, охранникам приходилось идти сзади, но мне все же удалось пробраться на прежнее место.

… Около тысячи из двух тысяч не достигли нужной высоты.

… Их отправили в газовые камеры… [**8**, 64-7].

1.7.9

Р. Д. ЛИФТОН

Медицинские убийства в Аушвице

(сокращённое описание психологического исследования, проведенного автором на основании опросов бывших нацистских врачей, переживших Аушвиц заключенных, партийных функционеров и организаторов)

Медицинское убийство может пониматься двояко. Первое, что может иметься в виду - это эффективный или “хирургически точный” метод убийства большого числа людей с применением управляемой технологии, использующей весьма ядовитый газ. Такой метод являлся способом защиты убийц от психологических последствий убийства лицом к лицу... Я имел возможность исследовать этот предмет с бывшим невропсихологом вермахта, которому было поручено работать с членами Айнзацгрупп, и который утверждал, что 20 процентов тех, кто осуществлял убийства, имели психологические трудности…

Но есть и другой аспект медицинского убийства, который, как я полагаю, недостаточно подчеркивается: убийство как терапевтический императив. Выдающийся медик из числа выживших в Аушвице, д-р Элла Лингенс-Райнер цитирует эсэсовского врача... Указав на видневшиеся на некотором расстоянии трубы крематория, она спросила: “Как вы согласуете это с вашей клятвой Гиппократа?” На что тот ответил: “Когда вы видите гангренозный аппендикс, вы должны удалить его”. Здесь нашло свое выражение то мнение, что евреи есть гангренозная болезнь, которая должна быть удалена с социального или расового тела немецкого народа, чтобы произошло излечение.

... Используя в расширительном смысле дарвиновский термин “отбор”, нацисты стремились превзойти функции природы (естественный отбор) и Бога (Господь дал и Господь взял), организуя свой собственный “отбор”, свою собственную версию эволюции человечества.

…мы можем говорить о “биократии”, основанной на модели теократии, но с очень важным различием. При теократии настоящими руководителями являются высшие священнослужители, облеченные властью благодаря их связям со святыней. При нацистской биократии не биологи, но политические и военные лидеры - Гитлер и его окружение - были истинными руководителями. А среди биологических

авторитетов - включая генетиков, эволюционистов и расовых теоретиков всех видов - главным образом врачи стали активистами и практиками.

Врачи обладали опытом, связанным со смертью и функционированием на грани жизни и смерти. Они больше, чем другие биологические авторитеты, были связаны с внушающим страх и иногда ведущим к смерти воображением первобытного шамана, колдуна или знахаря. Отсюда следовала тенденция, свойственная манипулируемому политическому режиму или его тайным агентам, обращаться к врачам за поддержкой своего авторитета и квалификации… Уникальная сконцентрированность нацистов на идее-фикс биологического спасения особенно подчеркивает такое извращенное использование власти медиков.

… Врач, стоящий на платформе Биркенау - подразделения Аушвица, где производилась первоначальная “селекция”… исполнял роль мифического привратника на границе между двумя мирами - миром мертвых и миром живых.

Роль врачей в селекции имела еще большее значение, чем их участие в медицинских экспериментах (за что они были судимы в Нюрнберге)...

Эсэсовские врачи осуществляли в Биркенау первоначальную крупномасштабную “селекцию” прибывающих еврейских заключенных (только евреи систематически подвергались селекции).

Работа выполнялась быстро, в массовом масштабе и зачастую согласно той формуле, что старые люди, дети и женщины с детьми все автоматически направлялись в газовую камеру, тогда как относительно здоровым молодым взрослым разрешалось оставаться живыми, по крайней мере, временно. Основная часть прибывающих евреев - большинство оценок сходится на 70 процентах - быстро направлялась в газовую камеру…

Того же врача доставляли на автомобиле СС, обычно несущем на себе Красный Крест, вместе с техническим медицинским работником (одним из специальной группы “дезинфекторов”) и с газосодержащими гранулами к газовой камере одного из крематориев. Там врачи осуществляли ответственный надзор собственно за протеканием процесса после того, как технический медицинский работник вводил газосодержащие гранулы… Участие врача в селекциях, таким образом, было первым из событий, вызывающих всю последовательность процесса убийства.

… [Ещё один] вид селекции происходил непосредственно в медицинских блоках. …медицинские блоки - места, куда люди должны были помещаться для лечения от

болезней, - в действительности становились центрами для лагерного призрения… плюс убийства, на которое нацисты обрекали тех, кто был тяжело болен или был ослаблен, или кому требовалось для излечения больше трех недель. Такая продолжительность была, повидимому, согласована с И.Г.Фарбен, фирмой, которая контролировала и законтрактовала большую часть рабочей силы. Если среди заключенных имели место случаи тифа, обитатели всего блока или даже нескольких блоков - иногда сотни человек единовременно - направлялись в газовую камеру, чтобы предотвратить дальнейшее распространение болезни и не допустить эпидемии. В своей смертоносной практике эти медицинские блоки стали микрокосмом в общем процессе Аушвица.

Эсэсовские врачи определяли, как лучше осуществлять селекцию, чтобы она проходила гладко, - например, они давали рекомендации, лучше ли отделять женщин от их детей или выстраивать их вместе. Они были советчиками при формировании политики, определяющей, позволять людям жить или нет, сопоставляя пользу для нацистского режима от выполнения ими трудовых функций и возрастающие проблемы здоровья относительно ослабленных людей.

Технические знания врачей использовались и для таких вещей, как сжигание тел…

Врачи также должны были быть свидетелями казней, что являлось частью их общей обязанности констатировать смерть человека… Наконец, врачи привлекались для убийств путем инъекций в область сердца или в кровеносную систему.

… Врачи несут значительную долю ответственности за выполнение всего процесса убийства - за выбор жертв, за физический и психологический механизмы процесса и за сбалансированность убийств и трудовых функций в лагере.

…Медицинские эксперименты на человеческих существах - одно из направлений общего нацистского биомедицинского мировоззрения.

Медицинские эксперименты распадались на две категории: те, которые совершались по указке режима во имя специальных идеологических и военных целей, и те, которые совершались из соображений текущего момента вследствие якобы научных интересов части эсэсовских врачей.

Первая категория состояла, главным образом, из экспериментов по стерилизации - инъекции раствора каустика внутрь матки у женщин, и использование Х-лучей для воздействия на генитальные органы мужчин и женщин (в ряде случаев с

последующим хирургическим удалением облучённых семенных желез и яичников для изучения влияния Х-лучей). Эти эксперименты активно поощрялись Гиммлером, который в общем был в какой-то степени обманут врачами, заявлявшими, что они находятся накануне достижения эффективных и экономичных методов широкомасштабной стерилизации низших народов. (В некоторых лагерях проводились эксперименты по глубокому замораживанию и воздействию высокого давления, что характерно для больших высот, по воздействию сульфамидов и других терапевтических препаратов на искусственно внесенные раневые инфекции и гангренозные процессы, а также проверялась эффективность различных серных препаратов для лечения тифа и желтой лихорадки.)

Эксперименты второго типа проводились в соответствии с индивидуальным желанием врача проводить “научные” работы - и в связи с тем фактом, что многие эсэсовские врачи располагали огромным количеством беззащитных жертв... Большую часть такого рода экспериментов в Аушвице предпринимали два человека: Йозеф Менгеле и Эдуард Виртс. Менгеле работал, главным образом, над идентификацией близнецов, но также и… над некоторыми специфическими медицинскими проблемами… …изучение близнецов должно было подтвердить преобладающее значение генетических и расовых факторов.

…преданность Менгеле нацистскому биомедицинскому мировоззрению всегда удерживала его на границе науки и идеологически скоррумпированной псевдо-науки. Временами он совершенно ясно переступал эту границу, когда, например, он впрыскивал голубую краску в карий глаз (тех пленников, которые были редкими владельцами глаз обоих этих цветов), чтобы видеть, не станет ли этот глаз таким же голубым, как и другой; или когда он заявлял, что он может идентифицировать цыган по специфическим лицевым характеристикам, исключительно присущими их “расе”… …во многих случаях он убивал одного или двух из близнецов - обычно детей - вследствие особого интереса к состояниям после смерти.

Эксперименты Эдуарда Виртса представляли собой узаконенное изучение предракового увеличения матки у женщин. Наиболее разрушительным аспектом этих экспериментов являлось хирургическое удаление всей или большей части матки в отличие от тонкой тканевой биопсии, которая применялась в такого рода исследованиях при обычных условиях. …при отсутствии чего бы то ни было похожего на соответствующий уход за женщинами, “изучаемыми” таким образом, разумеется наступали осложнения и смерть.

Виртс также участвовал в небольшой экспериментальной проверке новой противотифозной вакцины, во время которой заключенные искусственно заражались этой болезнью, что затем приводило их к смерти.

В Аушвице проводились эксперименты и другого рода. Они представляли собой комбинацию некоторых официальных задач с индивидуальными "исследовательскими" интересами, включая использование наркотиков.

Пограничная ситуация возникла при использовании электрошока для лечения душевных болезней, проект чего был инициирован одним доктором, заключенным Аушвица, имеющим определенный опыт подобной процедуры, а также одобрен и поддерживался эсэсовскими врачами. Наконец, во многих других лагерях эсэсовскими врачами выполнялись хирургические эксперименты: различные хирургические операции выполнялись с целью получения опыта их проведения, иногда, но не всегда, под наблюдением более опытных заключенных - хирургов.

В целом эксперименты в Аушвице должны рассматриваться как… медицинское убийство.

В Германии, главным образом между зимой 1939/40 гг. и концом лета 1941 г., действовала программа прямого медицинского убийства - неточно и ошибочно названного " эвтаназией". Этот проект был начат по прямому приказу Гитлера и использовал широкие круги немецких медицинских профессионалов, особенно психиатров, для убийства более 100000 германских граждан, которые были определены как страдающие "неизлечимыми" умственными расстройствами.

…существовала прямая "медицинская" и "психиатрическая" связь между "эвтаназией" и уничтожением в концентрационных лагерях… "Врачебные" комиссии, главным образом, психиатрические, были направлены из программы "эвтаназии" в некоторые лагеря, включая Аушвиц. Там они "отбирали" "умственно больных" заключенных, которые должны были быть переданы в центры умерщвления по программе "эвтаназии". Отбору вскоре стал подвергаться всякий, кто был ослаблен, был умственно отсталым или являлся евреем. Общий принцип "недостойной жизни" был затем распространен на лагеря таким непосредственным образом, который включал не только медицинскую, но и расовую "неполноценность", что применялось в первую очередь к евреям.

…когда программа "эвтаназии" была официально прекращена в августе 1941 г., персонал, работавший по этой программе был направлен в оккупированную Польшу

с целью организации и управления концентрационными лагерями, в которых миллионы евреев были убиты в газовых камерах. Первый комендант Треблинки, самого большого из этих концентрационных лагерей, д-р Имфрид Эберль был ранее участником программы “эвтаназия”. (Эберль был единственным врачом, который когда-либо возглавлял лагеря уничтожения, однако его правление было кратковременным, поскольку его считали слишком неэффективным).

Д-р Шуманн перешел из центра умерщвления программы “эвтаназия” в Аушвиц, чтобы там проводить эксперименты по стерилизации...

В связи с программами “эвтаназии” и депортации был разработан специальный словарь. Эвфемизмы для убийства, такие как “специальная обработка” (Sonderbehandlung) и “специальная акция” (Sonderaktion), быстро стали принятыми для обозначения всего процесса геноцида…Вскоре добавилось слово “селекция”, давшее дальнейшую словесную формулу для спектакля нацистского манипулирования эволюционным процессом.

Врачи, конечно, всегда выражались в терминах “научного” расизма. …они могли увязывать то или иное течение в расизме с тем, что являлось, по крайней мере для них, самым основным в концепции национального возрождения, связанного с нацистами.

Возможно, крайним выражением этого стремления была позорная коллекция еврейских черепов, представленная в Страсбурге анатомом по имени Хирт для изучения проявлений зловредности исчезающей и презренной расы “еврейских большевистских комиссаров”. Хирт таким образом объединил два течения в антисемитизме. С одной стороны это была мистическая традиция антисемитизма [идея мирового еврейского заговора, инспирируемого в XX веке еврейскими большевиками и капиталистами]... С другой - это был “научный” расизм, на который прямо указывало изучение этих черепов.

...в очень важной книге Рудольфа Рамма, которая стала стандартным пособием для студентов-медиков и начинающих врачей… автор трактует нового немецкого врача как того, кто отбрасывает материалистический подход и вместо этого предается “национал-социалистскому идеализму”, кто более не занимается прежде всего конкретным пациентом, но является “врачом народа” и нации, кто является “стимулятором ген”…

В Аушвице каждая акция, предпринятая эсэсовскими врачами, была тем или иным видом превращения лечения в убийство. Для эсэсовских врачей вовлечение в процесс убийства становилось равнозначным приобщению к исцелению. Это то, что я называю “парадокс лечения-убийства” - он, как я предполагаю, является первичным среди психологических механизмов Аушвица.

Медицинский контроль за селекцией является ключевым аспектом этого парадокса, и Эдуард Виртс, главный врач Аушвица, очень старался удерживать за собой этот контроль. Он заявлял, что врачи, осуществляющие селекцию, сохранили больше человеческих жизней, чем если бы селекция выполнялась немедицинским нацистским персоналом. Такие заявления иногда содержали в себе зерно истины. Виртс, действительно, был ключевой фигурой в парадоксе лечение-убийство: заключенные, которые имели с ним прямой контакт, находились под впечатлением его относительной гуманности и порядочности, однако именно он создал и проводил большую часть всеобъемлющей программы медицинских убийств в Аушвитце.

Последствия этого превращения лечения в убийство отражались также и на врачах-заключенных… И многие из них прилагали геркулесовы усилия для спасения человеческих жизней: выпрашивали у эсэсовских врачей возможность определённым людям благополучно пройти отбор, предупреждали заключенных пациентов о готовящейся селекции, заменяли индивидуальные номера (под которыми идентифицировался каждый заключенный) у живых на номера умерших и действовали другими методами. Но спасение некоторых заключенных подобным образом обычно означало, что вместо них будут убиты другие. Так парадокс лечения-убийства проникал во все аспекты существования Аушвица.

У эсэсовских врачей вовлечение в парадокс лечения-убийства требовало некоторого переходного периода, во время которого кое-кто из них становился беспокойным и неуравновешенным. Многие хотели бросить все это…

Я опрашивал одного врача, человека хорошо известного в Аушвице своим относительно порядочным отношением к заключенным (он был предан суду в Польше и оправдан на основании показаний выживших свидетелей). По прибытии в Аушвиц он ужаснулся и хотел немедленно уехать. Его вызвал начальник и убедил его, что он нужен, и что, оставаясь, он укрепит их подразделение, которое функционирует отдельно от медицинской службы всего лагеря. Поэтому он был уверен, что ему не придется осуществлять селекцию. Он решил остаться и в течение следующих трех недель предпринимал обдуманные сознательные усилия, чтобы

преодолеть свою взволнованность и травматические переживания (включая чувство вины перед бывшими еврейскими школьными товарищами). Преодолев эти симптомы, он очень усердно старался установить контакт с эсэсовскими врачами, к которым и он относился… и с заключенными докторами, которые были ему подчинены в его подразделении, - и в значительной степени преуспел в этом. Он сохранял психологическую способность функционировать, пока главный врач лагеря, вследствие чрезвычайно большого количества евреев, прибывших с транспортами, не приказал ему "энергично исполнять свой долг", что означало селекцию... Он снова потерял равновесие и немедленно отправился в Берлин, чтобы переговорить с высшим медицинским должностным лицом своего административного подразделения. Он заявил, что больше не в состоянии осуществлять селекцию по причинам скорее психологического, чем морального порядка. Должностное лицо выслушало его с симпатией, заявив: "Я тоже семейный человек" - и постановило, что врачи в Аушвице не должны производить никакой селекции.

Вместо этого человека был прислан молодой врач, выпускник эсэсовской медицинской академии, и ему было поручено проводить селекцию. Молодой врач тоже стал беспокойным и фактически потерял равновесие после первой же селекции, в которой он участвовал. Ему пришлось пройти через что-то вроде программы реабилитации, чтобы облегчить период своей адаптации. …он оказался под руководством Йозефа Менгеле, который учил его, что посредством селекции он "спасает жизни", и что делать подобные вещи необходимо для разрешения "еврейской проблемы". Ему также было позволено оставить с собой в лагере свою жену, что было весьма необычно, особенно для молодого врача. Третий аргумент выглядел самым смешным. Старый еврейский заключенный доктор, выдающийся профессор из Восточной Европы, был назначен научным руководителем его незавершённой медицинской диссертации. Он установил тесные отношения с этим еврейским доктором, который стал для него чем-то вроде отца. После нескольких недель молодой врач почувствовал себя "достаточно сильным", чтобы осуществлять селекцию, и проводил ее вплоть до конца войны. После его ареста американцами он вскоре покончил с собой.

Врач, которого я опрашивал, чувствовал себя, я думаю, более виновным перед этим молодым врачом, который заменил его в проведении селекции, чем перед

огромным числом евреев, убитых в Аушвице. Евреи были для него чем-то безликим, и он мог психологически отделить самого себя от процесса убийства.

…большинство нацистских врачей не были идеологическими фанатиками. (Пресловутый Менгеле является, несомненно, исключением). Они могли верить только в некоторые элементы идеологии вроде важности нацистского движения для возрождения Германии и придерживались антисемитских взглядов различной степени интенсивности, включая, как минимум, веру в то, что есть некая “еврейская проблема”, которая требует “решения”… Как мне сказал один бывший нацистский врач: “Было гораздо легче, если вы либо полностью верили в них [нацистов], либо если вы были против них. Было очень трудно, если вы находились где-то посередине”.

… Фактически не выполняя самостоятельно никакой медицинской работы, нацистские врачи иногда могли гордиться тем, что у них в подчинении работали выдающиеся заключенные-медики… Они также могли усилить свою самооценку как медиков, рассматривая то, в чем они принимали участие, как вариант “научной” дискуссии на расовую тему. И они стремились поднять значение того, что один эсэсовский врач охарактеризовал мне как “хобби”. Это могли быть медицинские эксперименты над заключенными [по собственной инициативе врачей, когда они могли] рассматривать самих себя как ученых-медиков.

…мне сказал один эсэсовский врач: “Слово “этика” не употреблялось в Аушвице... Врачи и прочие говорили только о том, как наиболее эффективно действовать, как наилучшим образом работать”. Это не находится в большом противоречии с современными тенденциями абсолютного прагматизма и техницизма вместо этики.

[Ещё один] механизм включал психологическую оцепенелость, распределение ответственности и “отрыв от реальности”. Когда врачи убивали, они в общем случае делали это на расстоянии. Обычно был кто-то еще, кто впрыскивал фенол, и всегда был кто-то еще, кто впускал газ.

Сильное пьянство - фактически каждой ночью, а иногда и днем - являлось важным средством для достижения забытья. …самое большое из всех преступлений Аушвица - создание ощущения того, что все это происходит на какой-то другой планете - приводило к процессу “отрыва от действительности”, к ощущению, что все, происходящее там, не может рассматриваться в терминах “реального мира”.

…человек есть существо, настолько нуждающееся в самоуважении, что он будет обосновывать и самым впечатляющим образом оправдывать то, что он сам решает делать. Врачи Аушвица приходили по утрам на работу, шутили со своим секретарем, обменивались приветствиями с “коллегами”, вступали в ежедневные пререкания со своими “противниками” - другими словами, вели себя, как если бы они были на обычном месте, работали в обычной организации, занимающейся вопросами здравоохранения, а не при огромной машине убийств. Необходимая модель поведения обеспечивалась хорошо известным процессом перенесения вины на жертв: евреи не рассматривались как человеческие существа, цыгане не стоили той еды, которую они потребляли, люди умирали в госпитальных блоках вследствие плохого ухода со стороны врачей-заключенных. Даже хорошо запомнившаяся дьявольская элегантность Менгеле и его хладнокровные движения пальца во время селекции были частями драматического спектакля, призванного подчеркнуть особую значимость происходящего.

Двумя дополнительными механизмами… являются всемогущество и бессилие. Эсэсовские врачи в своих определяющих жизнь и смерть решениях экспериментировали с духом всемогущества, который мог в окрестностях Аушвица избавить их от страха перед собственной смертью. Этот дух всемогущества, тесно связанный с элементами садизма, способствовал ощущению власти и неуязвимости, что могло также служить для подавления чувства вины и обеспечения забытья.

Кроме того, врачи могли себя чувствовать беспомощными, если не заложниками, в руках тотальной организации. Это чувство мне описывали следующим образом: “Я здесь не по собственному желанию, а потому что заключенные прибывают сюда. Поскольку я не могу изменить тот факт, что заключенные прибывают именно сюда, я могу только пытаться поступать наилучшим образом”. В этих заявлениях имелось зерно истины... Но провозглашение беспомощности было также средством отказаться от личной ответственности и предохранить себя от чувства вины.

Часть этих медицинских мучителей ощущала, что они сами проходят через тяжелое испытание... Такое отношение поощрялось Генрихом Гиммлером, который по нескольким случаям появлялся в Аушвице и произносил речи, подобные его знаменитой речи перед офицерами СС в Познани (4 октября 1943г.) о колоссальных требованиях, предъявляемых к нацистским убийцам.

Еще одним механизмом было стремление к порядку... Для нацистов, включая врачей, это во многом означало необходимость поддерживать в Аушвице

существование упорядоченного и правильно функционирующего мира. Если наступали трудности, врачи могли указать, насколько все было хуже, прежде чем в Аушвице установился некий апробированный рутинный порядок, или по сравнению с другими лагерями смерти, где такой порядок отсутствует.

Наконец, имелся один всеобщий психологический механизм - “двоедушие” - в котором были сокрыты все остальные. Он включал в себя конформизм или “компромисс” различных элементов души, так что можно было активно участвовать в убийствах и оставаться при этом нежным в своих семейных отношениях и даже в некоторых случаях, в отношениях внутри Аушвица. …этот механизм больше, чем простой компромисс, влечет за собой создание двух относительно автономных самостоятельных личностей: индивидуальную “обычную личность”, которая для врачей включала важные элементы лечения, и “личность Аушвица”, которая включала названные выше психологические маневры, помогающие избежать осознанного восприятия самого себя как убийцы. Существование всеохватывающей личности Аушвица, в большей или меньшей степени объединяло все указанные выше механизмы в функционировании целого, и допускало адаптацию к этой необычайной сфере. Индивидуальная личность позволяла сохранить чувство приличия и любовные связи. Двоедушие такого рода должно было быть достаточным для удовлетворения необычным требованиям существования в Аушвице, и одновременно для эффективного слияния двух личностей, чтобы они могли функционировать как единое целое. Идеология в значительной степени служила мостом между двумя личностями. Например, тщательно поддерживаемый образ национального и личного возрождения, связанного с нацистским движением, мог быть совмещен как с индивидуальной личностью, так и с личностью сотрудника Аушвица и тем самым мог обеспечивать необходимую психологическую общность.

Изучение поведения нацистов заставляет нас пересмотреть соотношение между лечением и убийством. Мы обнаруживаем, что различие между ними всегда более хрупко, чем нам хотелось бы верить. Эта хрупкость проявляется в примитивной мифологии и ритуалах... Когда убийство совершается мифологическими богами либо как специальная религиозная церемония (подобно различного рода человеческим жертвоприношениям), либо на охоте, либо на войне, оно совершается для высшей цели - для благополучия племени или же людей.

…использование передовой технологии радикально меняет соотношение между лечением и убийством, каким бы оно ни было в прошлом. …нацисты

продемонстрировали современную попытку мобилизовать науку в целом и биологию в особенности на службу подходу к убийству как к лечению.

… Тот факт, что люди воспринимают отдельные фрагменты идеологии более успешно, чем всю идеологическую систему в целом, не означает, что идеология есть нечто менее опасное - особенно там, где осуществляется взаимопревращение лечения и убийства. Она может быть даже более опасной, потому что кто-нибудь может собрать эти фрагменты в абсолютную последовательность. Нацисты мобилизовали особую комбинацию частной (фрагментарной) и тотальной (всесторонней) идеологии, с которой жили отдельные индивидуумы - в нашем случае врачи. Эта нацистская смесь никогда не была полностью однородной, но содержала в себе что-то для каждого (то есть для каждого, кто не являлся ее жертвой). Нацистский путь комбинирования политических и биомедицинских образов предполагает гибкость и взаимодействие, содержащие в себе идеологические элементы. Если эти элементы могли вызывать коллективный образ возрождения, то их деструктивные и противоречивые компоненты могли быть этим поглощены…

Более глубокое изучение нацистской практики медицинского убийства и идеологических, исторических и психологических течений, связанных с этим, подводит нас ближе к пониманию нацистского геноцида… Характерные черты массовых убийств, включая ярко выраженный садизм, технизацию и бюрократизацию процесса, содержались внутри общего нацистского биомедицинского взгляда на массовые убийства как на способ лечения… Мы встречаемся со стремлением к массовым убийствам под лозунгом “больше жизни”. Нам необходимо понять это стремление, откуда бы оно ни возникало…[**1**, 207-33]

1.7.10
В. ФРАНКЛЬ*

Из книги **«Поиски человеком его значимости: введение в терапию словом»**

Несмотря на всю усиленно насаждаемую физическую и умственную примитивность существования в концентрационном лагере, здесь была возможность углублять духовную жизнь. Чувствительные люди, обычно живущие богатой интеллектуальной жизнью, испытывают значительно больше мучений (поскольку они часто обладают слабым телосложением), но нарушения их внутреннего мира оказываются меньшими. Они способны противопоставить ужасному внешнему

окружению внутренние богатства и духовную свободу. Только таким образом можно объяснить тот кажущийся парадокс, что некоторые заключенные менее мощного телосложения зачастую лучше выживают, чем крепыши... Чтобы пояснить свою мысль, я вынужден вернуться к личному опыту. Позвольте мне рассказать о том, что случилось тем ранним утром, когда мы должны были маршировать к своим рабочим местам.

... На дороге, ведущей из лагеря, мы натыкались в темноте на большие камни и широкие лужи. Конвоиры кричали на нас и подталкивали прикладами ружей. Те, у кого очень болели ноги, опирались на руки соседей. Едва ли было произнесено хоть одно слово; ледяной ветер не располагал к разговорам. Идущий вслед за мной человек внезапно прошептал, пряча рот в поднятый воротник: «Если бы наши жены могли видеть нас теперь! Я надеюсь, что им лучше в их лагерях, и они не знают, что происходит с нами!»

Это пробудило во мне мысли о моей собственной жене. И мы ковыляли целые мили, поскальзывались на обледенелых участках, поддерживая друг друга снова и снова, волочась друг за другом и ничего не говоря, но мы оба знали: каждый из нас думал о своей жене. …мой мозг, заострившийся на образе моей жены, рисовал его с жуткой отчетливостью. Я слышал, как она отвечала мне, видел ее улыбку, ее открытый и ободряющий взгляд. Реальный или нет, ее взгляд был тогда более светоносным, чем солнце, которое начинало вставать.

… Тогда я уловил значение величайшей тайны: *Спасение человека заключается в любви и приходит через любовь*. Я понял, как человек, у которого ничего не осталось в этом мире, еще может узнать счастье, увидев хоть на краткое мгновенье свою возлюбленную. В положении полнейшей изоляции, когда человек не может выразить себя позитивным действием, когда его единственное достижение может заключаться только в терпеливом отношении к страданиям, осуществляемом с честью и достоинством – в таком положении человек может достигать полноты своей жизни посредством любящего созерцания образа своей возлюбленной, который он носит в себе. Первый раз в своей жизни я смог понять смысл слов: «Ангелы погибают в постоянном созерцании бесконечной славы».

… Вскоре мы прибыли на вчерашнее [место работы] во рву. Мерзлый грунт разламывался под ударами кирок и выбрасывался лопатами. Люди молчали, их мозги оцепенели.

Моё сознание всё еще было связано с образом моей жены. Его пронизала мысль: я даже не знаю, жива она или нет. Я знал только одно – то, что я хорошо понял только теперь: любовь живет и на очень большом расстоянии от истинного местонахождения предмета любви. Она находит свое наиболее глубокое выражение в духовном бытии, в своей внутренней сущности. Присутствует предмет любви в реальности или нет, вообще, жив он еще или нет, каким-то образом перестает быть важным.

… Знай я тогда, что моя жена умерла, думается, я обнаружил бы, что меня это знание не лишает равновесия, не мешает созерцать ее образ, и что мой мысленный разговор с ней был бы таким же ярким и приносящим удовлетворение. «Положи меня, как печать, на сердце твоё: ибо крепка, как смерть, любовь»**.

Эта интенсификация внутренней жизни помогала заключенному избавиться от пустоты, изолированности и духовной нищеты его существования, позволяя ему сбежать в его прошлое. Получив свободу, его воображение начинало игру с событиями прошлого, часто не очень важными, незначительными и пустяковыми. Его ностальгическая память идеализировала их, и они проявляли странный характер... Я мысленно совершал поездки на автобусе, не запирая входной двери своей квартиры, отвечал по телефону, зажигал электрический свет... Такие воспоминания могли повергнуть любого в слезы.

По мере того как внутренняя жизнь заключенного становилась более интенсивной, он, как никогда прежде, оценивал красоту искусства и природы. Под их влиянием он иногда даже забывал о своем ужасном положении.

... Однажды вечером, когда мы уже расположились на полу своей хижины, смертельно усталые, с котелками супа в руках, ворвался наш товарищ заключенный и предложил нам выйти наружу посмотреть на удивительный закат. Стоя снаружи, мы увидели зловещие облака, пылающие на западе, и все небо было заполнено облаками изменяющихся форм и цветов, от сине-стального до кроваво-красного. Изолированная грязно-серая хижина представляла резкий контраст с этим, и в лужах на грязной земле отражалось пылающее небо. После нескольких минут наступившего молчания один заключенный сказал: «Каким прекрасным мог бы быть мир!»

В другой раз мы были на работе в траншее. Рассвет вокруг нас был серым, серым было и небо над нами; серым был снег в бледном свете рассвета, серым было тряпье,

которое укрывало моих товарищей заключенных, и серыми были их лица. Я опять молча разговаривал со своей женой или, возможно, я бился в попытках найти *причину* своих страданий, своего медленного умирания. В последнем яростном протесте против безнадежности неминуемой смерти, я почувствовал, что в мою душу проникает обволакивающее уныние. Мне показался непознаваемым этот безнадежный, не имеющий смысла мир, но откуда-то я услышал победоносное «Да!» в ответ на свой вопрос о существовании какой-то конечной цели. Тут луч света упал на отдаленный сельский дом, который стоял на горизонте словно нарисованный, посередине нищенской серости утреннего рассвета в Баварии. «Et lux in tenebris lucet» - *и свет просияет в темноте*. Долго я стоял, сотрясаемый кашлем на ледяной земле. Проходящий мимо конвоир обругал меня, но я снова мысленно соединился со своей любимой. Все больше и больше я чувствовал, что я могу дотронуться до нее, могу протянуть руку и коснуться ее. Было очень сильное ощущение: она *здесь*. В самый напряженный момент какая-то птица тихо слетела, уселась прямо передо мной, на вершине кучки земли, которую я выкопал из канавы, и бестрепетно взглянула на меня…[**5**, 267-70]

* ***Виктор Франкль*** *– психолог, бывший узник Аушвица, где погибла его жена*

***цитата из Песни Песней Соломона, гл. 8, ст. 6*

Завершение Шоа – «Марши смерти»

1.7.11

Ш. КРАКОВСКИЙ

Марши смерти в период эвакуации лагерей

Период эвакуации лагерей в финальной фазе Второй Мировой войны прошел под знаком ужасающего феномена «Маршей смерти» и довел страдания узников лагерей до пиковой точки.

Под «маршем смерти» понимается транспортировка колонн заключенных под усиленным конвоем на большие расстояния и при нечеловеческих условиях; конвой, сопровождавший заключенных, отягощал условия плохим обращением с узниками и даже массовыми убийствами.

Первый марш смерти, организованный эсэсовцами, состоялся в оккупированной Польше в начале 1940 г. 14 января 800 еврейских военнопленных, служивших в польской армии, были изъяты из лагеря на Липовой улице в Люблине и под конвоем

эсэсовских кавалеристов прошли пешком при ледяной погоде на расстояние около 100 километров до Бялой Подляски, затратив на это несколько дней. Во время всего пути нацисты убивали пленных группами и поодиночке, лишь несколько десятков выживших достигли конечного пункта.

После нацистского вторжения в Советский Союз летом 1941 г. сотни тысяч евреев и советских военнопленных перемещались по дорогам Украины и Белоруссии из одного временного гетто в другое, в различные лагеря и места уничтожения. И в течение июля и августа 1941 г. десятки тысяч евреев из Бессарабии и Буковины были направлены пешком в Транснистрию. Тысячи, которым нехватало сил для форсированных маршей, были застрелены солдатами и жандармами – румынами и немцами.

Эти события стали прелюдией к огромному потоку маршей смерти, происходивших при начале большого наступления Красной Армии на востоке и англо-американского вторжения на западе летом 1944 г.

Великие марши смерти этого этапа войны начались 28 июля 1944 г. с эвакуации лагеря, который был организован на руинах Варшавского гетто... В этом лагере находилось 4400 еврейских заключенных из различных стран. За день до начала эвакуации заключенным сообщили, что их ожидает долгий переход, и каждый, кто чувствует себя неспособным принять в нем участие, обязан сообщить об этом властям. Сто восемьдесят заключенных сообщили об этом. Они и еще двести пятьдесят человек, которым случилось в этот день недомогать, были расстреляны на месте. Нацисты проглядели 350 заключенных, и они были освобождены 5 августа польскими повстанцами. (Они присоединились к рядам восставших, и большая часть их пала во время восстания поляков в Варшаве). Остальные заключенные пошли под усиленным конвоем в направлении Кутно, в 130 километрах от Варшавы. По пути нацисты расстреляли тех, чьи силы оказались на пределе, и кто отставал от других.

Немцы не давали заключенным еды и лишали их возможности остановиться, чтобы попить воды… Около 1000 заключенных было умерщвлено на марше в Кутно. После прибытия выжившие были погружены в товарный поезд, примерно по девяносто человек в один вагон. Несколько сотен умерло внутри вагонов, и менее 2000 прибыло 9 августа в Дахау.

Более трудным и более долгим был марш смерти из лагеря Бор в Югославии в сентябре 1944 г. Меир Ланг, один из выживших, сообщает, что он был среди большой группы из 3000 – 4000 еврейских заключенных... Восемь дней они шли к

Белграду почти без пищи… Большинство заключенных Бора было убито во время пути, и только несколько сотен выживших были погружены в Венгрии на поезд и достигли лагеря в Ораниенбурге.

… Марши смерти из Будапешта начались 8 ноября 1944 г. и продолжались целый месяц. Тридцать пять тысяч евреев, мужчин, женщин, стариков и маленьких детей, были отправлены пешком к австрийской границе. Степень жестокости, проявленная венгерским конвоем, который сопровождал эти колонны, немногим уступала жестокости немцев. Тысячи людей были застрелены по дороге, а тысячи других умерли от голода, холода и болезней. От австрийской границы колонны продолжали свой путь, теперь уже под немецким конвоем, в концентрационные лагеря...

Советское наступление в середине января 1945 г. вызвало эвакуацию из концентрационных лагерей в Польше. Финальная стадия эвакуации Аушвица началась 18 января 1945 г. Около 60000 заключенных, мужчин и женщин, в большинстве своем евреев, были отправлены пешком до железнодорожной станции Воджислав, а оттуда поездами вывезены в различные концентрационные лагеря... Приблизительно 15000 заключенных умерло в этих эвакуационных маршах.

... Эвакуация из комплекса лагерей в Штутгофе была ещё более жестокой и трагической… 20 января из подлагеря Зееранпен в Восточной Пруссии вышли на маршрут приблизительно 1400 заключенных-евреек и 100 еврейских заключенных-мужчин. На следующий день их объединили с транспортами из других лагерей этого региона – всего приблизительно с 6000 женщин и 1000 мужчин, все - евреи. За десять дней конвой довел их до Пальмникена на берегу Балтийского моря. Около 700 человек погибло в пути. Когда заключенные достигли пункта назначения, 31 января, нацисты загнали их в море и уничтожили всех, *в массе*, пулеметным огнем. Мы знаем только тринадцать переживших это массовое кровопролитие. Одна из них, Селина Манилевич, сообщает следующее:

«В течение трех дней и трех ночей мы шли пешком в марше смерти до Пальмникена, не получая никакой пищи. Все дальше и дальше мы шли рядами по пять в направлении Балтийского моря. Более 9000 душ, большинство из них женщины. Мужчины шли во главе колонны.

31 января 1945 г., в шесть часов вечера группа из 300 мужчин внезапно предприняла попытку отчаянного сопротивления. Они с голыми руками окружили эсэсовцев. Их сопротивление было немедленно подавлено пулеметным огнем.

Немцы распустили слух, что они доведут нас до берега, где нас ждут суда для доставки в Гамбург.

И вот поздно ночью мы достигли морского побережья. ...перед нами возник признак смерти. На обеих сторонах косогора стояли пулеметы. Они немедленно открыли огонь по людям в колонне. Те, в кого попали, теряли равновесие и катились по склонам к кромке воды. Оставшиеся женщины инстинктивно пытались бежать назад... Эсэсовцы загоняли нас под огонь и спихивали со склонов.

Я получила тяжелый удар прикладом ружья и потеряла сознание. Я не знаю, что происходило. Внезапно я ощутила у себя на спине что-то холодное. Когда я открыла глаза, я увидела, что нахожусь на морском берегу, в небольшом, частично замерзшем заливе, на груде тел, среди которых были раненые, еще подававшие признаки жизни. Весь залив покрывали телами, медленно погружавшиеся глубже и глубже в море».

С большими трудностями Селине вместе с двумя другими женщинами удалось выбраться с берега, и после драматических приключений они нашли убежище в немецкой семье, жившей по соседству.

... Во время марта и апреля 1945 г., последних месяцев Третьего Рейха, по крайней мере 250000 заключенных – треть из них евреи – были отправлены в марши смерти; некоторые из этих маршей продолжались неделями. Могилы тех, кто был убит, и тех, кто погиб на дорогах, разбросаны по всей центральной Германии и западной Австрии.

Ализа Бессер - свидетельница марша смерти приблизительно 1000 заключенных-евреек из лагеря Нойзальц в Нижней Силезии. Марш совершался несколько недель, и заключенные шли пешком из Христианштадта и Флоссенбурга. Последнюю неделю они провели в поезде на Берген-Бельзен.

Ализа Бессер описывает, что происходило:

«В [железнодорожном] составе, среда, 21 марта.

Уже почти неделя, как мы находимся в поезде. Воды нет. Умирают от жажды. Губы запеклись. Каждый второй день выдают несколько чашек воды, время от времени приносят ведро воды, которая распределяется на шестьдесят человек. Нет ничего, во что можно было бы налить воду. На один вагон лишь несколько чашек, а каждый хотел пить. Возникала сумятица, и немецкий конвой выливал эту воду на виду у всех. Воду, которую никто не смог выпить».

… Эвакуация из Дора-Меттельбау началась 1 апреля; её направили прямо в Берген-Бельзен… Один из выживших, Менахем Вайнриб, сообщает:

«Однажды ночью нас остановили возле города Гарделегена. Мы расположились в поле, и несколько немцев отправились выяснить, что им следует делать. Они вернулись с толпой молодых людей из Гитлерюгенда и с городскими полицейскими. Они загнали нас всех в большой сарай. Поскольку нас было более 5000-6000 человек, стены сарая проломились под давлением массы людей, и многие убежали. Немцы облили все бензином, а затем подожгли сарай. Несколько тысяч человек сгорели заживо. Те из нас, кому удалось убежать, скрылись в близлежащем лесу и слышали душераздирающие крики жертв. Это случилось 13 апреля. Днем позже это место было занято армией Эйзенхауэра*. Когда американцы пришли туда, тела еще дымились».

Окончательная депортация из главного лагеря Штутгофа, который был частично эвакуирован в январе, началась 25 апреля… Около 4000 заключенных вывезли на пяти паромах; примерно 2000 из них было утоплено в открытом море или застрелено немцами. Согласно данным польского ученого, профессора Дунина-Васовича, число евреев-жертв лагеря в Штуттгофе за два периода эвакуации – январь и апрель 1945 г. – приближается к 26000.

Эвакуации и марши смерти продолжались до конца Третьего Рейха. Последняя эвакуация происходила из лагеря Рейхенау в Судетских горах. Её начали в ночь с 7 на 8 мая, за несколько часов до освобождения этой местности и меньше, чем за двадцать четыре часа до окончательной капитуляции остатков нацистской Германии.

В начале весны 1945 г. Гиммлер пытался начать переговоры с англичанами и американцами. В рамках этих попыток велись также переговоры с представителями Международного Красного Креста и… Всемирного Еврейского Конгресса в Швеции на предмет спасения узников концентрационных лагерей. Переговоры проводились через посредство Феликса Керстена, массажиста Гиммлера.

Керстен пишет в своем дневнике, что 5 марта Гиммлер сказал ему о вполне определенном указании Гитлера ликвидировать всех заключенных концентрационных лагерей, чтобы они не радовались признакам поражения нацистской Германии. Гиммлер сказал Керстену, что он считает себя обязанным проследить за точным и полным исполнением инструкций Фюрера. Керстен далее говорит, что после мучительных и драматических переговоров 12 марта он добился успеха, придя к соглашению с Гиммлером. Это соглашение содержало четыре пункта:

1. Указание Гитлера не будет передано в концентрационные лагеря.

2. Лагеря смерти будут переданы Союзникам в организованном порядке.

3. Убийство евреев будет остановлено. С евреями будут обращаться так же, как и другими заключенными.

4. Эвакуация лагерей будет прекращена.

…Соглашение между Керстеном и Гиммлером спасло 800000 заключенных различных национальностей, включая 63000 евреев. …указания в духе этого соглашения между Керстеном и Гиммлером были направлены с различными курьерами руководству лагерей в Берген-Бельзене, Дахау, Флоссенбурге и Маутхаузене. Кальтенбруннер, глава Верховной Службы Безопасности Рейха (РСХА), возражал против инструкций Гиммлера и старался отменить их…

В результате этих разногласий ужасающие марши смерти со всей их жестокостью, особенно по отношению к евреям, продолжались до последнего дня Третьего рейха. Однако намерение Гитлера ликвидировать всех узников концентрационных лагерей не осуществилось полностью, часть узников выжила и увидела освобождение.

От двадцати до двадцати пяти тысяч членов СС приняли участие в эвакуации лагерей и в сопровождении маршей смерти. …Подавляющее большинство из них проявило большую степень жестокости и по собственной инициативе совершало казни и массовые убийства… Гизела Тейманн, одна из выживших участников марша из Нейзлица в Берген-Бельзен, сообщает следующее:

«Мы проходили через несколько немецких городов. Мы просили еды. Сначала они [горожане] думали, что мы немецкие беженцы. Эсэсовец, который сопровождал нас, закричал: «Не давайте им есть, это евреи». И тогда мне не досталось никакой еды. Немецкие дети начали кидать в нас камни».

Колонны маршей смерти проходили через сотни больших и малых городов, через тысячи деревень, на глазах сотен тысяч, может быть, миллионов германских граждан. Во многих случаях поведение немцев по отношению к заключенным было крайне враждебным. Тысячи из транспортировавшихся заключенных пытались убежать из колонн. Большинство из них было схвачено группами Фольксштурма и отрядами Гитлерюгенда и передано в руки СС. Случаи помощи заключенным были редки… Конечно, были и исключения... Но они лишь подтверждали, что существовали возможности спасения человеческих жизней, если бы только немецкое население проявило больше храбрости, больше человеческих чувств и меньше

лояльности к нацистскому режиму хотя бы в течение последних недель и дней войны…

Еврейские заключенные, которые погибли при эвакуации лагерей... были последними массовыми жертвами Холокоста [**1**, 475-89].

******Дуайт Эйзенхауэр* - *главнокомандующий войсками союзников*

ИСТОЧНИКИ

1. The Nazi Concentration Camps. Jerusalem, 1984.
2. **В. Гроссман.** Треблинский ад. Москва, 1945.
3**. В. Гроссман**. На еврейские темы. Т. 1. Иерусалим, 1985.
4. **Э. Визель.** Ночь.Рассвет. Несчастный случай. Тель-Авив, 1989.
5. Images from the Holocaust. 1997.
6. **Аб Мише**. Черновой вариант. Иерусалим, 1994.
7. **Т. Боровский**. Прощание с Марией. Москва, 19…
8. Катастрофа и героизм еврейского народа. Иерусалим, 1991.

1.8. «После всего этого»

1.8.1

И. КАЦЕНЕЛЬСОН*

Из поэмы «**Песнь об убиенном еврейском народе**»

После всего этого

1.

Конец! Пылает небо в ночи! Огненного столба изгибы!
О, если бы, как в Синае, столпы огненные вели!
Тогда мой народ к весне своей шел. Теперь он шагает в гибель! –
Всех до единого стерли с лица земли.

2.

За что? Почему? Не спрашивай ни доброго гоя, ни злого.
Злой был с убийцами, добрый следил одним глазом,
прикрываясь незнаньем.

Нет, нет! Некого привлечь к суду, да это и не ново –
Мы были отданы на произвол, истреблены,
и виновникам нет наказанья.
3.
Преследовали поляков, верных народу своему, убежденных
В правоте своей… Убивали русских снова и снова –
«Партизаны!» – кричали. Но нас истребляли в корне,
даже еще не рожденных,
Всех – в Треблинку, и перед смертью к нам обращались со словом:
4.
«Раздевайтесь. Аккуратно сложить одежду. Туфли – парами у стены.
Вы же скоро вернетесь, и вам это все пригодится.
Вещи свои проверьте!
Вы прибыли издалека, из Варшавы, Парижа, Праги, Салоник!
Вы искупаться должны!»
Тысячу уводят. А тысяча голых ждет,
пока тех удушат в камерах смерти.
5.
И так поступили со всеми – от Греции до Подмосковья,
Не считая детей во чреве, что на пороге рожденья.
Евреи в далекой Америке, в ближней Палестине требуйте непреклонно
Спасения этих, во чреве, идущих вместе с матерью на удушенье.
6.
Никто не задает вопросов – «За что? Зачем? Почему?»
«За что?» – жилье опустевшее, дома сожженные, сами вопрошают в ночи,
Не вечно будут дома глядеть пустыми глазницами в тьму.
Другой народ их заселит, другие люди, другой язык зазвучит.
7.
Солнце взойдет над Литвой и Польшей и не найдет евреев, сидящих у окон.
Старика, читающего Псалмы, еврея, идущего в синагогу.
На телегах крестьяне к ярмарке съедутся с разных сторон.
Сколько гоев! Больше, чем было. Но ярмарка мертва и убога.
8.
Еврей не украсит более ярмарку, за товаром сюда не потянется,

Не согнется еврей в капоте** над картофелем, на рынок приехав чуть свет,
Не пощупает курицу, телка не потреплет… Грустно вздохнет пьяница,
Крестьянин с телегою полной вернется, стегая тощую клячу.
Больше евреев нет!

9.

И дети еврейские больше не встанут после снов и ласки ночей –
В «хедер»*** идти, на птиц глядеть, играть в песке.
Нет больше вас, еврейские дети! Ангелочки! Свет наших очей!
Нет больше вас, чумазых, всклокоченных. Душа моя стынет в тоске.

10.

Не ищи братьев моих из Касриловки и Егупеца****. Не восстать из праха.
Ни Менахему-Мендлу, ни Тевье-молочнику, ни Мотке-ганефу*****.
О, как страшен
Плач вместо пророчества – то плачут Исайя, Иеремия, Иехезкель,
Гошея, Амос из ТАНАХа,
То голос Бялика слышен, Шолом-Алейхема, Шолома Аша!..

11.

Голос Торы прозвучит в ешивах. Бледные юноши были погружены
В Талмуд. Это не бледность – высокий свет среди буден
Погас… Раввины, главы ешив, гении мудростью высшей полны,
Стихами ТАНАХа. Слабое тело, высокие лбы –
нет их и больше не будет.

12.

Больше в нашем стане умирать и рождаться никому не придется,
Песен не будут петь, стерты с земли поэты, которых все привечали.
Не будет еврейских театров, не будет смеха,
слеза тайком не прольется.
Музыканты, художники больше не будут творить в радости и печали.

13.

Не будет больше евреев, что с самоотверженной силой
Лечили раны чужой души, поддерживая и любя,
О, глупый гой послал из засады в еврея стрелу – тебя же она поразила,
Кто поможет тебе отстроить страну? Кто душу отдаст за тебя?

14.

Коммунисты, горячие головы с бундовцами спорили рьяно,
И вместе нападали на халуцев. Спор был остер и лих…
Халуцы все отдали миру, врачевали душевные раны.
Смотрел я на схватки… Быть может, и сейчас сцепились,
были бы только в живых.

15.

Горе мне, все завершилось. Был народ и нет его. Все истреблены!
Началось все давно, когда от рук Амалека****** тысячи полегли.
Страшней Амалека – немец. О, земля необъятная, небеса
над простором страны –
не вяжите единый узел, истребляя злодеев, пусть сами себя сотрут
с лица земли!

К небесам

1.

… Скажите, небеса, почему?
Почему это мир всем презреньем, позором на наши головы грянул?
Глухонемая земля прикрыла глаза… Но вы, небеса, почему не обрушили
тьму
На их головы?..

2.

Дешёвая синева ваша фальшиво мерцает над гнилью земель,
Солнце в плаще кровавом бредёт, как палач перед пытками адскими,
И луна-потаскуха ночь за ночью выходит гулять на панель,
И звёзды мигают ей своими мышиными глазками.

3.

Сгиньте! Осточертело глядеть в лицо ваше, в эту манящую даль!
Небеса – трясина обмана!..

...

5.

Сгиньте! Вами злостно обмануты моего народа сыны!
Ложь вы несли моим праотцам, нашим вождям и пророкам.
Здесь, на земле, с рассвета они молились вам, были верны.

К вам тянулись в надежде всем сердцем, взывающим оком…

...

11.

Небеса, отражаетесь в реках, светитесь в каждом вагоне

Поездов, несущих днём и ночью мой народ на убой,

Миллионы детей перед гибелью к вам тянули ладони,

Миллионы матерей, - но вы и не дрогнули шкурой своей голубой…

...

13.

В синеве вашей не обитает Бог! Скоро рай ваш окажется тесен,

Распахнитесь пошире! - Вот народ мой небесной дорогой,

Погибший, сожжённый, восходит к вам бесконечной процессией –

Раскройте врата небесные – каждый из них достоин быть Богом!

...

15.

Радуйтесь, небеса, ликуйте! Бедными были вы, стали богаты,

Сподобились неожиданно урожаем – взошёл к вам целый народ!

Радуйтесь немцам, небеса, и возрадуются немцы внизу трикратно,

И да взметнётся огонь с земли, с небес пусть пламя на землю падёт.

[1, 41-43, 65-67].

* ***Ицхак Каценельсон*** - *узник Варшавского гетто. В 1942 г. оттуда отправили в Треблинку его жену и двух сыновей. Ещё один сын вместе с И. Каценельсоном участвовал в подполье и в вооружённом сопротивлении Варшавского гетто. Оба бежали в дни восстания гетто, по подложным документам как евреи- иностранцы были интернированы в спецлагере на юге Франции, где была написана эта поэма. В 1944 г. И. Каценельсон и его сын Цви отправлены в Освенцим и уничтожены там.*

*****Капота*** *– старинная долгополая мужская одежда наподобие халата (здесь и далее примечания переводчика с идиш* ***Е. Бауха****)*

******Хедер*** *– традиционная еврейская школа.*

*****Места действия в произведениях* ***Шолома-Алейхема****.*

******Герои произведений* ***Шолом-Алейхема. Мотка-ганеф (Мотка-вор)*** *– герой одноименного романа* ***Шолома Аша****.*

*********Амалек*** *– злейший враг еврейского народа. Сразу же после Исхода из Египта амалекитяне беспричинно напали на арьергардные колонны евреев и*

перебили всех ослабевших... Бог повелел стереть память об этом злодейском племени.

1.8.2

Из выступления **Гиммлера** *перед командирами СС в Познани (Польша) 4 октября 1943 г.*

…Звучит это просто: «Евреи будут уничтожены». И все члены нашей партии, безусловно, скажут так: «Искоренение евреев, истребление их – это один из пунктов нашей программы, и он будет выполнен».

…Большинство присутствующих здесь знают, что это такое – видеть 100, или 500, или 1000 уложенных в ряд трупов. Суметь выдержать это – за исключением отдельных случаев человеческой слабости – и сохранить в себе порядочность – вот испытание, которое закалило нас. Это славная неписаная страница нашей истории…

…У нас есть моральное право, у нас есть обязательство перед немецким народом уничтожить эту нацию, которая хотела уничтожить нас… вдохновленные любовью к нашему народу, мы справились с этой труднейшей задачей. При этом мы не нанесли никакого вреда нашему внутреннему миру, нашей душе, нашему характеру…[**2**, 269-70].

1.8.3

А. ГИТЛЕР

«Моё политическое завещание»

(отрывки из завещания, написанного накануне самоубийства)

…неверно, будто я или кто-то другой в Германии желал в 1939 г. войны. Её желали и развязали исключительно интернациональные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Я вносил множество предложений по ограничению вооружения… Я никогда не хотел, чтобы после первой злосчастной мировой войны возникла вторая против Англии или тем более против Америки. Пройдут века, но из руин городов и памятников искусства будет постоянно вырастать обновляющаяся ненависть к тому народу, который в конечном счёте несёт ответственность за всё это: к интернациональному еврейству и его пособникам.

…народ, который является единственным виновником этой смертоубийственной борьбы: еврейство.

…прежде всего я обязываю руководство нации и общества строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать безжалостное сопротивление всем отравителям всеобщего мира всех народов – интернациональному еврейству.

Совершено в Берлине 29 апреля 1945 г. в 4.00 [**3**, 508, 511].

ИСТОЧНИКИ

1. **И. Каценельсон.** Песнь об убиенном еврейском народе. Тель-Авив, 1992.

2. Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944). Иерусалим, 1991.

3. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. Москва, 1996.

Авторы

Аб Мише (Анатолий Кардаш), д-р – писатель, сотрудник Яд ва-Шем. уничтожению евреев.

Арад Ицхак, д-р – израильский историк, бывший генеральный директор Израильского мемориала Яд ва-Шем.

Бауэр Иегуда, профессор – руководитель Центра изучения Шоа мемориала Яд ва-Шем.

Боровой Саул Яковлевич, профессор – советский историк.

Боровский Тадеуш – польский писатель, бывший узник Освенцима.

Вайс Аарон, д-р – израильский историк, сотрудник Яд ва-Шем.

Визель Эли (Элиезер) – американский еврейский писатель; уроженец Венгрии, откуда в 16 лет был вместе с семьёй отправлен в Освенцим. Лауреат Нобелевской премии.

Вознесенский Андрей Андреевич – русский поэт.

Габе Ганс – писатель, корреспондент газеты «Прагер тагблатт» (немецкий язык) на Эвианской коференции 1938 г.

Гарфункель Лейб – юрист, литовско-еврейский государственный деятель, член Юденрата Каунасского гетто.

Гехтман Ефим – советский журналист, в военные годы фронтовой корреспондент.

Гинзбург Лев Владимирович – советский писатель.

Гроссман Василий – русский советский писатель.

Йонас Элиягу, д-р - израильский историк.

Каценельсон Ицхак – еврейский поэт, узник Варшавского гетто, убит в Освенциме в 1944 г.

Корчак Януш (Генрик Гольдшмит) – врач, педагог, писатель, директор Дома еврейских сирот в Варшаве, пошёл на смерть со своими воспитанниками в 1942 г.

Краковский Шмуэль – израильский историк, бывший директор архива Яд ва-Шем; бывший узник Освенцима.

Леви Примо – итальянский писатель, бывший узник Освенцима.

Лифтон Роберт Джей – профессор психиатрии Йельского университета, США.

Озеров (Гольдберг) Лев Адольфович – русский советский поэт.

Рингельблюм Эммануил – польско-еврейский историк, создатель архива документов Варшавского гетто. Расстрелян немцами в 1944 г.

Слуцкий Борис – русский советский поэт.

Спектор Шмуэль, д-р - израильский историк, руководитель отдела Яд ва-Шем.

Тальмон Яков Лейб - израильский историк, профессор Еврейского университета в Иерусалиме.

Трунк Исайя – директор архива ИВО в США.

Фейхтвангер Лион – немецкий писатель.

Франкль Виктор - профессор психологии, основатель психотерапевтической школы «терапия словом».

Хонигсман Яков, профессор – историк украинского еврейства.

Эренбург Илья Григорьевич – русский советский писатель и общественный деятель.

Указатель основных имён, мест, терминов

Айнзацгруппа (Эйнзацгруппа) – оперативные группы полиции, СД и СС для ликвидации евреев и политических противников.

АК (***Армия Крайова)*** – подпольные вооружённые силы польского правительства, эмигрировавшего в Лондон.

«**Акция»** – нацистское наименование операции по массовому уничтожению евреев.

Бараш Эфраим – руководитель Юденрата Белостокского гетто.

Буна – завод в отделении Освенцима, концлагере Моновиц.

Варта – западная территория Польши, присоединённая к Германскому Рейху.

Ваффен СС – войска СС, вооружённые подразделения СС.

Вермахт – армия нацистской Германии, в конце 1943 г. насчитывала 11 млн человек.

Гауляйтер – глава управления **гау** – основной административно-территориальной единицы Германского Рейха.

Геббельс Пауль Йозеф – министр пропаганды в нацистской Германии.

Гейдрих Рейнхардт – руководитель Главного управления имперской безопасности (РСХА) в системе СС.

Генерал-губернаторство – основная часть оккупированной территории Польши.

Генс Яков – председатель Юденрата Вильнюсского гетто, в прошлом офицер армии Литвы.

Геринг Герман – второй после Гитлера руководящий деятель нацистской Германии, президент Рейхстага, рейхсмаршал, председатель экономического совета и совета по обороне, министр авиации.

Гестапо – государственная тайная полиция в нацистской Германии.

Гиммлер Генрих – главнокомандующий (*рейхсфюрер*) СС.

Гитлер Адольф – глава нацистской партии НСДРП и германского государства (*фюрер*) в 1933-1945 гг.

Гитлерюгенд («Гитлеровская молодёжь») – общегерманская молодёжная нацистская организация.

ГЛ (***Гвардия Людова***) – вооружённые силы польского коммунистического подполья.

Глобоцник Одило – начальник всех «лагерей уничтожения» в Польше.

Гольдман Нахум – сионистский деятель, председатель Всемирного еврейского конгресса.

Дарвин Чарльз – английский естествоиспытатель, основоположник дарвинизма – теории происхождения видов путём естественного отбора.

Девятый форт – место массового убийства евреев под Каунасом.

Джойнт (American Jewish Joint Distribution Committee) – Американский объединённый еврейский комитет по распределению фондов, баготворителная организация евреев США.

«Душегубка» - автомобиль для перевозки людей внутри закрытого кузова, куда подавался отравляющий отработанный газ от двигателя.

Еврейский Антифашистский Комитет (ЕАК) – организованный властями СССР в годы войны комитет еврейских советских деятелей для организации международной поддержки советской борьбы против гитлеровской Германии; спустя несколько лет после войны комитет был ликвидирован, а его ведущие руководители убиты.

«Зондеркоманда» - отряд особого назначения; в нацистской системе 1) подразделение Айнзацгруппы, 2) рабочие-узники концлагерей, обслуживающие крематории.

ИВО – аббревиатура названия на идиш международного института еврейской истории и культуры; центр ИВО находился до войны в Вильно, с 1940 г. в Нью-Йорке.

«Канада» - склад вещей, отобранных у жертв Освенцима.

Кейтель Вильгельм, генерал-фельдмаршал **–** начальник штаба Верховного главнокомандования вооружёнными силами Германии (ОКВ)

Лозе Генрих – рейхскомиссар Остланда.

«Майн кампф» (*"Mein Kampf" – «Моя борьба»*) – программная книга книга Гитлера, излагающая основы политики и практики нацизма; написана в 1920-е гг.; в первой редакции называлась «4,5 года борьбы против лжи, глупости и трусости».

«Малина», от *мелуна* – конура (иврит) – место тайного проживания скрывающихся евреев в гетто и на оккупированных территориях.

Манштейн Эрих фон – генерал-фельдмаршал германской армии, руководитель ряда боевых операций в войне против СССР.

Менгеле Йозеф – эсэсовский врач в концлагере Освенцим.

Мерсик Цви – создатель (совместно с **М. Тененбаумом-Тамаровым**) подпольного архива в гетто Белостока.

Нацизм, национал-социализм – идеология и политическое течение; государственный режим в Германии в 1933-1945 гг.

Ницше Фридрих – немецкий философ.

НКВД, Народный Комиссариат внутренних дел СССР – органы государственной безопасности Советского Союза.

«Ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. – массовая резня штурмовиков из СА- противников Гитлера, проведенная по его приказу.

НСДРП – национал-социалистическая (нацистская) рабочая партия, созданная Гитлером в 1920 г.; правящая партия Германии в 1933-45 гг.

Нюрнбергский процесс – суд над главными нацистскими военными преступниками – руководителями Германии в 1933-1945 гг.; состоялся в Нюрнберге 20.11.1945 - 01.10.1946 г.

Окончательное решение еврейского вопроса – нацистская формулировка поголовного уничтожения евреев.

ОУН – Организация Украинских Националистов.

Полиция порядка (***Ordnungspolizei – Orpo***) – полицейские силы Германского Рейха, на оккупированных территориях включали в себя подразделения, состоявшие из местных жителей, добровольно служивших немцам.

Праведник Народов Мира – официальное звание, присуждаемое в Израиле лицам нееврейского происхождения, которые бескорыстно спасали евреев в годы Катастрофы.

ПРП, Польская Рабочая партия – коммунисты.

Рейхсканцлер – руководитель правительства Германии до 1945 г.

Рейхскомиссар – руководитель гражданской власти на территории, оккупированной нацистами.

Рейхскомиссариат Остланд – оккупированные советские территории: Литва, Латвия, Эстония, западная Белоруссия, Минск и Слуцк.

Рейхсминистр – руководитель министерства в нацистской Германии.

Рейхстаг – парламент Германии до 1945 г..

Розенберг Альфред – один из теоретиков расизма, рейхсминистр оккупированных Восточных территорий.

РСХА – Главное управление имперской безопасности, ведущее подразделение нацистской службы безопасности, возглавлялось Р. Гейдрихом, затем Э. Кальтенбруннером. РСХА отвечало за уничтожение евреев.

Румковский Мордехай Хаим – Председатель Юденрата Лодзинского гетто.

СА – штурмовые отряды нацистской партии, после захвата власти нацистами стали вспомогательной полицией.

СД – секретная служба безопасности, разведывательное управление СС.

«Селекция» - в терминологии нацистов отбор обречённых на смерть.

СС – охранные отряды нацистской партии, элитные военно-полицейские подразделения.

Талмуд – собрание религиозных, этических и бытовых норм еврейской жизни.

ТАНАХ – Библия, Священное Писание евреев, в христианской традиции «Ветхий завет»

Тора, Пятикнижие Моисея – основная религиозная книга евреев, первая часть Библии; содержит исторические сведения, религиозные, этические и нравственные правила жизни евреев.

Третий Рейх («**Третья Империя**») – официальное нацистское название гитлеровской Германии.

«Фелькишер беобахтер» - ежедневная официальная газета НСДРП.

Фольксштурм – народное ополчение из немцев, не годных к строевой службе, созданное в сентябре 1944 г.

Хилберг Рауль – американский историк.

«Хрустальная ночь» - ночь с 9 на 10 ноября 1938 г., когда нацисты организовали погромы по всей Германии в ответ на убийство евреем Г. Гриншпаном советника германского посольства в Париже Э. фон Рата.

ЧГК - Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причинённого ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР – образована руководством СССР 2 ноября 1942 г.

Черняков Адам – председатель Юденрата Варшавского гетто.

Эвтаназия – прекращение страданий неизлечимого больного умерщвлением по его желанию. Нацистская **Программа эвтаназии**, принятая указом Гитлера от 1 сентября 1939 г., предусматривала насильственное убийство различного рода инвалидов, неизлечимо больных, психически неполноценных немцев. Применялась также для борьбы с противниками нацизма.

Эйнзацгруппа см. ***Айнзацгруппа***

Эйхман Адольф – начальник подразделения РСХА, осуществлявшего массовое уничтожение евреев. Казнён в Израиле в 1962 г.

Эйхмана процесс – судебный процесс над А. Эйхманом в Иерусалиме в 1961 г.

«Юденфрай» («*свободно от евреев*») – нацистское обозначение территории, «очищенной» от присутствия евреев.

Юденрат (Еврейский совет) – орган еврейского «самоуправления», полностью подчинённый нацистским властям.

Яд ва-Шем – израильский Мемориал памяти жертв Катастрофы и героев Сопротивления, г. Иерусалим.

Звания СС и их соответствие воинским званиям немецкой и советской армий времени 2 мировой войны

СС	*Вермахт*	*Советская Армия*
рейхсфюрер СС – главнокомандующий	нет	нет
оберстгруппенфюрер	генералоберст	генерал-полковник
обергруппенфюрер	генерал	генерал
группенфюрер	генерал-лейтенант	генерал-лейтенант
бригадефюрер	генерал-майор	генерал-майор
оберфюрер	бригаденкомандор	командир бригады
штандартенфюрер	оберст	полковник
оберштурмбаннфюрер	оберстлейтенант	подполковник
штурмбаннфюрер	майор	майор
гауптштурмфюрер	гауптман	капитан
оберштурмфюрер	оберлейтенант	старший лейтенант
унтерштурмфюрер	лейтенант	лейтенант
штабсшарфюрер	штабсфельдфебель	старшина
гауптшарфюрер	оберфельдфебель	старший сержант
обершарфюрер	фельдфебель	сержант
шарфюрер	унтерфельдфебель	сержант
унтершарфюрер	унтерофицер	младший сержант
ротенфюрер	обергефрайтер	ефрейтор
штурман	гефрайтер	ефрейтор
ман	гренадир	рядовой